

STUDIORUM SLAVICORUM MONUMENTA

Tomus 10

PETROPOLIS
1996

63.3(2)4
с 242

М. Б. Свердлов

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
В РУССКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
XVIII—XX ВЕКОВ

С.-ПЕТЕРБУРГ
1996

405197

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
<i>Глава 1. ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛИЗМА: XVIII в. — 1861 г.</i>	18
1. Борьба идей и появление проблемы феодализма на Руси в русской исторической науке	18
Реформы Петра Великого и Екатерины II, их значение в осознании европейской принадлежности России (18—20). Российская действительность и французская общественно-политическая мысль, Шапп д'Отрош, Ж.-Ж. Руссо, Ф. М. Вольтер, Д. Дидро и др. (21—22). «Антидот» («Противоядие») Екатерины II и первые идеи о феодальных институтах на Руси (22—24).	
2. Концепции феодализма в западноевропейской научной и общественно-политической мысли XVIII в.	24
Дж. Вико, граф Буленвилье, аббат Дюбо (25—26). Открытия Ш. Монтескье (26). «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера (26—28). Вольтер и появление концепции феодального строя в русской истории (28—30). П. А. Гольбах, аббат Мабли (30). Концепции феодализма У. Робертсона, А. Смита (30—32). И. Г. Гердер (32—33). В борьбе идей и борьбе политической. П.-Ф. Бонсерф, Г.-Т. Рейналь (34—35). Феодализм на Руси во французской Россике, П.-Ш. Лекек, Н. Г. Деклерк (35—37).	
3. Проблема феодализма на Руси в русской науке второй половины XVIII — первой четверти XIX в.	37
С. Е. Десницкий (38). И. Н. Болтин (39—45). И. П. Елагин (45). История России без феодального строя. М. М. Щербатов, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков (46—47); Феодализм в России: новации, М. Н. Муравьев, М. М. Сперанский (47—53); традиции, Н. М. Карамзин (54—57).	
4. Борьба идей вокруг концепции феодализма в романтической историографии 20-х — начала 30-х гг.	57
Декабристы и начало романтической историографии в России. К. Ф. Рылев, Н. И. Тургенев (57—58). Французская романтическая историография. О. Тьерри, Ф. Гизо, А. Сен-Симон (58—60). «Феодальная система» в трудах П. И. Пестеля (60—64).	
5. Судьбы проблемы феодализма на Руси в русской научной и общественно-политической мысли второй четверти XIX в. — 1861 г. От признания — к отрицанию	64
Феодализм в романтической традиции, И. А. Полевой (64—66). Николовская реакция и начало отрицания феодализма в русской истории, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский (66—72). Отрицание как протест в романтическом направлении, П. Я. Чаадаев, «скептическая школа», Н. И. Надеждин (72—74), А. С. Пушкин (74). «Родовое» и «государственное» начало, И. Ф. Г. Эверс, А. Рейц (75—76). Раз-	

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 95-06-31929*

© М. Б. Свердлов, 1996
© Издательство «Дмитрий
Булантин», 1996

ISBN 5-86007-058-6

ведение исторических путей России и Запада. Официозное отрицание феодализма на Руси. М. П. Погодин, А. Клеванов (76—80). Поиски начал. Славянофилы, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков (81—83). Западники, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин (83—88). Историки-славянофилы, В. Н. Лешков, П. Д. Беляев (89—90). Предреформенная Россия: поиски новых идей — народ, земство, вече. А. Ф. Тюрин, П. И. Костомаров, С. М. Шпилевский (90—92). Революционное направление. Феодализм: от скепсиса и отрицания — к признанию, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев (92—94), декабристы после 1825 г., М. А. Фонвизин, А. А. Бестужев (94—95), М. В. Петрашевский (95), Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Г. З. Елисеев (95—97).

Глава II. ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛИЗМА: 1861—1917 гг. 99

1. Теории общественного строя древней Руси в русской исторической науке: 1861 г. — первая половина 90-х гг. XIX в. 99

Пореформенная Россия и новые идеи. Возвращение к теории феодализма на Руси в либеральной исторической науке, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, Н. И. Хлебников, М. Д. Загиркевич (99—105). Современная действительность и поиски исторических истоков: теории общинно-вечевого и земско-вечевого строя. Государственная школа, И. Е. Андреевский, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, М. Ф. Владимирский-Буданов (105—112). Позднее славянофильство, А. И. Кошелев, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, И. Д. Беляев (112—114). Панславизм, Н. Я. Данилевский (114—115). Почвенничество, Ф. М. Достоевский (115—116). Идеиные традиции и поиски аналогий: без феодализма на Руси, А. И. Никитский, Ф. И. Леонтович, К. И. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский, И. Е. Забелин (116—120). Революционное направление и теория общинно-вечевого строя древней Руси, Н. П. Огарев, Д. И. Писарев, Г. З. Елисеев, И. Г. Прыжов, И. А. Худяков, А. П. Шапов, П. Л. Лавров, Г. В. Плеханов-народник (120—125). Новая тенденция в народническом направлении: к феодальному строю на Руси, Н. К. Михайловский (125—126). Нефеодальный путь истории Руси, В. О. Ключевский, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич (126—132). Кризис поисков самобытности Руси (132—133). Концепции феодализма в западноевропейской медиевистике, К. Маркс, Ф. Энгельс (134—137).

2. Теории общественного строя древней Руси и проблема феодализма: вторая половина 90-х гг. XIX в. — 1917 г. 137

Возрождение концепции феодализма на Руси: новый подход, Н. П. Павлов-Сильванский (137—143). Дискуссия по поводу концепции Н. П. Павлова-Сильванского: отрицание и альтернативные теории, В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. О. Ключевский, С. А. Корф, М. А. Дьяконов, М. С. Грушевский (143—150); компромисс, А. Е. Пресняков (150—152); признание, Ф. В. Тарановский, П. Н. Милюков, В. Н. Сторожев, М. М. Ковалевский, И. И. Бороздин, Н. Н. Кареев, М. М. Богословский, С. Ф. Платонов, М. К. Любаский, П. И. Беляев, Б. И. Сыромятников (152—157); А. А. Кизветтер, П. Н. Милюков (157). Изучение исторических источников, А. А. Шамагов, А. С. Ланго-Данилевский (157—158). Проблема феодализма на Руси и концепции марксистов, П. А. Рожков, М. Н. Покровский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин (159—167).

Глава III. ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛИЗМА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ 168

1. Историкография конца 10-х — начала 30-х гг. 168

Марксистская историография, В. И. Ленин, П. А. Рожков, М. Н. Покровский (168—175). Удревнение феодализма в немарксистской историо-

графии, С. В. Юшков, А. Е. Пресняков, Ю. В. Готье (175—181). Н. Л. Рубинштейн (181—182). Накопление наблюдений (182—183). Изучение феодализма в Европе и неокантианство, Д. М. Петрушевский (183—185). Обсуждение книги Д. М. Петрушевского, Е. А. Косминский, А. И. Неусыхин (185—187). Общественный строй Древней Руси в марксистских дискуссиях 29—30-го гг., С. М. Дубровский, А. Е. Кудрявцев, А. Г. Пригожин и др. (187—191). «Академическое дело» (191). Сотрудник ГАИМК в разработке новой концепции генезиса феодализма в Древней Руси, В. И. Равдоникас, Б. Д. Греков, М. М. Цвибак, В. В. Мавродин и др. Становление концепции Б. Д. Грекова (191—204). Сталинизм и теории развитого рабовладения на Руси, А. Г. Пригожин, М. М. Цвибак и дискуссия по его докладу в 1933 г., И. И. Смирнов (195—207). Деформация концепции Б. Д. Грекова (208). Дискуссия 1934 г. по проблеме периодизации генезиса феодализма в Древней Руси, С. В. Вознесенский (208—210). «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. В. Сталина, А. А. Жданова, С. М. Кирова и теория «дофеодального периода» в истории Руси (210—212).

2. Концепции общественного строя Древней Руси и дискуссии середины 30-х — первой половины 50-х гг. 212

«Генетическая» концепция Б. Д. Грекова (212—214). «Дофеодальный период» и становление феодализма в Древней Руси, С. В. Бахрушин, Н. Л. Рубинштейн (214—218). Критика «школы Покровского» (218—219). «История ВКП(б). Краткий курс» и теория рабовладения в Киевской Руси, А. В. Шестаков, П. П. Смирнов (220—222). Дискуссия 1939 г. о рабовладельческом строе Киевской Руси (222—223). Киевская Русь в трудах Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова 1939 г. (224—231). Исследование источников (231—232). Изучение Киевской Руси в годы Великой Отечественной войны, концепция рабовладения в Древней Руси и ее критика, А. И. Яковлев, С. В. Бахрушин (232—234). Изучение общественного строя Древней Руси во второй половине 40-х — начале 50-х гг., С. В. Юшков, В. В. Мавродин (234—236), труды по экономике, истории городов и культуры (236—241), Б. Д. Греков, Б. А. Романов (241—243). Общинно-вечевой строй в концепции П. И. Ляшенко (244—245). Дискуссия 49—51-го гг. и подъем псевдопатриотизма (245—247). «Указания» И. В. Сталина по «вопросам языкознания», их последствия (247—248). Концепции общественного строя Древней Руси в 51—53-м гг., Б. Д. Греков, А. А. Зимин, П. П. Елифанов, Л. В. Черепнин (248—257).

3. Теории общественного строя Древней Руси в новейшей исторической литературе: 1956—1995 гг. 257

Поиски новых путей в советской медиевистике, А. Д. Люблинская и проблема типологии, А. И. Неусыхин и теория «дофеодального периода», А. Я. Гуревич и концепция «дофеодального периода» и феодального строя, основанного на феодах-фьсфах (257—268). Грековская концепция феодального строя Древней Руси в 50—80-е гг.: традиции и новации, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов (268—272). Исследования по истории материальной и духовной культуры, городов (273—278). Теория развитого рабовладения и феодального строя в Древней Руси, А. П. Пьянков, С. А. Покровский, А. А. Зимин, В. И. Горемыкина (278—286). Теория «дофеодального» строя Древней Руси, Е. Д. Романова, Н. Л. Рубинштейн (286—287). Концепция развивающегося рабовладения, общинно-вечевого строя, городов-государств и «дофеодального периода», И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко (287—301). Становление феодализма: социально-экономический и государственный факторы, Л. В. Черепнин, Ю. Л. Бессмертный, Я. Н. Щапов, Л. В. Милов, О. М. Рапов. Дискуссия о формах собственности на землю, С. М. Каптанов, А. Л. Шапиро,

А. М. Сахаров (301—310). Феодализм и корпоративная земельная собственность знати, В. Л. Янин (310—312). Генезис феодализма: господское хозяйство, государство, феодалы-рента, М. Б. Свердлов (312—317). Генезис феодализма и государственно-корпоративная земельная собственность дружины, А. А. Горский (317). Концепция феодализма в Древней Руси и накопление новых наблюдений (318—319).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	320
Список сокращений	322
Указатель имен	324

ВВЕДЕНИЕ

Определение общественного строя Древней Руси — одна из наиболее сложных проблем в отечественной исторической науке. Эта проблема изучается более 250 лет. Ее решение неразрывно связано не только с научными причинами, но и с общественно-политическими, идеологическими и философскими факторами, поэтому она является составной частью единого историографического процесса.

В обширной, с трудом поддающейся учету библиотеке, посвященной истории отечественной исторической науки, показана смена школ и направлений, выявлены их теоретические основы, конкретное содержание. Историография общественного строя Древней Руси проходила в основном те же этапы развития и по тем же направлениям. Но, сплетаясь воедино с вопросами конкретно-исторического содержания древнерусского периода, как часть историографического процесса она формировалась автономно, приобретая свои особенности.

В качестве особой темы отечественной историографии проблема общественного строя Древней Руси появилась поздно — в 900-е гг., когда Н. П. Павлов-Сильванский восстанавливал в науке изучение феодального строя в средневековой русской истории. Главной историографической задачей Павлова-Сильванского была постановка такой проблемы после многих лет ее отрицания и даже преследований. Поэтому он выделил в исследованиях два аспекта: теоретическое осмысление проблемы в концепциях самобытности и концепциях общеевропейского пути исторического развития России, что имело следствием другую историческую и историографическую проблему — существование феодального строя на Руси как составной части истории европейских стран или нефеодальный путь развития Руси как результат ее особого пути. Павлов-Сильванский показывал при этом внутреннюю обоснованность постановки такой проблемы в развитии исторической науки как в России (накопление объективных данных в теориях феодального строя Руси), так и в изучении феодального строя в странах Западной Европы. Он соединил эти исследовательские процессы с быстрым развитием в это время в России источниковедения, прежде всего с введением в научный оборот публичных и частных актов XIV—XVI вв.¹

Таким образом сформулированная Н. П. Павловым-Сильванским историографическая проблема общественного строя древней Руси

¹ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

была поддержана Н. И. Каресвым, который показал также острую борьбу идей вокруг его концепции в русской исторической науке 900-х гг.² По мере распространения и утверждения теории феодализма в средневековой Руси стала ясно проследиваться связь историографических работ с представлениями их авторов о ее общественном строе и с их взглядами на характер феодального строя. Эта тенденция отмечается уже в конце 20-х гг., когда С. В. Бахрушин, исходя из своего понимания проблемы феодализма на Руси, положительно оценил исследование С. Б. Веселовским иммунитета, что входило в круг этих представлений, но критически охарактеризовал не входившую в их число концепцию Д. М. Петрушевского, который рассматривал феодальные отношения в системе государства (как он писал, «государственного феодализма»)³. Вместе с тем историографическое исследование Бахрушина конца 20-х гг. создавало условия для последующего изучения проблемы общественного строя средневековой Руси в отечественной науке в трех уже намеченных в историографии аспектах — его феодальный или нефеодальный характер, определение природы феодального строя на Руси. Такой конструктивный подход к историографическому анализу решительно отличался от подхода к историографии М. Н. Покровского, который тогда же, в духе времени, превращал ее в поле битвы «марксистской» исторической концепции с «немарксистскими». Но, вероятно, вследствие этих отличий историографическое исследование Бахрушина не было опубликовано, а содержащаяся в нем тенденция к целостному анализу историографии проблемы общественного строя средневековой Руси не продолжена.

В середине 30-х гг. А. В. Марар заметил новый историографический аспект в изучении этой проблемы — воздействие на ее изучение социально-политической жизни в крепостнической России.⁴ Но и это направление развития не нашло.

В конце 30-х гг. анализ взглядов отечественных историков XVIII—XX вв. на общественный строй Древней Руси широко распространился в связи с конкретно-историческим изучением данной проблемы, прежде всего в работах Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Изданный в 1939 г. учебник для вузов по истории СССР, редактирование которого осуществляли Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. И. Лебедев, Н. Л. Рубинштейн, содержал мнения по этой теме многочисленных исследователей, от И. Н. Болтина, А. Л. Шлецера, Н. М. Карамзина до В. О. Ключевского, А. Е. Преснякова, М. С. Грушевского, М. Н. Покровского, М. К. Любавского, Н. А. Рожкова, Н. И. Кареева.⁵ Но это были прагматические по содержанию историографические экскурсы для указания взглядов ученых по общим вопросам проблемы или по частным темам социальных категорий, общественно-политических институтов и т. д., без

раскрытия внутреннего содержания эволюции исторических путей. Впрочем, появление многих из этих имен в позитивном изложении стало тогда положительным фактом, отразившим изменения в идеологической политике сталинского режима. В данных условиях Б. Д. Греков стремился преодолеть повествовательное реферирование историографического материала. Литературу XVIII—XX вв. он рассматривал, выявляя причины противопоставления теорий феодального и нефеодального строя средневековой Руси. Поэтому в особо отмеченном им исследовательском значении концепции Н. П. Павлова-Сильванского проявляется не только признание его действительных научных заслуг, но и близость научных позиций. Впрочем, этот историографический обзор, подобно бахрушинскому, также остался неизданным.⁶ Объяснить это можно, зная возможности Грекова публиковать свои работы, только значительным несопадением такой положительной характеристики с определением феодализма в Кратком курсе «Истории ВКП(б)», исходя из которого концепцию Павлова-Сильванского следовало осудить.

Данная работа Б. Д. Грекова свидетельствовала о том, что уже в конце 30-х гг. становилась очевидной задача специального историографического изучения проблемы общественного строя Древней Руси в отечественной исторической науке. Но исследования на эту тему появились только в 60-е гг. Попытка С. А. Покровского рассмотреть данную проблему стала историографическим обзором.⁷ В. В. Мавродин показал в обширных историографических статьях сложный по содержанию процесс изучения в советской исторической литературе становления и развития феодального общественного строя и государства в древнерусский период, большое значение роста источниковой базы, совершенствование методов исторического исследования и смежных с историей научных дисциплин.⁸ Эти работы намечали путь к комплексному и полному изучению историографического процесса в сложнейшей проблеме общественного строя Древней Руси. Однако в последовавших за ними коллективных монографиях «Советская историография Киевской Руси» и «Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки», подготовленных под руководством Мавродина, был избран другой исследовательский план. Проблематика работ по истории Киевской Руси была рассмотрена по основным темам этнической, социально-экономической, политической истории, истории культуры, по основным видам исторических источников, вспомогательных и сопредельных дисциплин.⁹ Такой подход опирался на практику конкретно-исторических исследований. Он позволял об-

⁶ Греков Б. Д. [Н. П. Павлов-Сильванский о феодализме в России] // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 578—586.

⁷ Покровский С. А. Общественный строй Древнерусского государства // Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та. М., 1970. С. 3—32 и след.

⁸ Мавродин В. В. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси // ИСССР. 1962. № 1. С. 52—73; Его же. Советская историография Древнерусского государства: (К 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси) // ВИ. 1967. № 12. С. 53—72.

⁹ Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки. Л., 1979 (см. также: Шаскольский И. П. Советская литература по историографии Киевской Руси // Там же. С. 243—249).

² Кареев Н. И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?: По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910. С. 1—49.

³ Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие). М., 1987. С. 53—80.

⁴ Марар А. В. [Выступление в прениях] // Быковский С. Н. и др. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934. С. 305—308.

⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1939; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; История СССР. М., 1939. С. 73—75, 107.

стоятельно рассмотреть историографические факты в пределах отдельных исследовательских проблем, но при этом утрачивался историографический процесс в целом.

Изучение работ советского периода по истории общественного строя Древней Руси стало в конце 60-х — 70-е гг. полем борьбу разных мнений, на которое были перенесены различия в оценке самой исторической проблемы. В историографических характеристиках ее общих и частных вопросов появились однозначные категоричные суждения: «все доводы сторонников концепции феодального строя Киевской Руси строятся на песке, на явной недооценке рабства в древнерусском обществе IX—XI вв.» (В. И. Горемыкина),¹⁰ «говорить о господстве индивидуальной семьи в это время можно лишь в плане самогипноза», «долоды С. В. Юшкова о наличии на Руси XI—XII вв. сеньориальных вотчин, принадлежавших светским и духовным феодалам, не выдерживают критики. Столь же неосновательны и построения И. И. Смирнова...» (И. Я. Фроянов)¹¹ и т. д. Такие характеристики работ предшественников Фроянов развил в оценки исходя из того, что «можно говорить», что «нельзя утверждать», а что «лучше сказать».¹²

И. Я. Фроянов обобщил свои наблюдения над советской историографией Киевской Руси в монографии.¹³ Содержащиеся в ней очерки посвящены темам «древнерусская народность», «хозяйственные занятия населения», «челядь и холопы», «данники и даннические отношения», «смердь», «генезис феодализма на Руси» (как сказано в заголовках, третий и четвертый очерки содержат также анализ дореволюционной историографии по данным проблемам). Композиционно эта работа повторила «Советскую историографию Киевской Руси». Однако недостатки такого метода исследования стали еще более очевидны. Сложный по содержанию историографический процесс членился на мнения отдельных историков по частным вопросам. При этом ограничивалось или устранялось комплексное раскрытие научных направлений, школ или исследований отдельных историков как систем идей, связанных со своим временем и оказывающих на исторические взгляды определяющее воздействие. Таким образом, в поле постоянного внимания автора оказывались производные мнения, а не определяющие их факторы. Ограничение историографии проблемы преимущественно советским периодом деформировало анализ творческих традиций и новаций. Все это лишило историографический анализ Фроянова объективных критериев, субъективизируя представления о научном прогрессе в изучении общественного строя Киевской Руси. Замкнутые тематически и идейно на предшествующие работы автора, эти очерки стали историографическими послесловиями к их соответствующим разделам.

¹⁰ Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970. С. 53—54.

¹¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 29; *Его же*. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 104.

¹² Фроянов И. Я. Мятельный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 131—132.

¹³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990.

Проблема генезиса феодализма на Руси выделена И. Я. Фрояновым в особый очерк. Но и в данном случае историографический обзор приспособлен к утверждению автором своих представлений об общественном строе Киевской Руси. Фроянов значительно ограничил возможности уже накопленного в отечественной историографии опыта изучения истории исторических идей в их постоянной связи с общественной жизнью России, с историей общественно-политических и философских учений. В очерке не учтен процесс развития теорий общественного строя Киевской Руси в отечественной науке в целом, в XVIII—XX вв., как делали его предшественники в изучении этой историографической проблемы в стремлении к объективным критериям прогресса в историографическом процессе. Разбор научных концепций ушедших из жизни предшественников превращен в монологичный спор с ними для утверждения собственного мнения. А разбор работ современников стал поводом для ненаучных по характеру оценок.¹⁴ Вследствие такого подхода происходит приспособление Фрояновым в отрицательном или положительном изложении мнения другого исследователя к собственным представлениям: например, суть «линии» Б. Д. Грекова, по его словам, — «генезис феодализма на Руси в плане формирования крупной частной собственности и зависимого от вотчинника крестьянства».¹⁵ Но при этом не раскрыто реальное новаторство Грекова — обобщение предшествующего накопленного опыта в изучении генезиса феодализма в результате разложения родоплеменного строя, тогда как отмеченная Фрояновым мысль — широко распространённое в советской литературе 20—40-х гг. мнение.

В отличие от такого пути превращения историографии в средство полемики по конкретно-историческим вопросам и критики предшественников и оппонентов в 60—80-е гг. продолжал накапливаться положительный опыт в изучении проблемы общественного строя Древней Руси в отечественной исторической литературе. В. А. Муравьев и С. В. Чирков особое внимание уделили теме феодализма на Руси.¹⁶ Они рассмотрели борьбу мнений вокруг этой проблемы в отечественной науке второй половины XVIII в. и в конце XIX — начале XX в. Ими были широко привлечены архивные материалы. Конструктивно решая поставленные вопросы, эти исследования объективно ставили и новые историографические задачи, которые еще предстояло рас-

¹⁴ См.: «с подобной логикой трудно согласиться». «едва ли можно согласиться с интерпретацией Б. Д. Грекова», «утверждения Л. В. Черепнина <...> нам представляются весьма и весьма спорными», «с концепцией генезиса феодализма на Руси, предложенной Л. В. Черепниным, мы не можем согласиться», «слабая в теоретическом аспекте позиция <...> несостоятельна и в плане конкретно-историческом», «нельзя названным авторам отказать в чувстве понеска», «позиция помешала ему трезво и объективно оценить» и т. д. (Там же. С. 269, 270, 286, 289, 293—294, 298 и след.). Причем сам Фроянов исходит в противопоставлении мнения оппонентов своих суждений как из доказанных, соответствующих «исторической реальности», тогда как мнения оппонентов с «исторической реальностью» «расходятся».

¹⁵ Там же. С. 316, 317.

¹⁶ Муравьев В. А. Теория феодализма в России в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969; *Его же*. Когда был поставлен вопрос о «русском феодализме» // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 313—321; Чирков С. В. Н. П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. С. 600—638.

смотреть: анализ судеб теорий феодализма на Руси в историографическом процессе в целом, изучение идейных связей русской и западной науки в исследовании общественного строя на Руси.

В конце 80-х гг. В. Б. Кобрин начал новое направление в историографии — выявление общественно-политических обстоятельств в советский период в их воздействии на творчество историков и историческую науку. Ранее историографический процесс в советское время рассматривался лишь в общем контексте истории исторических идей, при этом общественно-политический фактор оценивался весьма ограниченно, идеализированно по отношению к данному времени или, после XX съезда КПСС, с критикой последствий культа личности И. В. Сталина. Кобрин, рассказывая в популярной форме о советской исторической науке второй половины 40-х — 80-х гг., рассмотрел воздействие на нее общественно-политического фактора.¹⁷ Положительным в такой постановке историографической проблемы стало проявление реальных обстоятельств сталинского режима и последующего времени, идейной и нравственной среды, в которой находилась тогда историческая наука в СССР. Однако при абсолютизации этих факторов пропало реальное содержание историографического процесса как автономной в своей сути истории исторических идей, вследствие чего историческая наука продолжала развиваться во все периоды своего существования не только благодаря положительным условиям, но и вопреки отрицательным факторам, внешнему воздействию, что постоянно происходило в самые разные эпохи.

Ограничение изучения проблемы внешней стороной историографического процесса, широко распространившееся в околонучной среде и в публицистике после распада СССР в 1991 г., стало причиной новой деформации историографического анализа, вследствие чего значение исторических исследований в советский период ужалось или отрицалось. По такому пути пошли Ю. В. Кривошеев и А. Ю. Дворниченко, которые считают, что в 20-е — начале 30-х гг. произошло «изгнание науки». По их словам, «в начале 30-х гг. завершился разгром русской национальной историографии», «партийными директивами (имеются в виду постановления середины 30-х гг. — М. С.) историки обязывались вновь заняться русской историей. Но эта история уже имела марксистскую подкладку...»¹⁸ Авторы не рассмотрели конкретное содержание исторических идей в этот период, что усиливает эмоциональное воздействие таких целенаправленных характеристик. Подобные историографические работы выявляют еще один момент их политизированности, восходящей ко временам сталинского режима: сталинизм не отличается в них от ленинизма и отождествляется с марксизмом, что в свою очередь распространяет теорию сталинизма на ленинизм и марксизм.

Положительный и отрицательный опыт, накопленный в историографическом изучении проблемы общественного строя Древней Руси, позволяет поставить ее по-новому — как единый историогра-

фический процесс исследования одной из важнейших тем отечественной исторической науки и в то же время ее органической составной части. В этом двуединстве выявляются присущие этой проблеме особенности движения идей и одновременно — следствия общих закономерностей развития отечественной исторической науки XVIII—XX вв. в ее взаимодействии с мировой, прежде всего европейской, научной и общественно-политической мыслью. Такая постановка проблемы позволяет раскрыть внутреннюю логику в смене теорий общественного строя Древней Руси, установить объективные критерии прогресса и регресса в движении исторических идей. Определение содержания этого историографического процесса формулирует его основополагающие идеи, которые предопределяют решение бесчисленного множества частных вопросов темы.

Системный подход к истории исторических идей позволяет рассмотреть их конкретные связи с философией и идеологией. Такой анализ особенно важен в настоящее время, после распада СССР, когда идеализирующий подход к советской исторической науке и догматизм в толковании «марксизма-ленинизма» смесились широко распространенным принижением значения или отрицанием всего, что было создано в русской исторической науке в советский период. Особое значение приобретают при этом устанавливаемые множественные связи исторических идей с создавшей их эпохой. Прямо и опосредованно эти идеи отражали «стиль эпохи»,¹⁹ составляя в то же время его содержание и сохраняя свою относительную самостоятельность. Такой подход позволяет преодолеть односторонность в оценке идей русской исторической науки в советский период, выделяя свойственные ей результаты закономерного внутреннего развития, следствия внешнего партийно-государственного воздействия и процесс взаимодействия с марксистской теорией. Но при этом необходимо различать марксизм, его интерпретацию В. И. Лениным как теоретиком и практиком, а также сталинизм.

Отсутствие такого системного подхода к истории исторических идей приводит исследователей к односторонним мнениям в оценке русской исторической науки в советский период, результатов воздействия на нее марксистской теории. Вне конкретного анализа исторических идей А. Я. Гуревич пришел к мысли, согласно которой «сектантски отгородившись от зарубежных историков идеологическими и политическими барьерами, <...> наши историки неизбежно обрекали себя на отсталость и научный провинциализм», «кризис советской исторической науки игнорировался и замалчивался». Не является следствием комплексного анализа и сделанная «справедливости ради» ремарка автора: «отдельные историки и определенные направления гуманитарной науки в нашей стране продолжали плодотворно трудиться».²⁰ Воздействие марксизма на историческую науку Гуревич оценивает высоко: «Марксизм мощно обогатил проблематику исторического знания, выдвинув в сферу его рассмотрения новые аспекты об-

¹⁷ Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 131—218.

¹⁸ Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // ОИ. 1994. № 3. С. 153.

²⁰ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 5, 9.

публичного развития, прежде всего социально-экономических структур. Главное же — он принес в исторические науки принцип системности». Но предпочтение в теоретических обобщениях он отдает неокантианству: «<...> наиболее смелые и продуктивные прорывы к углубленной исторической эпистемологии (теория происхождения, методов и пределов исторического знания. — М. С.) были совершены на базе неокантианства», в соответствии с которым, в частности по Риккерт, он анализирует природу исторического познания.²¹

И. Я. Фроянов предлагает иную оценку значения работ В. И. Ленина в теоретической и историографической ситуации в вопросе о государстве: «В. И. Ленин раскрыл тайные пружины классового государства, снял покров с одного „из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами“ вопросов».²² Такая позиция крайне односторонне характеризует теорию марксизма о государстве, не учитывает особенности ее интерпретации Лениным в условиях борьбы за власть и установления диктатуры пролетариата. В историографическом анализе она деформирует соотношение идей в марксистских и немарксистских исследованиях.

В новейшей историографической литературе, наряду с положительным воздействием марксизма на исторические науки, в системном анализе были отмечены и другие факторы. «Марксизм стимулировал, — по словам Б. С. Кагановича, — занятия социальной и экономической историей и мышление об истории в социологических и экономических категориях, способствовал преодолению исторического национализма, культа героев и слепавого морализаторства». Это воздействие отмечается как положительный фактор в развитии отечественной исторической науки. Отмечает Каганович и такие формы усвоения марксизма в немарксистской науке (речь идет об А. Е. Преснякове и А. Н. Шебунине), как признание реальности социальных классов и классовых интересов в качестве важного элемента исторического процесса, но без руководства обязательных доктрин.²³

Таким образом, в литературе намечены основные аспекты историографического изучения проблемы общественного строя Древней Руси в отечественной науке XVIII—XX вв. Автор этих строк также обращался ранее к данной теме: десять лет назад им была подготовлена данная монография, некоторые наблюдения из которой были предварительно опубликованы в виде кратких историографических экскурсов, комментариев, в качестве заметок, сделанных по мере дальнейшей работы.²⁴ С машинописным текстом книги были озна-

комлены некоторые из аспирантов и стажеров. Ее методы и конкретное содержание были ими учтены.²⁵

Следует еще раз сказать, что общим и частным вопросам русской исторической науки XVIII—XX вв. посвящено бесчисленное множество работ. При анализе поставленных в книге вопросов историографии общественного строя Древней Руси приведены те исследования, которые раскрывают содержание историографического процесса в связи с изучением только этих проблем. Работы ученых разных национальных школ в советский период рассматриваются в едином историографическом контексте.

²⁵ См.: *Knoph J. T. Den Ryska Rättens Rötter: En historiografisk studie av åsikterna om den ryska rättsens ursprung.* Uppsala, 1994.

²¹ Там же. С. 14—15.

²² Фроянов И. Я. Мятный Новгород. С. 7.

²³ Каганович Б. С. Русские историки западного средневековья и нового времени (конец XIX — первая половина XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. С. 21—22, 35.

²⁴ Свердлов М. Б. Современные проблемы изучения генезиса феодализма в Древней Руси // ВИ. 1985. № 11; Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подгот. текста, статьи и примеч. М. Б. Свердлова. М., 1993; Свердлов М. Б. Образование Древнерусского государства: (Историографические заметки) // ДУ. 1992—1993 гг. М., 1995. С. 6—15; и др.

405197

ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛИЗМА: XVIII в. — 1861 г.

1. Борьба идей и появление проблемы феодализма на Руси в русской исторической науке. Преобразования Петра I в экономической, социальной, политической жизни страны, в развитии науки и культуры были направлены на то, чтобы, сохраняя феодально-крепостнический строй, поднять Россию до уровня развитых европейских государств. Эти преобразования способствовали осмыслению прямых связей истории России с европейской историей, содействовали формированию в общественном мнении идей о равном месте России в историческом развитии стран Европы.

В многочисленных исследованиях показано,¹ как в условиях самодержавно-крепостнического строя XVIII в. формировались научные направления, освобождающиеся от провиденциалистски-теологического подхода к историческим событиям. Отражая общественно-политические интересы дворянства и российского «третьего сословия», они не выходили, впрочем, за пределы самодержавной концепции истории России, в чем проявлялось активное воздействие идеологии абсолютизма на историческую науку. В русской историографии XVIII в. развивались идеи сравнительно-исторического метода в изучении истории (М. В. Ломоносов, И. Н. Болтин), причинно-следственных связей исторических явлений (И. Н. Болтин, М. М. Щербатов). Существовали попытки создания целостных эволюционных схем русской истории, которые служили словным дворянским идеям обоснования прогрессивности русского самодержавия (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов). Начиная с В. Н. Татищева, древнерусская история исследовалась в контексте всемирной истории с учетом активных внешнеполитических связей Руси. Поэтому большое общественное и научное зна-

¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 38—50, 65—165; Тихомиров М. Н. Русская историография XVIII в. // ВИ. 1948. № 2. С. 94—99; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 89—105, 169—244; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 109—305; Пештвич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. Л., 1961; Ч. 2. Л., 1965; Ч. 3. Л., 1971. Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой исторической литературы // XVIII век. Сб. 7. М.: Л., 1966. С. 66—73; Историография истории СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В. Е. Илларионова и И. А. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1971. С. 63—106; Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978. С. 44—90; Алтатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 9—187; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Б. м., 1993. С. 162—292; и др.

чение приобрел вопрос об этногенезе русского народа и славян. Обращение В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова к истории славян VI в. не только указывало на древнейшие исторические корни России, но и устанавливало ее связи с Византийской империей эпохи Юстиниана, а возведение этногенеза русских к скифам и сарматам — с античной Грецией и Римом, которые в науке XVII—XVIII вв., в идейных представлениях периода классицизма были неразрывно связаны с определяющим этапом в развитии человечества. Всестороннему изучению древнерусского периода в контексте всемирной истории объективно способствовало не только использование в исследованиях летописей и Русской Правды, но и активное привлечение латинских, греческих, арабских, скандинавских источников в трудах Г. С. Байера, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г. Ф. Мишера, И. Н. Болтина, М. М. Щербатова, И.-Г. Стриттера, А. Л. Шлеера и других деятелей отечественной историографии.²

Эти идеи исторического и современного политического значения России, ее равенства с ведущими европейскими державами вошли составной частью в историко-философскую концепцию «просвещенного абсолютизма», сформулированную в первые годы правления Екатерины II в ряде законодательных актов и публицистических произведений, основным из которых является екатерининский «Наказ». Концепция «Наказа» стала идеологическим обоснованием социально-политических реформ, предназначенных для совершенствования феодально-крепостнического общественного строя в условиях роста буржуазных отношений в стране.

Формулируя историко-философскую концепцию «просвещенного абсолютизма», Екатерина II широко привлекала идеи французских просветителей XVIII в. Монтескье, Вольтера, Дидро и др., существенно трансформируя эти идеи в своей идеологической политике. Новое понимание места России в мировой истории и в современной действительности приобретало особое значение для теории и практики «просвещенного абсолютизма». Поэтому в екатерининском «Наказе» было записано важное для русской общественно-политической мысли положение: «Россия есть европейская держава». Подтверждалась эта мысль распространенной во французской просветительской литературе концепцией Монтескье о влиянии климата на нравы народа. Петр I, подчеркивала Екатерина, вводил европейские нравы и обычаи в европейском народе, и это обеспечило успех петровских преобразований.³

² См.: Валк С. Н. Исторический источник в историографии XVIII в. // ПИДО. 1934. № 7—8. С. 33—55; Его же. И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой // ТОДРЛ. Т. XIV. 1958. С. 650—656; Его же. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 123—160; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 220—223, 226—227; Николаева А. Т. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина // АЕ за 1958 г. С. 161—186; Пикитин А. Л. Болтинское издание Правды Русской // ВИ. 1973. № 11. С. 53—65 (см. возражения этой работе: Валк С. Н. Еще о Болтинском издании Правды Русской // ТОДРЛ. Т. XXX. 1976. С. 324—331); Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983. С. 42—68; и др.

³ Ея Императорского Величества Наказ комиссии о сочинении проекта нового уложения. М., 1767. С. 4—5 (с параллельным переводом на немецкий язык; в 1770 г. «Наказ» был переиздан с параллельным переводом на латинский, немецкий и французский языки).

Впрочем, Дидро воспринял эту мысль как утверждение географического положения страны, что вызвало у него недоумение: «Не все ли равно, азиатская она (Россия. — М. С.) или европейская. Важно, чтобы она была великой, процветающей и устойчивой».⁴ В этом верном по сути замечании выдающийся мыслитель не учел, однако, что в «Наказе» он встретил особую форму идейного самоутверждения определенной части господствующих классов и даже своеобразную «программу действий»: Россия не только стала неотделимой составной частью европейской экономической и политической системы, но и ее внутреннее устройство является (или должно стать, разумеется, в пределах политической программы «просвещенного абсолютизма») европейским. Дидро не заметил также в данном утверждении Екатерины II скрытую полемику с Руссо и Мабли, которые признавали значение петровских преобразований лишь в частностях, но не в основах русской жизни (см. далее, с. 22). Категорическое утверждение екатерининского «Наказа» о европейской принадлежности России было также возражением по горячим следам «самой» «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, где в статье о России (автор — де Жокур) выражалось иное мнение, характерное даже для наиболее просвещенной части западноевропейской интеллигенции и политиков: «До царя Петра обычай, одежда и нравы в России были все же ближе к Азии, чем к христианской Европе <...>».⁵ Тем самым подразумевалось, что после правления Петра I в наиболее важных для Просвещения критериях прогресса Россия стала ближе к Европе, чем к Азии. Но о том, что Россия всегда была европейским государством, а в XVIII в. она стала державой, равноправной в экономической и политической жизни Европы XVIII в., не было и речи. Таким образом, мысль о европейской принадлежности России, сформулированная в «Наказе», концентрированно выражала содержание тех преобразований, которые произошли в России начиная с петровских реформ. Она стала идеологическим выражением теории и практики российского абсолютистского государства, обобщив опыт русской исторической науки, войдя составной частью в историко-философскую концепцию «просвещенного абсолютизма» второй половины XVIII в.

Концепция «европейского характера» России в идеологии «просвещенного абсолютизма» выражала основную идею прогрессивных тенденций в русской общественной мысли, чем была привлекательна для передовых деятелей науки и культуры. Но в условиях царского самодержавия и феодально-крепостнического строя России в значительной мере изменилось социально-экономическое содержание этой концепции, поскольку в передовых западноевропейских государствах уже интенсивно развивались буржуазные отношения. В Нидерландах и Англии они привели к победе буржуазных революций. Франция стояла на пороге революции, которая нанесла сокрушительный удар феодальному режиму в стране. Поэтому в екатерининской концепции «просвещенного абсолютизма» идея «европейского характера»

⁴ Дидро Д. Собр. соч. Т. 10. М., 1947. С. 423.

⁵ *Jaocourt, de. Russie // Encyclopédie, ou dictionnaire, raisonné des sciences, des arts et de métiers...* Т. 14. Neufchastel, 1765. P. 443.

России становилась также средством для приукрашивания ее феодально-крепостнической, самодержавной действительности.

Екатерина II была чрезвычайно уязвлена, когда в 1768 г. в Париже был опубликован отчет астронома аббата Шаппа д'Отроша о путешествии в Сибирь для наблюдения прохождения Венеры через диск Солнца, но наполнен этот отчет был вполне земными наблюдениями, критическими по отношению к самодержавно-крепостному строю России.⁶ Вместе с тем труд ученого аббата содержал очевидные ошибки, необъективные характеристики русского народа и русской истории. Такое сложное содержание книги, которая сыграла заметную роль в русской и французской (во французской Россике) исторической мысли, в формировании общественного мнения о России в западноевропейских странах второй половины XVIII в., стало причиной различных и даже противоположных ее оценок в историографии. Если одни авторы более отмечали негативные стороны книги Шаппа д'Отроша, то другие исследователи (М. П. Алексеев, А. И. Молок, М. Т. Белявский) обратили особое внимание на ее антикрепостническое, антифеодалное содержание.⁷ Однако уже в 1764 г. М. В. Ломоносов отмечал «недоброхотство» Шаппа д'Отроша к России.⁸ А. С. Пушкин писал о «смелости и легкомыслии замечаний»⁹ в его сочинении. Все это свидетельствует о необходимости всесторонней характеристики книги Шаппа д'Отроша, равно как и других зарубежных сочинений об общественном строе России и ее истории.

Книга Шаппа д'Отроша была лишь эпизодом в борьбе идей во французской общественно-политической в научной жизни XVIII в. при обсуждении общественного строя и истории России. В «русской теме» отразилось как доброжелательное внимание к успехам России в политике и культуре, так и ревнивое отношение к ним политических противников.¹⁰ Критическое отношение вызывал ее самодержавно-крепостнический строй. При этом, как показал М. П. Алексеев, одна из основных идей Просвещения — идея прогресса европейской культуры, ее непрерывного эволюционного развития — становилась основой различного и даже противоположного по содержанию осмысления преобразований в России XVIII в.: положительного — Фонтенелем и маркизом д'Аржансоном, с упреками Петру I в тирании при проведении реформ — у Монтескье. Различия в понимании прогресса привели к диаметрально противополож-

⁶ *Chapp d'Auroche. Voyage en Sibirie, fait par l'ordre du roi en 1761...* Т. 1, 2. Paris, 1768.

⁷ Историографический обзор см.: *Элькина И. М. Идейно-политическая борьба в период политики «просвещенного» абсолютизма...* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 4—6; см. также: *Ее же. Французские просветители и книга Шаппа д'Отроша о России // ВМУ. Сер. 9. История. 1973. № 6. С. 71—81; Шанский Д. Н. Некоторые вопросы истории России в трудах французских ученых второй половины XVIII в. // Там же. Сер. 8. История. 1981. № 6. С. 49; Его же. Из истории русской исторической мысли. С. 27—28.*

⁸ *Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. М.; Л., 1956. С. 416—417.*

⁹ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 3-е изд. Т. 8. М., 1964. С. 146.*

¹⁰ *Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947. С. 14—20; Грасгоф Ф. Россия второй половины XVIII в. в оценке европейцев // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 94—98.*

ным взглядам на Россию у Руссо и Вольтера: если Руссо писал о ней в самых мрачных тонах, то Вольтер решительно подчеркивал проявления прогрессивного развития страны. Эти различия оказали существенное воздействие на суждения современников о России: энциклопедисты Дидро, д'Аламбер, де Жокур, д'Аржи и тяготевшие к ним писатели следовали за Вольтером (Мармонтель наряду с Вольтером участвовал в конкурсе российского Вольного экономического общества, посвященном решению проблемы собственности крепостных крестьян, предлагая антифеодальные по содержанию реформы),¹¹ тогда как Мабли, Кондильяк, Рейналь, Мирабо были близки к Руссо.

В этих условиях острой борьбой идей Екатерина II противопоставила обличительной по отношению к российской самодержавно-крепостнической действительности книге Шаппа ее критический анализ с противоположными апологетическими целями. За короткий срок ею было написано и в 1770 г. анонимно опубликовано на французском языке значительное по объему сочинение «Антидот» («Противоядие») (возможно, у императрицы были помощники, судя по большому объему работы).¹² «Антидот» должен был не только смягчить впечатление от сочинения Шаппа д'Отроша, который писал о деспотизме царской власти, о тирании чиновничества, в бедственном положении русского крестьянства в условиях крепостного права и других отрицательных сторонах жизни крепостнической России, но также последовательно провести идею «Наказа», что Россия — европейская страна. Подтверждалась эта мысль в двух аспектах: публицистическо-полемическом и философско-историческом.

Публицистическо-полемическое опровержение должно было утвердить читателя во мнении, что во Франции абсолютная власть монарха, самовластие чиновников и беды крестьянства еще хуже, чем в изображении Шаппа — в России.¹³ Но императрица не знала и не могла знать, что сходные явления во Франции и в России являлись следствием одной причины — феодального социально-экономического строя. «Антидот» как произведение русской дворянской консервативной публицистики в апологии самодержавно-крепостнического строя оказался несостоятельным: как отметил Дидро, «тот, кто писал опровержение на Шаппа, заслуживает еще большего презрения своим низкопоклонством, чем Шапп своими ошибками и ложью».¹⁴

¹¹ Беляевский М. Т. Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766—1768 гг. // АЕ за 1958 г. С. 387—432; *Его же*. Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России (1766—1768 гг.) // ВМУ. Сер. 9. Исторические науки. 1960. № 6. С. 26—51.

¹² Об авторстве «Антидота» велась дискуссия; на основании содержания и стиля книги, ряда документальных свидетельств было установлено, что она принадлежит перу Екатерины II; эта атрибуция признана в последующей историографии (Лытнина А. Н. Введение: Кто был автором «Антидота»? // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 7. СПб., 1901. С. IV—LI). Об исторических взглядах Екатерины II и историографическом значении «Антидота» см.: Пейштик С. П. Русская историография XVIII в. Ч. 2. С. 252—264.

¹³ Антидот (Противоядие): Полемическое сочинение Екатерины II // Оснадацый век. Кн. 4. М., 1869. С. 242—243, 246, 289, 290, 328—329.

¹⁴ Дидро Д. Сочинение. Т. 9. М., 1940. С. 210.

Философско-исторический аспект «Антидота» имеет существенное значение для изучения русской дворянской историографии. Исходя из просветительской концепции единого исторического процесса, Екатерина II (и ее возможные сотрудники) развила идею о европейской принадлежности России, устанавливая сходство общественно-политического строя, истории России и ведущих западноевропейских держав, прежде всего Франции. Объективным основанием этого сравнения явились те же причины, что и формирования историко-философской концепции «просвещенного абсолютизма». В «Антидоте» идея равенства современной России и других европейских стран впервые в русской исторической литературе развилась в утверждение единства исторического процесса начиная с глубокой древности, с IX в., по 1596 г.: «<...> в течение этих с лишком семисот лет, т. е. до смерти Феодора Иоанновича, Россия управлялась, имела приблизительно те же нравы, шла тем же путем и находилась почти на одном уровне, как и все государства Европы».¹⁵ Эта мысль повторена и в следующем изложении: «<...> до царствования царя Федора Иоанновича мы шли ровным шагом со всеми прочими нациями Европы, за исключением, быть может, Италии, и лишь смуты, последовавшие за смертью этого государя, замедлили наше развитие».¹⁶ Тем самым предполагалось, что с преодолением социально-экономического и политического кризиса конца XVI — начала XVII в., особенно с петровскими преобразованиями, Россия вновь развивалась аналогично другим странам Европы.¹⁷

Установившееся единство исторического процесса в России и других странах Европы имело большое идейно-политическое значение в развитии русской общественной и исторической мысли второй половины XVIII в. Эта концепция стала теоретической основой ряда сравнительно-исторических наблюдений, в которых, независимо от намерений автора (или авторов) «Антидота», начали выявляться на уровне развития исторической науки XVIII в. общие черты феодального строя России и западноевропейских государств. Было отмечено существование «с незапамятных времен» принадлежавших дворянству земель «на правах собственности» и фьефов-поместий «помещиков» «за военные повинности».¹⁸ Таким образом, особое внимание обращалось на историю двух видов феодальной собственности — вотчинной и условной. Но это были вотчины и фьефы-поместья еще без феодализма.

Между тем в «Антидоте» была высказана мысль, которая создавала значительные возможности для изучения генезиса феодализма в Древней Руси. Екатерина II отметила отрицательные следствия выделения со времени Владимира Святославича «весьма значительных уделов» «принцам крови», что было характерно и для Фран-

¹⁵ Антидот. С. 289.

¹⁶ Там же. С. 424—425.

¹⁷ Эта мысль повторялась Екатериной II и позднее: в 1790 г. она писала, что Россия прежде «шла наравне со всей Европой» и только смуты конца XVI — начала XVII в. «остановили ее успехи на 40 или 50 лет» (цит. по кн.: Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1. СПб., 1912. С. 69).

¹⁸ Антидот. С. 304, 314; Пейштик С. П. Русская историография XVIII в. Ч. 2. С. 287.

ции. Исследователи, обращавшиеся к «Антидоту» в русском переводе, не прибегли в данной связи к его оригиналу на французском языке. По-французски этот текст значительно более содержателен, чем в переводе, поскольку ключевое слово здесь не «удел», а «апанаж»: «со времени правления великого князя Владимира установилась обычай давать принципам крови весьма значительные апанажи».¹⁹ Термин «апанаж» восходит к понятиям «хлеб», «корм», «кормление» в значении «хлеба» как натурального обеспечения. Таким образом, этот термин указывает на древнейшее содержание феодальных отношений на основе неземельных феодалов, которые складывались во Франции и на Руси, распространяясь на правящие династии («апанаж» — часть королевского владения (домена), которая выделялась королем сыновьям и братьям в наследственное управление и возвращалась под королевскую власть в случае пресечения наследников по мужской линии).

В России эти возможности социальной терминологии феодального общества как исторического источника не были востребованы вследствие особенностей осмысления просветительской теории феодального строя в русской науке XVIII — первой трети XIX в., а позднее — вследствие экономических моделей феодализма в позитивистской и марксистской литературе.

Объективной причиной появления проблемы феодализма в русской науке также явилось существование феодального строя в истории России, так что даже при сравнительно-исторических аналогиях устанавливалось сходство западноевропейских феодальных и древнерусских общественных отношений и институтов. В этих наблюдениях проявилось свойство широко распространенного в западноевропейской историографии этого времени учения о феодализме как средстве анализа исторических явлений. Его освоение стало закономерным следствием внутреннего развития русской общественно-политической мысли и исторической науки.

2. Концепция феодализма в западноевропейской научной и общественно-политической мысли XVIII в. Понятие «феодализм» вошло в историческую науку в XVIII в., когда в Западной Европе уже свершились буржуазные революции в Нидерландах и Англии, а во Франции социально-экономическое развитие страны, рост антагонистических классовых отношений вели к революции 1789 г., которая нанесла сокрушительный удар феодальному режиму страны. Происхождение феодалов интересовало уже гуманистов XVI в.,²⁰ но для историков XVIII столетия феодальный строй был реальностью, на которую направлялась революционная деятельность «третьего сословия» и его идеологов. Напротив, феодализм находил защитников и апологетов в стане феодальной реакции. В таких условиях изучение феодализма, его возникновения и развития, находилось в сложном положении: еще скудна была источниковая база, несовершенен исторический анализ, не разработаны теория и методы историче-

¹⁹ Антидот. С. 320; Antidote, ou examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé... Т. 1. Amsterdam, 1771. P. 214.

²⁰ Kelley D. R. Origine Feudorum: The Beginnings of an Historical Problem // Speculum. Vol. 39. № 2. 1964. P. 207—228.

ской науки. Вместе с тем движение общественной жизни, социально-политической и научной мысли создавали объективные предпосылки для раскрытия содержания феодализма как экономической, социальной и политической действительности, для установления причин происхождения феодального строя.²¹

В опубликованном в 1725 г. труде итальянского ученого Джамбаттисты Вико «Основания новой науки об общей природе наций» впервые была поставлена проблема происхождения феодалов и феодального права. «Вечные основания» феодалов исследователь видел в «благодеяниях» (beneficia), посредством которых «сильные» извлекают пользу. Впрочем, это объяснение внутренних причин происхождения феодальных отношений и институтов осуществлялось вне конкретно-исторической определенности. Поэтому Вико и в Римской республике, и в средневековье отмечает клиентов и клиентеллу, воспринимаемых как вассалов и феодалы.²²

Во Франции в условиях острейшей идеологической борьбы феодальной реакции и стремящейся к власти буржуазии изучение феодализма, его происхождения стало не только научной проблемой, но и выражением общественно-политической позиции. Апологет феодального строя граф Буленвилье объяснял происхождение сословного строя Франции завоеванием Галлии франками. Завоеватели — обладатели захваченных земель и богатств — стали предками французского дворянства, галлы — крепостными (сервами), предками буржуа. Происхождение феодального сословного строя в результате завоевания служило графу Буленвилье для доказательства беспочвенности социально-политических требований «третьего сословия».²³ Секретарь французской Академии аббат Дюбо, выступая в качестве идеолога «третьего сословия», также обратился к историческим истокам, но для обоснования его общественно-политической программы. Отрицая франкское завоевание Галлии, он указывал начало феодализма и дворянских привилегий в раздроблении центральной политической власти, в превращении временных королевских должностей, а также римских по происхождению бенефициев за военную службу — в наследственные. Исторические претензии французской знати беспочвенны также потому, что французский народ образовался в результате этнического и культурного взаимодействия галлов и франков, но, подчеркивал Дюбо, «третье сословие» являлось преемником населения римских городов. Потому его требования политических прав исторически обоснованы.²⁴ Так в условиях социально-экономической, политической, идейной борьбы с

²¹ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. С. 95—108; Косминский Е. А. Историография средних веков: V в. — середина XIX в. М., 1963. С. 118—164; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен... С. 155—159.

²² Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940. С. 93, 251—266, 443—456.

²³ Boulainvilliers de, c[ompte]. Histoire de l'ancien gouvernement de la France. T. 1. La Haye; Amsterdam, 1727. P. 26—66.

²⁴ Dubos, l'abbé. Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. T. 1. Amsterdam, 1734. P. 1—65.

феодалным строем научное изучение феодализма во Франции сразу оказалось «заряженным» политическим содержанием.

Особое значение проблемы феодализма, его генезиса стало причиной того, что к этим вопросам обращались представители разных направлений общественно-политической и научной мысли, прежде всего французские просветители — идеологи «третьего сословия». В дискуссиях раскрывались разные стороны становления и развития феодального строя.

Ш. Монтескье, работая над своим знаменитым сочинением «О духе законов» в разгар дискуссии Буленвилье и Дюбо, с 1728 по 1748 г., предпочел занять в изучении феодализма срединную позицию, в чем выразилась умеренность его общественно-политических взглядов.

Начав с германцев, по Цезарю и Тациту, он отметил истоки вассалитета в отношениях вождя и членов его дружины. Феодами тогда становились не земли, которых у вождей еще не было для раздачи, а боевые кони, оружие, пиры. Это наблюдение соединяло установленные Монтескье еще в германский период процессы социальной и имущественной дифференциации. В отличие от предшественников он увидел в романо-германском синтезе не только взаимодействие этносов, но и социальных структур обоих народов. Однако последующее развитие феодальных отношений Монтескье связывал, возвращаясь к теории завоевания Буленвилье, только с франками (антрустионы, левды, вассалы, подвассалы), а также с передачей левдам за военную службу фискальных имуществ — бенефициев, феофов, почетных имуществ, за которыми следовали сословные привилегии. Монтескье отмечал податной и судебной иммунитет в феодах, которые со временем становились наследственными аллодами.²⁵ Он указывал также на развитие феодальных отношений «снизу»: превращение аллодов в бенефиции и феофы, коммендация, установление наследственности государственных должностей и их соединение с землевладением. Однако Монтескье ограничил установленные им многочисленные факты феодальным правом, сюзеренитетом, вассалитетом, феодальными повинностями и, главное, историей феода. Таким образом, он раскрыл истоки феодальных общественных отношений в социально-политических институтах и в древнейших отношениях неземельных пожалований и земельной собственности. Вместе с тем Монтескье отказывался ответить на актуальный политический вопрос о феодальных институтах в современной ему Франции,²⁶ уклонившись от активного участия в борьбе с феодальным режимом и его идеологией.

«Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера существенно развила концепцию феодализма Монтескье. Наиболее характерные для феодального строя экономические, социальные и правовые отношения в ней также определялись условным владением за службу — фьефом и фьефными отношениями. Поэтому в ряде статей Буше д'Аржи (они, без сомнения, редактировались Дидро) понятия «феодалная собственность» и «феодалный сеньор» неразрывно связывались с фье-

фом. Понятие «феодалное право» он отождествлял с сеньориальным правом, раскрывая его конкретное содержание в арендной плате, доходах, которые сеньор получал от прав собственности и распоряжения ею. Такое понимание феодальных отношений способствовало широкому содержанию понятия *féodalité* («феодализм») как «феодалность», то есть «свойство фьефа, держания наследства по праву (*à titre*) фьефа», обозначение верности и клятвы сеньору, а также другие социально-политические следствия феодальных отношений,²⁷ что реально раскрывало «феодализм», основу которого составлял феодал, через особые общественные отношения. При таком содержании понятия «феодализм» особое значение приобретало понятие «фьеф» — французский эквивалент слова «фесд».

Автор статьи о фьефе де Жокур, секретарь редакции «Энциклопедии» и активный сторонник идей Монтескье, исходил из мнения, что первоначально фьеф был определенным участком земли во временном владении левда (согласно де Жокуру, вассала, обязанного за фьеф военной службой) с присущей фьефу юрисдикцией и другими прерогативами. В качестве следующего этапа в истории фьефа он отметил превращение фьефа в наследственное владение и последующее предоставление фьефа не от верховного собственника земли — короля, а от вассала (арьер-фьеф). В этих двух обстоятельствах де Жокур увидел причину ослабления государственной власти и появления феодальной власти, вытеснение государственного или гражданского права феодальной верностью.

Установление «идеи феодального правления» и происхождение фьефов де Жокур связывал, вслед за Монтескье, с завоеванием, с вторжением «северных народов» — германцев. Он также отмечал процесс разложения племенного равенства и формирования феодальных отношений начиная с первых фьефов в виде боевых коней, оружия, пиров, вследствие чего характеризовал королевских дружинников как вассалов. В результате раздела завоеванной страны между союзными племенами-завоевателями, последующего деления на «графства» или «провинции» создавалась феодальная иерархия, в которой граф оказывался сеньором вассалов на своих землях и в то же время господином большого владения — сеньории. Определяющим принципом феодальной иерархии де Жокур полагал военную службу, которой сопутствовала одинаковая гражданская юрисдикция графов и сеньоров во фьефах. Но с ростом значения королевской власти юрисдикция отделилась от фьефа. И здесь де Жокур, «определяя природу общественного строя, установленного северными народами в Европе», делает вывод, относящийся уже к предреволуционной социально-политической ситуации во Франции середины XVIII в.: «Верховная собственность (*dominium directum*) находилась в руках политического института, а держателям фьефов принадлежало лишь пользование ею (*dominium utile*); следовательно, магнаты держали свои сеньории от общества и от королевства, а не от короля».²⁸ Таким образом, утверждался народный суверенитет

²⁵ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 656—661.

²⁶ Там же. С. 733.

²⁷ Encyclopédie... Т. 6. Paris, 1756. P. 493.

²⁸ История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера / Пер. и примеч. Н. В. Реву-ненковой. Л., 1978. С. 124—129.

по отношению к феодальным сеньорам, а результаты этого вывода были многочисленны и революционны.

В условиях преследования «Энциклопедии» королевской цензурой де Жокур был вынужден заявить, что он «не намерен рассуждать здесь о наших современных фьефах».²⁹ Но в подробном и ценном по научному содержанию перечне древних и современных фьефов недвусмысленно указывалось многообразие проявлений феодального строя во Франции середины XVIII в. в чрезвычайно многочисленных фьефах, относящихся к поземельным отношениям и личной службе королю или сеньору при денежном и натуральном содержании неземельных фьефов.³⁰

Анализ феодального строя в «Энциклопедии» обобщил коллективный опыт участников этого выдающегося издания. Большое значение в расширении круга изучаемых явлений феодального строя имело выделение в исторической и современной действительности Франции государственных форм эксплуатации посредством неземельных служебных фьефов. Такая развернутая характеристика стала возможной в результате непосредственного научного наблюдения множественных видов феодальной эксплуатации во Франции, когда объект социально-политической и идейной борьбы стал уже известен — феодализм и фьефы. «Энциклопедия» указывала конкретные цели в предстоящей борьбе.

В те же годы, когда Монтескье завершал свой труд «О духе законов», Вольтер начал писать не менее знаменитое сочинение «Опыт о нравах и духе народов». Первое издание этого труда осуществлено в 1756 г., когда был опубликован том «Энциклопедии», содержащий статьи о феодализме и фьефах. Вольтер сформулировал свое мнение о феодализме как особой форме общественного строя в самый разгар дискуссий французских просветителей по данной проблеме и занял в этих спорах собственную позицию.

Начало средневековой истории Вольтер уже традиционно указал в завоевании франками галло-римлян, но увидел в нем не исток феодализма, подобно Буленвилье, Монтескье и авторам «Энциклопедии» (с соответствующими различиями), а проявление всемирной закономерности, согласно которой вооруженные охотничьи народы, какими были первоначально, по его мнению, обитатели Севера и Германии, непременно подчиняли занятые постоянным трудом земледельческие и пастушеские народы, а также городское население, каковыми были галлы, завоеванные римлянами.³¹ Он полагал истоки феодализма в оммаже, в обычае всех древних народов заставить более слабого принимать клятву и платить подать, указывая, что римские императоры на этих условиях давали земельные владения.³² Источником этого мнения узнаются идеи Вико и Дюбо. Таким образом, для Вольтера началом «феодального правления» являлись не

завоевание и фьеф, а вассалитет посредством оммажа и установления зависимости. Такое начало «феодального правления» в экономической и правовой самостоятельности сеньоров и их вассальной зависимости по отношению к королю-суверену, во всеобщности феодальных вассальных обычаев, охватывающих села и города, с необходимостью вело, согласно Вольтеру, к ослаблению королевской власти, к феодальной анархии, к повсеместному распространению феодальной земельной собственности — «нет земли без сеньора».³³ Отмечая последующее развитие фьефно-вассальных отношений и ослабление королевской власти, Вольтер писал, что в XVI в. «феодальное правление» было «в силе» (en vigueur) почти во всей Европе.³⁴ Феодальная анархия прекращалась с установлением сильной королевской власти, но в некоторых странах феодальномогущество сохранилось и даже усилилось в результате феодальной анархии, принимая в Англии, Польше и Германии разные формы. В этом контексте становится очевидным, что и средневековую Россию Вольтер считал охваченной феодальной анархией, хотя ранее о феодализме и его истоках на Руси ничего не писал. Россию Вольтер называет как составную часть единого процесса развития феодализма в Европе на последнем его этапе. «От глубин (au fond de) Московии, — писал Вольтер, — до гор Кастилии вся землевладельческая знать (tous les grands terriens) всегда была озабочена, не сговариваясь, одной и той же идеей: все хотели, чтобы ни их жизнь, ни их владения не зависели от верховной власти короля, чтобы все объединились в каждой стране против этой власти и все осуществляли ее в той же мере, как они сами могли осуществлять ее по отношению к своим собственным подданным».³⁵ Отсюда следует, что для последнего этапа феодализма в Европе, включая Россию, Вольтер считал характерным стремление землевладельческой знати к полной самостоятельности от верховной королевской власти при обладании всеми верховными прерогативами по отношению к населению ее земель. Вольтер указывал также на русских бояр, равно как и на знать Германии и Польши, для опровержения мысли Буленвилье о происхождении феодальной знати от завоевателей.

Таким образом, в вольтеровской концепции феодализма основным являлась всеобщность его распространения в европейских странах (в этой связи он стал первым в европейской историографии, кто прямо указал на феодализм в средневековой России, на что уже неоднократно обращалось внимание в исторической литературе), а также стремление выявить внутренние материальные причины возникновения и развития «феодального правления». Вместе с тем концепция феодализма, сведенного к пятисотлетнему «феодальному правлению» до установления сильной монархической власти, в ряде европейских стран до XV в., ограничивала феодализм средневековьем, не указывая феодальные формы господского хозяйства и угнетения, сословного строя и монархической власти в централизованных государствах, в частности в современной Вольтеру абсолютист-

²⁹ Там же. С. 124.

³⁰ Encyclopédie... Т. 6. P. 696—717.

³¹ Voltaire. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits sur l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII // Oeuvres complètes de Voltaire. Т. 16. S. 1., 1785. P. 413—414.

³² Ibid. P. 417, 512.

³³ Ibid. P. 532—534.

³⁴ Ibid. Т. 17. 1785. P. 66.

³⁵ Ibid. P. 479.

ской Франции. Там, где Монтескье, говоря о феодализме, замолчал добровольно, в результате своей сословной позиции, где энциклопедисты замолчали вынужденно, вследствие регрессий королевских властей, Вольтер остановился из-за ограниченности своей концепции, не предполагавшей в основе феодальных отношений множества видов фьефов, относящихся к господскому хозяйству и феодальной структуре государства.

Характеристики феодального строя вошли в круг идей европейского Просвещения середины — второй половины XVIII в., при этом в них раскрывались различия общественно-политических и научных позиций. Французские просветители осуждали «феодальное правление», хотя и не все специально изучали его. П. А. Гольбах связывал происхождение «феодального правления» с германским завоеванием, раскрывал его сущность в ослаблении королевской власти, в усилении могущественной знати — множества тиранов, которые видели свою свободу в праве безнаказанно «угнетать своих несчастных сограждан». Поэтому он полагал распространение «феодального правления» «во всей Европе», отмечая его в современных ему Польше и Германии,³⁶ что перекликалось с мнением Вольтера.

Утопический социалист Мабли внес значительные коррективы в существовавшие теории возникновения феодализма. Он писал о демократическом характере первоначального общественного строя с «республиками» самостоятельных семей, но уже у франков признавал ограничение роли их народных собраний и демократии советом старейшин и властью князя, которых считал необходимыми для безопасности и прогресса. С имущественным расслоением и военной службой он связывал появление бенефициев-фьефов, которые со временем становились наследственными, а с возникновением землевладельческой знати — начало феодальной зависимости народа.³⁷ Эти наблюдения о процессе разложения первоначально справедливого строя и становления феодальных отношений сосуществовали с рационалистическими обличениями феодализма как регресса общества, с характерным для него ослаблением центральной власти, феодальными государственными и сеньориальными правами.³⁸

Понимание феодализма в Англии отличалось рядом специфических особенностей. Там в XVII в. уже совершилась буржуазная революция, в XVIII в. интенсивно развивался капитализм, вследствие чего Англия существенно опередила в социально-экономическом отношении другие страны Европы. Государственной религией был протестантизм. Поэтому для У. Робертсона феодализм превращался в особый период, неразрывно связанный с католицизмом, противостоящий буржуазному периоду европейской истории. Причину появления земельной собственности и феодальной системы он объяснял, вслед за Монтескье и «Энциклопедией», первоначальным раз-

делом завоеванных земель варварскими народами. Но при этом большое положительное значение приобретала решительно подчеркнутая Робертсоном всеобщность распространения «феодальной системы» как закономерного преобразования общественного строя «варварских народов» в новых исторических условиях: «<...> хотя, — писал Робертсон, — варварские народы, которые выработали ее („феодальную систему“. — М. С.), осели на новых территориях в разное время, пришли они из разных стран, говорили на разных языках и были под руководством самостоятельных вождей, феодальная политика и законы были установлены с небольшими отличиями во всех королевствах Европы».³⁹ С разделом земель он связывал, вслед за «Энциклопедией», военную службу, которую объяснял внешним фактором нападения врагов и установления первоначальных вассальных связей. «Таким образом, — заключал он, — феодальное королевство скорее походило на военное учреждение (establishment), чем на гражданский институт».⁴⁰ Далее Робертсон следовал в характеристике феодализма за выводами французских просветителей, отмечая чрезвычайную слабость «политического единства», анархию, борьбу «монархической и аристократической частей» политического строя, превращение «вассалами короны» земель и должностей в наследственные, соединение с землевладением «власти верховной юрисдикции, гражданской и уголовной», приобретение права чеканить монету и самостоятельно вести войну со своими врагами, феодальную раздробленность государств и крайнее ослабление центральной королевской власти.⁴¹

«Такое состояние Европы в отношении внутреннего административного управления» Робертсон относил к VII—XI вв. В соответствии с принципами Просвещения Робертсон отмечал отрицательное «фатальное влияние» феодализма на развитие культуры. «Тьма» средневековья стала рассеиваться, по его мнению, с постепенным улучшением правления и нравов начиная с эпохи крестовых походов, с которыми он связывал развитие городов, торговли, расцвет культуры.⁴²

Подход Робертсона к концепции феодализма в Европе свидетельствовал о том, что передовая в XVIII в. английская буржуазная историография поддержала французских просветителей в изучении феодального строя как всеобщего пути исторического развития.

В те же 60-е — первую половину 70-х гг. в Шотландии, наряду с Робертсоном, разрабатывал концепцию феодализма в Европе основатель английской классической политэкономии Адам Смит. В современной ему Англии он увидел пережиточные следы соединения крупной земельной собственности с верховной судебной властью над населением владений в мирное время и с военной властью — в военное. Начало этого порядка он указал в правлении древних баронов. В от-

³⁶ Гольбах П. А. Избр. произв. Т. 2. М., 1963. С. 144—145, 538; Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 222; Дидро Д. Собр. соч. Т. 10. С. 62.

³⁷ Mably de, l'abbé. Observations sur l'histoire de France. Т. 1. Kehl, 1788. P. 202—251.

³⁸ Мабли Г. Избр. произв. М.; Л., 1950. С. 13; Его же. Об изучении истории. О том, как писать историю. М., 1993. С. 49—50, 52, 90.

³⁹ Robertson W. The history of the reign of the emperor Charles V with a view of the progress of society in Europe from the subversion on the Roman Empire to the Beginning of the Sixteenth Century. Vol. 1. London, 1782. P. 15 (первое издание осуществлено в 1769 г.).

⁴⁰ Ibid. P. 17.

⁴¹ Ibid. P. 17—19.

⁴² Ibid. P. 19—25.

личие от современников, историков и философов, Смит объяснял происхождение такой власти не завоеванием и последующим «феодальным правлением», не преемственностью и трансформацией римских рабовладельческих хозяйств и институтов, а развитием крупной земельной собственности. Характеризуя ее как наиболее существенный элемент в общественном строе древности, он видел в ней основу верховной гражданской и уголовной юрисдикции, воешлой власти, подачей и чекана монет. Эти власть и юрисдикцию «саксонских лордов», распространение «феодального закона» он отмечал задолго до норманнского завоевания. Аналогичные власть и юрисдикцию «больших лордов» Смит видел и во Франции до того как «был введен феодальный закон», в котором он полагал попытку умерить «власть больших лордов — собственников аллодов» посредством феодальной субординации, сопровождаемой значительным числом служб и обязанностей — от короля до самого мелкого земельного собственника. Однако Смит отмечал, что эта феодальная система не могла ни усилить власть короля и ослабить феодалов, ни установить порядок и «доброе правление» среди жителей страны. Король стал лишь наиболее крупным земельным собственником в своих владениях.⁴³

Таким образом, А. Смит развил концепции средневекового общественного строя. Он указал на определяющее значение в нем крупной земельной собственности с производными от нее властью и юрисдикцией, причем подразумевая ее становление вне римских традиций и германского завоевания. Эти наблюдения создавали новые возможности для изучения генезиса феодального строя.

Феодальная действительность раздробленной на десятки мелких и мельчайших государств Германии, ее социально-политическая отсталость задерживали изучение феодального строя в немецкой историко-философской литературе. Однако воздействие просветительских идей энциклопедистов, а позднее идей Великой французской революции способствовало новому осмыслению исторического прошлого и современного состояния Германии.

Замечательный немецкий философ И. Г. Гердер выделил в истории Европы феодальный период. Это было одно из проявлений влияния на его мировоззрение великих французских просветителей Монтескье, Вольтера и особенно Дидро и Руссо.⁴⁴ Но его представления о феодализме отличались рядом особенностей, что являлось следствием самостоятельности взглядов Гердера, а также влияния на них социально-политической действительности Германии 80-х — начала 90-х гг.

Феодальный строй Европы Гердер анализировал в понятиях немецкого ленного права. Начало феодализма он относил к завоеваниям германских народов и в этом был ближе к Монтескье и «Энциклопедии», чем к Вольтеру, но связывал его не с франками и Францией, а с ломбардско-германским строем в северной Италии. Последующее

⁴³ Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London; N. Y., 1911. P. 364—366 (первое издание этого труда осуществлено весной 1776 г. См.: Ibid. P. VIII).

⁴⁴ Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И. Г. Избр. соч. М.: Л., 1959. С. XV—XVI.

развитие феодального строя он указывал уже традиционно в ослаблении королевской власти и феодальной раздробленности, когда могущественные держатели ленов (mächtige Lehnsträger), герцоги и графы, которые правили в городах, делали, в основном, что хотели, ограничивая королевскую власть и обессиливая королевство лангобардов.⁴⁵ Распространение ленного строя (Lehnverfassung) Гердер рассматривал как его заимствование у лангобардов народами Европы и результат его утверждения Карлом Великим в пределах своей империи. «Следствием невежества и предрассудков своего времени» он объяснял превращение лангобардских законов во всеобщее императорское ленное право. Его Гердер характеризовал в духе французских просветителей в качестве причины широко распространившегося всеобщего бессилия и анархии, в условиях которых дворяне на государственных должностях становились владельцами наследственных земель, приобретая суверенные права над ними. «Жестокый ленный строй», согласно Гердеру, принесли в Британию норманны Вильгельма Завоевателя. В Италии он причинил большой ущерб, но не разрушил там до конца города, ремесла, торговлю. Философ отметил участие церкви и пап в распространении ленного права, которое было им выгодно, да и сам ленный строй в виде церковной иерархии и церковного землевладения становился составной частью церкви.⁴⁶ В наблюдениях над феодализмом как целостной системой Гердер шел дальше французских просветителей.

Характеризуя процесс становления ленного строя, Гердер выделял два пути. В завоеваниях германских племен он подчеркивал превращение земель во «всеобщую собственность» (Gesamteigentum) или «общее владение» (Gemeingut), которые после распределения между воинами становились частным владением, где развивались отношения господства и подчинения. Другим путем при завоевании, согласно Гердеру, являлась раздача королем наделов знати, дружинникам и «снодам». Эти первоначально пожизненные наделы превращались в наследственные лены. В последних, а также в исчерпанных возможностях свободной общины, вассальных отношениях от короля до слуг Гердер указывал причину крайнего ослабления королевской власти.⁴⁷ Всеобщность феодального строя в виде ленных отношений, рыцарства, церкви Гердер распространил на искусство и готическую архитектуру, которые развивались, по его словам, «точно так же по существу и по периодам, как духовенство и рыцарство или как иерархия и ленное господство (Leinherrschaft)». В этой системе феодальных отношений, которые Гердер выразительно назвал «тнстующие своды иерархии, ленного господства и защищающего наместничества (Schirmfogtei)», дана в качестве положительного фактора только деятельность королей и императоров, покровительствовавших городам, городским ремеслам и торговле.⁴⁸

⁴⁵ Herder J. G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. T. 4. Riga; Leipzig, 1792. S. 175.

⁴⁶ Ibid. S. 177—180, 213.

⁴⁷ Ibid. S. 230—292.

⁴⁸ Ibid. S. 289—292.

Просветительские концепции истории феодализма в Европе, а также развившиеся в XVIII в. под их влиянием исторические теории начали выявление и анализ единой природы всего многообразия феодальной действительности на протяжении более чем тысячелетнего периода, от разложения племенного строя до феодализма в современной Европе. Связанные с острейшими проблемами социально-экономического и политического строя европейских стран XVIII в., они содержали большие возможности в формировании революционных программ «третьего сословия», становясь в канун Великой французской революции темой острейших политических дискуссий и поводом для ожесточенных преследований королевскими властями. Показателен в данной связи случай с брошюрой чиновника генерального контроля П.-Ф. Бонсерфа «Неудобства феодальных прав».⁴⁹ В ней предполагалась умеренная программа выкупа баналитетов и феодальных сервитутов, которые неразрывно связывались с феодальной собственностью на землю. Возможность выкупа Бонсерф обосновал не только их осуждением современниками, но и исторической изжитостью этих институтов, излагая происхождение и историю феодальной земельной собственности и феодальных прав по Дюбо, Вольтеру и Монтескье.⁵⁰ За покушение на незыблемость феодальных прав было решено книгу сжечь, а автора привлечь к суду. Так историческая концепция феодализма под воздействием острой политической борьбы периода кризиса феодализма в Европе вплелась в борьбу политических идей, научно обосновывая конец феодального строя, а потому вызывая яростное сопротивление феодалов и преследования королевских властей. Великая французская революция, разрушая феодальную систему, уничтожала сословный строй, сеньориальные права в разных формах внеэкономического принуждения, во внеземельных феодальных правах (монополии, баналитеты, пошлины), в арендных отношениях и т. д.,⁵¹ а по существу — феодально-абсолютистский строй страны.⁵²

Таким образом, гения западноевропейского Просвещения, анализируя социально-политическую историю средневековых стран Европы, новейшие для своего времени социально-политические структуры, сделали важнейшие открытия. Было установлено (с некоторыми различиями в толкованиях) существование особого социально-политического строя — феодального, отмечена всеобщность распространения этого строя в европейских странах, определено

⁴⁹ *Bonserf P.-F. Les Inconvénients des droits féodaux. Londres, 1776. Об обстоятельствах появления брошюры Бонсерфа см.: Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. М., 1979. С. 453—454.*

⁵⁰ *Bonserf P.-F. Les Inconvénients des droits féodaux. P. 5—25.*

⁵¹ *L'abolition de la «féodalité» dans le monde occidental. Vol. 1, 2. Paris, 1971; Bastier J. La féodalité au siècle des lumières dans la région de Toulouse (1730—1790). Paris, 1975.*

Прогрессивное направление в современной французской историографии сейчас признает феодальный характер общественного строя Франции второй половины XVIII в. как «поздний феодализм», когда «Старый Порядок (l'Ancien Régime) оставался феодальным и аристократическим в своих основных структурах» (*Soboul A. Fondements économiques: La Féodalité tardive // L'absolutisme éclairé. Budapest, 1975. P. 36—37*).

⁵² История Франции. Т. 1. М., 1972. С. 289—310.

время его становления и развития — период разложения племенного строя и средневековье, а наиболее революционным направлением, склонным к преобразованиям, — современная для XVIII в. действительность. Была установлена константа этого строя в феоде-фьефе, существовавшем в разных видах неземельного и земельного обеспечения вассала сюзереном за службу, в феодальных государственных и сеньориальных правах, отмечено формирование особой социально-политической системы фьефных отношений, названной по сущностной константе — феоде — феодальностью. Были намечены возможности изучения трансформации институтов античного рабовладельческого общества в средневековые феодальные, а также особых свойств феодальной земельной собственности и отношений собственности. Была установлена целостность феодального строя как системы.

Эти открытия выявляли содержание феодального социально-политического строя и создавали условия для его последующего изучения. Они стали основой аналитического подхода к исследованию социально-политической системы средневековых стран, раскрывающего в многообразии явлений сущность системы и общие закономерности ее развития. Вместе с тем в исторической и общественно-политической литературе XVIII в. сложилась устойчивая традиция описательного изучения исторических явлений или их определения по аналогии. Вследствие такого подхода даже крупнейшие западноевропейские просветители, которые писали об общественном строе современной им России, не видели в ней феодализма и называли крепостничество «рабством».⁵³ Не увидел феодализм в России во второй половине XVIII в. и Г.-Т. Рейналь, автор замечательного антифеодального по содержанию произведения «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях», в редактировании которого принимал участие Дидро. В эссе о современной ему России он обстоятельно рассмотрел ее сословный строй, «последним классом» в которой являются «рабы» (*esclaves*). Обращаясь к их истории, Рейналь писал о незначительном до XVI в. числе рабов, взятых в плен. Народ тогда обрабатывал землю, которая ему принадлежала, то есть был свободным, тогда как «сеньоры» обладали фьефами. Закрепощение крестьян не связывалось им с феодальным строем.⁵⁴ Вместе с тем теория феодализма в России, появившаяся в прогрессивной западноевропейской общественно-политической, философской и исторической мысли как определение общеисторической закономерности, в начале 80-х гг. раскрыла свои возможности во французской историографии при конкретно-историческом изучении Древней Руси.

В Париже в 1782 г. П.-Ш. Левек опубликовал пятитомный труд «История России», а в 1783—1784 гг. Н. Г. Леклерк издал трехтомное сочинение под названием «Естественная, нравственная, гражданская и политическая история древней России», одновременно начав

⁵³ *Дидро Д. Собр. соч. Т. 10. С. 467; Voltaire. Oeuvres complètes. T. 40. 1785. P. 88—98; Corpus des notes marginales de Voltaire. T. 2. Berlin, 1983. S. 488.*

⁵⁴ *Reynal G.-Th. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. Geneve, 1780. P. 616—617.*

издание с аналогичным названием трех томов, посвященных новой российской истории. Оба автора достаточно долго прожили в России, около 10 лет, и проявили интерес к ее истории. Они изучали письменные источники и литературу, устанавливали контакты с русскими историками. Историческим разысканиям авторов способствовал также большой интерес к России и ее истории во Франции, между тем как во французской литературе, кроме труда Вольтера о правлении Петра I, специальных сочинений о предшествующей истории России не было. Но Левек и Леклерк по-разному подошли к решению поставленной задачи. Левек подготовил обстоятельный труд по истории России, вполне объективный, основанный на хорошем знании русских источников и исторической литературы. Достаточное внимание он уделил просветительским идеям прогресса в истории народов, осяблого значения улучшения нравов. Но главной задачей Левека являлось систематическое изложение русской истории, что ему удалось.⁵⁵ В отличие от Левека Леклерк превратил русскую историю в повод поразмыслить над судьбами чужой страны, насыщая эти рассуждения несистематично усвоенными просветительскими концепциями и политическими идеями предреволюционной Франции, осуждением порядков крепостнической России, нравучительными сентенциями, иногда неверно понятыми материалами по русской истории и ее случайными аналогиями с историей античной. Но оба автора под влиянием теорий единства исторического процесса, феодального строя как определенного этапа исторического развития народов обратились к проблеме феодализма в русской истории. Левек связал появление фьефов с разделением городов Рюриком «главным образом» между своими воинами, в чем узнаются идеи Монтескье и «Энциклопедии». Он не был уверен, передавались ли они на правах военных бенефициев, «следуя обычаям варваров Севера», или доверялись только для управления. Полагая основной задачей государства защиту от внезапных нападений соседей, Левек предположил главную причину появления бенефициев во внешнем факторе: «грандов», которых Рюрик наиболее ценил, он поместил на границах, чтобы они «еще более воодушевляли свою храбрость своим интересом». Поэтому Левек допустил в такого рода владениях «сменяемые фьефы» (*iefs amovibles*).⁵⁶ Леклерк заимствовал эту мысль о «сменяемых фьефах», но уже без колебаний отнес распределение городов и земель к интересам общей защиты и к праву награды.⁵⁷ Раздел государства Владимиром между сыновьями и последующие княжеские разделы Левек воспринял в категориях феодализма во Франции: как наделение правителем-сувереном детей

⁵⁵ Об исторических взглядах Левека и его трудах по истории России см.: *Valk S. N. Un mémoire de Pierre-Charles Levesque sur la Rasskaja Pravda // Revue des études slaves. T. 41. 1962. P. 7—25; Mazon A. Pierre-Charles Levesque humanist, historien et moralist // Ibid. T. 42. 1963. P. 7—66; Шапский Д. Н. Некоторые вопросы истории России... С. 51—55; Сомов В. А. Книга II.—III. Левека «Российская история» (1782 г.) и ее русский читатель // Книга и библиотека в России XVI — первой половины XIX века. Л., 1982. С. 82—99.*

⁵⁶ *Levesque. Histoire de Russie. T. 1. Paris, 1782. P. 90.*

⁵⁷ *Le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. T. 1. Paris: Versailles, 1783. P. 99.*

апанажами. Постепенно, по Левеку, Россия была разделена на маленькие суверенные владения. Эту систему земельной собственности и политической власти Левек характеризовал как «феодальное правление», которое отличалось от аналогичного правления в других странах Европы только тем, что их владельцы были не простыми сеньорами, а князьями рюриковой крови. Эти суверенные князья обладали всей полнотой власти в своих владениях, но к киевскому князю относились как к своему главе.⁵⁸

С теми же представлениями о феодализме, но со свойственным ему многословием характеризовал политический строй Руси XI в. Леклерк. В отказе новгородского князя Ярослава платить дань Владимиру Святославичу он видел нарушение обязанностей вассала. Раздел страны Ярославом на апанажи Леклерк считал ошибкой. Но, в отличие от Левека, Леклерк постарался более конкретно определить суть и развитие «феодального и варварского правления», аналогично которому он указывал во Франции: при князьях, владеющих апанажами, а затем при самостоятельных «сеньорах» это правление состояло во фьефах и обязанностях, в службе при дворе и в армии.⁵⁹

Таким образом, в середине второй половине XVIII в. концепция феодализма не только прочно вошла в круг идей передовой европейской историографии. К началу 80-х гг. в просветительских историко-философских трудах уже ставился вопрос о феодальном строе в истории России как общесторическом явлении. Под их влиянием во французской историографии были сделаны попытки показать его конкретно-историческое выражение. Все это свидетельствовало о появлении перед русской исторической наукой новой актуальной задачи — выразить свое отношение к проблеме феодализма в отечественной истории. Однако решение этой задачи оказалось сложным. Научная концепция феодального строя объективно была «заряжена» общественно-политическим содержанием: прямо и опосредованно она раскрывала происхождение и сущность феодально-крепостнической российской действительности XVIII в. Эта действительность стала оказывать постоянное воздействие на процесс становления теории феодализма в русской истории в осознанных и не осознанных исследователями формах.

3. Проблема феодализма на Руси в русской науке второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Во второй половине 60-х гг. идеологи «просвещенного абсолютизма» в России, формулируя историко-философскую концепцию, установили тождество поместья и фьефа (см. выше, с. 23; ср. с. 35). В основе этой концепции находились усвоенные и трансформированные просветительские идеи, в частности идея единства исторического процесса, а также сравнительно-исторические аналогии. Но эти тенденции в изучении феодального строя нашли ограниченное продолжение в русской исторической и общественно-политической литературе, что можно объяснить ужесточением внутренней политики Екатерины II в связи с подавлением крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева

⁵⁸ *Levesque. Histoire de Russie. T. 1. P. 163, 199.*

⁵⁹ *Le Clerc. Histoire physique... T. 1. P. 320, 376—377.*

в 1773—1774 гг., а позднее — с началом Великой французской революции.

Вероятно, первым из русских ученых о феодальном строе на Руси написал юрист, профессор Московского университета, представитель российского «третьего сословия» С. Е. Десницкий. Он подошел к этой проблеме в контексте идей политической экономии и права, что придало его подходу существенные особенности. Десницкий учился в 1761—1767 гг. в университете в Глазго и слушал там лекции А. Смита.⁶⁰ Без сомнения, читал он и знаменитый исторический труд У. Робертсона, официального историографа Шотландии. Идеи этих выдающихся мыслителей не могли не оказать влияния на формирование исторических взглядов талантливого русского студента.

Для Десницкого «феодальное правление» отождествлялось в соответствии с просветительскими историческими концепциями с «правлением аристократическим, состоящим из вельмож и имеющим над собой государя не полномочного». Но появление феодализма рассматривалось им не в политическом аспекте, а как следствие значительного уровня развития общественных отношений и отношений собственности, которым предшествовали первобытное общество, затем скотоводческий пастушеский строй, а позднее земледельческое общество с соответствующими формами собственности. На последней стадии социального развития («состояние народов коммерческое») появляются, согласно Десницкому, право полной собственности и государство. От «введения собственности в землю» производит Десницкий «древние европейские баронские и маркграфские чиновничества» периода феодальной раздробленности, с гибелью которых «возникли ныне благоустроенные и процветающие державы европейские». «Феодальное правление» он полагал родственным «всем первоначальным государствам», то есть считал всеобщей стадией исторического развития в древности, не соединяя его с современностью, в чем сближался с концепциями Вольтера и Робертсона. «Феодальное правление» Десницкий предполагал и в России, но задачу его изучения, «древних собственности землевладениях российских», оставлял на будущее.⁶¹

В концепции Десницкого новой для русской науки явилась последовательно проведенная идея о связи «феодального правления» с развитием земельной собственности, хотя содержание этой связи не раскрывалось, а само понятие собственности воспринималось как право пользования и распоряжения вне исторических особенностей

⁶⁰ А. Х. Браун отметил не только влияние на Десницкого идей Адама Смита, но и его самостоятельность в понимании экономических и общественно-политических проблем (*Brown A. H. Adam Smith's First Russian Followers // Essays on Adam Smith. Oxford, 1975. P. 247—273*); см. также предварительные сообщения о выявленных Брауном новых материалах: *Беляевский М. Т. Семен Десницкий и новые документы о его деятельности // ВМУ. Сер. 9. История. 1969. № 4. С. 61—74; Браун А. С. Е. Десницкий в Глазговском университете (1761—1767) // Там же. С. 75—88.*

⁶¹ *Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежития <...>, говоренное апреля 21 дня 1781 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. С. 284—286.*

феодального общественного строя. Исторический прогресс человечества также соединялся Десницким с изменениями отношений собственности, и данная концепция, выражавшая прогрессивные тенденции в английской экономической и историко-правовой науке XVIII в., стала новой для русских исторических исследований. Однако эти значительные возможности для изучения генезиса и развития феодализма не были использованы.

Русская раннебуржуазная историография еще не могла продолжить изучение феодализма в России на таком высоком теоретическом уровне вследствие ограниченного круга научных идей и социально-политических представлений. Нацеленные на изучение экономической истории труды представителей российского «третьего сословия» И. И. Голикова, П. И. Рычкова, В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова⁶² уделяли древней русской истории незначительное внимание и в кратких экскурсах на эту тему следовали за дворянской историографией. Более того, когда Крестинин обратился к вопросу о происхождении русского дворянства, он увидел «первых дворян в России» в мужах Рюрика, которым после завоевания передавались города и земли.⁶³ В этом мнении проявилось, видимо, воздействие давно устаревшей концепции Буленвилье. Модернизировал Крестинин и взгляд на государственную структуру Руси IX в., представляя ее в характерных чертах XVIII в. Он полагал, что «волости» или «властительства» передавались в управление рюриковым мужам «тогдашними округами или уездами, приписанными к новым российским городам, заключающими в своих пределах частные дворянские земли или поместья». «Частными» их владельцами являлись «осподари» — дворяне, тогда как «земледельцы или пахари собственности во владении не имели».⁶⁴ Этот экскурс начинал цепное для своего времени конкретно-историческое исследование о социально-экономическом положении северорусских половников, происхождение которых возводилось к IX в., но устанавливаемые Крестининым формы общественно-политической структуры и эксплуатации крестьянства с феодальным строем не связывались.

Таким образом, подход С. Е. Десницкого к изучению феодального строя на Руси в отношении собственности, как и внимание ко всей проблеме в целом в исторических трудах представителей российского «третьего сословия», продолжения не нашли, в чем можно видеть следствие неразвитости идеологии этого сословия.

Проблема феодализма в России стала изучаться в русской дворянской историографии в середине — второй половине 80-х гг. Непосредственным поводом для этого стал критический анализ сочинения Леклерка по русской истории, осуществленный по поручению Екатерины II И. Н. Болтиным,⁶⁵ хорошо подготовленным историком — по научным интересам, генерал-майором и владельцем тыся-

⁶² *Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 215—220; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 2. С. 265—343.*

⁶³ *Крестинин В. Исторические заметки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. Ч. 1. СПб., 1784. С. 57.*

⁶⁴ Там же. С. 57—58.

⁶⁵ *Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1, 2. СПб., 1788.*

чи крепостных — по социальному положению. Одной из основ его труда стала просветительская теория единства исторического процесса, усвоенная в виде трансформированной историко-философской концепции «просвещенного абсолютизма», а также идеи русской науки об истории России как составной части всемирной истории.

Болтин, подобно В. Н. Татищеву и М. В. Ломоносову, возводил начало истории славян к древнейшему периоду Европы. Он отмечал земледельческий характер хозяйства «русского народа» в древности, существование городов на Руси еще до появления там скандинавов-варягов. Опровергая мнение Леклерка, согласно которому варяги стали «первыми учителями русских», он подчеркивал одинаковый уровень общественного и культурного развития обоих народов.⁶⁶ Болтин отметил ряд важных проблем социальной истории, не рассмотренных Леклерком, в том числе существование местной системы землевладения дворян и различие прав землевладения помещика и вотчинника, то есть те вопросы, которые уже давно изучались во французской просветительской историографии в контексте развития феодализма. В данной связи Болтин посвящает специальный экскурс поместьям, которые в России «жаловались за службу», подобно *beneficia* и *honores* у германцев и французов. Следуя историко-философской концепции «просвещенного абсолютизма», он отождествляет русское поместье и *feodum-fief*. Но в отличие от «Антидота», автор (и, возможно, соавтор) которого ограничился такой аналогией, Болтин, вслед за Вольтером и «Энциклопедией»,⁶⁷ на самом передовом уровне западноевропейской науки о феодализме указывает различные виды поместий-фьефов во Франции и превращение условных земельных владений-поместий в наследственную земельную собственность — вотчины.⁶⁸

В большой литературе о Болтине по-разному раскрывается содержание проблемы феодализма в его творчестве. В доревлюционской историографии М. О. Коялович, В. О. Ключевский, П. Н. Милоков отмечали в его трудах те идеи противопоставления истории России и Запада, которые вошли позже в историческую концепцию славянофилов. С этими наблюдениями согласился с оговорками Г. В. Плеханов, который видел противоречия у Болтина между его концепционными построениями и такими конкретно-историческими выводами.⁶⁹ Н. Л. Рубинштейн отмечал, что историческая концепция Болтина исходит не из идей национальной самобытности, а из единства исторического развития всех народов, что явилось основой его сравнения истории России и западноевропейских государств, а также установления аналогичных форм феодального правления.⁷⁰

⁶⁶ Там же. Т. 2. С. 108—111.

⁶⁷ В историографии уже давно отмечен интерес Болтина к трудам Вольтера, прежде всего к «Опыту о нравах и духе народов» (Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 5. СПб., 1880. С. 145—152; Иконников В. С. Исторические труды Болтина. СПб., 1912. С. 5); он прекрасно знал также «Энциклопедию» и подготовил ее перевод до буквы «К» (Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 5. С. 322—323).

⁶⁸ Болтин И. Примечания... Т. 1. С. 474—479.

⁶⁹ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 22. М.; Л., 1925. С. 153—176.

⁷⁰ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 147—149.

А. Г. Задера полагает, что Болтин видел социальные корни феодализма в угнетении зависимого крестьянства,⁷¹ тогда как, по мнению С. Л. Пештича, у Болтина «феодализм» как политическая система противопоставлялся «единодержавию» и абсолютизму и находил всеобщее порицание.⁷² А. Л. Шапиро отметил теорию феодализма в «Примечаниях» Болтина в многообразии исторического, политического и социального аспектов, характерных для истории всех европейских народов, при этом он указал на мнение Болтина о переходе от феодализма к государственному единству как восстановлению порядков, основанных на законах разума, а не как переходе к новому историческому этапу в поступательном развитии общества.⁷³ Д. Н. Шанский, вернувшись к вопросу о единстве путей исторического развития в болтинской концепции, пришел к мнению, согласно которому Болтин пытался «противопоставить ход исторического развития России и Западной Европы».⁷⁴

Проблема феодализма на Руси в труде Болтина раскрывается в полной мере в контексте общего развития отечественных исторических идей, во взаимодействии с историографией «просвещенного абсолютизма» и концепциями французских просветителей.

Как отмечено ранее, в основе исторической концепции Болтина находилась теория о единстве исторического процесса, и в данной связи его мнение о феодализме на Руси являлось ее логическим продолжением. Его концепция сохраняла также идеи российского «просвещенного абсолютизма» об аналогичном историческом пути России и других стран Европы. Если Леклерк писал, что «народ русский от 865 до 1620 г. был наименее счастливым из всех народов на земле», то Болтин указывал на всеобщность народных бедствий в средние века.⁷⁵ Эти бедствия он отнес к «феодальному правлению» и связал их с постоянным «междоусобием» дворянства, когда «во всеобщем безначальствии один закон сильного был господствующим повсюду».⁷⁶ В этих характеристиках Болтин присоединялся к французской просветительской историографии не только в определении феодализма как особого общественного строя, но и в моральном осуждении этой всеобщей системы угнетения и бедствий. В труде Болтина это осуждение не приобрело общественно-политической функции, но проблема феодализма сохраняла научное значение. Историк видел в ней больше, чем отступление от законов разума в эпоху средневековья. «Феодальное правление, — писал Болтин, — переродилось в рабство самое несносное, даже и состояние тех, кои назывались *вольными людьми*, не лучше было состояния рабов» (курсив И. Н. Болтина. — М. С.), причем это состояние «рабства» су-

⁷¹ Задера А. Г. Вопросы истории крестьянства в работах русских историков второй половины XVIII в.: (М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, А. Н. Радищев) // Учен. зап. Рост. на Дону ун-та: Труды ист.-филол. ф-та. Сер. историческая. 1953. Т. 1 (8), вып. 3. С. 175—177.

⁷² Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. ч. 3. С. 72—73.

⁷³ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен... С. 248—250.

⁷⁴ Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли. С. 106—107.

⁷⁵ Болтин И. Примечания... Т. 2. С. 291.

⁷⁶ Там же. С. 294.

ществовало не только в деревнях, но и в городах, которые в западных странах «зависели от баронов».⁷⁷

Когда Болтин писал о «феодалном правлении» и феодальном праве, он не просто следовал за французскими просветителями, а создавал собственную теорию феодализма в России в пределах существующих концепций, под активным воздействием собственной сословной позиции. Будучи ближе к Вольтеру, а не к «Энциклопедии», которая утверждала первоначальное значение германского завоевания, Болтин устанавливал истоки феодализма во фьефе-поместье, а не в завоевании. «Феодалное право, — писал он, — не что иное в первоначалии было, как право помещика в деревне своей над его подданными»; при этом раскрывалась связь землевладения с политическими и юридическими правами над зависимым населением. При изложении содержания начального этапа феодальных отношений Болтин широко использовал выводы «Энциклопедии» и Вольтера: превращение поместий в вотчины, «самовластье и независимость» их господ, превращение «должностей» в наследственные титулы, а прав управления — в «самодержавные». Большое значение в данной связи приобретали аналогии феодального вассалитета и иерархии русских князей, бояр и дворян, «состояний» государственных крестьян в России и французских вилланов, уподобление их прикреплению к земле положению крепостных-сервов.⁷⁸ Но в дальнейшей эволюции феодализма Болтин, в отличие от «Энциклопедии», снимает социально-экономический аспект, ограничиваясь феодальным политическим строем, приближаясь в этом к вольтеровским характеристикам позднего феодализма, причем особо подчеркивает ослабление центральной политической власти и самостоятельность феодальных правителей, то есть феодальную раздробленность: «При падении рода Карла Великого все государства европейских, включая республики, управляемы были сим (феодалным. — М. С.) правом, то есть точно так, как ныне управляется Германия: каждая область, каждый уезд, каждый замок имел особенного владельца, который управлял жителями оного самовластно».⁷⁹ Понимасемое таким образом «феодалное правление», рассматриваемое как общеевропейское явление, Болтин отнес, также вслед за Вольтером, к пятисотлетнему периоду, когда знать пользовалась «по наследству правом феодальным», вела войны друг с другом и нередко со своим государем. Поэтому он привлек вольтеровскую мысль о прекращении феодализма с установлением централизованных государств. Аналогично развивалось «феодалное правление» и в России, где, как писал Болтин, «наши древние удельные князья полным феодальным правом пользовались». Но и для Руси он рассматривал «феодалное правление» ограничено — как вассальные отношения и господскую юрисдикцию («самосудная власть вельмож»), как право воевать друг с другом и с великим князем,⁸⁰ — то есть лишая его социально-экономического содержания, которое за-

ключалось в просветительской историографии прежде всего в учении о фьефе и феодальном аллоде. Поэтому было последовательным завершение Болтиным феодального периода в России царствованием Ивана Грозного. В этом проявилось воздействие более умеренной концепции Вольтера, чем «Энциклопедии». Однако логика екатерининского «Антидота», стремившегося доказать в представлениях «просвещенного абсолютизма», что в древней и современной России положение народа было лучше, чем в других странах Европы, все же оказывала воздействие на Болтина. Поэтому, опровергая Леклерка, согласно которому «рабство во Франции было в его основании умереннейшим из всех», он утверждал: «Напротив, гораздо тягочайшее, нежели когда ни есть оно было в России». В русском крепостном праве Болтин видел лишь недостатки, которые происходили в результате злоупотреблений помещиков, что следовало устранить ко взаимной выгоде господ и крестьян.⁸¹ Публицистический запал и логика «Антидота» нанесли ущерб и целостному подходу Болтина к проблеме феодализма в России. Вопреки концепционным заявлениям о происхождении «феодалного права» из фьефа-поместья, о всеобщности распространения феодального правления, вопреки аналогиям русского и французского зависимого населения Болтин при анализе русской истории, после морального осуждения общественного строя феодальной Западной Европы, пришел к мнению о существенном отличии русской истории от западноевропейской: «В Российском народе таких чувствительных и скорых перемен, как сказано было о Европейских государствах, история не представляет, понеже оный, будучи тесним, разоряем и порабощаем, никогда от победителей своих истребляем не был».⁸² Это высказывание могло бы восприниматься как противопоставление исторического развития России и стран Западной Европы,⁸³ если бы не было прямых болтинских заявлений о единстве исторического процесса (в пределах теорий XVIII в.). Мнение Болтина сложилось в результате сопоставления теории феодализма с мнением Вольтера, поддержанным Болтиным в применении к русской истории (напомним также близкую Болтину мысль Рейналя о свободе русского народа до XVI в.), и теории установления феодализма как завоевания и порабощения. (Отметим, что уже Монтескье решительно возражал против мнения о начале закрепощения германцами Галлии вскоре после завоевания и отмечал постепенность этого процесса.⁸⁴)

Болтинская теория феодализма на Руси продолжала положительные и отрицательные свойства историко-философской концепции

⁸¹ Там же. Т. 2. С. 237, 239—340.

⁸² Там же. С. 295.

⁸³ Так воспринял Д. Н. Шанский изложение Болтиным русской истории, при этом в его анализ воцарилась две существенные неточности, которые способствовали укреплению автора во мнении о противопоставлении Болтиным хода исторического развития Руси и западноевропейских стран (Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли. С. 106—107). Однако «понятие феодализма у Вольтера» значительно шире, чем только связь с крупным землевладением, как считает Шанский, а возведение «западноевропейского феодализма» к завоеванию не учитывает концепции Вико, Дюбо, Вольтера.

⁸⁴ Монтескье Ш. Избр. произв. С. 662.

⁷⁷ Там же. С. 294.

⁷⁸ Там же. С. 239—240.

⁷⁹ Там же. С. 298—299.

⁸⁰ Там же. Т. 1. С. 318; Т. 2. С. 299—300.

«просвещенного абсолютизма». Влияние Вольтера и «Энциклопедии» отразило глубинные процессы воздействия французского просветительства на либеральную часть русского дворянства. Следствием этого стало значительно более глубокое для русской дворянской историографии понимание феодализма как особой формы общественного строя и всеобщности его распространения в истории всех европейских стран, включая Россию. Положительным фактом явилось более обстоятельное раскрытие установленного в «Апгидите» отождествления фьефа и поместья, понимание связей землевладения с политическими и юридическими правами над зависимым населением, а также «феодального правления», хотя бы на поверхности явлений, как значительного периода в русской истории. Вместо описания фактов общественной истории сравнительно-исторический анализ позволил показать, правда пока по аналогии и очень ограниченно, единство форм исторического развития России и других стран Европы в феодальный период.

Вместе с тем объективные связи учения о феодализме с европейской и, в частности, российской действительностью, воздействие соловных взглядов на анализ исторических и современных общественно-политических процессов, возрастающее влияние реакционных тенденций в социальной и идеологической политике российского самодержавия, особенно после подавления крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева, — все эти причины существенно ограничили привлечение Болтиным концепций феодализма в Европе, содержащихся в «Опыте» Вольтера и тем более в «Энциклопедии». Связи фьефа и поместья, их содержание, раскрывающее единение землевладения с политическими и юридическими правами над угнетаемым зависимым населением, были сведены к средневековому периоду и не относились к современному феодально-крепостническому строю России. Исторически и уже историографически ограниченным стало понимание феодальной социально-политической системы только как ослабления центральной политической власти в удельный период, в результате чего учение о феодализме оторвалось от российской и европейской действительности XVIII в., а в канун Французской революции 1789 г. «полное феодальное правление» указывалось Болтиным лишь в Германии.

Вопрос о феодальном строе во всех его проявлениях остро встал перед самыми различными социальными группами в России в связи с революционными преобразованиями во Франции. Екатерина II и ее правительство стали одними из организаторов борьбы феодальных режимов Европы с революционной Францией — источником опасных для них идей. В России была ужесточена социальная и идеологическая политика. В 1792 г. запрещено печатание в газетах материалов о событиях в революционной Франции.⁸⁵

Все это оказало прямое воздействие на судьбы проблемы феодализма в русской дворянской исторической науке. В новых общественно-политических условиях сам Болтин значительно сузил вопрос о феодализме в Европе и, в частности, в России. В его «При-

мечаниях» на второй том «Истории» М. М. Щербатова, опубликованных в 1794 г., опущено начало становления феодального строя и такая существенная для русской историографии реалия, как фьеф-поместье, который в виде поместного землевладения определял социально-экономический и политический строй России в XVIII в. Феодализм был сужен Болтиным до обозначения удельного периода. При таком ограничении во времени и содержательно он сводился только к политической системе: выступлению германских имперских князей против императора, а русских удельных (или местных) князей против великого князя и друг против друга. Это было, по Болтину, «правление феодальное, какое тогда в России существовало в полной силе».⁸⁶ Таким образом, влияние просветительских идей в русской дворянской историографии еще более ограничивалось вследствие антифеодальной борьбы в странах Западной Европы, в условиях острой борьбы идеологий.

При таком понимании содержания и эволюции взглядов Болтина на феодализм вызывает сомнения мысль С. Л. Пештича, согласно которому в рассуждениях о феодализме в России Болтин выступал «как один из зачинателей буржуазной исторической науки в России».⁸⁷ Такая характеристика не учитывает сложную структуру историко-философской концепции «просвещенного абсолютизма», воздействие в ее пределах французских просветительских теорий на идейные представления различных групп дворянства, а также эволюцию взглядов Болтина на феодализм в России и в Европе в целом.

Ограниченное понимание феодализма в России удовлетворяло умеренную по общественно-политическим взглядам часть аристократии. Поэтому, когда И. П. Елагин, обергофмейстер Екатерины II, начал в 1790 г. книгу «Опыт повествования о России», он писал в тех же идейных представлениях о том, что «Россия в феодальных состояла уделах». «Феодальное правление» он понимал только как ослабление и распад центральной власти, вследствие чего относил его к первой половине X в., ко времени князя Игоря. Для Елагина, как ранее для Болтина, феодальная политическая система была общеевропейским явлением, поэтому, как он писал, «князи и бояре, под рукою великого князя состоящие, были, как и германские, на праве феодальном, и столько от него зависели, сколько в Германии от императора феодальные бароны <...>».⁸⁸ Опыт французских просветителей еще крепко сидел в головах екатерининских вельмож. Именно с таких позиций Елагин критиковал В. Н. Татищева за сомнения в существовании оброка и свадеб по черной куне с жениха, ссылаясь на западноевропейское *Droit de Seigneurs* — право первой ночи, предполагая его на Руси «в самой древности», которым «как князи, так и бояры яко феодальные господа <...> пользовались <...>».⁸⁹ Но это была не критика феодализма как общественного строя, а реплика либерального аристократа последней четверти

⁸⁶ Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. С. 252-253.

⁸⁷ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 3. С. 76.

⁸⁸ Елагин И. Опыт повествования о России. Кн. 1. М., 1803. С. 250, 276-277.

⁸⁹ Там же. С. 276.

⁸⁵ Штрапге М. М. Русское общество и французская революция, 1789--1794 гг. М., 1956.

XVIII в., которого не удовлетворял рационализм исторического анализа дворянской историографии первой половины XVIII в.

В отличие от историко-философской концепции «просвещенного абсолютизма», а также исторических идей С. Е. Десницкого, содержащих значительные возможности для изучения феодального строя на Руси и его генезиса, консервативно-аристократический подход к изучению русской истории решительно отбрасывал эту проблему. В период реформ Екатерины II, крестьянской войны в России и революции во Франции для князя М. М. Щербатова, в противоположность теории прогрессивного развития общества, «наука истории» «удобна есть подать нам наставления во всяких случаях, внушая нам примеры старобытных деяний <...>». ⁹⁰ В истории России он видел прежде всего «историю правлений и пороков». ⁹¹ При этом появление последних он неразрывно связывал с реформами Петра I, о чем демонстративно заявлял в историко-публицистических произведениях «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» и «О повреждении правов в России». Щербатов хорошо знал письменные источники и опубликовал некоторые из них, но его интересовало в них лишь подтверждение справедливости его идеала — аристократической монархии и дворянства как «основания» и «подпоры» в «созидании России». Для обоснования своего мнения он привлекал соответствующим образом интерпретированные теории естественного права и общественного договора, влияния природных условий и плотности населения на государственное устройство страны, концепции английского философа-агностика Юма и энциклопедиста Гольбаха. ⁹² Поэтому при изучении истории российского дворянства он снял вопрос о его происхождении, антиисторично утверждая (даже в пределах научных представлений своего времени) о существовании дворянства «во всех государствах света как древних, так и новых», приводя в качестве примера персов, римлян, «карфагенцев», «греческие народные республики», ⁹³ явно смешивая дворянство как феодальное сословие и знать различных по социально-экономической природе обществ. Данный тезис нужен был Щербатову для доказательства извечности дворянства. Этот антиисторизм служил ему для вполне конкретных идейно-политических задач: «<...> 1-е показать химеру равности состояний новых философов; 2-е доказать полезность государств в сохранении дворянского корпуса; 3-е изыскать koliko возможно препорциональную черту людей, где право дворянское поставлено должно быть». ⁹⁴ Щербатову в апологии дворянства, в утверждении его извечности в прошедшие и будущие времена были чужды концепции феодального строя. Он не мог не видеть тождество западноевропейского земельного фьефа и русского поместья. Но Щербатов лишь ограничился установлением начала поместной системы с конца XV в., не связывая ее

⁹⁰ Щербатов М. М. Сочинения. Т. 2. СПб., 1898. Стб. 515.

⁹¹ Там же. Стб. 150.

⁹² Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 116—137; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 3. С. 5—48; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. С. 219—235; Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967.

⁹³ Щербатов М. М. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. Стб. 219.

⁹⁴ Там же. Стб. 222.

с историей феодального строя. ⁹⁵ Поэтому ему был близок Буленвилье в утверждении, согласно которому часть русских «дворянских фамилий» ведет свое происхождение от Рюрика. ⁹⁶ Впрочем, это «дворянство» оказывалось у него лишенным социально-экономического содержания до конца XV в. Для Щербатова не существовало научного и тем более социально-политического вопроса о феодализме. Анализ исторических событий он заменил их описательным изложением по княжениям и царствованиям в консервативно-аристократической интерпретации.

⁹⁵ Значительное сужение содержания проблемы феодализма в русской историографии XVIII в. удельным периодом, лишение ее социально-экономического содержания превращали «феодализм» в понятие отвлеченное, тему «академического» изучения, полностью оторванного от анализа российского феодально-крепостного строя. Поэтому учение о феодализме в России, испытывая активное влияние российской действительности, не могло воздействовать на эту действительность, что сказывалось на содержании радикальных теорий уже на начальном этапе дворянского периода революционного движения и просветительства в России конца XVIII в. Причиной этого являлись ограниченные возможности преобладающего в просветительстве XVIII в. материалистического сенсуализма как философской основы научного анализа, узкое содержательно и хронологически понимание русской наукой феодального строя, а также целенаправленный анализ исторических фактов и современности. В исторической действительности А. Н. Радищев и Н. И. Новиков избирали объекты для подражания и для обоснования современной революционной и просветительской практики (например, Новгород и вече как символы народной свободы), в современной — конкретные объекты для революционной пропаганды и просветительской критики. Концепция феодализма в качестве средства научного анализа в западноевропейских понятиях оказывалась ненужной. Она была бы непонятна российским читателям, к которым эти пропаганда и критика обращались.

Таким образом, проблема феодализма в России рассматривалась в русской науке XVIII в. на уровне аналогий и свойственных Европе единых исторических закономерностей. Она способствовала преодолению в исторических разысканиях описательности, прагматического изложения во внешних причинно-следственных связях и веда к исследованию, приближающему к познанию сущности изучаемых явлений. Теории феодализма содержали также значительные нереализованные возможности для анализа современной феодально-крепостнической действительности России. Научный и общественно-политический аспекты определили особое значение изучения феодального строя в русской истории.

С другой стороны, в русской исторической науке XVIII в. сложилось отличающееся по содержанию, параллельное исследовательское направление. Оно определяло категории господствующего и за-

⁹⁵ Щербатов М. История Российская от древнейших времен. Т. 4, ч. 2. СПб., 1783. С. 306—307.

⁹⁶ Щербатов М. М. Сочинения. Т. 1. Стб. 87.

висимого населения, социальные и политические структуры в терминах русского средневековья, вне аналитических возможностей концепции феодализма. Но оба эти направления начали собирание и изучение письменных источников, содержащих материалы для анализа истории общественных отношений на Руси: летописи, Русскую Правду, судебники, акты, иностранные источники. При изучении истории Руси основное внимание уделялось пока правлению князей и царей, политической истории страны или истории народа (в трудах В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова) в самом широком обозначении этнической общности.

В дворянской историографии конца XVIII — начала XIX в. продолжались традиции историко-философской концепции «просвещенного абсолютизма», изучения проблемы феодализма на Руси. Они наполнялись новым содержанием в условиях идейного воздействия Великой французской революции, позднее — ангинаполосоновских войн и победы в Отечественной войне 1812 г., подъема дворянского революционного движения. Большую роль в сохранении этих традиций и их развитии в дворянской историографии сыграл М. Н. Муравьев. Он хорошо известен как литератор, но исторические взгляды его только начинают изучаться.⁹⁷

Екатерина II в 1785 г. поручила 28-летнему Муравьеву преподавать русскую словесность, русскую историю и «правственную философию» своим внукам Александру, будущему императору, и Константину (до 1796 г.). В царствование Александра I он стал крупным придворным сановником, сенатором, товарищем министра народного просвещения, либеральным попечителем Московского университета. В литературе Муравьев являлся одним из родоначальников сентиментализма и эстетики предромантизма. Его творчество было одним из звеньев в развитии русской литературы от А. П. Сумарокова к поэзии В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова, к прозе Н. М. Карамзина. В истории исторической науки он также соединял XIX в. и век минувший, исследования Карамзина и труды И. Н. Болтина, М. М. Щербатова, И. П. Елагина. Муравьев содействовал назначению Карамзина на должность официального историографа,⁹⁸ тогда как Карамзин не только высоко оценил исторические работы Муравьева, но издал их после его смерти, в 1810 г.

Муравьев пошел дальше своих предшественников в русской дворянской историографии в восприятии идей западноевропейского Просвещения. В этюде «Об истории и историках» он с похвалой отзывался о Болингброке, Юме, Робертсоне, Гиббоне, Фергюссоне, Монтескье, Мабли, Руссо, Кондильяке (в порядке перечисления Муравьевым), которые «обратили философию на изучение человека в обществе».⁹⁹ Это указание особой роли философии истории в трудах крупнейших западноевропейских ученых свидетельствовало о более

⁹⁷ Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 13. Л., 1981. С. 167—184.

⁹⁸ Именно к М. Н. Муравьеву обратился Карамзин с просьбой о назначении ему пенсии, чтобы он смог «сочинять русскую историю» (РГБ РО. ф. 488, к. 1, ед. хр. 4, л. 1—1 об.).

⁹⁹ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 2. СПб., 1819. С. 13—14.

глубоком, чем прежде, понимании основной тенденции в развитии общественных наук. Новым для русской исторической литературы стало открыто выраженное осуждение описательных методов, преобладавших в историографии XVIII в., и призыв (со ссылкой на крупнейшие авторитеты того времени) к определению основных внутренних закономерностей, причинно-следственных связей в истории человеческого общества.¹⁰⁰ В период широкого распространения революционных идей у Муравьева появилась тема гражданственной позиции философа и историка: «История есть наука по превосходству Государя и гражданина. Какой Философ не удостоит унизиться к восприятию на себя последнего имени».¹⁰¹ Проблема феодализма на Руси появилась в исторических изысканиях Муравьева как следствие осознанного применения философии к истории, установления единства исторического развития, преобладания анализа исторических событий над описанием.

Муравьев поддерживал те идеи предшественников, в которых феодализм характеризовался как общеевропейское явление. Он связывал начало феодализма, вслед за французскими просветителями, с «разделением» «пространных областей», обширных государств, образованных «силою завоевателя». Истоки «феодального права» он указывал в «древних обычаях Германских» и в необходимости обороны страны, для чего «Государю» «жаловали и поместья <...> благородным» и «вельможам», передавая им «право владения». Значительное влияние идей Вольтера и особенно Болтина прослеживается в характеристиках происхождения и последующего развития феодализма как вассально-иерархической системы, которая привела к политической анархии с войной «больших вассалов» друг с другом и с государем, с княжескими «съездами или сеймами».¹⁰² Вслед за поздним Болтиным Муравьев снял важнейший вопрос о фьефе-поместье как составной части феодального строя, вследствие чего тот прекращался с установлением «сильных монархий». Поскольку «феодальное или поместное владение» было связано для него с удельным периодом и удельный «образ правления» являлся «сходственным некоторым образом с феодальной системою», то болтинские 500 лет феодализма на Руси были отнесены им (с более точным, чем у Болтина, хронологическим подсчетом) ко времени от Святослава до Ивана III, когда Россия освободилась «от ига иноплеменников», были уничтожены «удельные правления» и соединены «княжества и области российские в единое государство».¹⁰³

Теория феодализма продолжала служить Муравьеву в новых общественно-политических условиях задачам утверждения единства исторического процесса, объяснения строя средневековой Руси. Но выражением гражданской позиции проблема феодализма в России в изысканиях Муравьева не стала: она была оторвана от современной действительности и ограничена средневековьем, в чем проявилась сословная позиция исследователя.

¹⁰⁰ Там же. С. 13—15.

¹⁰¹ Там же. С. 15.

¹⁰² Там же. С. 59—60, 67—68.

¹⁰³ Там же. С. 68—69, 197—199.

Другое понимание проблемы феодализма на Руси в отечественной историографии начала XIX в. восходило к крупному ученому эпохи Просвещения в Германии А. Л. Шлецеру. В своих трудах он уделял большое внимание истории России, где в 1761—1765 гг. находился на службе в Академии наук. В отечественной литературе длительное время велась дискуссия о значении Шлецера для русской исторической науки, при этом большое значение приобрела критика его норманистских взглядов. Сейчас преодолены как апологетический, так и односторонний негативный подходы к творчеству Шлецера, показан его позитивный вклад в историю русской науки.¹⁰⁴

В своем труде «Нестор» Шлецер указал на «ленный строй» (Lehenswesen) при разделе Рюриком областей и городов между мужами Рюрика. Этот раздел он рассматривал как единое для всей Европы историческое явление в эпоху переселения народов, а в конкретных условиях Руси — «норманнов, как и всех древних германцев». В нем он видел начало «ленного строя». Летописных «мужей» он отождествил с вассалами-«ленниками» (Lehensleute). «Исчезновение ленов» Шлецер рационалистически объяснил тем, что «ленный строй» не был «отделан» так хорошо и искусно, как в других странах, и поэтому был поглощен «деспотическим монархизмом».¹⁰⁵

Эти мысли были новыми для Шлецера. Они являлись логическим продолжением идей И. Н. Болтина и П.-Ш. Левека, в которые он вводил существенные коррективы. Источник этих коррективов заключается в концепции Гердера о распространении «ленного строя» с завоевателями — норманнами. Шлецер лишь применил концепцию Гердера к истории России, чего не сделал немецкий философ. В концепции Шлецера «о ленном строе» в Древней Руси были продолжены в новой интерпретации идеи русской историографии периода «просвещенного абсолютизма», французского и немецкого Просвещения конца XVIII в. Мысли о феодальном строе на Руси в кругу этих идей, видимо, были уже достаточно широко известны просвещенным читателям начала XIX столетия, так что переводчик «Нестора» Д. Языков перевел шлецеровское мнение об утверждении Рюриком на Руси «вида ленного строя» (подобно Гердеру) как «род феодального правления».¹⁰⁶ Эта терминология была более привычна.

Проблема феодализма, восходившая к кругу идей «просвещенного абсолютизма» в России, а также умеренные по социально-политическому содержанию просветительские теории воздействовали на передовую русскую общественную мысль еще в начале XIX в. Прочно было усвоено мнение о «феодальных веках Европы» как периоде невежества, фанатизма, междоусобных кровопролитных

¹⁰⁴ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 2. С. 231—242; Mühlfordt G. August Ludwig Schlözer, 1735—1809 // Wegbereiter der deutsch-slavischen Wechelseitigkeit / Hrsg. von E. Winter und G. Jarosch. Berlin, 1983. S. 133—156 (см. там же литературу вопроса).

¹⁰⁵ Schlözer A. L. Нестор: Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache. Т. 2. Göttingen, 1802. S. 207—210.

¹⁰⁶ Шлецер А. Л. Нестор: Русские летописи на Древнеславянском языке / Пер. Д. Языкова. СПб., 1809. С. 357; ср.: Schlözer A. L. Нестор. Т. 1. Göttingen, 1802. S. 202.

войн, которые были побеждены «светом просвещения».¹⁰⁷ Но идея о завоевании — причине появления поместий-фьефов — дезориентировала при объяснении происхождения крепостного права. А. С. Кайсаров, например, не мог не заметить, что «наши дворяне владеют именьями не столько по праву победителей, сколько в силу купчих крепостей», но все же оговаривал, что большинство русских дворян ведет свое происхождение от татар, немцев или поляков,¹⁰⁸ указывая причины появления крепостного права и сословного строя во внешних факторах.

Изучение феодализма, его происхождения, приобретало актуальное значение не только для исторической науки, но и для развития русской общественной мысли. Эта научная проблема становилась полем острой идейной борьбы.

Под воздействием просветительских идей и событий Великой французской революции, либерализации общественной жизни в начале царствования Александра I для русских общественных деятелей раскрывались прямые связи концепции феодализма с российской действительностью, исторической и современной. Это свойство концепции феодализма в России проявилось в либеральных проектах реформ М. М. Сперанского. Прекрасно знакомый с трудами Монтескье, Вольтера, Дидро, он выступил за преобразования сословно-политического строя страны. Сперанский в полной мере овладел учением о феодализме, его понятийным аппаратом. Поэтому в записке «О коренных законах государства» (1802 г.), обращаясь к истории России для объяснения происхождения сословных различий, он приводил аналогии со средневековым Западом. Бояр он сравнивал с западноевропейскими князьями, графами, маркизами, баронами, занимавшими высшие военные и государственные должности, имевшими «великие поместья». Это «были по тогдашней общей феодальной системе» сюзерены. Дворяне являлись их «вассалами», составлявшими их «свиту или дружину», владевшими «небольшими поместьями».¹⁰⁹ Таким образом, уже на раннем этапе своей деятельности М. М. Сперанский активно привлек научные знания о Древней Руси к анализу истории социального строя России современной, используя учение о феодализме, в котором отметил крупное землевладение высшей знати, ее верховные военно-политические функции, вассалитет и мелкое землевладение дружинников-вассалов. Большие научные и общественно-политические возможности этой теории были раскрыты Сперанским во «Введении к Уложению государственных законов» (1809 г.). В это время он уже стал видным сановником, доверенным лицом Александра I. «Введение» содержало программу важнейших социально-политических преобразований в стране и предназначалось для прочтения императором.

Сперанский указал в древности три «великих» политических системы. «Систему республику» он отнес к Древней Греции и Риму. Возникновение «Системы феодальной» он связывал с «Севером» и

¹⁰⁷ Понугаев В. В. О благополучии народных тел // Русские просветители (от Радышева до декабристов). Т. 1. М., 1966. С. 288.

¹⁰⁸ Кайсаров А. С. Об освобождении крепостных в России // Там же. С. 363.

¹⁰⁹ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 51—52.

с последующим распространением ее отсюда «по всей Европе», что продолжило с незначительным коррективом просветительские концепции XVIII в. о происхождении феодализма из завоеваний германцев. «Систему деспотическую» он относил к странам Востока. Содержание «феодальной системы» Сперанский раскрывал как «власть самодержавную, ограничиваемую не законом, но вещественным или, так сказать, материальным ее разделением». Хотя это определение сужало феодализм до политической системы ослабления центральной государственной власти, характеристика власти государя как самодержавной, составлявшей основу феодальной системы, позволяла проследить, хотя бы на поверхности явлений, феодальную природу самодержавной власти в период ее укрепления. Такое мнение преодолеvalo уже сложившуюся в исторической науке традицию ограничения феодализма периодом феодальной раздробленности. При этом определение самодержавия приобретало не только научные, но и ясно выраженные общественно-политические свойства. Согласно Сперанскому, «на развалинах первой феодальной системы утвердилась вторая, которую можно назвать феодальным самодержавием; в ней оставались еще следы первых установлений, но сила их совершенно изменилась. Правление было еще самовластное, но не раздельное».¹¹⁰ Связывая с феодальным самодержавием отсутствие политической и гражданской свободы, он указывал на неизбежность перехода от «феодального правления к республиканскому» в результате роста «просвещения и промышленности».¹¹¹ Сперанский подчеркивал всеобщность этого исторического явления в европейских странах как форму антифеодальной борьбы (примерами для него служили Швейцария, Голландия, Швеция, Франция, Венгрия, из неевропейских стран — США). В качестве «главного действующего начала» «перехода от феодального правления к республиканскому» он назвал «время и состояние гражданского образования».¹¹²

В контексте этого единого процесса развития европейских стран Сперанский указывал конкретные пути эволюции общественного строя России. Уже традиционно для русской дворянской историографии, а также для просветительских концепций он отметил феодализм в России в удельной системе, но в отличие от предшественников увидел в ней только первый период «феодального правления», за которым следовал второй его период — самодержавный.¹¹³

Исторический экскурс служил Сперанскому для подведения читателя (Александра I) или читателей «Введения» к реальной оценке общественного состояния современной им России: «<...> в общем движении человеческого разума государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, то есть в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе».¹¹⁴ Этот важнейший вывод был сделан не для революционных преобразований,

¹¹⁰ Там же. С. 154—155.

¹¹¹ Там же. С. 155—156.

¹¹² Там же. С. 154—155.

¹¹³ Там же. С. 156.

¹¹⁴ Там же. С. 160.

а для убеждения в необходимости либеральных реформ, предлагаемых Сперанским: учреждение конституционной монархии, ограничение сословных привилегий дворянства, ограничение и последующая ликвидация крепостного права, расширение избирательных прав вне сословного принципа, но с учетом имущественного ценза.¹¹⁵ Впрочем, в уроках революций в Западной Европе и Северной Америке он заметил содержание исторического прогресса, хотя и в пределах либерального исторического и общественно-политического анализа. Это позволило ему преодолеть традиционное отнесение феодализма к удельному периоду, показать преемственность феодализма как политической системы в самодержавном строе и прийти к выводу об объективной закономерности перехода от феодализма к новой социально-политической системе.

Прогрессивность этих взглядов даже в либерально-конституционных представлениях шла вразрез с идеологией и практикой российского самодержавия. Сперанский был в 1812 г. сослан, а его записки и проекты упрятаны в государственные и личные архивы. Однако их политический потенциал и научная значимость были столь существенны, что декабрист Н. И. Тургенев, который читал «Введение», отметил: «Если учесть, что эта работа была выполнена до 1812 г., нельзя не признать, что Сперанский являлся одним из наиболее передовых людей своей эпохи, не только в России, но также во всей континентальной Европе».¹¹⁶ Содержание «Введения» стало причиной того, что барон М. А. Корф, представитель самодержавно-охранительного направления в русской историографии, не опубликовал труд Сперанского.¹¹⁷ Да и позднее, в пореформенной России, А. Н. Пыпин не смог этого сделать.¹¹⁸

Проблема феодализма в России не нашла распространения в русской дворянской историографии первой половины 10-х гг. XIX в.¹¹⁹ Причин этому несколько. Историко-философская концепция «просвещенного абсолютизма», сформулированная в 60-е гг. XVIII в. и развитая умеренным дворянским направлением в историографии, исчерпала себя в новых исторических условиях. Вместе с тем проблема феодализма демонстрировала неограниченные возможности в изучении исторической и современной действительности начала XIX в. Поэтому в феодально-крепостнической России ее научное содержание существенно ограничивалось или вообще, как в случае со Сперанским, проблема феодализма в России запрещалась вместе с произведениями, в которых она анализировалась.

¹¹⁵ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 245—250; Корнилов В. А. Общественно-политические взгляды и деятельность М. М. Сперанского. М., 1974. С. 17—18; Калягин В. А. Политические взгляды М. М. Сперанского. Саратов, 1973. С. 32—48.

¹¹⁶ Tourgueneff N. La Russie et les Russes. T. 1. Paris, 1847. P. 573—574.

¹¹⁷ Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 112—113.

¹¹⁸ Пыпин А. Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. С. 189; Валк С. Предисловие // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 3—15; Его же. Законодательные проекты М. М. Сперанского в печати и в рукописях // ИЗ. Т. 54. 1955. С. 464—472.

¹¹⁹ Строев П. Краткая Российская история в пользу Российского юношества. М., 1814. С. 1; Глинка С. Русская история в пользу воспитания. 2-е изд. Ч. 1. М., 1817. С. 124—125.

Отсутствие проблемы феодализма в «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзина представляется идейной демонстрацией. Написанная в то же время, что и «Введение» Сперанского, также предназначенная для прочтения Александром I, «Записка» представляла собой апологию самодержавия и российского дворянства. По содержанию и назначению она была противоположна «Введению» Сперанского, выражая идейную позицию консервативной части дворянства. В этом столкновении различных по содержанию идей Карамзин обошел молчанием проблему феодализма, которая в научной и общественно-политической позиции Сперанского имела такое большое значение. В истории Руси он указал «удельный период», причина которого заключалась в «государственной общей язве тогдашнего времени, которую народы германские сообщили Европе».¹²⁰ Но это была лишь необходимая дань французским просветительским теориям просвещенного человека, причем эти теории лишились их грозного по идейному содержанию содержания учения о феодализме в европейских странах.

Впрочем, формулируя концепцию истории России в качестве официального историографа, Карамзин не смог обойти уже давно существующую в исторической науке и общественно-политической мысли теорию о феодальном строе в истории Европы, в частности в русской истории, тем более что он стремился показать единство общеевропейского исторического развития. В основе этих идей находились хорошо знакомые Карамзину концепции западноевропейского Просвещения XVIII в., особенно российского «просвещенного абсолютизма», а также общественно-политическое содержание новейшей истории России. Карамзин начал работу над первым томом «Истории государства Российского» в 1804 г., опубликовал его в 1816 г. В эти годы Россия участвовала в антинаполеоновских войнах 1805—1807 гг., победила в Отечественной войне 1812 г. и внесла значительный вклад в разгром наполеоновской империи в 1813—1814 гг. Отсюда насыщенность книги идеями самосознания, значимости отечественной истории в едином европейском историческом процессе как в современной истории, так и в древности.

Согласно Карамзину, разрозненные «на малые области» славянские и неславянские народы были объединены варягами в две «самодержавные области»: на севере — Рюриком, на юге — Аскольдом и Диром. В 864 г. Рюрик, объединив северные «области», «основал монархию Российскую». Таким образом, Карамзин распространил, в соответствии с традициями историографии XVIII в., самодержавную концепцию самостоятельной монархической власти на ее происхождение в древнейший период русской истории (по отношению к местному славянскому населению и его общественно-политическим институтам), а норманнская теория приобрела новую функцию, превратившись в одно из исторических «обоснований» абсолютной власти российских монархов. Карамзин не противопоставлял «феодализм» самодержавию, как поступали предшествующие и современные ему историки и философы, а сделал «феодализм» про-

изводным от самодержавной власти. Рюрик, писал Карамзин, «приняв единовластие», стал раздавать завоеванные земли «знаменитым единоплеменникам своим».¹²¹ Тем самым норманнская теория служила также для объяснения политической системы Древней Руси. Но это был для Карамзина только мостик в рассуждениях, чтобы показать, хотя и не без сомнения, появление феодализма в России как всеобщей закономерности: «<...> вместе с верховной Княжескою властью утвердилась в России, кажется, и Система Феодальная, Поместная или Удельная, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские». Однако, отходя от просветительской традиции, Карамзин ограничился признанием феодализма только как политической системы. Ее сущность он рационалистически раскрывал как сущность «системы сообразной с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях». Феодализм для Карамзина был системой насилия и формой благодарности «государя» верным «вельможам», «завоевателям» за завоевание «областей».¹²² отождествление фьефа и поместья в историко-философской концепции «просвещенного абсолютизма» было перенесено им с господского хозяйства на «поместную систему» владения городами. Такое определение сущности феодализма соответствовало мнению Карамзина о киевском князе как «самовластном Государе», верховном земельном собственнике на Руси.¹²³ Но, упомянув «феодальную систему» в IX в., он опустил ее в последующем изложении, сведя политическую историю Руси к постоянному выделению уделов. В этом выделении уделов, несмотря на его отрицательные следствия, Карамзин также стремился установить объективную закономерность, «ибо самые великие люди действуют сообразно с образом мыслей и правилами своего века».¹²⁴ В содержании этой системы ясно видны элементы просветительских теорий, а также историографии «просвещенного абсолютизма» — феодализм трактуется как политическая система: 1) «варяги, на условиях Поместной Системы владевшие городами, имели титул Князей», 2) «дети их, заслужив милость Государя, могли получать те же Удель», 3) великий князь являлся сюзереном удельных княжеств, отданных сыновьям, — аналогия апанажей, 4) «другие города и волости непосредственно зависели от Великого Князя: он управлял ими чрез своих Посадников или Наместников».¹²⁵ Таким образом, «Система Феодальная» продолжала оставаться определяющей в характеристике Карамзиным политического строя Руси до начала XVI в.

Если принять во внимание эти наблюдения о происхождении уделов в «Системе Феодальной», о понимании уделов как апанажей, феодальных владений принцев королевской крови, то становится очевидным, что для Карамзина «Система Уделов», от Рюрика до

¹²⁰ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 3.

¹²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. 116.

¹²² Там же. С. 116—117.

¹²³ Там же. С. 235—236.

¹²⁴ Там же. С. 221.

¹²⁵ Там же. С. 236.

Ивана III,¹²⁶ значила больше, чем просто уделы как форма княжеского владения (такое мнение было широко распространено в русской науке XVIII — начала XIX в.). В основе карамзинского представления о «Системе Уделов» находилась теория об апанажах как особой форме феодальной иерархической политической системы. Отсюда его совпадение с мнением М. Н. Муравьева (в продолжение идей Вольтера) о «феодальном или поместном владении» от Святослава до Ивана III (Карамзин также начинал со Святослава наделение уделами сыновей великого князя).¹²⁷

В связи с карамзинской концепцией феодализма в Древней Руси возникает вопрос о ее источниках. С. М. Соловьев, который обратил внимание на эту проблему, полагал, что Карамзин вторил Шлецеру.¹²⁸ Эта мысль отчасти верна, но она не отвечает на вопрос во всей его сложности, поскольку Шлецер о феодализме на Руси прямо не писал. Представляется, что концепция Карамзина явилась следствием переработки ряда мнений. В ней трансформировалась просветительская идея Гердера (это была дань Карамзина увлечениям молодости¹²⁹) о всеобщности распространения феодализма в Европе вследствие завоевания германцев и норманнов, но при этом привлекалась также шлецеровская интерпретация этой идеи, значительно сузившая ее содержание и связавшая ее с варягами на Руси. Хорошо знал Карамзин сочинение Левека (возможно, и Леклерка). Источником карамзинской теории феодализма на Руси являлись также идеи русской историко-философской концепции «просвещенного абсолютизма», отраженные в трудах И. Н. Болтина и М. Н. Муравьева. Таким образом, взгляды Карамзина на феодальное содержание политического строя Руси в IX—XV вв. сохраняли традиции передового направления в русской дворянской историографии, хотя оно и было существенно ограничено под воздействием его общественно-политической позиции.

Концепция Карамзина, официального историографа Российской империи, оказала большое влияние на современную ему дворянскую историческую науку.¹³⁰ Лишенное революционизирующего свойства карамзинское понимание феодализма вошло в официальную монархическую историческую концепцию, но сохранило в трансформированном виде традиции европейского Просвещения и «просвещенного абсолютизма». Теория Н. М. Карамзина в конце 10-х — 20-е гг. стала составной частью учебной схемы русской истории¹³¹ нового либерального направления русского просветительства. Таким обра-

¹²⁶ Там же. С. XXV.

¹²⁷ Там же. С. 179.

¹²⁸ Соловьев С. М. Собр. соч. СПб., б. г. Стб. 1414.

¹²⁹ О воздействии идей Гердера на труды Карамзина см.: Рубинштейн И. Л. Русская историография. С. 169; Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина — писателя и публициста // XVIII век. Сб. 13. С. 132—155 (см. там же литературу вопроса).

¹³⁰ Об острой борьбе мнений вокруг «Истории государства Российского» Карамзина см.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд. М., 1986. С. 37—67; Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

¹³¹ Строев П. Краткая Российская история для начинающих. 2-е изд. М., 1819. С. 10; Кайданов И. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829. С. 2.

зом, понимание средневековой Руси (включая древнерусский период) как феодальной широко вошло в круг знаний образованных русских людей конца XVIII — первой четверти XIX в. Развитие дворянской революционной общественно-политической и исторической мысли, распространение идей романтической школы историографии в России создавали условия для нового понимания содержания и путей феодализма на Руси в соответствии с новым уровнем общественных идей и исторической науки.

4. Борьба идей вокруг концепции феодализма в романтической историографии 20-х — начала 30-х гг. Идеиное содержание исторических теорий декабристов определялось революционной борьбой прогрессивной части дворянства с самодержавно-крепостнической российской действительностью, а также концепцией романтизма. Политическая программа декабристов предполагала отмену крепостного права, конституционную монархию, а с ростом радикализма — республиканские преобразования, уничтожение сословий и т. д. Эти задачи политической борьбы влияли на особый отбор исторических проблем и их решение. Воспитанные под влиянием французских просветителей, идей Великой французской революции, революционного демократизма А. Н. Радищева и русского просветительства XVIII в. (прежде всего Н. И. Новикова), декабристы пылливо обращались к прошлому для понимания настоящего. Чтение трудов новейших историков, философов, экономистов, публицистов — О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, И. Бенгама, Б. Констан, Ж. Сея, Д. Прадта — познакомило их, прежде всего профессиональных военных, с последними достижениями исторической науки, социологии, экономики, правоведения.¹³²

В историографии правомерно поставлен вопрос о декабристах как зачинателях романтической историографии в России.¹³³ В соответствии с принципами романтической школы изучать историю народа, а не государей, дух эпохи, силу обстоятельств, а не проявление индивидуальной воли декабристы пересмотрели те исторические сюжеты, которые брались предшественниками в основание феодализма в Древней Руси. Особой роли варягов противостояло отрицание самовластия Рюрика и «правление народное». Утверждению политических декабристских принципов народного суверенитета, республиканского строя, «русской свободе» (К. Ф. Рылеев) служили в качестве исторического обоснования темы народного веча и вечевого строя Новгорода, которые были противопоставлены самодержавию царской власти. Формированию этой романтически образной системы понятий способствовали представления о «народе» как некоем социально нерасчлененном коллективе, о вече как выражении свободы и равноправия (понимаемом абстрактно, вне реальных социально-политических категорий средневекового общества), об идиллических пирах, где сидели «богач подле бедного, знатный с простолудином, иноверец рядом с православным. Все смешано, все дышит братством и дружеством».¹³⁴

¹³² Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 29—57.

¹³³ Там же. С. 138—140.

¹³⁴ Марлинский А. Второе полн. собр. соч. Т. 3, ч. 7. СПб., 1847. С. 161. О взглядах декабристов на историю древней Руси см.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. С. 305—347.

Начало «рабства» Н. И. Тургенев отнес лишь к крепостному праву, которое было введено в XVI в. российскими государями вследствие «рокового заблуждения».¹³⁵ Декабристы, подобно Радищеву, боролась с различными проявлениями феодализма, не устанавливая их единую социально-экономическую и политическую природу. Прежние концепции феодализма, восходившие к идеям просветительства XVIII в., были ограничены в дворянской историографии, новые — французской романтической историографии — еще не освоены. Поэтому декабристы относили «феодальную систему» лишь к странам Западной Европы и не видели ее в отечественной истории.¹³⁶ Как и во времена А. Н. Радищева, историческое прошлое России оставалось для нового поколения революционеров элементом обоснования современной революционной практики, тогда как аналитическая концепция «феодализма» в понятиях, отсутствующих в русской истории, была бы непонятна широким кругам рядовых читателей. Правда, такое осознание путей исторического развития вносило диссонанс в понимание декабристами единства исторического процесса, составной частью которого в европейском революционном процессе они себя осознавали. Этот существенный недостаток в исторических построениях преодолел идеолог радикального направления в декабризме П. И. Пестель, который широко привлек опыт, накопленный передовой тогда французской романтической историографией.

Во французской социально-политической жизни и в общественных науках учение о феодализме вновь стало темой острейших идейных столкновений во второй половине 10-х — 20-е гг., с реставрацией Бурбонов. Дворянство стремилось восстановить свои социально-экономические, политические и правовые привилегии, окрепшая в период республики и наполеоновской империи буржуазия активно сопротивлялась наступлению феодальной реакции на свои права, крестьянство защищало завоеванные в ходе революции землю и гражданское достоинство. В этих условиях во французской буржуазной исторической науке родилось учение о классах и классовой борьбе, причем оно неразрывно связывалось с историей феодального строя во Франции.

Огюстен Тьерри, родоначальник французской романтической историографии, опубликовал в 1820 г. статью, в которой писал: «Мы полагаем, что составляем одну нацию, но мы являемся двумя нациями на одной земле, двумя враждебными нациями в своих воспоминаниях, непримиримыми в своих замыслах: одна когда-то завоевана другой <...>».¹³⁷ Тьерри использовал давнюю теорию завоевания, которая широко привлекалась публицистами эпохи французской революции,¹³⁸ но наполнил ее новым содержанием. Важным импуль-

¹³⁵ *Tourgueneff N. La Russie et les Russes. T. 2. Paris, 1847. P. 498.*

¹³⁶ Историкографический анализ взглядов декабристов на проблему феодализма см.: *Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. С. 212—237.*

¹³⁷ *Thierry A. Dix ans d'études historique. Bruxelles, 1835. P. 274.*

¹³⁸ *Рейзов Б. Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956. С. 76.*

сом для его творчества стали идеи социалистического утописта Анри Сен-Симона, учеником и секретарем которого он был в 1814 — 1817 гг. Под его влиянием Тьерри стал писать историю как историю народа, «массы», классов и классовой борьбы,¹³⁹ но при этом истоки феодализма и причины появления феодальных классов он видел в различии «рас» (то есть народов); завоевателей — франков и завоеванных — галло-римлян. Первые становились аристократами и феодалами, вторые — «третьим сословием», городской буржуазией и крестьянством. В условиях режима Реставрации Тьерри безоговорочно встал на сторону политически побежденной, но быстро экономически усиливавшейся буржуазии, которая стремилась к политической власти даже путем революции.¹⁴⁰

Тьерри стремился установить единство феодального периода от раннего средневековья до нового времени, что было утрачено либеральным направлением просветительства XVIII в. Впервые в исторической науке Тьерри показал предшествующую историю как историю борьбы классов.

Современник Тьерри Ф. Гизо понимал необходимость дальнейшей научной разработки учения о феодализме, раскрытия его социально-экономической структуры. Поэтому в «Опытах по истории Франции», опубликованных в 1823 г., он отодвигает на второй план вопрос о роли завоевания в становлении феодализма. Он отмечает, что в процессе образования феодализма королевская власть (а после смерти Карла Великого «феодализм завоевал общество»), король стали «скорее достоинством (dignité), чем властью».¹⁴¹ Но основное в феодализме для Гизо — «состояние земель» и определяемые им вассальные отношения: аллоды в V—X вв., бенефиции временные, пожизненные, наследственные, феодальные права и обязанности, коммендация, податные земли, сословная принадлежность (l'état des personnes). В этом определении поземельных отношений как материальных причин возникновения феодального строя в бенефициях,¹⁴² в крупном землевладении, соединенном с властью над зависимым населением,¹⁴³ он возвращался к наблюдениям энциклопедистов, и это позволило ему значительно более глубоко, чем Тьерри, раскрыть социально-экономическую структуру феодального общества. Соединяя традиции изучения землевладения и поземельных отношений с новейшим учением о классах и классовой борьбе, Гизо выделял в процессе становления и развития феодального общества в V—X вв. «четыре класса людей»: 1) собственников аллодов, 2) собственников бенефициев, 3) владельцев податных земель (terres tributaires) по различному праву и под разными условиями, 4) крепостных (serfs).¹⁴⁴ Он рассмотрел также общественное положение ду-

¹³⁹ *Кучеренко Г. С. Сен-Симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975. С. 249—269.*

¹⁴⁰ *Вайнштейн О. Л. Историография средних веков... С. 182—185; Косминский Е. А. Историография средних веков. С. 371—381; Рейзов Б. Г. Французская романтическая историография. С. 69—122.*

¹⁴¹ *Guizot F. Essais sur l'histoire de France. 5. éd. Paris, 1841. P. 64—65.*

¹⁴² *Ibid. P. 145.*

¹⁴³ *Ibid. P. 264.*

¹⁴⁴ *Ibid. P. 138.*

ховенства, свободных людей и освобожденных.¹⁴⁵ Но будущее развитие общества заключалось, согласно Гизо, в борьбе с «феодалным режимом», когда короли завоевали свою власть, а городские коммюны — свою свободу.¹⁴⁶ В. М. Даллин отметил в творчестве раннего Гизо (1821 г.), наряду с признанием им исторической закономерности, положение, которое многократно цитировал Г. В. Плеханов: «Разумнее изучать прежде всего самое общество, чтобы узнать и понять политические учреждения. Прежде чем стать причиной, учреждения являются следствием; общество создает их прежде, чем они начинают его видоизменять».¹⁴⁷ Эти идеи содержали значительные возможности материалистических тенденций в историческом анализе.

Историческое исследование подводило Гизо к важнейшим наблюдениям о классовой структуре феодального общества, к ее связи с отношениями собственности, с классовой борьбой феодалов и «третьего сословия». В этих наблюдениях, в изучении истории феодального строя он пошел дальше Тьерри и тем более своих современников: Симона де Сисмонди, де Баранга, Ф. А. Минье, А. Тьера.¹⁴⁸ В условиях обостренных межклассовых отношений во Франции эпохи Реставрации объяснение феодальной системы экономическими, политическими и юридическими причинами являлось составной частью идеологического и научного обоснования борьбы буржуазии за полновластие.¹⁴⁹

Концепция феодального строя в учении утопического социалиста Сен-Симона в основных своих построениях была идеалистической, но она содержала важные материалистические наблюдения о связи суверенитета и земельной собственности в средние века, о прогрессивной смене форм зависимости и эксплуатации при рабовладельческом и феодальном строе, о феодализме как прогрессивной эпохе развития человеческой цивилизации (правда, только в пределах рассматриваемой Сен-Симоном Западной и Центральной Европы), о классовой борьбе при рабовладельческом и феодальном строе и т. д.¹⁵⁰

Находясь в курсе новейших достижений западноевропейской философии, политической экономии, истории, в полной мере представляя содержание идейной борьбы в них, идеолог декабризма П. И. Пестель занял собственную позицию в этом столкновении идей. Учение о феодализме он привлек в формулировании основных положений «Русской Правды» — наиболее радикальной, научно обо-

снованной революционной программы декабристов, а также для разработки целостной исторической концепции декабризма.

Первая редакция «Русской Правды» датируется 1822—1823 гг., вторая редакция — 1824 г.¹⁵¹ Однако, поскольку первая редакция сохранилась не в полном виде, а вторая не завершена, по ним нельзя установить изменения в отношении Пестеля к учению о феодализме в процессе работы над главным программным документом Южного общества. В обеих редакциях существует текст, в котором критикуются апологеты сословного строя — «шюды, зловластные любящие». В этой связи Пестель объяснял происхождение сословного строя, который прямо связывал с «феодалной системой».¹⁵² Из замечаний Пестеля следует, что он знал о проблеме феодализма в Европе значительно больше, и только необходимость опровержения апологетов сословного строя вызвала его обращение к подобной научной аргументации. О том же свидетельствует анализ Пестелем во второй редакции «Русской Правды» революционных изменений в современной ему Европе, причем он недвусмысленно указывал врага революционного народа в феодализме, что сближало его взгляды с наиболее радикальными теориями Сен-Симона и Тьерри. «Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явную борьбою между народами и феодальною Аристокрациею <...>», — писал Пестель. Но особая проницательность его научного и политического анализа заключалась в том, что он отметил и возникновение «Аристокрации Богатств», «гораздо вреднейшей Аристокрации феодальной». В этом утверждении Пестель шел дальше буржуазных радикалов. Причина этой особой «вредности» для дворянского революционера заключалась в том, что «феодалная Аристокрация» уже политически и социально слаба. Она, в соответствии с представлениями романтического направления, «общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит», тогда как «Аристокрация Богатств» — буржуазия сильная, влиятельная и становится новым эксплуататором народа.¹⁵³

Рассматривая феодализм как общеевропейское явление, Пестель стремился преодолеть «теорию завоевания» как объяснение происхождения феодального строя. В первой редакции «Русской Правды» в связи с объяснением становления «феодалной системы» он привлек широко распространенную в философских и исторических трудах давнего просветительского концепцию о влиянии размеров государства на его политический строй. Если для первого исторического периода была характерна «Демократия», когда «Государства» были еще малы, все «Граждане» могли собираться и «каждый Гражданин имел Голос на вече и участвовал во всех Совещаниях Народных», то с увеличением государств произошло уничтожение «Демократии». «Многоразличные Государственные превращения, — писал Пестель, — совокупившись с сею причиною и произвели наконец то, что одни только Богатые и Военные начали съезжаться для участия

¹⁴⁵ Ibid. P. 162—181 ff.

¹⁴⁶ Ibid. P. 266—269.

¹⁴⁷ Даллин В. М. Люди и идеи: Из истории революционного и социалистического движения в Франции. М., 1970. С. 356.

¹⁴⁸ *Simonde de Sismondi J. C. Histoire des Français. T. 4. Paris, 1823. Idem. Nouveaux principes d'économie politique... T. 1. Paris, 1819. P. 201—216; Mignet F. A. Histoire de la révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814. Paris, 1824. P. 93, 153; Thiers A., Bodin F. Histoire de la Révolution française. T. 1. Paris, 1823. P. 3—4; и др.*

¹⁴⁹ Реузов Е. Г. Французская романтическая историография. С. 207—222.

¹⁵⁰ Сен-Симон. Избр. соч. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 301, 344, 358—359; Т. 2. 1948. С. 5, 14, 280—299.

¹⁵¹ Нечкина М. «Русская Правда» и движение декабристов // Восстание декабристов. Т. 7. М., 1958. С. 64.

¹⁵² Русская Правда // Там же. С. 150, 151, 178—179.

¹⁵³ Там же. С. 152.

в Государственных Делах, тогда возникла Аристократия, а потом и вся феодальная Система со всеми ее ужасами и злодеяниями». Не сводя появление феодализма только к увеличению территории государства, он еще раз подчеркивал, что «много других Причин содействовали к введению и укреплению Феодального Порядка Вещей <...>», но не раскрывал эти причины, поскольку, вероятно, их разъяснение не входило в задачи изложения программы тайной революционной организации. Вместе с тем всеобщность длительного господства феодализма как системы угнетения со всей определенностью отмечалась в «Русской Правде»: «Таким образом, Аристократия и вся вообще Феодальная Система много веков свирепствовала над несчастною Европою, заставляя Народы переходить все стадии Злополучия и Угнетения».¹⁵⁴ Подобная характеристика аристократии и феодализма обосновывала справедливость борьбы с ними. Повсеместность их распространения и необходимость борьбы со «злополучием и угнетением» ставили русских революционеров в один ряд с французскими, испанскими, итальянскими. Концепция феодализма утверждала Россию в едином историческом процессе.

Между тем творческая мысль Пестеля не удовлетворялась этими наблюдениями. В условно названном издателями «Социально-политическом трактате» (оригинал заглавия не имеет) вопросы возникновения и развития феодализма поставлены иначе, чем в «Русской Правде», и по-новому в русской общественно-политической и исторической мысли. Используя понятие «классы», Пестель вернулся к вопросу о происхождении феодализма: «Разделение народа на привилегированные классы ведет свое начало со времени нашествия варваров, которые, завладев покоренными ими государствами, поделили между собой добычу и побежденных ими людей и ввели феодальную систему, при которой крупные вассалы считали самым священным и самым неотъемлемым своим правом возможность угнетать слабых и восставать против монарха».¹⁵⁵ Эти идеи, восходившие к передовому течению во французской романтической историографии в работах Тьерри, направляли русскую историческую мысль на новые исследовательские пути. Однако Пестель только начал «феодальную систему», в соответствии с французской романтической историографией, с завоевания. Последующая история феодализма заключалась для него не столько в ослаблении центральной власти, сколько в растущих страданиях народа, в укреплении монархической власти, в формировании «третьего сословия» в процессе образования общественных классов. О периоде «феодальной системы» Пестель писал в тоне революционного обличения и во многом самостоятельно формулируя основные положения концепции: «Это была эпоха расцвета знати. Это было то доброе старое время, когда можно было безнаказанно душить и грабить, когда башни и старые замки были настоящими притонами титулованных разбойников. Эта знать была главной силой государства. Над ней возвышалось подобие монарха, зачастую недостаточно сильного даже для того, чтобы оградить себя самого от притязаний и оскор-

блений со стороны этой надменной знати, а ниже ее стояли ее крепостные люди, ее рабы. Рядом с ней существовало имевшее еще больший вес обширное духовное сословие <...>. Монархи стали более могущественными, присоединив к своим владениям огромные ленные владения своих государств, а в народе начало формироваться третье сословие. Таким образом, совершилось деление на четыре класса почти во всех европейских странах с некоторыми отличиями, которые проистекали из местных условий, но все же ничего не меняли в существе дела».¹⁵⁶ Устанавливаемые с учетом работ Тьерри и Гизо закономерности развития «феодального строя» Пестель не только распространил в общей форме на всю Европу. Он отметил их и в применении к отечественной истории. «Приблизительно то же, — писал он, — совершилось в России <...>».¹⁵⁷ Однако отставание русской исторической науки в изучении социально-экономической истории не позволило Пестелю конкретизировать устанавливаемые общеевропейские исторические закономерности в русской истории. Начало этнического и классового разделения он искал в татаро-монгольском нашествии,¹⁵⁸ но в данном утверждении ясно прослеживается протест революционера-декабриста против официальной концепции Карамзина и предшествующей дворянской историографии, которые начинали «феодализм» на Руси с завоевания норманнов, с разделения страны на уделы Рюриком или его потомками.

Углубленные занятия историей, в частности историей России, не были случайным феноменом в революционной деятельности Пестеля. Революционная практика требовала революционной теории. Поэтому закономерно его самостоятельное осмысление концепции феодализма в контексте французской просветительской историографии и новейшего опыта романтической исторической школы. Принципиально важна избирательность Пестеля в широком потоке исторических идей самых различных направлений. Его не удовлетворяла политическая умеренность работ Сисмонди, их описательность в изложении исторических событий. В трудах историков Французской революции Тьера и Минье его не удовлетворила, вероятно, поверхностность первого в понимании феодализма, и он не стал подобно второму ограничивать феодализм современными социально-экономическими аспектами. Поэтому показательно обращение Пестеля к трудам Тьерри, Гизо и Сен-Симона, насыщенным идеями истории классов и классовой борьбы, конкретно-историческими наблюдениями над возникновением и развитием феодального строя, к наиболее передовому в романтической историографии направлению конца 10-х — первой половины 20-х гг. Столь же закономерным стало привлечение Пестелем к изучению русской истории концепции феодализма, которая лучше, чем другие теории, позволяла проследить единые свойства социально-экономического и политического развития России от разложения племенного строя до современности в контексте истории народов Европы.

¹⁵⁴ Там же. С. 188.

¹⁵⁵ Там же. С. 295.

¹⁵⁶ Там же. С. 295—296.

¹⁵⁷ Там же. С. 296.

¹⁵⁸ Там же.

Петля царского самодержавия оборвала жизнь Пестеля, замечательного мыслителя и революционера. Его труды были опечатаны и засекречены в императорских архивах. Засекреченными стали также его новые для русской науки идеи о феодализме в России.

5. Судьбы проблемы феодализма на Руси в русской научной и общественно-политической мысли второй четверти XIX в. — 1861 г. От признания к отрицанию. После поражения восстания декабристов началось ожесточенное преследование николаевским режимом всех проявлений демократической и революционной мысли. Историческая концепция Карамзина еще оставалась официальной доктриной. В этих условиях Н. А. Полевому нужно было обладать большим мужеством, чтобы опубликовать в 1829 г. первый том «Истории русского народа», который был проникнут идеями французской романтической историографии. Полевой демонстративно указывал в заголовке не историю российского государства и государей, а историю русского народа и критиковал историческую концепцию Карамзина. В этом передовые взгляды Полевого, представителя буржуазной историографии, перекликались с концепциями декабристов. Еще в 1818 г. Н. М. Муравьев, решительно возражая монархической карамзинской идее, согласно которой «история народа принадлежит царю», писал: «История принадлежит народам».¹⁵⁹ Историю народа и для народа стремился написать и Полевой, поэтому идейно-политическое значение приобретал его упрек Карамзину в том, что «История государства Российского» — «это, собственно, История Государей, а не государства, не народа».¹⁶⁰ Следуя принципам романтической историографии, Полевой стремился исследовать историю «народа Русского» в древности как первоначального единства. Однако он разделил историю «Народа» и «государства». В результате этого, согласно Полевому, Русское государство появляется значительно позже «народа» — только в середине XV в. Идея единства исторического развития нашла выражение у Полевого в мнении о «соединении» в середине XVII в. «Истории Русского государства» с «Историей мира Европейского».¹⁶¹ В древнерусской истории теория единства исторического прогресса нашла также выражение в учении о феодализме на Руси до начала XIII в., когда «русский народ» отделился от «системы Европейских государств».¹⁶² Подобно Карамзину, его предшественникам и последователям, Полевой считал феодализм «норманнской системой», связывая его с завоеванием. Но, в отличие от Карамзина, он стремился установить экономические факторы: феодал как частное имение, а затем пожалование воину. Выделенный Полевым второй этап развития феодальной системы — «семейный феодализм» как разделение земель на уделы по степеням родства князей — распространял феодализм на удельный период, что было близко к просветительским теориям и романтической школе.

¹⁵⁹ Муравьев Н. М. Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 582.

¹⁶⁰ Полевой Н. История русского народа. Т. 1. М., 1829. С. XXXVI.

¹⁶¹ Там же. С. XXVII.

¹⁶² Там же. С. XLII—XLIII.

Представление о прогрессе в развитии феодализма расширяло утверждение Полевого о «необходимости» (курсив Полевого) удельного периода «для развития жизненных сил по всем землям русским», хотя объяснял он его содержание рационалистически — увеличением «образования народного». Но и такой подход подчеркивал развитие феодализма как закономерности внутреннего развития страны.¹⁶³

Достоинством Полевого являлось стремление рассматривать русскую историю в контексте истории европейской, и учение о феодализме помогало найти в истории Руси и Западной Европы общие черты. В соответствии с теорией Тьерри и раннего Гизо Полевой развил давнюю теорию норманнского завоевания до признания разделения народов на варяжскую аристократию и туземцев-рабов.¹⁶⁴ Однако если для французских историков это было только началом разделения на классы и последующей классовой борьбы, что привлекло внимание идеолога радикального направления декабризма Пестеля, то для либерального историка в России последекабристской поры Полевого процессы образования классов и классовой борьбы не существовали.¹⁶⁵ Полевой использовал в своей теории только внешнее объяснение исторических процессов, свойственное французской романтической школе, опасаясь или не поняв материалистических и революционных следствий ее открытий, в чем сказались ограниченность воздействия российского «третьего сословия» на общественную мысль, а в конечном итоге — слабость российской буржуазии и неразвитость капиталистических отношений. Поэтому следствия феодализма на Руси сводились Полевым уже традиционно к политической раздробленности страны и ослаблению центральной власти, а конец феодализма наступал с установлением монархической власти,¹⁶⁶ что явилось возвращением к давним теориям феодализма и значительным отступлением в сравнении с проблемой феодализма в трудах Тьерри и Гизо, а в России — Сперанского и Пестеля.

Новой для отечественной историографии в концепции Полевого стала тема городов в истории древнерусского феодального строя. Указав «жителей городов или туземцев», то есть местное население, как «страдательное лицо» между «властью государей» и «силою феодальных властителей», в соответствии с Гизо он отмечал, что города постепенно укреплялись, «представляя собою феодальные владения, которые на известных условиях признавали власть Государя, обязывались помогать ему войском, но имели своих судей, свое войско, могли защищать свои права, объявлять войну, заключать мир; никто, кроме Общины и избранных ею судей, не имел права

¹⁶³ Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 140—141.

¹⁶⁴ Полевой Н. История русского народа. Т. 1. С. 69—73.

¹⁶⁵ Хотя Полевой повторял вслед за Гизо, что «борьба церковной, монархической, феодальной и народной силы составляла Историю средоточия Европы в девятом и десятом веках», но эта борьба, по его мнению, ослабевала по мере отдаления от этого «средоточия» к востоку, «исчезая на пространстве новых земель», то есть Руси (Там же. Т. 2. М., 1830. С. 28).

¹⁶⁶ Там же. С. 38, 285.

на жизнь и имение гражданина». ¹⁶⁷ Изложив эти наблюдения по Гизо, Полевой восклицал: «Если, сообразив историю Новгорода, невольно изумляетесь сходству оной с историею свободных городов в Италии, Франции и Германии; здесь не было подражания, но только одинакие обстоятельства произвели одинакие следствия». ¹⁶⁸ Таким образом, основываясь на теории феодализма, входившей в концепцию единства исторического прогресса, на ее возможности сравнительно-исторического анализа, Полевой поставил новый в отечественной историографии вопрос о единстве причин и следствий в становлении и развитии древнерусских и западноевропейских городов в контексте эволюции феодального строя.

Несмотря на наступление николаевской реакции, степень воздействия просветительских идей, романтической школы и декабристских настроений на русскую историческую мысль во второй половине 20-х гг. была еще велика. Об этом можно судить по доверительной дневниковой записи 1826 г. молодого профессора Московского университета, разночинца по происхождению М. П. Погодина, тогда еще с либеральными взглядами участника литературного кружка Д. В. Веневитинова: «Я давно уже, — писал Погодин, — разделил российскую историю на два периода. Первый — феодализм с Рюрика, второй — деспотизм с Иоанна III. Третьему семя положено 14 декабря. ¹⁶⁹ <...> А Россия покорена (монголами. — М. С.) (отчасти) от разделения на уделы, и так из самого феодализма чрез многие процессы родился деспотизм <...>. Чудится мне, что и династии имеют известное отношение к эпохам: феодализму, деспотизму и предстательному образу правления. В российской истории я вижу это ясно: мы переживаем вторую эпоху, и вторая династия у нас царствует. Рюрикова династия жила в феодализме и совершила оный деспотизм <...>. Заметим, что косвенно прямые Рюриковы потомки, коих было очень много при начале сей второй династии, как-то случайно отстранились с феодальной своею кровью <...>». ¹⁷⁰ Погодин до 1830 г. еще стремился учитывать единые формы исторического процесса. Поэтому он видел в «системе уделов» на Руси общее явление в Европе, а не «пагубную» ошибку князя Святослава Игоревича, как считал Шлецер. ¹⁷¹

Между тем николаевская реакция начала широкое наступление не только на революционные, но и на либеральные идеи внутри страны, идеологически обосновывая усилия самодержавия сохранить феодально-крепостнический строй, сословия, абсолютную власть монарха. Реакционное значение идеологической политики царизма возрастало по мере активизации революционных движений в европейских странах. В 1830 г. во Франции была свергнута легитимная династия Бурбонов. «Священный союз» монархов против революций в Европе фактически распался.

¹⁶⁷ Там же. С. 61—63.

¹⁶⁸ Там же. С. 64—65.

¹⁶⁹ Имеется в виду восстание декабристов в 1825 г.

¹⁷⁰ Цит. по кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 2. СПб., 1889. С. 18.

¹⁷¹ Погодин М. П. [Рец. на кн.:] Древнейшее право Руси: Исторически изложено: Соч. Г. Эверса // Московский вестник. 1827. № 1. С. 61—62.

Николай I предпринимал самые решительные меры в борьбе с прогрессивными преобразованиями и идеями как во внешней политике, так и во внутренней. ¹⁷² В этих условиях была сформулирована правительственная идеологическая концепция, согласно которой Россия и ее история противопоставлялись истории стран Западной Европы, потрясаемой революциями и восстаниями. Основными началами России и ее истории провозглашались «самодержавие, православие, народность», то есть, как писал граф С. С. Уваров, «народное начало в видах правительства». ¹⁷³ Этот идейный натиск осуществлялся во всех направлениях. Придворные статс-дамы и фрейлины надели специальным указом 1834 г. регламентированные в покрое, фактуре, цвете ткани и декоре мундирные платья, стилизованные в соответствии со средневековыми и народными традициями: с длинными откидными разрезными рукавами, спускавшимися почти до колен, с подчеркнутой вертикальной линией центра переда, как у сарафана. Этот туалет дополняли кокошники для дам и повязки для девиц. Такой придворный парадный женский костюм сохранился в общих чертах до 1917 г., ¹⁷⁴ что должно было символизировать постоянное единение царской власти с народом и постоянство древних народных традиций. М. И. Глинка был вынужден зачеркнуть первоначальное название своей гениальной оперы «Иван Сусанин» (он работал над ней в 1834—1836 гг.) и назвать ее «Жизнь за царя», а князь А. Ф. Львов сочинил в 1833 г. государственный гимн «Боже, царя храни». Содержание исторического процесса в России было сформулировано шефом жандармов графом А. Х. Бенкендорфом: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно. Что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот, мой друг, точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана». ¹⁷⁵ Такого рода идейные установки сопрягались с мероприятиями созданного Николаем I в 1826 г. Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии (управление политического сыска и жандармерии) по борьбе с воздействием революционных движений в западноевропейских странах начиная с первых же по времени выступлений — революции 1830 г. во Франции и Бельгии, польского восстания 1830—1831 гг.

Изучению общих путей исторического развития идеологическая программа самодержавия противопоставила принципиально отличное от европейских стран толкование истории России. Одной из жертв такой идеологической политики царизма стала проблема феодализма в России.

Погодин быстро переориентировался и стал среди самых правых на правом фланге. Еще в начале 1830 г. идея о феодализме в России не вызывала его возражений, хотя критика им «Истории русского

¹⁷² Орлик О. В. Россия и французская революция 1830 года. М., 1968. С. 153—204.

¹⁷³ Цит. по кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. СПб., 1895. С. 236.

¹⁷⁴ Николай и Александра: Двор последних русских императоров: Конец XIX — начало XX века. СПб., 1994. С. 43, 196.

¹⁷⁵ Цит. по кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 319.

народа» Полевого, содержащей эту идею, была «уничтожающей».¹⁷⁶ Но уже в сентябре 1832 г., начиная курс лекций по русской истории, он говорил в присутствии С. С. Уварова, недавно назначенного в должности товарища министра народного просвещения, в духе казенного патриотизма об «особом» значении России в современной Европе. Истоки этой «особой» роли он указывал в коренных отличиях истории России и стран Западной Европы. Оставляя норманистом в варяжском вопросе, Погодин подчеркивал «призвание» варягов, отвергая «завоевание», дабы избежать опасных следствий теории классов и классовой борьбы французских историков романтической школы. Он подчеркивал: «<...> у нас не было укрепленных замков, наши города основаны другим образом, наши условия произошли не так, как прочие европейские», «наше дворянство не феодального происхождения <...>. Оно почтеннее и благороднее всех дворянств европейских в настоящем значении этого слова, ибо приобрело свои отличия службою отечеству». После самых верноподданнических заверений Погодин завершал лекцию определением основной задачи самодержавно-охранительной концепции истории: «В этом отношении Российская История может сделаться охранительницею и благодетельницею общественного спокойствия, самую верную и надежную». Граф Уваров остался доволен лекцией.¹⁷⁷

Идейно-политическая обстановка в России начала 30-х гг. быстро менялась, а И. В. Киреевский, продолжая, вероятно, идеи сочувствовавшего декабристам «Общества любомудрия» (1824—1825 гг.) и либерального литературного кружка Д. В. Веневитинова,¹⁷⁸ еще искал, наряду с различиями, сходство в историческом развитии России и Запада. Причину различий он рационалистически стремился установить (возможно, не без влияния П. Я. Чаадаева) в сильнейшем положительном воздействии на Запад античной римской традиции и католической религии. Отмечал он и различия «феодальной системы и системы уделов», возражая «некоторым писателям», которые утверждали обратное. Однако изучение западноевропейской истории по Савиньи и Гизо привело Киреевского к установлению сходства «удельной системы» и «феодального устройства» — «система уделов была одним из элементов феодализма».¹⁷⁹

Взгляды И. В. Киреевского были подвергнуты Погодиным ожесточенной критике. Он писал быстро правившему другому бывшему члену кружка Веневитинова С. П. Шевыреву: «Киреевский меряет Россию на какой-то Европейский аршин, я говорю в смысле историческом, а это — ошибка. <...> Россия же особый мир, у нее другая земля, кровь, Религия, основания, словом — другая Ис-

тория <...>. Черт возьми! Россия — особый мир».¹⁸⁰ Реакционные силы быстро объединялись. Погодин писал Шевыреву в 1832 г. в ожидании его возвращения из Италии: «О как мы заработаем вместе, за ушами запищит у всякого негодяя. — Во славу матушки России».¹⁸¹ К ноябрю 1830 г. относятся примирительные объяснения Погодина с официальным писателем и журналистом, осведомителем Третьего отделения Ф. В. Булгариным.¹⁸²

В 1830—1831 гг. быстро эволюционировали вправо взгляды на историю С. П. Шевырева. Уже в записях конца 1830—1831 гг. он решительно противопоставляет Россию, русскую и отечественную историю Западной Европе, причем критике справа подвергается Карамзин и его еще недавно официальная концепция: «Карамзин написал Историю России в Европейских формах, как наружно, так и внутренно. Этот взгляд на Россию как на совершенно Европейское государство есть в России общий и вредный. Мы таки думаем, что мы Европейцы по роду и образованию. Надо переменить этот образ мыслей и скромно показать, что мы Азиатцы, преобразованные в Европейцев».¹⁸³ Но это было не ученое мнение, а общественно-политическая программа, которая должна была направить развитие страны по пути, отличному от западного. Поэтому Шевыревым отвергнется все правление Александра I, хотя ему были ненавистны лишь либеральные веяния в это царствование. Шевырев доверительно раскрыл в дневнике и основную причину, почему он занял такую позицию, — движение декабристов.¹⁸⁴ Боязнь революции и преобразований вела его к осознанной реакционной позиции, с которой он критиковал уже Петра I и Екатерину II за распространение в России западноевропейской культуры: «Петр первый пробивал первые врата, широкие, огромные. Екатерина вторая прорубала вторые, но в несчастии в то время, когда волны просвещения Европейского полны были кровью революции <...>. Странно, как Петр Великий предвидел будущую революцию Французскую, предсказавши ее, не подумал о шлюзах, когда прорывал каналы из Европы в Россию».¹⁸⁵ О «шлюзах» начали беспокоиться в николаевское царствование реакционные идеологи и политики самых разных направлений, в том числе Шевырев, Погодин, Булгарин, Бенкендорф и многие другие.

Как следует из записной книжки Шевырева 1830—1831 гг., он еще не отказался от распространенной в русской историографии проблемы феодализма в России и пока стремился установить здесь отличия русского феодализма от западноевропейского: «У нас, —

¹⁸⁰ М. П. Погодин — С. П. Шевыреву, 14 марта 1832 г. — РНБ ОР, ф. 850, № 444, л. 75. Кроме Барсукова, который ввел эти и другие материалы в научный оборот, на их историографическое значение для изучения взглядов охранителей на проблему «Россия и Запад», их совпадение с официальной концепцией, сходство и различия с мнениями славянофилов обратил внимание уже Г. В. Плеханов (Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 23. М.; Л., 1926. С. 47—59).

¹⁸¹ М. П. Погодин — С. П. Шевыреву, 11 августа 1832 г. — РНБ ОР, ф. 850, № 444, л. 80.

¹⁸² Ф. В. Булгарин — М. П. Погодину, 5 ноября 1830 г. — РГБ ОР, Пор. / II, к. 48, ед. хр. 13, л. 1—2.

¹⁸³ РНБ ОР, ф. 850, № 17, л. 91 об.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же, л. 1.

¹⁷⁶ П[огодин] М. [Рец. на кн.] История русского народа: Соч. Н. Полевого. Т. 1 <...> // Московский вестник. 1830. № 2. С. 164—190.

¹⁷⁷ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 72—78.

Аналогично изменилось в 1830—1831 гг. идейное содержание литературного творчества Погодина (Тойбин И. М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Воронеж, 1980. С. 46—50).

¹⁷⁸ Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 63—65.

¹⁷⁹ Киреевский И. Деятельный век // Европеец. 1832. Ч. 3. С. 382—383.

писал он, — был особый, наследственный, родовой феодализм, совершенно отличный от Европейского. Европейский феодализм произошел от того, что все западные государства Европы основались завоеванием, а наш от того, что Россия основалась добровольною уступкою Славян одному роду».¹⁸⁶ В этих поисках самобытности в пределах одной исторической теории Шевырев был близок к И. В. Киреевскому, хотя самодержавно-охранительная позиция первого существенно отличалась от либерализма второго. Истоки этой близости восходят, вероятно, к идеям «оубоумудров», к которым они принадлежали в 20-е гг. Еще сильна была традиция идей о феодализме в Древней Руси. Но эта уступка традиционности вскоре стала энергично пресекаться как «охранителями», так и славянофилами исходя из отличающихся теоретических посылок, но в равной мере противопоставления России и Запада.

Между тем реакция добилась своей цели — нужные ей идеи глубоко запали в души молодежи, оказав на нее значительное отрицательное влияние. Один из лидеров славянофильства Ю. Ф. Самарин (окончил Московский университет в 1838 г.) вспоминал: «Из профессоров того времени сильнее всех действовал не только на меня, но и на многих других Погодин <...>. Чему нас выучил Погодин, я не могу сказать, передать содержание его лекций я был не в состоянии; но мы были наведены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются; в русской жизни есть какие-то особенные, чуждые другим народам, начала; по иным, еще не определенным наукою законам совершается ее развитие. Все это высказывал Погодин довольно нескладно, без доказательств, но высказывал так, что его убеждения переливались в нас. До Погодина господствовало стремление отыскивать в русской истории что-нибудь похожее на историю народов западных; сколько мне известно, Погодин первый, по крайней мере первый для меня и для моих товарищей, убедил в необходимости разъяснения явлений русской истории из нее самой».¹⁸⁷ Эти принципы были продолжены в идеях и практике славянофилов.

Более точно выполнил установки идеологической политики царизма Ф. В. Булгарин. Противопоставляя историческое развитие России и стран Западной Европы, он особое внимание обратил на слабые звенья концепции феодализма в России в дворянской историографии в ее карамзинской интерпретации (связь с норманнизмом, монархизм в определении происхождения и характера Древнерусского государства), идея на архаизацию общественных отношений в Киевский период. Поэтому «завоевание» варягов Булгарин противопоставил, подобно Погодину, «призвание», антагонизму в странах, завоеванных германцами, — гармонию отношений Рюрика и «туземцев» — «народа». Рюрик был только «начальником» нескольких волостей. Земли племенного союза ему не принадлежали, а покорение других племен ограничивалось наложением дани. Рюрик охранял «своих данников от всех внешних врагов и усмирал мечом внут-

рение беспокойства, заставляя народ повиноваться старшинам своего войска и избирательным чиновникам». Поэтому Рюрик не основал Русское государство. До этого государства, согласно Булгарину, и не было, пока его не создали потомки Рюрика в пятом и шестом поколении (то есть во времена Владимира и Ярослава). Отсюда, по Булгарину, следует, что «феодальной или аллодиальной системы, ленных прав и т. п.» — «ничего этого не бывало у нас при Рюрике, ни при его преемниках и потомках». И далее — характерный для Булгарина пассаж, свидетельствующий о его невежестве в истории исторических идей, но исполненный казенного патриотизма николаевского режима, повергающий уже ненужный авторитет официального историографа александровского царствования — Карамзина.¹⁸⁸ Эти идейно-политические тенденции, совпавшие у М. П. Погодина, С. П. Шевырева и Ф. В. Булгарина в 30-е гг., Погодин разовьет в 40-е гг.

Феодально-крепостнический строй периода кризиса, николаевская реакционная внутренняя и внешняя политика, целенаправленный идеологический натиск царизма представляли собой причины, вследствие которых на русскую историческую науку 30-х гг. стали оказывать сильнейшее воздействие идеи различия путей исторического развития России и Запада, отрицание феодализма в отечественной истории. Отсутствовала философская концепция, которая материалистически раскрывала единство законов исторического развития. Философия Шеллинга, распространенная в русских интеллектуальных кругах в 20—30-е гг., не позволяла во множественном, раздельном «мире вещей» установить единство, тождество, свойственное, согласно Шеллингу, Абсолюту, тогда как шеллингианские поиски «народного духа» препятствовали установлению единых закономерностей исторического развития. Диалектика Гегеля содержала возможности развития как средства научного познания в ее органичном соединении с материалистической философией. Гегелевская философия истории, понимаемая как движение абсолютного духа, прогресс в познании свободы, поочередно развивающийся в разных народах, также не способствовала познанию законов исторической действительности в единстве объективных законов развития. Таким образом, в результате активного воздействия этих факторов русская общественно-политическая, философская и историческая мысль не смогла выработать собственную концепцию единства исторического развития, и как следствие этого — сохранить и развить изучение проблемы феодализма в русской истории. Отрицание феодализма в России широко распространилось в 30—50-е гг. в трудах, в которых затрагивался этот вопрос, вне общественно-политических взглядов их авторов. Русская наука была уведена в сторону

¹⁸⁸ Булгарин Ф. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении: Ручная книга для русских всех сословий. Ч. 3. СПб., 1838. С. 41—48. Было высказано мнение, что это сочинение написано Н. А. Ивановым, молодым ученым, профессором Казанского и Дерптского университетов (В. Е. Из воспоминаний петербургского сторожника Четверги у Н. И. Греча // Заря (СПб.). 1871. № 4. С. 35—36). Это мнение принял К. Н. Бестужев-Рюмин (Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 231), но и в данной версии воздействие идей Булгарина очевидно, к тому же Булгарин присвоил авторство книги.

¹⁸⁶ Там же. л. 92.

¹⁸⁷ Цит. по кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 4—5.

от магистрального направления развития исторической мысли в изучении феодального строя, его генезиса и развития как определенного этапа истории человечества. Особенное в истории превратилось в самобытное, которое заменило всеобщие закономерности исторического развития. Взаимные связи составных частей социальной системы, устанавливаемые в концепции феодализма, были разъединены на совокупность самостоятельно сущих явлений (община, государство, власть, собственность, подати и т. д., и т. п.). Научный анализ содержания феодализма, игравший значительную роль в передовых направлениях общественно-политической и исторической мысли, сменила абсолютизация одного из явлений исторической действительности. Все это вело к отставанию русской науки 30—50-х гг. в изучении отечественной истории, в частности общественного строя средневековой Руси.

О. И. Сенковский, романтик по научным и эстетическим принципам, реакционер по общественно-политическим взглядам, отрицал феодализм в России, верно поняв связь этой проблемы с просветительскими теориями и общественно-политической практикой в странах Западной Европы. Историографически он относит «феодальность» к «кругу многих оптических обманов» XVIII в. Его научным опровержением феодализма на Руси стало противопоставление феодальной и аллодиальной систем. Первой он полагал фьефно-вассальную иерархию, второй — господство аллодиальной формы собственности. В этом противопоставлении он далеко отступал от западно-европейской просветительской и романтической историографии, что приводило его к отрицанию феодализма не только в России и Скандинавии. «Чисто феодальную систему» в истории европейских стран он видел лишь во Франции, Неаполе и в «некоторой части Великобритании», в измененном виде — в Германии и Литве. «Феодальной системы, — подводил итоги Сенковский, — нигде более не видим мы в Истории обществ».¹⁸⁹ Таким образом им отвергался феодализм в русской истории не только в романтической концепции Полевого, но и в версии Карамзина.

Отрицание феодализма в русской истории явилось составной частью идей разных направлений романтической историографии в общественно-политической мысли конца 20-х — 30-х гг., далеких от идеологической политики николаевского режима.

«Очень повышенная требовательность по отношению к окружающей его действительности»¹⁹⁰ стала причиной противопоставления П. Я. Чаадаевым путей исторического развития крепостнической России прогрессу на Западе и историческим традициям стран Востока, о чем он писал в «Философических письмах».¹⁹¹ Такой подход к изучению русской истории объективно противостоял концепции единства исторического прогресса, создавая условия для идей, отрицающих, в частности, феодализм в России.

¹⁸⁹ Сенковский О. И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. С. 33.

¹⁹⁰ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 23. С. 10.

¹⁹¹ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. Т. 2. М., 1914. С. 109, 119.

Настроения, вызванные общественно-политической и идейной николаевской реакцией, стали в «скептической школе» — особым направлением романтической историографии — причиной сомнения, скепсиса как средства протеста против официальных теорий древней русской истории. Представления об общей закономерности исторического развития как основе сравнительно-исторического анализа, применение последнего в установлении уровней развития культуры (для «скептиков» оно заключалось в архаизации культуры Руси XI—XIII вв.), идеи взаимодействия культур соседних народов и отсюда внешних влияний на эволюцию древнерусской культуры формировались под воздействием историко-философской концепции романтизма. Взгляды «скептиков» на феодализм также отражали теории французской романтической школы, но привлекались они для противопоставления феодального Запада архаизированному общественно-экономическому и политическому строю Руси IX—XIII вв.¹⁹²

Впрочем, «скептики» восприняли феодальный строй во французской романтической школе лишь как политическую систему в образно-художественном, знаковом выражении (бароны, замки, «самовластие» баронов, слабость их «государей») без социально-экономических аспектов работ Гизо, идей классов и классовой борьбы Тьерри и Гизо. Тем самым «скептики» выступили против идеи феодализма в России в русской романтической историографии, не замечая прогрессивного значения идей обоих направлений романтической исторической школы. Протест без позитивной программы в условиях организованного гнета самодержавия привел к тому, что отношение «скептической школы» к проблеме феодализма в русской истории оказалось диаметрально противоположным мнению дворянского революционера П. И. Пестеля, сторонника либеральных реформ М. М. Сперанского, либерального историка Н. А. Полевого. Однако научную молодежь и прогрессивно настроенных современников привлекала критика «скептиками» официальных авторитетов, пересмотр устоявшихся мнений (хотя в этой критике содержались ошибочные мнения, отрицающие древнейшие исторические события, достоверность летописей, возможность появления Русской Правды в XI в.), что воспринималось также как доказательство «здорового смысла и глубокой учености».¹⁹³

Близкими к «скептической школе» оказались в конце 20-х гг. взгляды на феодализм Н. И. Надеждина, в чем проявилось как сильнейшее воздействие учения Шеллинга, его русских последователей Д. М. Велланского, М. Г. Павлова, московских «шобомудров» — В. Ф. Одоевского, Д. В. Веневитинова, а также М. Т. Каченовского, который очень помог Надеждину в жизни и в научной

¹⁹² А. О. О феодальной системе в Европе // Вестник Европы. № 17. 1829. С. 175—183. С. Н. Валк предположил, что автором статьи мог быть С. М. Строев, причем, он допустил авторство и самого Каченовского (Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40 годов XIX в. // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 224, примеч. 76; 227); Строев С. О пользе изучения российской истории в связи со всеобщей // Учен. зап. Московского ун-та. 1834. № 7. С. 76.

¹⁹³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1953. С. 88. О воздействии идей Каченовского и их восприятии современниками см.: Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40 годов XIX в. С. 221—222.

карьеру.¹⁹⁴ Эти факты его биографии и научной подготовки объясняют, почему во вступительной речи на торжественном собрании Общества истории и древностей российских при Московском университете он выступил против мнения о феодализме в русской истории.¹⁹⁵ Надеждин определил «Систему Уделов» как «постоянно федеративный союз многих отдельных владений». Соотнося ее с «сущностью западноевропейского Феодализма» — «иерархической постепенностью державной власти», он закономерно пришел к отрицанию их «внутреннего соотношения и сродства». Но поскольку внешнее их подобие Надеждин все же признавал, то объяснял его исходя из философских принципов объективного идеализма Шеллинга и его последователей — «из единства общих законов развития человечества и внешних случайных принадлежностей, указующих на их соседство и одновременность».¹⁹⁶

В условиях феодально-крепостнического строя, гнета николаевской реакции русская романтическая историография не могла развить свои возможности в изучении феодального строя в истории России. Напротив, разрушающее воздействие идеологической политики царизма, различные формы протеста против нее без позитивной программы, метафизика в установлении сходства и различий исторических явлений без раскрытия их сущности стали причинами того, что внешние отличия в историческом процессе европейских стран в русской исторической науке абсолютизировались, история России противопоставлялась истории западноевропейских государств, феодализм на Руси отвергался даже в пределах теоретических принципов романтической школы. Показательно в данной связи мнение А. С. Пушкина, который противопоставлял «феодализму» русскую «аристокрацию» — боярство.¹⁹⁷ Отсюда вывод Пушкина: «<...> аристократия, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка». Однако он видел в феодализме прогрессивный путь западноевропейского исторического развития, а потому пришел к заключению: «Феодализма у нас не было, и тем хуже».¹⁹⁸

Наряду с ростом тенденций к отрицанию феодализма в русской истории в круге идей романтической историографии происходило

¹⁹⁴ Надеждин Н. И. Автобиография // Русский вестник. 1856. № 3. С. 50—62; Каменский З. А. Н. И. Надеждин. М., 1984. С. 7—12, 22—33.

¹⁹⁵ Надеждин Н. Преднамерение исторически-критического исследования древнерусской системы уделов // Труды и летописи общества истории и древностей российских при Московском университете. Ч. 5, кн. 1. М., 1830. С. 98—99.

¹⁹⁶ Там же. С. 98, 101—102.

¹⁹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1964. С. 142—143.

¹⁹⁸ Там же. С. 143. И. М. Тойбин обоснованно подвергает сомнению понимание слов Пушкина «и тем хуже» как отрицательное следствие отсутствия внутренней борьбы, сильных городов, сильной революционной буржуазии или, напротив, сильной аристократии, противодействовавшей царскому деспотизму. Подобным образом интерпретировали слова Пушкина Г. В. Плеханов, А. Н. Шебунин, Б. В. Томашевский, Е. А. Тоддсе (Тойбин И. М. Пушкин и философско-историческая мысль... С. 92—96), но и сам он предлагает ограниченное, по нашему мнению, толкование этой мысли: отсутствие феодальной системы стало главной причиной того, что Россия сделалась «легкою добычей татар» (Там же. С. 94). Причина ограниченности этих толкований заключается в сведении пушкинской мысли к частным вопросам темы феодализма без учета ее содержания в романтической историографии как определенного этапа в историческом прогрессе.

формирование исторических концепций, даже не предполагавших постановку проблемы феодального строя в России. И. Ф. Г. Эверс, профессор, позднее ректор Дерптского университета, решительно отверг перевод-толкование Шлецером летописного известия о раздаче Рюриком земель в «лен» своим «мужам», хотя и признал существование одинаковых летописных понятий «мужи» и «поди», а в варварской латыни «вассаль», которые часто называются homines («люди»). — М. С.).¹⁹⁹ Эти мысли Эверса отразили сложные тенденции в российской исторической науке. Ее уже не удовлетворяла норманистская теория Шлецера, а также просветительские идеи феодализма на Руси, основанные на аналогии и на сравнительно-историческом анализе отдельных явлений. Новое направление обратилось к поиску факторов, определяющих историческое развитие народов. Большое значение в противопоставлении теориям феодального строя в русской истории приобретала разработанная Эверсом концепция, исходящая, как отметил Н. Л. Рубинштейн, из абстрактного логического принципа следования общественных форм: от более узких общественных союзов к более широким — семья, род, государство.²⁰⁰ Новая по идейному содержанию концепция противостояла прежним и современным консервативным дворянским монархическим теориям. В то же время она значительно сужала круг вопросов социально-политической истории, поставленных просветительской и романтической историографией, уводила в сторону от изучения тех общественных отношений, которые указывали на единство исторического развития в существовании феодального строя. Разработка этой концепции совпала с направленностью общественно-политических взглядов Эверса.²⁰¹ Можно полагать, что философскую основу этой концепции составил феноменализм, воспринимая явление (феномен) как последнюю доступную познанию действительность.²⁰² Отсюда абсолютизация установленной наукой смены рода государством как закономерности, но без проникновения в сущность исторического процесса.

Исследовательские и философские принципы Эверса повлияли на его ученика А. Рейца, хотя он и предвосхитил мысль своего учителя о смене семейного быта государственным.²⁰³ Вопреки официальной теории монархической природы государства Рейц по-новому охарактеризовал политический строй Руси как «союзное государство», отметил вольные города с демократическим республиканским правлением — Новгород и Псков. Новым для русской либеральной исторической науки стало выделение Рейцем в Древней Руси «народных классов», но для X—XII вв. он не видел явных различий для землевладельцев-крестьян, воинов, купцов, отделяя от них лишь кня-

¹⁹⁹ Ewers J. Ph. G. Vom Ursprung des russischen Staats. Riga; Leipzig, 1808. S. 169—171.

²⁰⁰ Ewers J. Ph. G. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dorpat; Hamburg, 1826. S. 83—86; Idem. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands. Dorpat, 1830; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 295.

²⁰¹ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40 годов XIX в. С. 197—198.

²⁰² Костеловский В. Феноменализм // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 313.

²⁰³ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40 годов XIX в. С. 203, 205.

зей и бояр.²⁰⁴ Этот труд находится в начале значительного ряда исследований, в которых признание «классов» сведено к «различию занятий», тогда как ограничение правовыми нормами в историческом анализе архаизировало общественный строй Руси X—XII вв. Вопрос о феодализме в русской истории для Рейца уже не существовал.

Философские основы науки, общественно-политические события не способствовали появлению проблемы феодализма в России в развивающейся русской исторической науке 30—40-х гг. В 1830—1842 гг. был опубликован главный труд основоположника позитивизма О. Конта «Курс позитивной философии». Многие положения позитивизма были выработаны ранее сенсуалистической философией. Ограничение задач науки описанием явлений без проникновения в их сущность привело к тому, что основным принципом позитивизма стал феноменализм. Поэтому Конт писал: «Положительное мышление отказывается от исследования происхождения и назначения существующего мира и от знания внутренних причин явлений и стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений», но под «действительными законами» он понимал установление «неизменных отношений последовательности и подобия», «установление связей между различными отдельными явлениями и несколькими общими фактами, число которых уменьшается все более и более по мере прогресса науки». ²⁰⁵ Таким образом, позитивизм как философская система не вносил качественных изменений в развитие философских основ исторической науки. Позитивизм с 40-х гг. все более распространялся в интеллектуальных кругах России, прямо или опосредованно — через труды по специальным отраслям знаний, однако методы принципиально не менялись, оставаясь (в частности, при изучении проблемы феодализма в России) на уровне сравнительного анализа, на поверхности отдельных исторических явлений. Но даже против таких сопоставлений было направлено идеологическое воздействие николаевского режима. Царское правительство требовало от профессоров и преподавателей противопоставления России другим европейским странам, ²⁰⁶ что становилось все более важным по мере углубления кризиса феодально-крепостнического строя, начала разночинного революционно-демократического движения в России, а также рабочего движения в государствах Западной и Центральной Европы, распространения идей социализма и коммунизма в 40-е гг., революционно-демократических и буржуазных революций 1848—1849 гг. Но взгляды реакционной части профессорской правели, упреждая правительственные циркуляры. Исходя из официальной концепции «православия, самодержавия, народности», они доказывали самобытность исторического развития России, его отличия от исто-

рии стран Западной Европы и как следствие этого — отрицали феодализм в русской истории.

В программных статьях «Москвитянина», который начал издаваться М. П. Погодиным в 1841 г., издатель изображал феодально-крепостническую Россию как преуспевающую, без социальных конфликтов страну в единении сословных интересов. ²⁰⁷ С. П. Шевырев заигрывал тем, что страны Запада (речь шла о Франции и Германии) поражены болезнями реформации и революции, ²⁰⁸ тогда как в России, писал он, устраняя из ее истории классы и классовую борьбу, существует «чувство ее государственного единства, вынесенное нами из всей нашей истории. Конечно, — добавлял Шевырев, — нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такою гармониею своего политического бытия, как наша». ²⁰⁹ В унисон с этими идеями звучало опубликованное в том же номере «Москвитянина» стихотворение славянофила А. С. Хомякова о Наполеоне, победителем которого явилась «наша сила, Русский крест». ²¹⁰

Такие идеи не могли не нравиться правителям России, организаторам идеологической политики. С. С. Уваров поднес первый номер «Москвитянина» Николаю I, обратив его внимание на сочинения Погодина, Шевырева и Хомякова. Сообщая об этом в любезном письме к Погодину, Уваров передал и те слова, которые он сказал императору: «Желательно, чтобы это новое периодическое издание, продолжая идти стезею благородного направления, могло некоторым образом служить и образцом для Русской журналистики, к сожалению, столь мало соответствующей доселе собственной цели и общей пользе». ²¹¹ Осуществляя идейное руководство, глава министерства народного просвещения настойчиво подчеркивал в том же письме: «Сообщая о сем вам и сотрудникам вашим, остаюсь я в надежде, что ожидание Министерства исполнится и что издаваемый вами журнал никогда не уклонится от истинного своего назначения». ²¹² Так реализовалась идеологическая политика в николаевское царствование, активным проводником которой в исторической науке стал Погодин.

К 1846 г. Погодин обстоятельно разработал теорию противопоставления исторического развития России и Запада, основные положения которой были сформулированы еще в 1830—1832 гг. В третьем томе «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» он изложил историю Западной Европы по Тьерри и Гизо, подчеркивая их идеи классовой борьбы. ²¹³ Погодин вполне реалистично оценивал общественно-политическое состояние западноевропейских государств середины 40-х гг., которое быстро приближалось к демократическим ре-

²⁰⁷ Погодин М. П. Петр Великий // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 3—29 (статья помечена датой 11 сентября 1838 г.).

²⁰⁸ Шевырев С. Взгляд русского на современное образование Европы // Там же. С. 247.

²⁰⁹ Там же. С. 288.

²¹⁰ Хомяков А. [Небо ясно, тихо море] // Там же. С. 343.

²¹¹ Уваров С. С. — М. П. Погодину, 10 января 1841 г. — РГБ ОР, ф. Пор. / II, к. 34, ед. хр. 4, л. 1.

²¹² Там же.

²¹³ Еще в конце 1830—1831 г. Погодин штудировал труды Гизо, о чем свидетельствуют его многочисленные дневниковые записи (РГБ ОР, ф. 231/1, к. 32, ед. хр. 1, л. 41, 41 об., 43 и др.).

²⁰⁴ Reutz A. Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, 1829. S. 19—20, 38—49 ff.

²⁰⁵ Конт О. Курс положительной философии. Т. 1. СПб., 1899. С. 4; Прозерский В. В. Позитивизм и эстетика. Л., 1983. С. 6.

²⁰⁶ См. циркуляр министра народного просвещения С. С. Уварова от 30 мая 1847 г. (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. СПб., 1895. С. 235—237).

волюциям: «В наше время низшие классы вслед за средним являются на сцену, и точно как в революции среднее сословие боролось с высшим, так теперь низшее готовится на Западе к борьбе с средним и высшим вместе. Предтечей этой борьбы уже мы видим, сен-симонисты, социалисты, коммунисты соответствуют энциклопедистам, представившим пролог к Французской революции. Горе, если средние сословия не образуются там заблаговременно и не делают уступок». Этот анализ истории и современности становился для Погодина основанием для серьезного предупреждения с позиции сторонника правительственного курса и всех консервативных общественно-политических и исторических направлений: «Завоевание, — писал он, — разделение, феодализм, города с средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов — это первая трагедия Европейской трилогии. Единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция — это вторая. Уложения (то есть конституции. — М. С.), борьба низших классов... будущее в руке божей».²¹⁴

Однако этот вывод становится отправной точкой в конструкции Погодина в русле идеологической политики царизма. По его словам, «с первого же взгляда мы замечаем, что у нас в начале ее (русской истории. — М. С.) нет решительно ни одного (общего явления с западной историей. — М. С.), по крайней мере в том виде: нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы <...>». История Древней Руси в общественной и научной позиции Погодина приобретает особое значение, поскольку, согласно его логической посылке, «если следствия различны, то и начала различны».²¹⁵ Поэтому Русь в его изображении становится антитезой средневековому Западу. «Наш государь, — писал Погодин, — был званым мирным гостем, желанным защитником, а западный государь был ненавистным пришельцем, главным врагом, от которого народ напрасно искал защиты», «с народом у нас князь имел дело лицом к лицу как его защитник и судья в случаях, впрочем, очень редких, за что и получал определенную дань, — вот в чем состояло его отношение, а западный государь отделен был совершенно своими вассалами».²¹⁶ Бояре и мужи «не составляли у нас особого класса, многочисленного сословия, сильного элемента, а были только передним рядом княжеской свиты, гвардии, дружины», «феодалы западные отняли у туземцев, разделили между собой как добычу землю, которую покорили под предводительством короля, а наши не прикоснулись к земле, а получали иногда от князя, временно, вроде пожалования, или по договору за свою службу часть дани, доходов с того или другого города — как его наместники, приказчики или откупщики, которых он мог всегда сменить без малейшего для себя вреда и неудобства».²¹⁷ «Феодалы западные, отняв землю и заставив работать на себя ее обитателей, с самого начала поста-

вили себя в враждебное отношение к ним, а наши бояре, не имея никакого дела до народа, кроме сбора дани и суда, жили в добром согласии с ними».²¹⁸ «Земля на Западе досталась сполна пришельцам, а у нас осталась, как прежде, в общем владении народа, под верховною (отвлеченною) властью князя, который о ней не думал, потому что не имел никакой нужды. Народ на Западе, побежденный и покоренный, был обращен в рабство, а у нас остался свободным, как был, потому что не был покорен. Вся перемена состояла только в дани, которую он начал платить князю или его приказчикам, дани естественными произведениями, в коих был у него излишек и коих девать было некуда — следовательно, не отяготительный».²¹⁹ Эти и многочисленные другие положения, включая мнение о «постое» князей в городах, поскольку князья «не имели мысли о постоянном пребывании» и т. д., причины «физические» (естественно-географические) и «нравственные» («народный характер, религия, образование») ²²⁰ предназначались для одного вывода: «Вот сколько различий положено в основание русского государства сравнительно с западными <...>. Эти различия развивались впоследствии и представили из русской истории, при общем (родовом) ее подобии, при единстве цели, совершенную противоположность с историей западных государств, что касается до ее путей, средств, обстоятельств, формы происшествий — противоположность, которую представляет наша жизнь и теперь, несмотря [на] усилия, преобразования, перевороты, време...».²²¹

Таким образом, начиная с противопоставления истории России и стран Западной Европы, отвергая идею о феодализме на Руси (даже в его ограниченном понимании), Погодин приходил к архаизации общественных отношений в Древней Руси, к верноподданической самодержавно-охранительной концепции, к открытой реакционности. Поэтому как профессиональный историк он оказался не в состоянии раскрыть содержание рассматриваемых им общественных категорий и институтов, оставившись без руководящей научной идеи среди накопленных им груд материалов, хотя они содержали данные о политических, социальных и правовых функциях князей, указывали на княжеские владения селами, дворами, волостями, землями, стадами, бортьями, рыбными ловлями, зависимыми людьми.²²²

Концепция Погодина стала основанием для гонений на всякую возникшую идею о феодализме в России. Так что, когда в Петербурге А. Лакиер в опубликованной в начале 1848 г. книге²²³ попытался соединить карамзинскую концепцию феодализма на Руси с новейшей родовой теорией С. М. Соловьева, уже 24 апреля того же года Общество истории и древностей российских при Московском университете приняло решение опубликовать сочинение «сравнительное общества» А. Клеванова «О феодализме на Руси», предназначенное опровергнуть исследование Лакиера. Но это опровержение

²¹⁴ Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3. М., 1846. С. 493—497.

²¹⁵ Там же. С. 497—498.

²¹⁶ Там же. С. 500—501.

²¹⁷ Там же. С. 501—502.

²¹⁸ Там же. С. 502.

²¹⁹ Там же. С. 503.

²²⁰ Там же. С. 503—517.

²²¹ Там же. С. 519.

²²² Там же. Т. 7. М., 1856. С. 1—91.

²²³ Лакиер А. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. С. 17—18 и след.

феодализма в древней Руси имело целью утверждение (вторя официальной идеологической политике, Погодину, Шевыреву²²⁴ и смыкаясь со славянофилами), «что историческая жизнь Руси всегда шла своим особенным, ей свойственным путем, что о Феодализме у нас не может быть и речи».²²⁵ Данный вывод распространился на все славянские народы, противопоставленные в духе панславизма романским и германским. Эта борьба идей в толковании древнерусского прошлого неразрывно связывалась с идейной борьбой в настоящем. В феврале 1848 г. произошла демократическая революция во Франции. В России она отозвалась активизацией социальных движений и общественной мысли, с одной стороны, и еще большим ужесточением николаевского режима — с другой.²²⁶ Поэтому большим значением наполнялись слова Клеванова, выдержанные в духе «официальной народности»: «Только тогда события отечественной Истории получают для нас и надлежащую ясность, и чистоту, и естественность, и определенность; для того, повторяем, нужно смотреть на них своими глазами, а не сквозь очки Немских и других теорий, к которым наперекор истине мы готовы применять не одно лишь прошедшее, но и настоящее, забывая, что законы, управляющие явлениями народной жизни, тогда только получают силу и прочность, когда они вытекают из минувшего».²²⁷

Наряду с подобными добровольными гонениями на концепцию феодализма в России, в 1848 г. усилилось ее официальное преследование. Показателен в данной связи эпизод, свидетельствующий об остроте борьбы вокруг концепции феодализма и о понимании властями ее общественно-политического и научного значения. Когда редактор журнала «Отечественные записки» А. А. Краевский был административно предупрежден о необходимости изменения направления журнала под угрозой его закрытия, издатель ответил на это публикацией в июльской книжке 1848 г. (напомним, что в июне в Париже произошло вооруженное восстание пролетариата против буржуазии) статьи без подписи «Россия и Западная Европа в настоящую минуту».²²⁸ Эта статья была одобрена «Секретным комитетом», осуществлявшим самый жесткий контроль над подцензурной печатью. К ней положительно отнесся Николай I.²²⁹ Однако особенностью статьи являлось то, что все ее ультрареакционные идеи были заимствованы у Погодина. В их числе оказалось отнесение феодализма только к странам Западной Европы и его неразрывная связь с европейскими революциями: «Так феодализм, — написано в статье, — был одною из причин, которые в развитии своем вели к борьбе государственных стихий, и борьба почти непрерывная раздражала страсти и вела к революции, то есть к ниспровержению существовавшего порядка и хаотическому состоянию общества». В России, напротив, феодализма не было и следствия этого

совершенно противоположные.²³⁰ Погодин, прочитав статью, пришел в сильный гнев, желая доказать свой приоритет на эти идеи. Однако царская цензура остановила возможную перепалку.

В содержании статьи «Отечественных записок», в выступлении Клеванова, за которым стояли Погодин и Шевырев, в идеологической политике царизма в целом важно отметить то, что за 30 лет после появления первого тома «Истории государства Российского» даже ограниченное по содержанию и во времени толкование феодализма Карамзиным было в условиях ожесточенной борьбы самодержавия с революционными движениями и социалистическими идеями изгнано из официальной концепции истории России, как и все, что могло указывать на общность закономерности развития европейских стран. Такая длительная целенаправленная идеологическая политика царизма, с одной стороны, ограниченные возможности познания философских концепций Шеллинга, Гегеля, все более распространявшегося позитивизма — с другой, не могли не повлиять на разные направления русской общественно-политической, философской и исторической мысли. В условиях кризиса феодально-крепостнического строя распространились поиски особых путей исторического развития России, отличных от Запада, одним из следствий чего стало отрицание феодализма в русской истории. Внутренняя логика судеб проблемы феодализма в отечественной историографии привела к тому, что 1848 г., когда в странах Западной и Центральной Европы разгорелись демократические революции, стал роковым для ее изучения в России. Николаевская реакция нанесла страшный удар исторической науке в России. В отличие от западноевропейской литературы, где продолжалось накопление материалов и обобщений по истории феодального общественного строя, несмотря на различия школ и направлений,²³¹ усилия русских ученых и общественных деятелей оказались направленными уже в конце 30-х — 40-е гг. на создание теорий, назначением которых (объективно или субъективно) стало противопоставление исторического развития России и Запада, в частности отрицание феодализма в русской истории.

С идеологической политикой царской власти и самодержавно-охранительным направлением в «разъединении» исторического развития стран Западной Европы и России, в отрицании феодализма на Руси совпали в конце 30-х — 50-е гг. славянофильские.²³² Обратив-

²³⁰ Россия и Западная Европа... С. 3.

²³¹ О преемственности и развитии взглядов на феодальный строй от Ш. Монтескье до классика новейшей французской медиевистики М. Блока см.: *Magnou-Montier E. Les «Lois féodales» et la Société d'après Montesquieu et Marc Bloch ou la Seigneurie banale reconsidérée // Revue historique. 1993. Avril-Juin. P. 321—360.*

²³² В новейшей литературе все более развивается мнение о славянофильстве как особой форме либерализма в конце 30-х — первой половине 70-х гг. (большой опыт, накопленный исследователями, обобщен в монографии: *Цимбаев Н. И. Славянофильство* (см. там же литературу вопроса)). С. Н. Носов справедливо отметил, что неправомерно отождествлять идеи правительства и славянофилов (*Носов С. Н. Новые тенденции и старые проблемы: (Обзор новейшей советской литературы о славянофильстве) // РЛ. 1984. № 2. С. 206*), однако близость, хотя и с отличиями, в основных принципах православия, монархизма, консервативно понимаемой «народности» приводила к совпадению самодержавно-охранительных и славянофильских взглядов на значительный круг общественно-политических вопросов и научных проблем.

²²⁴ Погодин и Шевырев поддерживали в 1847—1848 гг. молодого историка (РГБ ОР, Подг. / II, к. 36, ед. хр. 40, л. 25; ед. хр. 45, л. 1 об.).

²²⁵ Клеванов А. О феодализме на Руси. М., 1848. С. 1.

²²⁶ Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция (I половина XIX). М., 1973. С. 229—270.

²²⁷ Клеванов А. О феодализме на Руси. С. 28.

²²⁸ Отечественные записки. 1848. Т. 59, № 7, отд. 3. С. 1—20.

²²⁹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. С. 289—291.

шись к народной жизни, они сделали важнейшее открытие: установили большое значение общины в современной им России и в русской истории. Однако славянофилы абсолютизировали общину, искали в ней в соответствии с принципами романтизма проявления «народного духа», «нравственного союза», особых духовных ценностей, которые противопоставляли русский народ и его историю народам Западной Европы с изначально свойственными им классовыми противоречиями.²³³ Эти историко-философские построения соединялись в славянофильской концепции с монархизмом и духовно-религиозными исканиями в пределах православия.

Большое значение в концепции славянофилов имело отрицание феодализма в России. Тесно связывая феодализм с «завоеванием», они настаивали на «призвании» варягов. Но это была только исходная посылка тезиса о бесконфликтном развитии Руси, где «спокойно и естественно совершалось образование ее общественных и государственных отношений, без всяких насильственных нововведений, единственно вследствие внутреннего устройства ее нравственных понятий».²³⁴ Подчеркивая социальное единение и отрицая классовую борьбу, славянофилы создавали идиллическую историю Руси, подразумевая как антигезу развитый феодализм в Западной Европе: «Она не знала ни железного разграничения неподвижных сословий, ни стеснительных для одного преимуществ другого, ни истекающей отсюда политической и нравственной борьбы, ни сословного презрения, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, следовательно, и необходимого порождения этой борьбы: искусственной формальности общественных отношений и болезненного процесса общественного развития, совершающегося насильственными изменениями законов и бурными переломами постановлений».²³⁵ Конечно, летописи сообщали о восстаниях и социальной борьбе в Древней Руси, но эти факты сводились к «разномыслиям».²³⁶ Отрицание феодализма в России имело для славянофилов большое значение, поскольку оно позволяло указать различие начал и дальнейшего исторического развития России и Запада, различия общественной организации и духовной жизни. Складывающемуся стереотипу феодализма в соответствии с принципами романтической историографии (замки феодалов, рыцари, вольные города и король) славянофилы противопоставили идею общинности Русской земли, которую венчал, в соответствии с монархическими принципами славянофильства, государь.²³⁷

Абсолютизация общины, широко понимаемой общинности в социально-экономической и политической истории России, в истории ее духовной культуры стала одним из оснований теории «земли» и

«государства», предложенной А. С. Хомяковым и разработанной К. С. Аксаковым. Это противопоставление «земли» и «государства» Аксаков развил в учении о «негосударственности» русского народа.²³⁸ Если последняя теория как крайнее мнение легко опровергалась исторической и современной действительностью России, то противопоставление «земли» и «государства» нашло философское обоснование в метафизике позитивизма и продолжение в многочисленных исторических и политических теориях, в которых «общество» и «государство» разъединялись. Во второй половине 50-х гг., в новых исторических условиях подготовки либеральных реформ 60-х гг., эта славянофильская теория стала взаимодействовать с новыми общественно-политическими теориями, предполагающими особое значение общины и земства в древней и новой России, что оказало прямое влияние на формирование новых теорий в русской исторической науке.

Если противопоставление России странам Западной Европы и отрицание феодализма на Руси славянофилами было неразрывно связано с преувеличением места и значения общины, то в исторических концепциях западников такое противопоставление противоречило основному направлению поисков ими единых явлений в истории России и западноевропейских государств. Эти концепции также пошли в 40—50-е гг. по пути противопоставления исторического развития России и Запада (до Петра I), отрицания феодализма на Руси. Теоретическим обоснованием такого мнения стала абсолютизация в историческом процессе значения родовых отношений и государства.

Учение дерптской школы о родовом быте как древнейшей форме общественного строя Руси стало распространяться в русской историко-правовой науке в начале 40-х гг., но особое значение оно приобрело для С. М. Соловьева.²³⁹ Во время пребывания в странах Западной и Центральной Европы в 1842—1844 гг. он слушал лекции Шеллинга, Л. Ранке, К. Риттера в Берлине, Ф. Шлоссера в Гейдельберге, Ш. Л. Ленормана, Ж. Мишле, Э. Кизэ в Париже. Он увлекался идеями Гизо,²⁴⁰ который как историк и политический деятель значительно поправил в это время по сравнению с периодом 10—20-х гг.²⁴¹ То, что Соловьев в поисках принципов исторически обусловленного, органического развития России обратился к теории Эверса о родовом быте и смене его государством, к гегелевскому пониманию родового строя как исходного момента в развитии государственных отношений (подобно русским гегельянцам Грановскому и Кавелину),²⁴² свидетельствует о воздействии на его взгляды различных по содержанию факторов: оппозиция официальной исторической науке, неприятие французской романтической историографии, насыщенной идеями классовой борьбы, но в то же время и влияние официальной исторической концепции, что выразилось в

²³³ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1861. С. 229—280; Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1889. С. 13—18; Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1900. С. 16—17, 260—261, 266—269.

²³⁴ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 262; см. также: Беллев И. Д. Отношение приднепровских городов к варяжским князьям, пришедшим из Новгорода, до взятия Киева в 1171 году войсками Боголюбского. М., 1848. С. 2—3; и др.

²³⁵ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 262, см. также с. 263.

²³⁶ Там же. С. 264.

²³⁷ Там же. С. 264—265.

²³⁸ Цимбаев Н. И. Славянофильство. С. 87, 164—165.

²³⁹ Соловьев С. М. Записки. Пг., б. г. С. 60.

²⁴⁰ Там же. С. 75.

²⁴¹ Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.; Л., 1949. С. 107—120.

²⁴² Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 330.

поисках Соловьевым особых путей русского исторического развития и отрицании феодализма на Руси.

Идеи опубликованной в 1845 г. магистерской диссертации Соловьева,²⁴³ развитые им немного позднее в другом труде — «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома», о родовом характере междукняжеских отношений в середине IX — середине XII в., которые определяли иерархию князей в роде, о Руси как «нераздельной родовой собственности»,²⁴⁴ о постепенной смене родовых отношений государственными стали основой знаменитого труда Соловьева «История России с древнейших времен», работа над которым продолжалась с 1848 по 1879 г. В опубликованном в 1851 г. первом томе «Истории России» и в других трудах ученый дополнил или конкретизировал эту схему развития родового быта в государственный. Соловьев указал на завоевательную деятельность князей как причину перехода родового быта в областной, тогда как в городах, «вследствие деятельности правительственного начала», «родовой быт» ослабевает, уступая место «общинному». Дальнейшее развитие Руси X—XII вв. он раскрывал как следствие трех «главных условий»: природы равнинной страны с обилием больших рек, быта племен (они стали причиной «особенной формы распространения государственной области» — колонизации), а также «состояния соседних народов и государств».²⁴⁵ Разрыв между общественным строем «Земли» и княжеской властью приводил Соловьева к ограничению деятельности князя военными функциями во время войны, судебными и организационными функциями в мирное время. Появление бояр он объяснял только дружинным происхождением, а сама дружина превращалась в неразрывно связанную с князем доходами и образом жизни социальную группу, оторванную от «Земли».

Родовые отношения ограничивались, таким образом, лишь княжеской семьей, что обуславливало политический строй страны: степень старейшинства князей и значение «столов» и волостей определяли «целостное» восхождение князей от младших степеней к старшим и великому княжению. Этот порядок нарушался междукняжескими спорами и вмешательством в них «народонаселения волостей», которое стало выбирать князей, «не обращая внимания на родовые счета Рюриковичей». Смену «родовых» отношений «государственными» Соловьев указывал в том, что старший князь стал «государем относительно младших, а последние подчинились его власти как подданные». Князья перестали считать всю землю владением целого

²⁴³ Соловьев С. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1845.

²⁴⁴ Соловьев С. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М., 1847. С. I, IX. Показательна близость этой мысли давней идее С. П. Шевырева начала 30-х гг. об «особенном, наследственном, родовом феодализме» на Руси, «совершенно отличном от Европейского» (см. выше, с. 68); только в соответствии с духом времени Соловьев снял вопрос о феодализме и пока не противопоставил историческое развитие Руси и Западной Европы. Отметим, что в 1834 г. Шевырев был избран профессором Московского университета, в 1847 г. он стал деканом историко-филологического факультета. Видимо, переработанная в новых идейно-политических условиях шевыревская идея имела хождение в Московском университете.

²⁴⁵ Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. I. М., 1851. С. 272—279.

рода и «утвердились навсегда» каждый в своей волости. Начало таких «государственных» отношений было положено, по Соловьеву, на северо-востоке Юрием Долгоруким и Андреем Боголюбским, которые, опираясь на колонизационные процессы в «новонаселенных областях» и построенные княжеские города, стали «полновластными хозяевами» этих земель.²⁴⁶

Соловьев существенно развил предшествующие концепции общественного строя Древней Руси. Большое значение при этом приобрели экономические факторы. Однако ограничение их рабовладением и наймом при объяснении происхождения господского хозяйства, торговлей — в становлении городов, которые являлись первоначально «огороженными селами», сведение родовых отношений и княжеской деятельности к основным факторам развития общественно-политического строя Руси способствовали его восприятию как отличного от феодального. Концепция Соловьева, несмотря на очевидный прогресс по сравнению с предшествующими теориями, сохраняя Древнюю Русь как государственное единство в единстве княжеского рода, не могла преодолеть преобладающее в общественно-политической и исторической литературе 40—50-х гг. противопоставление России странам Западной Европы и отрицание феодализма на Руси. Впрочем, в 1854 г. Соловьев стал отмечать сходство общественного строя Руси и средневековых западноевропейских государств. На Западе «связью между частями государства» служили отношения сюзеренитета-вассалитета, восходящие к «первоначальной зависимости членов дружины к вождю», на Востоке — родовые отношения. Аналогичны усобицы и распри, но феодальные «обязанности» на Западе и родовые — на Востоке позволили сохранить государственное единство, и в этом Соловьев видел сходное положительное влияние феодальных и родовых отношений.²⁴⁷

Эволюция взглядов Соловьева на концепцию феодализма содержала ясно выраженную тенденцию выявить аналогичность исторического развития России и стран Западной Европы. В данном мнении можно видеть скрытую форму протеста против официального взгляда на историю Руси, что стало одним из проявлений растущей оппозиции николаевскому режиму, гниль и отрицательные следствия которого сразу же проявились в начавшейся Крымской (Восточной) войне 1853—1856 гг. Сближение исторических путей развития России и западноевропейских государств имело в новых условиях общественно-политической жизни России 50-х гг. прогрессивное значение. В установлении исторических аналогий Руси и стран Запада проявилось, видимо, воздействие и тех элементов обществено-исторической концепции Гегеля, которые сохранились у Соловьева (мнения о единстве всемирно-исторического развития, о государстве как выражении народной органической целостности исторической жизни, принятие органической схемы и т. д.).²⁴⁸ Взгляды Соловьева на ис-

²⁴⁶ Соловьев С. М. Собр. соч. Стб. 816—822.

²⁴⁷ Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 4. М., 1854. С. 395.

²⁴⁸ Ерыгин А. Н. История и диалектика: (Диалектика и исторические знания в России XIX века). Ростов, 1987. С. 150. Представляется, впрочем, преувеличенным мнение автора о борьбе Соловьева с позитивистами.

торию Руси и, в частности, на феодализм продолжали развиваться в 60—70-е гг., но они являлись следствием иной социально-политической и историографической ситуации в пореформенной России.

Тенденция исторической концепции западников к сближению путей исторического развития России и стран Западной Европы, выразившаяся к середине 50-х гг. в эволюции взглядов Соловьева, еще ранее проявилась в трудах К. Д. Кавелина. Следуя принципам родовой теории в статье «Взгляд на юридический быт древней России», написанной в 1846 г. и опубликованной в 1847 г. (в эти годы Кавелин преподавал в Московском университете), он вернулся к давнему уже и отвергаемому разными научными концепциями, прежде всего официальной доктрине, мнению о существовании на Руси «феодального государства», основанного скандинавами-варягами. Его проявления он видел в «мысли о государственном единстве всей русской земли, дружинном начале и системе областного правления», после того как завоеватели «подчинились влиянию туземного элемента».²⁴⁹ Восстанавливая «феодальную систему» в дружинном строе варягов-Руси (вслед за Н. А. Полевым), Кавелин включил в историческую теорию западников и «общинное» начало. Таким образом формировалась его теория, которая объединяла в эволюционной схеме «начала» исторического развития, выдвинутые в предшествующей и современной историографии в качестве основополагающих: первоначальный родовой быт, затем общинный, а как следствие расселения общин — «семейный». Аналогичной была организация власти: «племенноначальник, начальник рода и вотчинник» (с последним связывалась малая семейная собственность в противоположность древним коллективным — семейным и родовым).²⁵⁰ Отсюда смена государственных принципов: родовое владение и междоусобицы за право старейшинства и наследования (близко к Соловьеву), семейное вотчинное владение при отождествлении княжеской вотчины с государством (идея Кавелина) и государство на юридическом принципе (что продолжало концепцию Эверса). «Феодальное государство» оказывалось эпизодом древней истории Руси. «Феодальный порядок, — согласно Кавелину, — не мог укорениться на нашей почве и исчез вместе с варягами», поэтому Ярослав утверждал «государственный быт Руси» и ее политическое единство по законам внутреннего развития — «на родовом начале».²⁵¹ Общественный строй Руси до конца XII в. представлялся Кавелину соединением автономных миров: «русско-славянских общин», земледельческих и торговых (Новгород он также считал общиной, состоящей из множества общин), и «мира князей-витязей» с их дружинами. «Княжеский род, выдающийся над русскою землею, представляется оторванным от родимой почвы, не имеющим постоянного места <...>».²⁵² Такой подход снимал значение социально-политических и экономических факторов в процессе генезиса и развития феодализма и ограничивался внешними формами явлений. Поэтому в сравнении

средневековой истории России и западноевропейских стран обобщение Кавелина было последовательно: «В истории — ни одной черты сходной и много противоположных. В Европе дружинное начало создает феодальные государства; у нас дружинное начало создает удельное государство. Отношение между феодальной и удельной системой — как товарищества к семье. В Европе сословия, у нас нет сословий; в Европе аристократия, у нас нет аристократии; там особенное устройство городов и среднее сословие — у нас одинаковое устройство городов и сел и нет среднего, как нет и других сословий; в Европе рыцарство, у нас нет рыцарства <...>».²⁵³

Но под влиянием событий 1848 г., идеологического и административного натиска николаевской реакции Кавелин отказался и от того крайне ограниченного понимания феодализма на Руси, которое генетически восходило к Карамзину, с одной стороны, и к Полевому — с другой. Поэтому в его резко отрицательной рецензии на книгу Лакиера проблема феодализма на Руси вообще не ставилась, хотя затрагивалась в рецензируемом труде и рассматривалась ранее самим рецензентом.²⁵⁴ Противопоставление исторического развития России и Запада, в частности посредством отрицания феодализма на Руси, начало углубляться в конце 40-х гг. и среди либерально настроенных западников. Это отрицание, наряду с теориями нефеодального развития Руси, стало в русской историографии после 1848 г. господствующим.

Однако в среде ведущих историков-западников поиски сходства исторического развития Руси и стран Западной Европы продолжались. Т. Н. Грановский, замечательный ученый-медиевист, один из руководителей духовной жизни московской интеллигенции в 40-е — первой половине 50-х гг., профессор Московского университета, близкий по общественным и научным взглядам к Соловьеву и Кавелину, поддержал в 1855 г. попытку Соловьева установить такое сходство в «родовом быте» и его влиянии на формирование «родового государства»,²⁵⁵ но при этом феодализм остался для него характерным явлением только западноевропейского средневековья.²⁵⁶

Убеждения Грановского лишь частично разделял его ученик Б. Н. Чичерин. В магистерской диссертации «Областные учреждения России в XVIII веке», защищенной в 1853 г., он ограничил родовой быт древнейшим периодом, отметив всеобщность этого явления. Чичерин вслед за Кавелиным указал причину распада родовых связей во внешнем факторе — призвании варягов, дружина которых была основана на новых началах добровольного согласия каждого

²⁵³ Там же. Стб. 6.

²⁵⁴ Кавелин К. [Рец. на кн.] О вотчинах и поместьях: Соч. А. Лакиера <...> // Современник. 1848. Т. 10, отд. 3, русская литература. С. 57—93 (дата цензурного разрешения тома — 30 июня 1848 г.).

²⁵⁵ Грановский Т. Н. Сочинения. 4-е изд. М., 1900. С. 105, 109; в западноевропейской историографии родовую теорию возникновения государства разрабатывал в эти же годы Г. Зибель.

²⁵⁶ Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья: (Авторский конспект и записи слушателей) / Предисл., подгот. текста и примеч. С. А. Асиновской. М., 1961. С. 158, 165—172, 175—189.

²⁴⁹ Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1897. Стб. 13.

²⁵⁰ Там же. Стб. 57.

²⁵¹ Там же. Стб. 58.

²⁵² Там же. Стб. 29.

лица.²⁵⁷ Поэтому функции князя сводились им к сбору судебных штрафов и даней с завоеванных земель, что было источником дохода и средством обогащения его дружины.²⁵⁸

Следующим этапом политического развития Руси, по Чичерину, стало превращение князей из «начальников дружины» в «вотчинников». Однако если для Кавелина вотчинный период был проявлением различных путей исторического развития России и стран Западной Европы, то Чичерин, ученик Грановского, попытался проследить их общие черты в данный период. «Западный мир и славянский, — писал он, — при поверхностном различии явлений предоставляют глубокое тождество основных начал своего быта». Основанием для такого тождества явилось устанавливаемое Чичериным сходство вотчинной и лесной феодальной системы, а также «вольные общины», существовавшие на юридических началах «частного права», «собственности и свободного договора».²⁵⁹ Он понимал сравнимые институты как правовые, а не социально-экономические или социально-политические. Поэтому в их сопоставлении решающим было искусственное противопоставление постоянных «союзных» отношений на Западе и временных «договорных» отношений на Руси.²⁶⁰ Признание близости феодального и удельного в вотчинный период не приобрело в концепции Чичерина определяющего значения. Всемерное выделение природных условий, переселений и колонизации (вслед за Соловьевым) как факторов общественной истории играло в концепции Чичерина особую роль, показывая организующее значение государства, закрепостившего все сословия.²⁶¹ Историческая концепция Чичерина становилась обоснованием либеральной программы освобождения крестьян «сверху».

«Государственная теория» Чичерина, близкая по идейному содержанию к либеральному направлению общественной мысли, оказала большое воздействие на русскую историческую науку второй половины XIX — начала XX в. Аналогии родового строя, публично-правовых институтов «вотчинной» Руси XIV — первой половины XVI в. и феодальных стран Западной Европы не устанавливали их единства, тогда как абсолютизация роли государства противопоставляла историческое развитие России и западноевропейских стран. Концепция Чичерина лишь создавала предпосылки для установления феодального строя Руси этого периода в пределах представлений либерального направления в исторической мысли, но сама феодальных институтов на Руси не устанавливала.

В новых общественно-политических условиях второй половины 50-х гг. славянофилы стали шире пропагандировать разработанную А. С. Хомяковым и К. С. Аксаковым теорию «Земли» и «Государства», все более подчеркивая роль «Земли» — народа, что являлось продолжением и развитием идеи определяющего значения общины

и общинности в русской истории. К. С. Аксаков, обобщая в 1858 г. наблюдения по вышедшим семи томам «Истории России» С. М. Соловьева, писал: «Земли, народа — читатель не найдет в ней», и требовал изображения рядом с «Государством» «Земли, народа».²⁶² Теоретики славянофильства не раскрывали, в чем заключались формы их существования и функций. Это сделали историки-славянофилы. В. Н. Лешков обращал особое внимание на «первоначальные элементы государства — на землю и народ», полагая под последним «свободный, деятельный элемент, допускавший влияние земли на свои отношения».²⁶³ При господстве «общинного быта» административное деление десятков, сотен, тысяч оказывалось, по Лешкову, «властями народными». Город не противостоял селам, а являлся их организующим центром, составляя некое самостоятельное самоуправляющееся единство: «<...> вервь, сплоченная единством городского центрального управления, составляла самоуправную общину, выше которого не было общества».²⁶⁴ При такой абсолютизации общинности в общественном строе Руси исчезли возможности для изучения государства, его социально-политической природы и функции, хотя Лешков и утверждал: «В русской истории общинность и община служат явным признаком и выражением для бытия и деятельности государственного общества».²⁶⁵ Поэтому, решая вопрос о характере кормления при передаче в корм общин, городов и областей, в пределах формального правоведения он отрицал их передачу («по частному праву», осознав не допуская сравнения кормления с феодальными институтами. Кормление объяснялось не как средство эксплуатации (в учении о феодализме — особый вид натурального и денежного феода), а как «право пользоваться доходами с известной местности под условием законной деятельности на пользу этой местности и за эту деятельность».²⁶⁶ И в «Земле, народе», и в «Государстве» славянофильская концепция снимала проблему сложных по содержанию общественных отношений на Руси.

Новые условия общественно-политической и идейной жизни второй половины 50-х гг. способствовали росту материалистических тенденций в конкретно-исторических изысканиях по истории крестьянства славянофила И. Д. Беляева. Однако, следуя принципам общинной теории, он подчеркивал особое значение в истории крестьян иерархии общин — волости, села, малых деревень, которые являлись, по его мнению, собственниками земли.²⁶⁷ Княжеская власть по отношению к

²⁶² Аксаков К. [Рец. на кн.:] История России с древнейших времен, соч. С. Соловьева. Т. 7 // Русская беседа (М.). 1858. Т. 2, критика. С. 33. Аналогичные упреки Соловьеву делал под влиянием славянофилов К. Н. Бестужев-Рюмин (*Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории как науки* // Московское обозрение. 1859. Кн. 1. С. 131—132).

²⁶³ Лешков В. Общинный быт древней России. СПб., 1856. С. 3 (отд. отт. из ЖМНП. 1856. № 9).

²⁶⁴ Там же. С. 56.

²⁶⁵ Лешков В. Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. II.

²⁶⁶ Лешков В. Общинный быт... С. 126.

²⁶⁷ Беляев И. Д. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е, без изменения против первого издания. М., 1903. С. 37—38.

²⁵⁷ Чичерин Б. Областные учреждения России в XVIII веке. М., 1856. С. 1—2.

²⁵⁸ Там же. С. 2.

²⁵⁹ Там же. С. 28.

²⁶⁰ Там же. С. 26—35.

²⁶¹ Там же. С. 339—340; *Его же*. Опыты по истории русского права. М., 1858.

С. 227—228.

общинному строю Руси превращалась в нечто внешнее. Дружинники первоначально находились на «жаловании» у князей, а в XI—XII вв. их «поместные владения» приобретались, в понятиях правоведения XIX в., «не по гражданскому, а по государственному праву». Для более позднего времени Беляев уравнивал все виды земельной собственности князей, бояр, духовенства, купцов, крестьян, не видя их различий. Эти характеристики происходили вследствие восприятия социально-политического строя Руси как общинного, и Беляев осознавал их противопоставление при таком толковании отношениям земельной собственности в истории западноевропейских стран (о феодализме он не писал, но подразумевал его в соответствии с принципами французской романтической историографии).²⁶⁸

Если в Москве в конце 40-х — 50-е гг. определяющее значение в изучении общественно-политического строя Руси имели славянофильские идеи общинности, противопоставления общины, «Земли» — «Государству», тогда как «родовая» и «государственная» теория привлекали внимание исследователей на изучение «начал» родового, семейного, общинного, государственного быта, то в Петербурге в это время отмечается стремление расширить круг подобных представлений о строе Руси, используя новейший понятийный аппарат местных выборных учреждений. Данная тенденция выразилась в появлении в исторической литературе мнения о «земстве» и «земских отношениях» в Древней Руси. В среде высшей бюрократии еще в период николаевского правления рассматривались проекты не только освобождения крестьян, но и ослабления централизации власти, в связи с чем к предполагаемым местным выборным органам самоуправления стали применяться, особенно в конце 50-х гг., понятия «земство», «земские» в противоположность государственному аппарату центральной власти.²⁶⁹ В конце 40-х — 50-е гг. эти понятия, вошедшие в русский язык в XIV—XV вв. с самыми различными значениями, стали использоваться и для обозначения социально-политического строя Руси до XIII в., что отражало широко распространенную тенденцию объяснить содержание исторического процесса исходя из абсолютизации одного из исторических явлений или переноса из современности в древность не свойственные ей общественные институты и отношения.

Новое объяснение общественных отношений в Древней Руси как земских впервые, как представляется, было предложено в 1850 г. А. Ф. Тюриньим. Дополняя существовавшие схемы исторического развития общественного строя Руси от племенного и родового быта к общине и государству, он включил в них деление на земли или волости (которые назывались по своему главному городу) с внутренним строем земских отношений. «Союз общинный и земский», по мнению Тюриньина, отличный и противоположный государственному, «был до появления киевской власти и оставался еще долго при князьях».²⁷⁰

²⁶⁸ Там же. С. 17—19.

²⁶⁹ Материалы по земскому общественному устройству: (Положение о земских учреждениях). Т. I. СПб., 1885. С. 1—128.

²⁷⁰ Тюриньин А. Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси. СПб., 1850. С. 3—4, 59.

Таким образом, земский строй не только противопоставлялся государственному, но и рассматривался как предшествующий ему, что явилось существенным дополнением к теориям С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина. Активная поддержка Кавелиным этого построения в целом (его критика относилась к частным вопросам) свидетельствует о существовании в конце 40-х гг. объективных условий для формирования идей о земском строе Древней Руси.²⁷¹ Между тем значительная активизация общественной жизни в России в конце 50-х гг. (борьба крестьянства против крепостничества, деятельность революционных демократов) внесла существенные изменения в исторические концепции. Если славянофилы подчеркивали лишь противостояние «народа» и «Земли» «Государству», то либеральная историческая наука конца 50-х гг. уже стремилась установить в истории Руси формы социально-политической активности «народа» и «Земли». Русская либеральная историческая наука направила свои усилия на объяснение истоков и последующей социально-политической активности народа, земства как некоего всеобщего единства, но противостоящего государству, княжеской и царской власти, в народных собраниях — вече. Такой путь изучения общественно-политического строя Древней Руси наметил Н. И. Костомаров.

В 1859 г. в университетской лекции он заявил, что главной темой исторических исследований является «народ».²⁷² В истории России он выделил два периода — удельно-вечевой или федеративный и единодержавный (мысль о федерации как форме политического строя Древней Руси ранее высказывалась А. И. Герценом (см. далее, с. 93—94), так что в характеристике Костомаровым первого периода русской истории сказывалось влияние революционных демократов). Под удельно-вечевым или федеративным «укладом» Костомаров понимал существующее с древнейших времен «раздробление целого без совершенного его уничтожения, самобытная жизнь частей без нарушения взаимного сходства, перевес обычая над постановлениями <...>, личной свободы над сословностью, <...> родственности над государственностью, слабостью власти, неопределительностью форм, народоправия в образе частных веч, движение и брожение». В XIV—XV вв. Костомаров полагал переходный период равенства «начал» федеративных и единодержавных, а с XVI в. — господство последних.²⁷³

Интерпретация Костомаровым древнерусского периода продолжала борьбу общественно-политических идей конца 50-х гг. XIX в., утверждая автономность и самобытность вместо централизации, личную свободу вместо сословного строя, народные собрания как проявление народовластия вместо государственной бюрократической системы управления. Однако, прервав в 1862 г. связи со студенче-

²⁷¹ Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 1. Стб. 998—999.

²⁷² [Костомаров Н. И.] Вступительная лекция в курс русской истории, читанная профессором Костомаровым в Имп. Санкт-Петербургском ун-те 22 ноября 1859 года // Русское слово (СПб.). 1859. Т. 12. С. V (отд. отт.).

²⁷³ Там же. С. IX; Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Основа (СПб.). 1860. № 2. С. 16 (отд. отт.).

ским движением, он отошел от Н. Г. Чернышевского и сблизился с либеральным националистическим направлением, так что историческая концепция Костомарова развивалась в 60—70-е гг. в круге новых идейных представлений.

Соединение различных по происхождению, но близких по либеральному общественно-политическому и научному содержанию идей о земстве как «элементе», самостоятельном по отношению к государству,²⁷⁴ об особом значении «народа» — «Земли» — «земства» в русской истории до XV—XVI вв., о вече как форме социально-политической активности «народа» и проявлении «народовластия» явилось причиной появления еще в дореформенный период, в канун отмены крепостного права, теории земско-вечевого строя Древней Руси, которая была откровенно враждебна с либеральных позиций самодержавно-крепостническому режиму, пришедшему на смену такому строю.

В исследовании С. М. Шпилевского «земщина» охарактеризована как «первоначальный элемент русского народа», противоположный дружине и духовенству. Наравне с ними «земщина» участвовала «в делах правления»: призывала князей, функцией которых являлось «володеть и судить по праву». «Политическая деятельность земщины, — по Шпилевскому, — выражалась в форме совещания князей с земщиной на вече», но вече собирались народом и без князя, самостоятельно, на них «обсуждались общественные дела самим народом». Воспринимая народ как единую социальную общность, что свойственно для ранних этапов развития буржуазной историографии, Шпилевский соединил давнюю уже славянофильскую теорию общности Руси с новыми для либеральной литературы наблюдениями над особым значением вече, в результате чего Новгород, Псков он воспринял как «северные вольные общины», в которых особенно проявилась самостоятельность вече.²⁷⁵ Эти идеи будут развиты в последующей русской либеральной историографии. Новые ее направления также не искали сходства в путях исторического развития России и стран Западной Европы, не замечая проблемы феодализма. Таким образом, самые различные по общественно-политическому содержанию и научным направлениям исторические концепции 30—50-х гг. вне романтической историографии или отвергали учение о феодализме в России, или крайне ограничивали его, связывая с политическими институтами, привнесенными на Русь варягами. В этой историографической ситуации социалистическая теория в России определяла свое отношение к концепциям феодализма.

В. Г. Белинский и А. И. Герцен прошли в молодости закалку гегелевской диалектикой. Они выработали теорию исторического прогресса, неразрывно связанного с революционными преобразованиями. Белинский и Герцен боролись со всеми проявлениями феодального строя в России. Они по-новому в отечественной историографии поставили вопрос о народе как движущей силе развития страны. Эта тема была продолжена и развита другими революци-

онными демократами. Однако проблема заключалась в том, как раскрыто конкретно-историческое содержание «народа» в различные периоды истории России, как определены пути ее исторического и современного развития.

Человек высокообразованный, Белинский знал о проблеме феодализма в России. Она входила в систему его представлений о Древней Руси, но к русским «феодалам» он относился скептически: «Наши бояре тоже были (подобно западноевропейским «аристократам». — М. С.) сперва владетельными особами, но, перестав быть государями, тотчас же сделались только почетными слугами: татарское иго, сокрушившее феодальную систему, было для наших воображаемых феодалов тем же, чем было рыцарство для феодалов Запада. Невыгодное тождество!...»²⁷⁶ Однако эта тема отступает у него на второй план при характеристике периода IX—XIV вв. в духе «скептической школы» как «баснословного периода нашей истории».²⁷⁷ Позднее, в 1845 г., Белинский писал об удельном периоде: «<...> наша удельная система столько же в сущности похожа на феодальную, сколько русский язык похож, например, на английский: прототип нашей идейной системы совсем не политический и не государственный, а чисто семейственный и племенной, который и теперь сохраняется во всей чистоте в помещичьем праве».²⁷⁸ От сомнения в феодализме на Руси Белинский шел к его отрицанию, противопоставляя удельную систему феодальному строю западноевропейских стран.

Историю России Белинский предполагал начинать с «возвышения Москвы». Но и московский период для Белинского — лишь предистория Русского государства. Только реформы Петра I, по его мнению, создали новую Россию — могущественную державу, ввели ее в мировую историю.²⁷⁹

Опираясь на выводы родовой и общинной теорий, идейно трансформируя их, Герцен создавал собственную историческую концепцию «русского социализма», которая должна была доказать исконность общины как основного фактора русской истории. Данная концепция противопоставляла историю России и стран Западной Европы, и Герцен в полной мере видел это. Он писал о Руси: «<...> эта федерация с ее однородным населением, не знающим обособленных классов и различия между городами и деревнями, с общинной формой ее земельной собственности ничем не напоминала другие государства той же эпохи». Как следствие общинного строя «русский народ в те времена (то есть до XIV в. — М. С.) был свободнее народов феодального Запада».²⁸⁰ Но община, поглотившая «без остатка» «личность славянина», по мнению Герцена, с мало развитым «чувством личной независимости», свойственной народам Запада, отличалась также от Востока, где «личность человека была без остатка поглощена племенем или государством, в жизни которых он принимал лишь пассивное участие».²⁸¹

²⁷⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 138.

²⁷⁷ Там же. С. 94.

²⁷⁸ Там же. Т. 9. М., 1955. С. 191—192.

²⁷⁹ Там же. Т. 6. М., 1955. С. 287; Т. 5. С. 93.

²⁸⁰ Герцен А. И. Сочинения: В 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 398.

²⁸¹ Там же. С. 398—399.

²⁷⁴ Гронский П. П. Теории самоуправления в русской науке // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 85.

²⁷⁵ Шпилевский С. М. Об участии земщины в делах правления до Иоанна IV // Юридический журнал. 1861. № 5, январь. С. 207—208.

Это мнение для Герцена обосновывало мысль об извечности русской общины в прошлом и будущем.²⁸² Таким образом, Герцен, подобно Белинскому, продолжил в исторической теории русского социализма, хотя и из других посылок, идею различия путей исторического развития России и стран Западной Европы. Учение об общинном строе в Древней Руси было противопоставлено концепции феодализма на Западе, прежде всего по Тьерри и Гизо. Строй крестьянской общины становился в утопическом социализме основой грядущего преобразования в России, а также средством исторического обоснования права русского крестьянства на землю.²⁸³

Соратник Герцена по борьбе с самодержавием и крепостным правом в России, Н. П. Огарев разделял основные принципы социалистической теории, общественно-политической программы, исторической концепции своего друга. Но его анализ феодализма на Западе и отрицание феодализма в России отличались рядом особенностей.²⁸⁴ Указывая в качестве феодальных монопольное право земельной собственности, крупное землевладение, конкерство, королевское право пожалования дворянства, Огарев подходил (и подводил читателя) к мнению о феодальном характере русского помещичьего строя. Однако он этого вывода не сделал. Мысль об особенностях исторического и современного развития России, стремление доказать необходимость будущего прогресса страны в общинном землевладении привели к тому, что он не увидел феодального строя в России. Поэтому Огарев писал в 1856 г.: «Вообще дворянская каста не существует в России как феодальная каста, т. е. каста, владеющая земельной собственностью государства, как в Англии, где земель владеет тридцать две тысячи человек, а народ мрет с голоду».²⁸⁵

Идеи Герцена и Огарева продолжили в русской исторической революционной мысли то направление трудов декабристов, которое отмечало различия общественного строя Руси и западноевропейских государств феодального периода. Взгляды Пестеля на феодализм в России остались им, вероятно, неизвестными, да и сама их концепция предполагала противопоставление, а не сходство Руси и Запада. В этом же направлении развивалась и декабристская мысль после 1825 г., в связи с чем феодализма на Руси авторы не отмечали.²⁸⁶ Это мнение особенно окрепло у М. А. Фонвизина, который под воздействием идей Герцена об общинном «крестьянском социализме»²⁸⁷ подчеркивал различия издревле феодального Запада (по Тьерри и Гизо) и России, где «не было феодализма», а «сельские жители,

²⁸² Там же. С. 400—412.

²⁸³ Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963. С. 136.

²⁸⁴ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1. М., 1952. С. 325—329, см. также с. 134—148.

²⁸⁵ Там же. С. 134.

²⁸⁶ Лунин М. С. Сочинения и письма / Ред. и примеч. С. Я. Штрайха. М., 1923. С. 78—79; Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 106.

²⁸⁷ См. также противопоставление современной России Западу декабристом Н. А. Бестужевым, который афористично изложил мысль Герцена: «Наши общины суть не что иное, как социальный коммунизм на практике, где земля есть средство в работе <...>» (Н. А. Бестужев — С. Г. Волконскому, 15 февраля 1850 г. // Избранные социально-политические произведения декабристов. Т. 1. М., 1951. С. 443).

составляющие большую часть народонаселения, сохранили свой древний волостной и общинный быт».²⁸⁸ Впрочем, в отрицании феодализма на Руси декабристы после декабря 1825 г. не были единодушны. А. А. Бестужев высоко оценил «Историю русского народа» Н. А. Полевого,²⁸⁹ где проводилась мысль о развитии феодализма на Руси в IX—XII вв. Однако такое мнение, восходящее к романтической школе, в среде декабристов не нашло широкого распространения.

Пропаганда идей социализма М. В. Петрашевским и петрашевцами в середине 40-х гг. также не предполагала близость путей исторического развития средневековой России и стран Западной Европы. В изданном ими «Карманном словаре иностранных слов» излагается, в соответствии с концепцией Гизо, процесс развития феодального строя.²⁹⁰ Неизвестно, как были бы интерпретированы понятия «феод» и «феодальная система», которые указаны в отсылке статьи «ленная система»,²⁹¹ но в статьях опубликованного первого выпуска (тираж второго выпуска был конфискован и сожжен) феодальные институты и отношения ограничивались Западной Европой и не сравнивались с общественным строем средневековой Руси.

В 1859—1961 гг. идеи социализма и демократическое движение за преобразование оказались тесно связанными.

Это единство явилось одной из причин воздействия идей утопического социализма на широкие демократические слои, прежде всего на разночинную интеллигенцию. В новых условиях идейным руководителям революционной демократии важно было выработать собственный взгляд на историю России, в частности на проблему феодализма, которая касалась как ее прошлого, так и современной действительности, о чем свидетельствовали социальная практика и накопленный опыт общественно-политической и исторической мысли.

Уже в юности у Н. Г. Чернышевского сложились определенные взгляды на феодализм в странах Западной Европы.²⁹² В семинарском сочинении «О причинах введения удельной системы в России», написанном в 1845 г., семнадцатилетний Чернышевский указал семейные отношения как основную причину «введения» удельной системы и отождествил последнюю с феодализмом, в чем можно видеть влияние Н. А. Полевого.²⁹³

Эти материалы перерастают значение отдельных фактов в становлении исторических взглядов Чернышевского. Они свидетельствуют о широко распространенных в середине 40-х гг. научных знаниях о феодализме среди разночинной молодежи. Эти знания способствовали аналитическому мышлению в понимании исторических процессов вместо повествовательного изложения истории в последовательности правления князей, царей, императоров или PROVIDENCИАЛИСТИЧЕСКИХ монархических концепций. Проблема феодализма пере-

²⁸⁸ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. С. 291—292.

²⁸⁹ Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1958. С. 597—598.

²⁹⁰ Карманый словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, изд. Н. Кириковым. СПб., 1845. С. 6, 21—22, 123, 143—144.

²⁹¹ Там же. С. 162.

²⁹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1953. С. 366—369.

²⁹³ Там же. С. 372—373.

росла рамки научных дискуссий историков, борьбы мнений идеологов отдельных социальных групп и общественно-политических направлений. Она стала фактом восприятия исторической действительности широкими слоями разночинной интеллигенции.

Через десять лет Н. Г. Чернышевский — ведущий сотрудник и идейный руководитель «Современника». В 1855—1862 гг. он — идеолог, пропагандист и агитатор революционно-демократического движения в стране. Чернышевский не был удовлетворен трудами современных ему историков, в которых, как он писал, «мы имеем только идею о том, чем должна была быть эта наука, но едва ли видим первые, односторонние опыты осуществить эту идею». Он указывал основные причины такого состояния исторической науки в идеализме ее концепций, в отсутствии исследований материальных условий жизни.²⁹⁴ Выход из этого положения он видел в антропологии — философии Л. Фейербаха. Однако антропология исходила из представления об индивидууме как определяющей единицы философской системы,²⁹⁵ что составляло односторонность материалистической философии Фейербаха и его последователей. Глубокие познания в политической экономии, философии и истории позволили Чернышевскому преодолеть целенаправленность антропологии, установить объективные критерии исторического прогресса в «развитии трудовой жизни и средств материального существования».²⁹⁶

Чернышевский намечал новые пути в изучении истории, предъявлял новые требования к исторической науке. Вместе с тем, подерживая наблюдения, которые способствовали развитию науки, и подвергая уничтожающей критике мнения, которые этому мешали, Чернышевский содействовал прогрессу в конкретно-исторических исследованиях, в частности в истории древней Руси.²⁹⁷ «Во всех доселе изданных сочинениях по русской истории» он отмечал лишь «более или менее полные сборники материалов для будущей обработки»,²⁹⁸ имея в виду будущий материалистический анализ исторического процесса. Поэтому Чернышевский активно поддерживал те идеи Соловьева и Грановского, которые способствовали установлению единых форм исторического развития средневековой России и Западной Европы. В четвертом томе «Истории России» Соловьева он подчеркнул «прекрасную параллель между родовыми отношениями наших князей, с одной стороны, и феодальной связью западноевропейских владельцев — с другой», принимая последующее перерастание родовых отношений в государственные, «соединение» Руси в Московское царство, подобно тому «как на западе из феодальных владений составляются большие государства».²⁹⁹ Видел Чернышевский аналогию западноевропейскому феодализму на Руси и в «раздроблении государства по вотчинному праву», понимая под феодализмом особый период территориальной раздробленности, предшествующей централизованному государству. Логическим завершением этих наблюдений явилось уста-

новленное Чернышевским в 1860 г. при изучении судеб общины в Западной Европе и России (в «Очерках из политической экономии (по Миллю)») соответствие средневековых российских и западноевропейских феодальных «учреждений».³⁰⁰ Такая характеристика была значительно более глубокой, чем аналогии политического строя. Она намечала в отечественной историографии новые пути в изучении феодального строя на Руси, хотя, будучи сведена к «учреждениям», отражала ограниченное понимание феодализма. Эта ограниченность преодолелась уже самим Чернышевским. Русскую помещичью систему он характеризовал как «иерархию более или менее крупных поземельных владельцев — иерархию чисто феодальную».³⁰¹ Однако плодотворное исследовательское направление в установлении феодального строя в русской истории было прервано гражданской казнью Чернышевского.

Друг и соратник Чернышевского Н. А. Добролюбов выступил в конце 50-х гг. с требованием гражданской позиции историка, который «мог спокойно и беспристрастно теперь оценить те начала и те идеи, которыми определялся ход русского развития», мог указать причины, которые привели Россию к поражению в Крымской войне и социально-политическому кризису.³⁰² Это была программа революционной демократии в исторических исследованиях, которые должны были показать истоки, развитие и распад того общественного строя, несостоятельность которого была очевидна и который должно было свергнуть. Добролюбов критиковал господствующую в трудах русских историков описательность вместо раскрытия содержания исторического процесса.³⁰³ В этих требованиях изложены принципы материалистического изучения истории. Добролюбов использовал учение о феодализме как важнейшую историческую теорию в анализе новейшей истории стран Западной Европы. Значение этого учения заключалось уже не в установлении борьбы «третьего сословия», включавшего буржуазию, с феодализмом, а борьбы «рабочего народа» с феодалами и буржуазией.³⁰⁴ Однако состояние отечественной исторической науки не позволило Добролюбову развить самостоятельную целостную концепцию истории России. В частности, критикуя эклектические взгляды славянофила-аристократа Н. А. Жеребцова на феодализм в русской истории, он не высказал собственного отношения к этой научной проблеме.

Мнение Чернышевского и Добролюбова о предшествующем опыте русской исторической науки, о проблеме общины в отечественной истории в полной мере разделил видный историк демократического направления Г. З. Елисеев.³⁰⁵ Развил эти идеи Елисеев в работах, опубликованных в пореформенный период.

Несмотря на то, что русская общественно-политическая и историческая мысль в 30—50-е гг., вследствие указанных ранее объективных и субъективных факторов, отказалась от изучения социально-полити-

²⁹⁴ Там же. Т. 3. М., 1947. С. 357.

²⁹⁵ Там же. Т. 9. М., 1949. С. 829.

²⁹⁶ Там же. Т. 10. М., 1951. С. 441.

²⁹⁷ Там же. Т. 2. М., 1949. С. 196—203, 322, 371—374; Т. 3. С. 543.

²⁹⁸ Там же. Т. 2. С. 404—405.

²⁹⁹ Там же. Т. 10. С. 324.

³⁰⁰ Там же. Т. 9. С. 391.

³⁰¹ Там же. Т. 7. М., 1950. С. 705.

³⁰² Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1962. С. 257.

³⁰³ Там же. Т. 2. М.; Л., 1962. С. 273.

³⁰⁴ Там же. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 459.

³⁰⁵ Грыцько. Исторические очерки // Современник. 1860. № 11. Современное обозрение. С. 62, 63, 65, 66.

ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛИЗМА: 1861—1917 гг.

ческого строя Руси как феодального, в исторической науке зрели условия для плодотворного продолжения такого рода разысканий. В трудах Эверса, Рейца, Погодина, Соловьева, Беляева и других исследователей накапливались наблюдения над общественным положением различных категорий господствующего, простого свободного и зависимого населения. Другим важным фактором явилось быстрое расширение в первой половине XIX в. источниковой базы. Первоочередная задача заключалась теперь в совершенствовании источниковедческого анализа, в установлении истории текста введенных в научный оборот списков летописей, Русской Правды, Кормчих книг, судебников, актов и других памятников средневековой письменности.³⁰⁶

Особой, но не менее важной проблемой в изучении социально-политического строя Руси становилось объективное и полное привлечение исторических источников. Концепции, опровергавшие феодальный строй в русской истории, привлекали источниковый материал, введенный в научный оборот, лишь частично. Он односторонне интерпретировался в соответствии с предвзятыми мнениями. На это обстоятельство обратил внимание Добролюбов, который заметил в связи с изысканиями Жеребцова: «Пусть человек приступит к своим занятиям, не вполне свободный от известных идей, заранее им усвоенных; пусть у него в начале будет даже желание разработать факты именно для подтверждения этих идей. Но пусть он не простирает пристрастия к своим идеям до того, чтобы для них искажать факты и прибегать к обману <...>. Тем скорее может и должен понять истину ученый, видя, что факты вовсе не благоприятствуют убеждениям, составленным им заранее».³⁰⁷ Однако определяющее значение односторонних философских и методологических принципов приводило к абсолютизации одного из факторов или явлений исторического процесса, что в свою очередь вело к отбору источникового материала. В данной связи А. Е. Пресняков тонко отмечал в трудах С. М. Соловьева подход к русскому историческому процессу не только с готовой схемой, но и с «подбором, сопоставлением и освещением обильной массы исторических фактов, из которых построена основа его огромного труда».³⁰⁸ Между тем труд Соловьева оказывал сильнейшее прямое и опосредованное воздействие на современную ему и последующую историческую науку вплоть до начала XX в. Слова Преснякова о труде Соловьева в равной мере относятся к источниковому обоснованию и многих других концепционных построений того времени.

³⁰⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 550—578; Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40 годов XIX в. С. 194—255; Щапов Я. Н. Калачев как буржуазный источниковед XIX века // Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М., 1964. С. 201—230; Афиани В. Ю. Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в.: (Опыт историографического изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; Библиографический указатель изданий Археографической комиссии, 1836—1936: (К 150-летию Археографической комиссии) / Отв. сост. А. Ф. Тутова. Л., 1985. С. 7—11, 14, 20.

³⁰⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 3. С. 297.

³⁰⁸ Пресняков А. Е. С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.: Л., 1963. С. 78—79.

1. Теории общественного строя древней Руси в русской исторической науке: 1861 г. — первая половина 90-х гг. XIX в. Развитие русской исторической науки в этот период происходило в противоречивое по социально-экономическому и политическому содержанию время, что оказывало прямое и косвенное воздействие на содержание исторических теорий, в частности на судьбы проблемы феодализма на Руси в отечественной историографии. Капиталистический строй, буржуазия и рабочие существовали в России наряду с классом помещиков-землевладельцев, с крестьянством, в котором происходил процесс социально-экономической дифференциации, но основной формой общественной организации которого оставалась община. В сельском хозяйстве сохранялись феодальные формы эксплуатации: отработки и издольщина. Объективные потребности буржуазного развития страны и прогрессивные общественные движения стали причиной проведения в 1864 г. земской и судебной реформ, которые расширяли права местного самоуправления, привлекали к нему выборных от купцов и крестьян, устанавливали формальное равенство сословий перед законом. Городская реформа 1870 г. вводила внесословное городское самоуправление вместо прежнего сословного. Политический строй государства, структура государственных учреждений определялись самодержавной царской властью без каких-либо ограничений.

В связи с социально-политическими изменениями в стране происходила идейная борьба консервативных и либеральных направлений в общественной мысли. Революционеры-демократы боролись за преобразование страны, следуя принципам утопического социализма, — через общину и крестьянскую революцию. Идеиный и организационный кризис революционного народничества после убийства Александра II 1 марта 1881 г. стал причиной роста, а с середины 80-х гг. преобладания либерального народничества, которое предлагало реформами улучшить существующий строй вместо его свержения. В то же время в России распространялись марксистские идеи. Полная противоречий российская действительность, небывалая до того активность общественных движений, от самых реакционных до революционных, вынуждали самодержавие лавировать. Оно то уступало под влиянием революционного движения и прогрессивных тенденций в русской общественной жизни, то стремилось примирить либеральное и консервативное направления в господствующих классах, то занимало откровенно реакционные позиции.

В этих социально-экономических и общественно-политических условиях судьбы проблемы феодализма в России были сложными. В общественно-политической жизни были сильны направления, противопоставлявшие историческое развитие России и стран Западной Европы. Новейшие идеи народного несословного представительства и представительных учреждений, земского самоуправления и несословного суда, особой роли общины, сохранившейся в России и давно разложившейся на Западе, тесно переплетались с историческими теориями. Они активно воздействовали на анализ исторической действительности и в то же время привлекали его для исторического обоснования новейших общественно-политических и научных представлений. Они различались идейным содержанием, но в то же время влияли друг на друга, смыкаясь в характеристике многих исторических явлений. Исторические концепции 40—50-х гг. сохранялись или перерабатывались на том же уровне научных обобщений. Особое значение при этом приобретала все более распространяющаяся позитивистская методология. Целостная система диалектики Гегеля вытеснялась в разысканиях российских историков и общественно-политических деятелей философией позитивизма. Их новые поколения вырастали в 60-е гг. XIX — начале XX в. на трудах О. Конта и Г. Спенсера. Положительным следствием позитивистского подхода стало особое внимание к анализу исторического факта, его структуре в происхождении и развитии. Но в обобщениях были заложены отрицательные следствия такого подхода: отсутствие целостного анализа системы, обобщение по аналогии и подобию, а не через тождество структур. Отсюда — predetermined как результат абсолютизации или преувеличения одного из исторических явлений или факторов обширный разброс вариантов обобщений в исследовательском поле без объективных критериев системного анализа всей изучаемой общественной структуры. Демократическое направление в этот период самостоятельной методологии истории не разработало, продолжая широко привлекать философские комплексы и исторические конструкции либеральной историографии, тогда как марксизм с его методом системного анализа, вследствие своей идеологической и революционной направленности, партийности, распространялся в России медленно и в очень ограниченной по идейному и социальному содержанию среде.

Фактом общественного сознания в этот период стала идея о народе не только как «объекте» истории, но и одним из ее творцов. Эта идея революционно-демократической мысли предшествующего периода широко распространилась в интеллектуальных кругах России, активно воздействуя на русскую культуру, отражаясь в литературе, живописи, музыке пореформенного периода. Она распространилась и в науке об обществе, составляя содержание разных по общественному содержанию направлений, от революционных до либеральных, в виде теории общинно-вечевого или земско-вечевого строя Руси. Данные теории, их происхождение, вариационное содержание остались в отечественной историографии неизученными, хотя они составляли основу характеристик общественно-политического строя Руси, особенно древнерусского периода, во второй половине XIX — 20-е гг. XX в. Их заслоняли хорошо знакомые исследователям родовая, общинная, государственная теории в их модификаци-

ях. Постоянно отмечались отдельные элементы теорий общинно-вечевого или земско-вечевого строя Руси: народ как некое единство при делении на свободных, полусвободных и рабов-холопов, городские волости как основная форма политической структуры, особая роль веча при разном толковании его содержания, договорные отношения веча и князя, которые наполнялись разным социально-политическим содержанием. Но исследователи не замечали целостности этих концепционных построений, связей их содержания с общественно-политической жизнью России. А. Н. Цамутали отметил «земско-областную теорию» в творчестве А. П. Щапова вслед за М. Н. Покровским,¹ которому она была близка и по времени, и по содержанию. Но темой специального изучения теории общинно-вечевого или земско-вечевого строя в их доказательстве нефеодалного пути развития Руси, в частности древнерусского периода как составной части борьбы идей, научной и общественно-политической жизни России 60-х гг. XIX — начала XX в., не стали.

Мысль о феодализме в русской истории появилась в трудах С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова, которые продолжали развивать свои концепции в новых общественно-политических условиях 60—70-х гг. Эти концепции сохраняли в основе идею противоположности исторического развития Руси и феодального Запада. Однако совпадение отдельных сторон феодального строя было очевидным. Отсутствие давления официальной николаевской доктрины позволяло высказать эти частичные наблюдения о феодальных институтах на Руси.

С. М. Соловьев внес существенные изменения в родовую теорию. Начальный период истории России он назвал «богатырским или героическим». Но в противоречие этой романтизированной характеристике он считал свойственными для него признаки развития социального строя: исчезновение племен, возникновение волостей и княжений, названных по главным городам, появление сословного деления на ратных людей, дружини, мужей, а также простой люд: «городское, промышленное сословие и сельчане».² Сохранив переселения князей в соответствии с принципом родовых княжеских отношений, он отметил аналогичные передвижения вождей и их дружин при завоевании германцами Римской империи. С другой стороны, абсолютизация особенностей географической среды становилась началом противопоставления истории России и Запада: на Западе с оседанием на землю начинается феодализм, тогда как на Руси вследствие обилия свободных земель и малочисленности населения феодализм не сложился.³ «Дружина, — по словам Соловьева, — хорошо, весело живет при князе: князь старший товарищ, старший брат, а не повелитель, он не таится от дружины, дружина знает всякую его думу, он ничего не шадит для дружины, ни еды, ни питья, ничего не копит себе, все раздает дружини <...>».⁴

¹ Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60-70-х годов XIX в. Л., 1971. С. 102—103.

² Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1863. С. 6—7.

³ Там же. С. 13—14.

⁴ Там же. С. 15.

В творчестве Соловьева прогрессивная тенденция к сопоставлению и сближению путей исторического развития европейских стран (в пределах теории единства исторического процесса и внутренних закономерностей органического развития общественно-политических взглядов западников) нашла выражение в сравнении отдельных социально-политических явлений и договорных феодальных отношений, что вело исследователя к установлению аналогичных институтов на Руси и на феодальном Западе. Поэтому в работе «Наблюдения над исторической жизнью народов», написанной в 1868—1876 гг., он использовал русскую историческую терминологию при анализе общественного строя империи Карла Великого. В качестве аналогии деятельности «государевых посланцев» (*missi dominici*) в административно-судебном управлении империи Карла Великого Соловьев указал действия Яна Вышатича в Белозерье в 1071 г. Прекаристов он отождествил с закладниками. Появление прекарных отношений, «закладничества или феодализма», Соловьев рассматривал как процесс разложения дружинного строя, развития феодализма сверху посредством оседания дружинников на землю, установления «частных союзов» и зависимости, которые стали союзами защиты.⁵ Однако эти аналогии остались случайными и не явились основой последовательного проведения идей органического развития в едином историческом процессе.

Н. И. Костомаров иначе подошел к мысли о феодализме в русской истории. На него большее воздействие, чем на Соловьева, оказали политические и историко-правовые теории земских учреждений и народного представительства, разработанные в середине 60-х — 70-е гг. Они утверждали противопоставление земства как местного общественного самоуправления государству (В. Н. Лешков, А. И. Васильчиков, Б. Н. Чичерин, А. И. Кошелев).⁶ Под влиянием этих идей Костомаров ограничил представления о федеративности Древней Руси. Во второй половине 60-х гг. он писал только о зародыше федерации в «первобытном строе общественного быта» и о «задатках федерации», равно как о зародыше республики и монархии в «вечевой период» русской истории.⁷ Начальную форму социально-политической организации «славяно-русского народа» он характеризовал как «Землю» со всеобщим совещательным собранием — вечем и начальниками — князьями. Сохранив в своей теории призвание княжеского рода, который сменил местных князей, Костомаров не устанавливал его социально-политических связей с Землей, поэтому рассматривал сбор князьями податей с населения как грабеж и набег.⁸ И в первой половине XI в. он считал Русь «преимущественно скучением народцев, обязанных платить дань Руси в тесном смысле» — киевским князьям и их дружинам. В XI в. произошла, по Костомарову, смена племен с центрами племенной жизни в глав-

ных городах Землями, то есть «общинами, в которых под главным городом стояли другие города, иначе пригороды». «Земское собрание» — вече — являлось выражением автономии Земли. Оно могло быть в каждом селе и пригороде, но зависело от веча старейшего города.⁹

Общественно-политическую жизнь Земли в домонгольский период Костомаров определял как «народоправство» — «право Земли и ее верховная власть над собою», при этом ее политическая структура раскрывалась как «вече — выражение власти, а князь — ее орган». Княжеская власть предназначалась лишь для сохранения порядка, «охранения» (военная функция), суда, правды. При таком отрыве княжеской власти от социально-политического строя земель последовательны выводы Костомарова: Земля выбирала князя, потому что «он для Земли был нужен»,¹⁰ тогда как факты социальной борьбы, внутрдинастические столкновения, конфликты города и князя в XI—XIII вв., которые заканчивались сменой князей, объяснялись проявлением власти «народа», властью веча и Земли, «земским началом». Впрочем, летописные факты противоречили этой конструкции, и Костомаров, признавая их, разрушал собственную теорию «народовластия», указывая и на власть бояр (усиление «аристократического элемента» в Галицком княжестве середины XII — первой половины XIII в.).¹¹ Однако отсутствие объективных критериев в раскрытии природы социально-политического строя Древней Руси, частично привлеченные данные источников привели Костомарова к выводу, согласно которому «в вечевой период вся русская жизнь отличалась крайнею неопределенностью, неточностью и невыработанностью форм».¹²

Социальная структура Древней Руси была, по Костомарову, столь же неопределенной и мало дифференцированной. Сословное деление свободных выражалось лишь в «состоянии» людей и в степени их влияния на других. Поэтому он выделял всех свободных в единый «класс», которому противопоставлял класс рабов.¹³ Других форм зависимости он не допускал, видя в челяди и холопах рабов. Дружину Костомаров относил к сфере деятельности князя. Она реализовывала его функции судьи и «защитника Земли от внешних врагов»: дружинники являлись княжеской военной силой, «органами <...> княжеского управления». В «языческий период» дружина, «ограничиваясь собиранем дани для князя и для себя, имела характер разбойничьей шайки, находящейся в распоряжении атамана». В «вечевой период», согласно Костомарову, дружина стала принадлежать не только князю, но и Земле. Бояре-дружинники становились боярами земскими, землевладельцами. Тем самым смягчалось характерное для государственников в 60—70-е гг. противопоставление князя и Земли, земства. Костомаров не раскрывал иные пути происхождения «земского боярства», кроме оседания дружинников на

⁵ Соловьев С. М. Собр. соч. СПб., 6. г. Стб. 1297—1299.

⁶ Гронский П. П. Теории самоуправления в русской науке // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 76—80.

⁷ Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб., 1872. С. 6, 54.

⁸ Там же. С. 7—13.

⁹ Там же. С. 18—21.

¹⁰ Там же. С. 40—41.

¹¹ Там же. С. 44—48.

¹² Там же. С. 49, 54—55.

¹³ Там же. С. 55, 59.

самых широких общественных кругах, от демократической интеллигенции до императорского двора, выдвигались различные проекты реформ, от широких демократических преобразований до жалких уступок со стороны самодержавного строя и дворянства.²⁰ Так, в одном из проектов 1852 г. предлагалось общественное земское самоуправление как противоположное по содержанию государственному со ссылкой на «исторический опыт».²¹

Как писала Н. А. Милютину в 1862 г. великая княгиня Елена Павловна, «слово земство наводит страх в высших сферах».²² Отсюда особый интерес в самых различных по политическому содержанию общественных кругах не только к подготовке и проведению земской, а позднее и городской реформ,²³ но и к анализу исторического прошлого в свете острых общественно-политических дискуссий новейшего времени. В 1864 г. великая княгиня Елена Павловна выразила лидеру славянофилов Ю. Ф. Самарину пожелание, чтобы было написано исследование об истории представительных учреждений в России. Такую работу, предполагающую изучение истории земства по программе, подготовленной Самариным, написал И. Д. Беляев.²⁴ Одновременно интерес к истории местного самоуправления, пред истории земства проявили самые различные по общественно-политическому и научному содержанию направления историографии, которые интенсивно начали разрабатывать теории общинно-вечевого и земско-вечевого строя.

Историко-юридическая или государственная школа, либеральная по идейному содержанию, органично включила теорию земско-вечевого строя Руси в число основных постулатов. Для такого соединения существовали объективные основания: одинаковое противопоставление «общества» и «народа» государству, определяющее значение последнего в социально-политическом развитии страны, представления о народе как единой, мало дифференцированной социальной общности. Но в 60-е гг. земско-вечевая теория существенно видоизменила в государственной теории определение роли «народа» и форм его социально-политической активности в русской истории. Общинно-вечевые и земско-вечевые теории наполнялись разным идейным содержанием в зависимости от общественно-политических взглядов исследователей.

Историко-юридическая школа стала активно модернизировать положение государственной теории после начала земской и судебной реформ, и в этом проявилась умеренная либеральная суть этого исследовательского направления в отличие от демократического, для

²⁰ Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.

²¹ Материалы по земскому общественному устройству: (Положение о земских учреждениях). Т. 1. СПб., 1885. С. 146—147.

²² Цит. по кн.: Джанишев Г. Из эпохи великих реформ. М., 1893. С. 308.

²³ Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977; Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60—начале 90-х гг. XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984; Ее же. Городское самоуправление в журналистике 70—80-х гг. XIX в.: (По страницам «Вестника Европы» и «Отечественных записок») // Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986. С. 159—180; Чернуха В. Г. Проблемы внутренней политики в русской публицистике 60—70-х гг. XIX в. // Там же. С. 132—158.

²⁴ Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. III.

которого представления об общинно-вечесом или земско-вечесом строе Руси и в начале 60-х гг. являлись историческим обоснованием демократических преобразований в новейшее время (см. далее, с. 120). Либеральное направление в историко-юридической школе стало формулировать научные положения, решительно противостоя революционно-демократическому и демократическому направлениям и в то же время возражая «охранителям» с их апологией самодержавного строя.

Уже в 1864 г. в докторской диссертации И. Е. Андреевский прямо связал актуальность изучения истории местного государственного управления с изданным 1 января того же года «Положением о земских учреждениях». В пределах прежних представлений ему важно было показать в древнерусский период происхождение и зависимость местного государственного управления от верховной власти, его промежуточное положение «для пользы князя» и «для блага управляемого им народа», что соответствовало концепции надклассовости государственного аппарата. Этот исторический анализ непосредственно смыкался с либеральными требованиями реорганизации местного аппарата после начала земской реформы.²⁵

Значительный вклад в разработку земско-вечевой теории в пределах историко-юридической школы внес В. И. Сергеевич. Догматизм изложения, характерный для историко-правовой науки, соединялся в его трудах с основными принципами позитивизма, расчленяющего историческую действительность на совокупность относительно связанных элементов, в которых рассматривались прежде всего внешние формы, но не сущность. Основные идеи новой либеральной теории, впервые ясно и четко изложенные Сергеевичем в 1867 г. в магистерской диссертации «Вече и князь», оказали большое влияние на современную и последующую историографию. Народ и князь в IX—XIII вв. Сергеевич рассматривал в духе господствующих в первой половине 60-х гг. земских либеральных теорий как два противоположных, но необходимых друг для друга элемента: «с одной стороны, народ не может жить без князя, с другой — главную силу князя составляет тот же народ». Отношения между этими «элементами древнерусского общественного быта» (демократическим — народом и монархическим — князем) регулировались посредством договоров. Народ участвовал в общественных делах на вече, поэтому, по Сергеевичу, «вечевой быт» в IX—XIII вв. был необходимым и всеобщим на Руси. Прекращение «вечевого быта» Сергеевич объяснял внешним фактором — «татарским завоеванием». После подчинения Москве Новгорода и Пскова и там был уничтожен «вечевой быт».

Политическую структуру Руси X—XIII вв. Сергеевич охарактеризовал близко к Костомарову как волости, состоявшие из главных городов и пригородов.²⁶ Политическое руководство волостью осуществлялось народными собраниями в «главных» или «старших» го-

²⁵ Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 1, 156.

²⁶ Сергеевич В. И. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867. С. 25—26.

родах. Такая постановка проблемы ставила новые для либеральной историографии вопросы происхождения городов, пригородов и волости, выяснения реальных основ их связей. Сергеевич объяснил их «поземельными отношениями». В количестве «поземельной собственности», принадлежавшей «гражданам» города, он видел «мерило» политического значения городов (в стремлении объяснить политические связи и отношения посредством размеров земельной собственности проявились материалистические тенденции в позитивистской историографии). Города, по его мнению, появились при расселении племен в результате оседания «значительной части переселенцев», что становилось причиной их последующего преобладания. Пригороды представляли собой выселки в результате недостатка земли. Они сохраняли связи со своей «метрополией» (это мнение повторяло в применении к древнерусским городам схему образования колоний античного полиса). Но противопоставление территориальных отношений племенным привело Сергеевича к наблюдению, которое противоречило идее Костомарова конца 50-х — начала 60-х гг. о федеративной или племенной Руси: древнерусские «волости» не являлись прямым продолжением племенных территорий.²⁷

В связи с мнением о вечевом строе волостей явилось социальное уравнивание участников веча — земельных собственников. «Древняя Россия, — писал Сергеевич, — не знала сословий. <...> В княжескую же эпоху все население представляет единообразную массу, разные слои которой отличались один от другого достоинством, а не правами». Общественные различия в древнерусских источниках были все же очевидны, и поэтому Сергеевич отметил «целую лестницу качественных различий» людей. Но «ступени этой лестницы не были замкнуты» и по ней движение из людей «меньших» в «лучшие» и наоборот совершалось легко. Сергеевич уравнивал социальные категории в широких нивелирующих понятиях «плодие» и «мужи», и отсюда последователен его вывод: «свободному мужу противопоставляются только рабы». Свободных же Сергеевич подразделял на бояр и огнищан — «лучших людей», купцов — «людей средних» и смердов — «низший слой населения», основным занятием которого было «хлебопашество».²⁸

При таком анализе социальной структуры Древней Руси вече в концепции Сергеевича раскрывалось как форма непосредственного участия народа, социально дифференцированного, но без классов и сословий, в общественных делах. Основной формой деятельности веча являлось призвание князя, заключение с ним договоров на неопределенное время, «пока господствует единение между народом и князем», а также пожизненных и наследственных. Для доказательства этих выводов Сергеевич привел летописные известия с IX по XV в. без учета конкретно-исторических условий, временных и территориальных, называя «вечем» все формы социальной активности широких слоев населения, причем на интерпретацию источниковых материалов постоянное воздействие оказывали представления об от-

²⁷ Там же. С. 29.

²⁸ Там же. С. 31—32, 34.

сутствий классов и сословий, государства и его функций.²⁹ Поэтому, согласно Сергеевичу, отношения князя и «народа» определяются «началами единения и розни», «князь есть в высшей степени народная власть».³⁰ Другим следствием подхода Сергеевича к изучению общественно-политического строя Руси стало понимание податей как «ближайшего побуждения» князя при добывании волости. Княжеское намерение, по его словам, «заключается в желании получать доход, с которого можно было бы быть сыту».³¹ Система княжеского управления рассматривалась им как сфера распространения деятельности княжеских дружинников, «помощников» и «чиновников». Наряду с княжескими «чиновниками» действовали также выбранные местным населением сотские и старосты.³²

В содержании книги Сергеевича указывалась реализация идеи конституционализма,³³ попытка видоизменить и истолковать формулу «Земли и Государства», предложенную в 50-е гг. К. С. Аксаковым, защита основных принципов историко-юридической или государственной школы от критиков разных направлений.³⁴ Между тем основное ее назначение — разработка земско-вечевой теории в применении к древнерусской истории — как представляется, не было замечено. Можно считать, что главными истоками идей книги Сергеевича явились представления 60-х гг. о земском строе России и его исторических судьбах, а также труды Костомарова.

Ровесник и коллега В. И. Сергеевича по юридическому факультету Петербургского университета А. Д. Градовский, активный деятель либерального движения, быстро стал крупным авторитетом историко-юридической школы. Широко ставя проблемы истории государственного строя, представительных учреждений, местного управления, он начал вводить идеи общности и земства Руси в число основных постулатов государственной школы, тогда как историко-юридический анализ таким образом изучаемой истории России приводил его к отрицанию феодализма на Руси.

Уже в магистерской диссертации, защищенной в 1866 г., Градовский соединил концепцию Б. Н. Чичерина о закреплении сословий со славянофильской теорией об особой роли общины.³⁵ В историческом обосновании земской реформы и преобразований государственного аппарата прошлое смыкалось с настоящим: древнерусские общины в единении с князем и его дружиной исполняли единое историческое дело, в равной мере с другими сословиями испытывали тяготы исторических событий, которые завершались закрепощением сословий, освобождением крестьян и появлением земства.³⁶ Это мнение об особенностях исторического развития России

²⁹ Там же. С. 37—85.

³⁰ Там же. С. 113—114.

³¹ Там же. С. 274.

³² Там же. С. 348—388.

³³ Рубинштейн И. Л. Русская историография. М., 1941. С. 364. Это мнение приняла А. Н. Цамутали (Цамутали А. Н. Борьба течений... С. 196).

³⁴ Цамутали А. Н. Борьба течений... С. 186—188.

³⁵ Влияние идей славянофилов на формирование концепции отмечено давно (см.: Краткий очерк жизни и деятельности А. Д. Градовского. СПб., 1904. С. XXIV—XXVI).

³⁶ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 295.

стало важным аргументом в возражениях Градовского Чичерину в вопросе о «народном представительстве». Вопреки чичеринской попытке сближения исторических судеб России и Запада Градовский их противопоставил уже в древний период Руси, где не было феодализма в отличие от феодальных стран Западной Европы. В противоположность разделению на враждующие классы в западноевропейских странах на Руси существовала «тесная связь народа с представителями княжеского рода, разносившими государственную идею по всем концам земли»³⁷ — так переосмыслились теории Кавелина, Чичерина и Костомарова. Впрочем, неудовлетворенность ими в новых условиях второй половины 60-х гг. выразилась в том, что Градовский активно поддержал основные идеи книги Сергеевича «Вече и князь».³⁸ Эта рецензия имеет большое историографическое значение, поскольку она указывает направления, по которым либеральная наука продолжала модификацию историко-правовой концепции. Публикация рецензии в правительственном издании придавала оценкам рецензента особое значение.

Градовский поддержал Сергеевича в том, что «государство Русское было произведением народа (веча) и правительства (князя)», и в то же время упрекнул «большинство лучших представителей науки» в признании «за русским народом исключительно пассивной роли» (в адрес сторонников родовой и государственной теорий). Князь признавался «представителем государственного порядка», народ — «элементом древнего государственного быта», вече — формой проявления народной деятельности. Градовский согласился с Сергеевичем, что Древняя Русь не знала сословий, население ее представляло собой народную массу, разные слои которой отличались не правами, а достоинствами, но объяснял это «общинным бытом» (под влиянием славянофилов), вследствие которого устанавливалась близость общественного положения различных социальных слоев и «непосредственная демократия» в древнерусском обществе как внутренняя закономерность «вечевого быта». При таком понимании общинно-вечевого строя Руси у Градовского сразу же появлялось его противопоставление вассально-иерархическому строю феодалов в Западной Европе, поскольку на Руси «каждый свободный „человек“ имел дело с государственной властью, участвовал в призвании князя и „ряде“ с ним».³⁹ Так аргументы Градовского в отрицании феодализма на Руси с либеральных позиций сторонника реформ в новых условиях с коррективами совпали с доводами реакционного самодержавно-охранительного направления в сочинениях Погодина, Шевырева и славянофилов. Но причины этого совпадения были одни: метафизическое представление о феодализме как определенной модели социально-политического строя, ошибочное понимание общественного строя Руси, сравнение внешних проявле-

³⁷ Градовский А. [Рец. на кн.:] О народном представительстве: Соч. Б. Чичерина. М., 1866 // Русский вестник. 1867. № 9. С. 295.

³⁸ Градовский А. Государственный строй древней России // ЖМНП. 1868. № 10. С. 101—143.

³⁹ Там же. С. 103—110.

ний исторической действительности без раскрытия их сущности (Градовский уже в молодости увлекался трудами О. Конта).⁴⁰

Градовский поддержал и мнение Сергеевича о «добывании» князьями волостей, но поскольку факты княжеского наследования столов были очевидны, он сохранил, наряду с «добыванием», «естественное восхождение»⁴¹ князей (из родовой теории). Основным в политическом строе Руси, по мнению Градовского, был общинный строй волости при иерархическом подчинении общин городов, сел, слобод, деревень, починков. Такой волостной общинный строй он считал характерным для всей русской истории (переноса современные проблемы организации земско-волостного строя в средние века). Поэтому «власть князя не шла вглубь общества», развитие ее задерживалось общинным строем Руси. «Род князей наших, — писал Градовский, — бродил по Русской земле». Отсюда вновь противопоставление исторического развития феодальных стран Западной Европы и России: «Следовательно, раздробление России не могло сделаться феодальным подобно раздроблению Западной Европы. Раздробление это было скорее общинным».⁴²

Последовательное разведение исторических путей России и стран Западной Европы, отсутствие для Градовского аналогии на Руси западному феодализму согласно представлениям французской романтической школы,⁴³ обращение в этой связи к модифицированным теориям славянофилов, государственников и Костомарова⁴⁴ явились основаниями для вывода Градовского: «Россия не знала феодализма, следовательно, и вотчинного государства средних веков». По его мнению, «исследователи нашей старины были введены в заблуждение формой древнего управления, во многих отношениях сходного с управлением феодальных владений».⁴⁵

Противопоставление исторического развития Руси и Запада в древности перерастало в либеральной концепции Градовского конца 60-х — 70-х гг. в антитезу промышленным западноевропейским странам с рабочим движением, распространением социалистических и коммунистических идей (Градовский понимал значение деятельности К. Маркса) аграрной России без классов и классовой борьбы, без капиталистического пути развития, но с либеральными реформами и вековой организацией крестьянства — миром.⁴⁶ Так стремительно превели либеральные взгляды Градовского по мере развития капитализма, подъема революционно-демократического движения. Однако даже ограниченное понимание феодализма как «соединения права землевладения с правом управления» приводило к мысли о феодализме в Рос-

⁴⁰ Щегловитов И. Краткие сведения о жизни и деятельности Александра Дмитриевича Градовского // Памяти Александра Дмитриевича Градовского. СПб., 1890. С. 44.

⁴¹ Градовский А. Государственный строй древней России. С. 113—115.

⁴² Там же. С. 135—136.

⁴³ Градовский А. Д. История местного управления в России. Т. 1. СПб., 1868. С. XXVII—XXXII, 1—12, 23; *Его же*. Собр. соч. Т. 1. С. 48—54; Т. 6. СПб., 1901. С. 241—248, 250—251.

⁴⁴ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 6. С. 180, 190—195, 206.

⁴⁵ Градовский А. Д. Начало русского государственного права. Т. 2. СПб., 1876. С. 23—24; см. также: *Его же*. Собр. соч. Т. 6. С. 195—207.

⁴⁶ Градовский А. Трудные годы (1876—1880): Очерки и опыты. СПб., 1880. С. 131—226.

сии, и Градовский отмечал, что это «соединение» «есть продукт феодальной Европы и занесено к нам законодательством XVIII века».⁴⁷ Данное наблюдение не нашло продолжения в исторической и политической концепции Градовского, но само косвенное признание феодализма в России XVIII в. показательно как свидетельство того, что либеральные концепции со времен М. М. Сперанского продолжали содержать возможности установления феодальных форм в России XVIII в., даже при ограниченном понимании феодализма.

Представления об общинном строе волостей или земель развивались в пределах историко-юридической школы и М. Ф. Владимирским-Будановым. Отрицая феодальный строй в русских землях, он считал, что город был главою земли, главной общиной между другими общинами земли, тогда как земля состояла из меньших общин с центрами в пригородах, подчинявшихся центральной общине. Этот строй Владимирский-Буданов полагал характерным для всех славянских земель, в частности для Древней Руси и западнорусских земель XIII—XIV вв.⁴⁸

Таким образом, во второй половине 60-х гг. Андреевский, Сергеевич, Градовский, Владимирский-Буданов начали разрабатывать в пределах либерального направления историко-юридической школы намеченные в 50-е гг. теории общинно-вечевого и земско-вечевого строя Древней Руси. Отличаясь в частности, в разной мере разработанные, их исследования исходили из идеи общинного или земского строя самостоятельных земель (княжений, городских волостей), их «вечевого быта» народного самоуправления, социальной дифференцированности свободных (но без классов и сословий) с единственной формой зависимости — рабством. Эти работы появились с подготовкой и проведением земской и городской реформ, исторически обосновывая их, а в последствии отражая изменения в общественной жизни и строительстве российского административно-судебного аппарата в 60—70-е гг.

Новые исследования историко-юридической школы противостояли в понимании общественного строя Руси как официально-охранительным концепциям справа, так и социалистическим теориям — слева. Наряду с новыми идеями они содержали элементы родовой, государственной и общинной теорий, но эти новые комплексы представлений в равной мере приводили к мысли об отсутствии феодализма в русской истории, в отличие от исторических аналогий Соловьева и Костомарова, Хлебникова и Затыркевича.

Иными путями теория земско-вечевого строя Руси развивалась в исторической концепции позднего славянофильства. Его теоретики в пореформенный период призывали к единению «народа», к преодолению «разрыва образованного общества с народом». Они советовали обратиться к «народной силе» и «исторической почве»,⁴⁹ к организации Земской думы и земства при сохранении монархии как

⁴⁷ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 6. С. 187.

⁴⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. С. 109—111.

⁴⁹ Аксаков И. С. Дворянское дело // Кошелев А. Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862. С. 83.

органа общенародного представительства (совмещая конституционализм и монархизм) в противоположность государственному бюрократическому аппарату.⁵⁰ «Русские по преимуществу народ земский», — утверждал А. И. Кошелев.⁵¹ Эти общественно-политические взгляды сопрягались с новейшей теорией земско-вечевого строя Руси, что приводило к существенной модификации мнений славянофилов об истории Руси. И. С. Аксаков вместо прежней общинности, развивая противопоставление «Земли» и «Государства», утверждал: «Народ и дружина, служилое и земское сословия — вот главное деление Русского населения в древней Руси, и в основании этого деления лежало то же начало, т. е. род занятий, а также и отношение их к государству».⁵² Кошелев существенно модернизировал определение общественного строя Руси в соответствии с мнением Костомарова и Сергеевича о вечах в древней русской истории, о призвании ими князей и исполнении последними народных приговоров. Писал он и о «народных вечах, не только равноправных с князем, но имевших даже власть, превышавшую права княжеские».⁵³

Общественно-политические и идеологические установки поздних славянофилов последовательно проводились в их исторических разысканиях. В программе исследования «о начатках представительных учреждений в России», разработанной Ю. Ф. Самариным и утвержденной великой княгиней Еленой Павловной (см. выше, с. 106), устанавливалась задача рассмотреть историю земства как «основного элемента русского общества» во все периоды его истории. Идея земщины совместилась с традиционными славянофильскими идеями общинности Руси. В конкретно-исторической разработке этой модифицированной теории славянофилы полностью совпали в основных положениях с либеральным направлением историко-юридической школы.

Уже в племенном обществе И. Д. Беляев отмечал строительство города, который являлся «главным гнездом» племени при земледелии, рыболовстве и звероловстве его жителей. Пригороды строились как высылки-колонии. Так что уже к племенному обществу Беляев возводил генезис волостей со старшим городом, к которому «стянули все пригороды той страны, и вся страна управлялась вечею, народным собранием старого города». Обосновывалось им это мнение, как и другими сторонниками теорий общинно-вечевого и земско-вечевого строя, ссылкой на запись в Лаврентьевской летописи под 1176 г.: «Новгороди бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане и вся власти якоже на думу на веча сходятся, на что же старейшии сдумают, на томъ же пригороди стануть», но без анализа этой записи как факта общественно-политической и исторической мысли последней четверти XII в. Этот строй рассматривался Беляевым как общинно-вечевой с правом участия в вече всех членов общины, которые являлись домохозяевами, имели собственную землю или владели опреде-

⁵⁰ Кошелев А. Какой исход... С. 1—43; *Его же*. Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862; *Его же*. Наше положение. Berlin, 1875. С. 1—153; *Его же*. Общая Земская дума в России. Berlin, 1875.

⁵¹ Кошелев А. Наше положение. С. 145.

⁵² Аксаков И. С. Дворянское дело. С. 69.

⁵³ Кошелев А. Наше положение. С. 16; *Его же*. Общая Земская дума... С. 5.

ленной долей общинной земли,⁵⁴ что свидетельствует об анализе общественно-политического строя восточных славян до IX в. согласно представлениям о соседской общине-марке и земстве 60-х гг. XIX в. Охарактеризовав общественный строй Новгорода до XV в. как вечевою общину, несмотря на устанавливаемые «классы» бояр, купцов и «городских людинов», Беляев отметил отличие Новгорода от других земель в том, что в последних пришедшая княжеская власть становилась «домашней», постепенно возрастала и достигла наконец «полного самодержавия», тогда как в Новгороде она «скорее сокращалась».⁵⁵ Общественно-политический строй этих земель Беляев определил как земщину с «общинным устройством», владением «всею землею» с городскими волостями и вечевым управлением. Поэтому земщина X — середины XI в. с выборными органами управления рассматривалась им как общественно-политический строй, самостоятельный и противоположный по содержанию княжеской власти.⁵⁶ И в XI—XIII вв., и позднее, в XIV—XV вв., значение земско-вечевого строя было определяющим, так что князья только пользовались правом суда, дани и пошлин, но оно не являлось «правом частного собственника».⁵⁷ Лишь с «утверждением единого самодержавия» при Иване III земский строй был значительно ослаблен «московской централизацией», но земщина и Земские соборы в XVII в., особенно в Смутное время, сыграли большую роль. Утверждая земщину как «основное начало» русской жизни, Беляев видел в земской реформе 1864 г. «восстановление значения земщины в делах общественных», «восстановление своего исконного исторического родного».⁵⁸

Представления историко-юридической школы и позднего славянофильства об особых путях исторического развития России (что вело к отрицанию феодализма на Руси) прямо и опосредованно переплетались с идеями тех либеральных общественно-политических направлений, которые в сложных социально-экономических условиях 60—70-х гг. указывали на отрицательные следствия развития капитализма в России и пытались доказать, пересмысливая идеи славянофильства, противоположность ее исторических традиций, культуры, ее будущего странам Запада. Эти идеи отразились в панславизме, с одной стороны, и в «почвенничестве» — с другой.

Панславист Н. Я. Данилевский⁵⁹ в своем сочинении «Россия и Запад», опубликованном в 1869 г. в журнале «Заря», а в 1871 г. в виде

⁵⁴ Беляев И. Д. Судьбы земщины... С. 8—15.

⁵⁵ Там же. С. 17—38.

⁵⁶ Там же. С. 40—45.

⁵⁷ Там же. С. 45—60.

⁵⁸ Там же. С. 132—135; см. также: *Его же*. Рассказы из русской истории. 2-е изд. Кн. 1. М., 1865. С. 51, 102—104, 133; Кн. 2. 1866. С. 45.

⁵⁹ Начиная с дореволюционной литературы (Милюков П. Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893. С. 8—21) общественно-политическая и научная позиция Данилевского характеризовалась как позднеславянофильская; недавно Н. И. Цимбаев обратил внимание на последовательный позитивизм Данилевского, особенности его консервативной общественно-политической позиции, вследствие чего оценил идеи книги «Россия и Запад» как «развернутую программу русского панславизма накануне Восточного кризиса 1870-х годов» (Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 90).

книги,⁶⁰ утверждал противоположность славянского культурно-исторического типа романо-германскому, то есть «Западу». В историческом развитии древней России он подчеркивал отсутствие «феодализма», аналогию феодализму («в обширном смысле») в русской истории указывал в «крепостном состоянии», но и в этом сравнении крепостная зависимость оказывалась более легкой, чем «европейский феодализм».⁶¹ Противоположность России и Запада в древности оставалась составной частью общеисторической концепции Данилевского и продолжалась им до современности, где в западноевропейской жизни ожидал «Харибда цезаризма или военного деспотизма» и «Сцилла социальной революции»,⁶² чему Данилевский противопоставлял «Православие, Славянство и крестьянский надел».⁶³

«Почвенники», общественно-политическое и литературное направление 60-х — начала 70-х гг., воспринимали «народную почву» как единую культурно-историческую целостность вне конкретно-исторического классового и сословного содержания. Они считали общину и «землю», земство в древности и в современный период носителями общинного демократизма, антитезами государству. Отсюда, наряду с критикой отдельных сторон российской действительности, почвенничество сохранило в общественно-политической и исторической концепции противопоставление России Западу, монархизм и общинность, абсолютизацию «свободного земства» в русской истории начиная с древности и отрицание капитализма в современности.⁶⁴

Эти взгляды на исторические и современные процессы объясняют восторженный отзыв Ф. М. Достоевского о статье Данилевского и провозглашенное Достоевским единство мнений. Он писал Н. Н. Страхову, другому видному деятелю почвенничества, о впечатлении от статьи Данилевского, публиковавшейся в «Заре»: «Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно, уже два года, записываю, именно готовя тоже статью, и чуть не под тем же самым заглавием, с точно такою мыслию и выводами».⁶⁵ Идеи книги «Россия и Европа» в дальнейшем оказывали известное воздействие на Достоевского, который преодолел их.⁶⁶ Неизвестно, как Достоевский отнесся к от-

⁶⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб., 1871.

⁶¹ Там же. С. 248—249, 269—274.

⁶² Там же. С. 523.

⁶³ Там же. С. 498.

⁶⁴ Кирпотин В. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 31—62; Гуральник У. А. Достоевский, славянофилы и «почвенничество» // Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972. С. 427—461; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», 1864—1865. М., 1975. С. 39—72; Основат А. Л. К изучению почвенничества: (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 3. Л., 1978. С. 144—150; *Его же*. Заметки о почвенничестве // Там же. Т. 4. Л., 1980. С. 168—173; Попов В. П. Проблема народа у Достоевского // Там же. С. 41—54; Архипова А. В. Достоевский и Карамзин // Там же. Т. 5. Л., 1983. С. 101—112; и др.

⁶⁵ Достоевский Ф. М. — Страхову Н. Н., 18(30) марта 1869 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 1. Л., 1986. С. 30.

⁶⁶ Там же. С. 403.

рицанию Данилевским феодализма в истории России. Видимо, в этом вопросе их мнения совпали.

Почвенничество, панславизм, славянофильство, либерализм как явления общественно-политической мысли в России 60-х — начала 70-х гг. свидетельствуют о том, насколько широко в кругах русской либеральной и консервативно настроенной интеллигенции были распространены (по разным идейным причинам) представления о различных путях исторического развития России и Запада. В этой связи уже не только в исторической, но и в общественно-политической литературе утверждалось отсутствие феодализма в русской истории, хотя очевидными становились аналогии форм землевладения в феодальной Западной Европе и при крепостном строе в России. Подобная абсолютизация своеобразия исторического развития России, помимо философских истоков, общественно-политических и исторических взглядов, питалась и поддерживалась все более правящей во второй половине 60-х — 70-е гг. внутренней политикой царизма, особенно в период контрреформ Александра III и реакционного идейно-политического правительственного курса 80-х гг., направляемого К. П. Победоносцевым.

Вследствие этих причин отрицание феодализма в русской истории или умалчивание данной проблемы вошло в концепционный стереотип, основу которого составляло утверждение самобытности исторического развития Руси: в древнерусский период — общинно-вечевой или земско-вечевой строй земель или городских волостей. Это мнение постоянно использовалось в работах 60—70-х гг., по-разному конкретизируясь в зависимости от особенностей общественно-политических и научных взглядов авторов и вплетаясь отдельными идеями в другие теории. А. И. Никитский вернулся к теории родового быта, утверждая, что родовые связи, хотя бы фиктивные, сохранились на Руси до XV в. Вопреки собственным наблюдениям над значительной ролью экономических факторов в жизни городов, он высказывал мнение, что город становился общиной — центром соединения родов. Отказ исследователя от изучения средневекового русского города как феодального вел его к формальным аналогиям Пскова и античного города-государства — полиса.⁶⁷ Такое уподобление средневекового русского города и античного полиса, как в те же годы в работах М. Д. Затыркевича и И. Е. Забелина (см. далее, с. 118), являлось особой формой поисков закономерностей по аналогии в пределах позитивистского мышления, своеобразным историзмом, но не через установление тождества социально-экономических и общественно-политических структур данных исторических систем, а по частичному внешнему подобию.

Ф. И. Леонтович, привлекая новейшие в этнографической науке материалы южнославянской задруги, отождествил древнерусскую вервь с задругой и предположил в задружном принципе общинного самоуправления равноправных членов на общей думе, совете под руководством отца или выборного старейшины основное начало древнерусской жизни. Задружные организационные формы он рас-

пространил не только на общину, но и на земельные или волостные общины, состоявшие из главного или старейшего города, а также других городов, пригородов, погостов, сел, деревень, починков. Задружный принцип, согласно Леонтовичу, в равной мере находился в основе вечевых и княжеских отношений.⁶⁸ Он, таким образом, в качестве определяющего фактора общественного строя древней Руси видел не просто общину или город-общину, аналогичную античному полису, а особый вид общины — задругу.

Сторонник позднего славянофильства К. Н. Бестужев-Рюмин поддержал мнение Леонтовича о древнерусской верви как задруге и последующем воздействии задружных отношений на характер территориальных общин. Он по-прежнему считал, что в древнерусской удельной системе ничего нет общего с феодализмом. При «варяжских князьях» в IX—X вв., по его мнению, существует противопоставление княжеской дружины и людей (земства), но сословного деления нет. «Разделение» существует лишь на свободных и рабов.⁶⁹ В XI—XII вв. Русь остается архаичной с неопределенным по характеру строем: происходит «нарушение первоначального равенства; начинает город отделяться от села, но, с другой стороны, сохраняется еще много условий первоначального быта».⁷⁰ Вслед за Сергеевичем он полагал, что вече встречается во всех русских городах. Оно «по исконно славянскому обычаю» «стоит» рядом с князем. Отмечая социальную дифференциацию в Древней Руси, он не видел в ней «значения постоянных каст и даже определенности сословий».⁷¹ При таком подходе к изучению древнерусской истории вполне закономерно, что Бестужев-Рюмин еще в 1888 г. поддерживал мысль Данилевского о том, что в Западной Европе феодализм появился и развивался с расселением германцев в областях Римской империи и был сломлен Французской революцией 1789 г., тогда как варяги на Руси «заложили государственность, но не ввели феодализм».⁷² Эти представления о происхождении феодализма в странах Западной Европы давно устарели. Бестужев-Рюмин привлекал их для опровержения давних теорий Карамзина и Полевого, но они служили также целям позднего славянофильства и панславизма для доказательства различий исторических путей России и Запада.

Отсутствие объективных критериев в раскрытии сущности общественного строя Древней Руси, господствующие метафизические представления распространенных в 60—70-е гг. теорий приводили в либеральной историографии к эклектическому соединению элементов общинно-вечевой и земско-вечевой теорий с самыми различными концепционными построениями, но они оставались в круге все

⁶⁸ Леонтович Ф. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. № 7. С. 138—144; см. также: *Его же*. О значении верви по Русской Правде и Полицкому статусу сравнительно с задругой юго-западных славян // Там же. 1876. № 4. С. 1—19; *Его же*. К вопросу о происхождении семьи вообще и ее организации по древнему русскому праву // ЖМЮ. 1900. № 7. С. 1—47.

⁶⁹ Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 41, 107—118, 153.

⁷⁰ Там же. С. 267.

⁷¹ Там же. С. 205—215.

⁷² Бестужев-Рюмин К. Н. Теория культурно-исторических типов // Русский вестник. 1888. № 5. С. 245—249.

⁶⁷ Никитский А. Теория родового быта в древней Руси // Вестник Европы. 1870. Кн. 7. С. 425—466; *Его же*. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 344.

тех же идей, несмотря на различные исходных посылок, что по-прежнему вело к отрицанию феодализма в истории Руси.

Д. И. Иловайский, впоследствии автор многократно переиздававшихся учебников для гимназий, считал единственной формой развития общественной жизни «государственный быт». Но древнерусский период оказывался у него вне определенных категорий социально-политического строя. В Южной Руси и Новгородской земле он видел большое значение городского веча, тогда как в Северо-Восточной Руси (вслед за Соловьевым) — «начатки более государственных отношений». ⁷³ «Домонгольская Русь», по его мнению, «носит на себе печать неопределенности и бесформенности в смысле наших настоящих понятий о государственном быте», «общественные слои находятся еще в периоде брожения и не застыли в известных рамках». При таком подходе Иловайскому открывалась лишь внешняя сторона общественно-политических явлений. Князь и его дружина являлись «представителями и охранителями», «двумя неразрывными основами государственного быта». С дружиной князь «думает», воюет, охотится, ходит в объезд и полудье, пирует. Дружина получает от князя содержание и «жалование деньгами». Вместе с тем Иловайский отмечал оседание дружинников на землю и сосредоточение у них «значительной поземельной собственности» (не уточняя времени этого процесса), а с образованием местных династий (XI—XII вв.) дружинники «приобретали все большую и большую оседлость в качестве военного, правительственного и владельческого класса». Дружина стала главным органом управления и суда, получая за исполнение своих обязанностей «от жителей подарки и приношения как деньгами, так и естественными произведениями». Наряду с разнообразными податями на содержание князя, его семьи и дружины Иловайский отмечал «собственное хозяйство» русских князей с челядью-рабами. Бояре, подражая князьям, также имели на своих дворах многочисленных рабов — челядь, которая вела хозяйство на своих землях.

Однако эти факты без определения их характера не становились у Иловайского началом изучения древнерусского общественного строя. Он полагал, что в древнерусский период «не было строгого деления по сословиям и занятиям». Поэтому он считал определяющим для общественного строя существование ополчения свободного населения, «земской рати», ядро которой составляла княжеская дружина, а также городских и сельских общин с вечевыми обычаями и мирскими сходками, которые интерпретировались, в отличие от демократического направления в русской историографии, не как проявление народовластия, а как осуществление местных земских функций для раскладки повинностей и «обсуждения своих хозяйственных нужд». ⁷⁴

Одновременно с трудом Иловайского в Москве было опубликовано сочинение И. Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен». Он стремился показать древнейшие истоки самостоятельного развития русского народа. Для этого Забелин привлек ма-

териалы широко развернувшихся в это время археологических исследований скифских древностей. Проблемы этногенеза он неразрывно связал с историей общественной жизни, так что в духе исторических идей 70-х гг. он указывал в скифах-пахарях истоки «нашей народной земской истории». Последующую социальную историю восточных славян VI—IX вв. Забелин рассматривал в пределах родовой теории как развитие семейных и родовых отношений. ⁷⁵ К периоду «родового быта» он возводил первоначальное строительство городов, появление которых объяснялось им, в соответствии с представлениями о «городовых волостях» как центрах «родовых волостей», как выразителях их земского единства с пригородами. С превращением родовых отношений в дружинные связи города, согласно Забелину, становились центрами «дружинного быта», местонахождением дружин. Для «дружинного быта» (судя по примерам, он относится к IX—XIII вв.) указывались следующие черты. Князь являлся «необходимым существом городской жизни как творец суда и правды и первый защитник от обид и всяких врагов». Члены дружины были «городовыми защитниками». Таким образом, забелинская теория родового и дружинного быта не выходила за пределы традиционных представлений либеральной историографии о единстве и взаимной потребности земства и князя с его дружиной. Последующее разрастание городов Забелин связывал с их расположением на торговых путях, с торговым промыслом, с привлечением к ним «людей промышленных во всех видах», которые строили рядом с укрепленным городом слободки, посады, концы. В этом превращении «военного гнезда» в «гнездо промышленное и ремесленное» он видел причину развития боярства в военную, а также в торговую и промышленную дружину. Город-община распространял свои владения, «нарубал себе собственный округ» (в этих идеях видны близкие предшественники теории «городовой Руси» В. О. Ключевского). Князья споспешествовали городам в распространении дани, оброков, уроков, ничем не отличаясь от «простых промышленников». ⁷⁶ Стремясь объяснить появление Древнерусского государства не внешним фактором призвания князей, а местной инициативой, Забелин указывал в основателях государства тех людей, которые призвали князей, «а эти люди, — по его словам, — были туземцы, свои люди; они составляли союз городских общин, составляли первоурожденное русское общество». ⁷⁷ Такие представления об общественном строе Руси возвращали новые идеи к давнему противопоставлению: «больше всего промышленник и меньше всего завоеватель» не мог усвоить аристократических понятий, свойственных «герману-феодалу». ⁷⁸ Поэтому политический строй Русской земли начала X в. Забелин характеризовал как «союз независимых между собою городов, во главе которых стоял Киев». Русско-византийские договоры первой половины X в., по его мнению, заключались от «всенародного об-

⁷⁵ Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. V—VI, 513—520.

⁷⁶ Там же. С. 540—553, 558—559, 564—565.

⁷⁷ Там же. Ч. 2. М., 1879. С. 346.

⁷⁸ Там же. Ч. 1. С. 572—573.

⁷³ Иловайский Д. История России. Ч. 1. М., 1876. С. 223—224.

⁷⁴ Там же. Ч. 2. М., 1880. С. 287—307.

щества», которое признавалось на Руси «истинным самодержцем-государем».⁷⁹ «Союзным отношениям» древнерусских земель способствовала также полезная для всех деятельность князей.⁸⁰

Исходной посылкой для Забелина при отрицании феодализма на Руси послужило ясно не сформулированное, одностороннее представление о «самодержавной, феодальной власти», тогда как до середины XVI в., по его мнению, народ жил «разрозненно особыми волостями и княжествами». Содержание «политической формы быта», сопряженного с «экономическим бытом» торговли и промысла, Забелин раскрывал через аналогию с древнегреческими полисами, в чем проявилось стремление к поиску объективных критериев в определении древнерусского общественного строя. «Античную русскую форму бытового развития» Забелин указывал до призвания варягов и в древнем Новгороде. Она, по его мнению, представляла собой «достаточно крепкую городскую связь людей в древнегреческом смысле», а потому «античная русская форма бытового развития», ее вечевого характер противопоставлялись западноевропейскому государству и феодализму: «В ней не было государственной немецкой, то есть феодальной, самодержавной власти, но все-таки по необходимости существовала власть веча, власть общей сходимки, на первое время весьма достаточная для водворения надобного порядка».⁸¹

Широкое обращение консервативного и либерального направлений общественно-политической и научной мысли к прошлому страны для исторического обоснования программных требований в новейшее время насыщало исследования древнерусского периода, отбор и истолкование источников идеями, которые служили целям острой общественно-политической и идеологической борьбы, что существенно деформировало научный исторический анализ даже в пределах возможностей исторической науки того времени. В этих условиях перед революционно-демократическим и демократическим направлениями русской историографии появились особые задачи в интерпретации исторического развития России.

Российская действительность 60-х гг. поднимала перед историками демократического направления тревожные вопросы: всегда ли жизнь в России была такой, как в недавнем прошлом и настоящем? как страна пришла к крепостничеству? что общего и особенного в развитии России и других европейских государств?

Круг читателей в 60-е гг. становился значительно шире в результате все большего вовлечения в их число разночинцев, и при ответе на эти вопросы для большей доходчивости научных знаний историки демократического направления обратились к научно-популярному жанру и истории «народной жизни». Основу их исторических работ составили концепции историков либерального направления. Но эти концепции переосмыслились в соответствии с демократическими общественно-политическими взглядами, а исторические разыскания выходили за пределы задач научного исследования. Они становились средством революционно-демократической пропаганды. В

⁷⁹ Там же. Ч. 2. С. 135, 158.

⁸⁰ Там же. С. 180, 241.

⁸¹ Там же. С. 348—349.

содержание исторического процесса по-прежнему вносились общественно-политические взгляды авторов, но их содержание во многом отличалось от представлений либеральных ученых. Для историков демократического направления 60-х гг. не было сомнения в том, что историческое развитие народов стран Западной Европы начиналось с рода и племени, затем развивался рабовладельческий античный мир, после падения которого появлялось феодальное общество.⁸² Для начального этапа исторического развития России первоначальной формой общественного быта также признавался род,⁸³ но далее указывались коренные отличия Руси от стран Запада. Причины и содержание последующего нефеодального исторического развития представлялись историкам-демократам с определенными различиями, но в их работах все большее значение приобретало демократическое толкование теорий общинно-вечевого или земско-вечевого строя Древней Руси.

В свободной бесцензурной зарубежной печати Н. П. Огарев предложил понимание истории «земства» в России в пределах разработанной им совместно с А. И. Герценом историко-философской концепции социализма. Но понимал он исторический процесс как противостояние «земства» и «царства», что устраняло возможность изучения феодального строя, продолжало противопоставление исторического развития России и западноевропейских стран.⁸⁴

В революционно-демократическом направлении в России после смерти Н. А. Добролюбова в 1861 г. и ареста Н. Г. Чернышевского в 1862 г. значительно ослабло развитие материалистических тенденций. Д. И. Писарев как идеолог революционно-демократического движения находился под значительным влиянием позитивизма О. Конта, что сказывалось на его исторических идеях.⁸⁵ Он принимал мнение Конта и западноевропейских историков романтической школы о появлении феодальной системы с завоеванием Римской империи германцами. Дальнейшее развитие феодализма в Западной Европе он воспринимал по Гизо. Новым для русской литературы в работах Писарева было то, что он писал о феодальной природе королевской власти, не противопоставляя ее феодальному строю.⁸⁶ Но свое понимание содержания отечественной истории Писарев систематически не изложил. Он положительно относился к трудам Костомарова, что объясняется возможностями демократической интерпретации его работ,⁸⁷ и скептически — к идеям Соловьева, Кавелина, Буслаева, Срезневского, Чичерина, Нибура и др.⁸⁸ Но его требования к исторической науке были определены, они характе-

⁸² Шелгунов Н. В. Сочинения. Т. 1. СПб., 1891. Стб. 1—16, 19—58, 59—67 и др.; Шапков С. С. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1898. Стб. 1—157.

⁸³ Грицко. Участие общины в суде по Русской Правде // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачевым. Кн. 5. СПб., 1863. С. 97—99; Шапков С. С. Собр. соч. Т. 1. Стб. 702—730; и др.

⁸⁴ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1. М., 1952. С. 594—595, 601—603, 606—609.

⁸⁵ Писарев Д. И. Полн. собр. соч. Т. 5. СПб., 1894. Стб. 313—314, 353—354, 362.

⁸⁶ Там же. Стб. 408—421; Т. 3. СПб., 1894. Стб. 115—118, 136; см. также: Там же. Стб. 495—572; Т. 4. СПб., 1894. Стб. 377—446; Т. 6. СПб., 1894. Стб. 1—222.

⁸⁷ Там же. Т. 4. Стб. 333.

⁸⁸ Там же. Т. 3. Стб. 13.

ризвались революционно-демократическими принципами истории «масс», их развития, «умственных и экономических сил», возможностью революционной активности.⁸⁹ Писарев не сформулировал свое понимание древнерусского периода. На эту проблему особое внимание обратило демократическое направление 60-х гг. в идейной борьбе с консерваторами и либералами.

Концепция общественного строя Руси в демократической историографии,⁹⁰ ее отношение к проблеме феодализма были сформулированы в значительном ряде исследований. Общим для них оставалось понимание древнерусского периода как общинно-вечевого или земско-вечевого, в чем выражалось воздействие идеологов социалистического направления, прежде всего Герцена и Чернышевского, а также освоение и переосмысление идей либеральной историографии. В работах этого направления прослеживается влияние теорий С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Н. И. Костомарова, В. И. Сергеевича (на Г. З. Елисеева, А. П. Щапова, И. А. Худякова и др.). В них по-прежнему общинно-вечевой или земско-вечевой строй на Руси в противопоставлении государству рассматривался как противоположный феодализму Западной Европы. Тем самым вопрос о феодализме на Руси снимался.⁹¹ Несмотря на сходство основных элементов этих научных трудов историки демократического направления характеризовались рядом индивидуальных черт в понимании древнерусского периода. Если Г. З. Елисеев отмечал в начале 60-х гг. противоположность общинного (народного) и государственного начал, в конце 60-х гг. он писал о Древней Руси как о времени, когда «благоденствовал русский мужик»,⁹² то у И. Г. Прыжова «благоденствие» перерастало в идеализацию Руси X—XII вв.: «Ни мужиков, ни крестьян тогда еще не было, а были люди, <...> был народ, владевший землею и состоявший из мужей и пахарей. Почтенный всеобщим уважением, ратай имел возможность мирно заниматься трудом, братская протягивая руку князю и княжому мужу и вместе с ними устроая землю», «на народный пир приглашали князя, на пир княжеский собирался народ».⁹³ Если А. П. Щапов в земском строении древних сельских общин видел образование «народной, федеративной волостной общины, земско-волостного мира со своим излюбленным самоуправлением и самосудом»⁹⁴ (в первом номере журнала «Русское слово» за 1864 г. он отказался от этих

⁸⁹ Там же. Стб. 113—114.

⁹⁰ См.: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления...

⁹¹ Грицко. Участие общины в суде... С. 154—155; Щапов А. П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1906. С. 753—782; Шелгунов Н. В. Сочинения. Т. 1. Стб. 246—251, 261—263, 294, 349—350; Прыжов И. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868. С. 1—3; Худяков И. А. Древняя Русь. СПб., 1867. С. 10—82; Аристов Н. Заметки о сельском управлении в России // Библиотека для чтения. 1861. № 8. С. 1—3; Его же. Об отличительных чертах древнерусской исторической жизни // ВУИ. 1870. № 1. С. 48—54; Его же. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 15, 29, 64.

⁹² Грицко. Участие общины в суде... С. 154—155; Елисеев Г. З. Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия? // Отечественные записки. 1869. № 1. С. 27—30, 37.

⁹³ Прыжов И. История кабаков в России... С. 1, 3.

⁹⁴ Щапов А. П. Сочинения. Т. 1. С. 773.

взглядов, стремясь под влиянием идей Чернышевского к установлению объективных экономических факторов), то И. А. Худяков отмечал социальную борьбу между «черными людьми» и боярами в результате «неравномерного распределения богатства» и социального неравенства.⁹⁵ В «дотатарский период» Н. Я. Аристов признавал на Руси равенство ветевой и княжеской власти. На Руси, по его мнению, между князем и народом существовали неантагонистические отношения: народ облекал князя властью и силой, тогда как на Западе происходила борьба между феодалами, городскими общинами и королем. На Западе происходило развитие личности. На Руси — общины.⁹⁶

В условиях общественно-политической и идейной жизни страны второй половины 60-х — 80-х гг. идеологи народничества не выработали новый взгляд на единство закономерностей исторического развития России и стран Западной Европы. Основными причинами этого являлись учение русского социалистического движения того времени о крестьянской общине как основе российской жизни и общественного прогресса, а также воздействие позитивистских теорий О. Конта и Г. Спенсера, хотя П. Н. Ткачев, П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский критически отнеслись к ряду философских обобщений этих лидеров позитивизма.⁹⁷

Идеологи народничества сохранили противопоставление, характерное для демократического направления в историографии 60-х гг., исторического развития России и западноевропейских стран.⁹⁸ В последние они видели феодальный строй и популяризировали знания о нем на самом передовом научном уровне. П. Н. Ткачев указывал на определяющее значение «экономического интереса» в феодальном обществе и становление последнего в результате разложения племенного строя. Он стремился раскрыть содержание и воздействие «экономического интереса» на духовную жизнь в средние века.⁹⁹ Однако эти наблюдения он не распространял на средневековую историю России.

Дальше в сопоставлении средневековой истории стран Западной Европы и России пошел П. Л. Лавров. Стремясь углубить наблюдения Маурера, Брентано, Мейна по истории города,¹⁰⁰ он установил различие двух типов городов. Один тип, «более первоначальный», характерен для античной древности и славянских стран, другой — для Западной Европы, а также Польши, Галиции и Литвы, где распространилось немецкое городское право. В качестве горо-

⁹⁵ Худяков И. А. Древняя Русь. С. 10—20.

⁹⁶ Аристов Н. Заметки о сельском управлении... С. 1—3; Его же. Об отличительных чертах... С. 48—54.

⁹⁷ Ткачев П. Н. Избр. соч. на социально-политические темы: В 7 т. Т. 1. М., 1932. С. 109—165; Т. 5. М., 1935. С. 298—303, 327—343; Лавров П. Л. Собр. соч. 3 сер., вып. 8. Пг., 1918. С. 7—8, 52, 83—119; Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. Стб. 1—150; Т. 3. СПб., 1897. Стб. 135—208.

⁹⁸ В историографии обоснованно поставлен вопрос о переплетении исторических идей демократического направления 60-х гг. и народнического направления 70-х гг. в исторических и социологических взглядах народников (Цамутали А. Н. Очерки демократического направления... С. 17).

⁹⁹ Ткачев П. Н. Избр. соч. Т. 1. С. 69—70, 106; Т. 5. С. 107—141, 473.

¹⁰⁰ Лавров П. Л. Собр. соч. 4 сер., вып. 9. Пг., 1917. С. 54—59, 72—98.

дов первого типа он указал греческие города-полисы, Древний Рим и славянские городские волости, в которых город являлся политическим и экономическим центром территории, подчиненной этому городу, где находился политический форум, сборное место волости. Лавров использовал выводы Костомарова, Сергеевича и Владимирского-Буданова для революционной пропаганды, чтобы указать на значение народной власти в Древней Руси, веча как выражения народной воли и политического равноправия. Иной город, по мнению Лаврова, был в Западной Европе, где он выделялся и даже противопоставлялся окружающей территории (в соответствии с традиционной уже теорией борьбы феодалов и городов, противоположности городских цехов и «враждебного им феодализма», последующей победой городов и городской власти).

Вернувшись в конце 70-х — начале 80-х гг. к анализу социально-политического строя средневековой Европы, Лавров вновь отметил сходство общины-волости и марки в начальный период исторического развития германских, славянских и кельтских народов. Он снова подчеркнул различия исторических путей западноевропейских стран и России: в первых «вырабатывается» феодализм, разрушая общину, в России же сельская община продолжает существовать. Историческое развитие Руси он указал в появлении князей и их дружин как силы, противоположной земщине, в возникновении в результате торговли городов, которые, как в древнем мире, господствовали над пригородами и селами. Верно, хотя и односторонне отмечая, что «из дружины вырабатывалось служилое сословие, которому раздавались поместья для службы», Лавров не раскрывал содержания этого явления. Поэтому он пришел к широко распространенному мнению, согласно которому процесс исторического развития «привел в древней Руси не к феодализму».¹⁰¹ В конце 70-х — начале 80-х гг. Лавров уже более исторично показал в качестве аналогии вечевому строю древнерусских городских общин не античные полисы, а устройство западноевропейских городов, которые стали, по его мнению, центрами и хранителями научной, политической жизни после гибели сельских общин. Но эти города он по-прежнему противопоставлял феодальному строю.

Таким образом, труды Лаврова в анализе общественного строя Руси и средневековых стран Западной Европы оставались в пределах традиционного противопоставления путей их исторического развития.

Эти взгляды прочно вошли в круг представлений революционных народников, так что Г. В. Плеханов, еще стоявший в 1879—1880 гг. на идейно-политических позициях народничества, при анализе исторических процессов исходил из мнения, согласно которому западноевропейская община разрушилась в борьбе «с средневековым феодализмом». Сохранение в России общинного землевладения, писал тогда Плеханов, явилось причиной ее иного исторического развития в прошлом, настоящем и будущем. Исторический анализ являлся обоснованием революционной программы народников.¹⁰² И

¹⁰¹ Там же. 4 сер., вып. 7. Пг., 1919. С. 111.

¹⁰² Плеханов Г. В. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.; Пг., б. г. С. 59—66.

хотя под влиянием работ М. М. Ковалевского Плеханов отмечал феодализм не только «германо-романский», но и в истории других стран (Индии, Мексике, Перу до прихода туда «европейцев»), понимаемые под феодализмом «четыре момента» (бенефициальная система, отдача должностей на откуп, коммендация и патримониальная юстиция) не распространяли феодализм на историю России.¹⁰³

Значительный вклад в разработку исторической концепции народничества внес Н. К. Михайловский. Вслед за Ткачевым и Лавровым, широко привлекая труды Э. Б. Тайлора, И. Я. Бахофена, Г. Д. С. Мейна, И. Д. Беляева и других ученых, Михайловский указал в середине 70-х гг. в качестве начального этапа исторического развития эволюцию семейных отношений, формирование соседской общины. Широкое распространение такой общины он отмечал в древнерусский период. Общинность, по его мнению, оставалась определяющей чертой русской истории, тогда как на Западе община разлагалась, что вело к феодализму и последующему становлению капитализма.¹⁰⁴

В 70-е гг. Михайловский усвоил уже широко распространенное в западноевропейских научных и политических теориях учение о всеобщности распространения феодализма как определенной формы общественного строя. Находясь под сильным влиянием О. Конта и Г. Спенсера, он сформулировал новый для русской народнической литературы вывод о феодализме как культурно-историческом типе, «иногда осложняющемся национальной окраской, иногда нет, и способном иметь различные степени развития, каковы мы и видим в Англии, во Франции, в Италии, Германии, России, Японии и проч.»¹⁰⁵ Поэтому он опровергал противопоставление России и Запада в работах Кавелина и Данилевского. Однако определение степени феодализации в России ограничилось у Михайловского установлением сходства западноевропейского феодализма и русского крепостного права.¹⁰⁶ В этом он шел в направлении критикуемого им Данилевского, несмотря на трансформацию учения о культурно-исторических типах. Не способствовало преодолению этой односторонности и знакомство Михайловского с трудами Маркса, на которые он ссылаясь уже в работах конца 60-х — начала 70-х гг.¹⁰⁷ В 70-е гг. его интересовало исследование Марксом перехода от феодализма к капитализму в странах Западной Европы только для того, чтобы сравнить их с аналогичным историческим процессом в России. Однако путь развития от феодализма к капитализму и марксизм как революционную теорию Михайловский относил только к странам Западной Европы. Страшась капитализма и пугая им, он видел спасение от его бед и залог прогрессивного развития России

¹⁰³ Там же. С. 78—107.

¹⁰⁴ Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 1. С. 514—535, 601—632, 641—646, 693—694.

¹⁰⁵ Там же. Т. 3. Стб. 11, 21—22, 25—26, 73—74.

¹⁰⁶ Там же. Стб. 879—880.

¹⁰⁷ Там же. Т. 1. Стб. 170, 804 и др. Об отношении Михайловского к трудам К. Маркса и марксизму см.: Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С. 269—282.

в крестьянской общине, утверждая народнические социалистические идеи.¹⁰⁸ Поэтому «феодальная система» на Руси специально им не рассматривалась. Выявление аналогичности феодализма на Западе и крепостничества в России, установление феодализма как повсеместно распространенного культурно-исторического типа, в том числе и в России, привнес Михайловского к противоречивой оценке закономерностей исторического развития. Поэтому, наряду с противопоставлением России и Запада в настоящем и будущем, концепция Михайловского содержала их сопоставление в прошлом, поскольку феодализм в средние века воспринимался им как условное землевладение, крепостничество, сословность, а подчас и более узко — как феодальная система, крепостные отношения наряду с личными феодальной характеристики цехом, гильдией, общиной, церковью.¹⁰⁹ Такие исторические идеи идеологов народничества 60–80-х гг. были поддержаны в народнической исторической литературе.¹¹⁰

Таким образом, самые различные мнения о древнерусском общественном строе, сформировавшиеся в русской общественно-политической и научной мысли 60–70-х гг., от правых (официозных и по собственным убеждениям) до социалистических теорий народников, утверждали особые пути исторического развития России и западноевропейских стран. Одним из следствий такого противопоставления становилось уже традиционное отрицание феодализма в истории Руси. Эти противопоставление и отрицание проводились осознанно вследствие сложившегося исходного мнения об отличиях феодального строя на Западе и устанавливаемого ими общинно-вечного или земско-вечного строя, городских волостей на Руси. Эти идеи стали во второй половине 60-х — 70-е гг. новым стереотипом исторического мышления, вследствие чего попытки Соловьева и Костомарова, Хлебникова и Затыркевича найти посредством аналогии черты феодализма в общественном строе средневековой Руси не были поддержаны. Уже в эти годы в русской исторической науке сложилась такая ситуация, когда, как писал позднее Н. П. Павлов-Сильванский, «отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего тона».¹¹¹ О том же писал Н. И. Кареев, который слушал еще лекции Соловьева и был активным деятелем русской исторической науки конца 70-х гг. XIX в. — 20-х гг. XX в. По его словам, «у нас не было феодализма — такова была господствующая точка зрения нашей историографии. Среди историков было как бы неприлично находить феодализм в России».¹¹² Однако эти верные наблюдения не раскрывали сути отмеченных историографических явлений. Их причины заключались в сложной противоречивой российской действительности начального

этапа капиталистического пути развития, в острой борьбе идей вокруг вопроса о судьбах исторического развития России, во все более правящей политике царизма, которая переросла в 80-е гг. в контрреформы Александра III и идейно-политическую реакцию К. П. Победоносцева. Эти идеи противопоставления исторического развития России и западноевропейских стран настолько глубоко вошли в идеологию царской власти, что Николай II в разгар революционных событий 1905 г. утверждал на заседании Совета министров: «У нас не было феодализма, всегда было единение и доверие».¹¹³ Тем самым снимались истоки социальных и политических противоречий, изначально отрицался феодализм на Руси, а само слово «феодализм» становилось понятием нарицательным. Такое идеологическое давление царской власти предопределяло еще долгое время отрицание в официозных теориях и в университетской науке феодального строя в русской истории. Позитивизм как философское основание исторических изысканий не способствовал раскрытию феодального содержания общественно-политического строя средневековой Руси, оставаясь на уровне частичности или описательности. К тому же еще была сильна инерция сложившихся в пору николаевской реакции идей, которые оказывали активное воздействие на формирующиеся взгляды нового поколения исследователей.

В то же время в России имели место и другие научные тенденции. Начали широко распространяться идеи экономического материализма. Позитивистские по философскому содержанию теории модернизировались. Революционное движение расширяло круг изучаемых общественно-политических и связанных с ними исторических проблем. В этих условиях перед либеральными историками встала проблема модификации прежних концепций. Решение этой проблемы в 80-е — начале 90-х гг. предприняли В. О. Ключевский, М. Ф. Владимирский-Буданов и В. И. Сергеевич.

В. О. Ключевский, ученик С. М. Соловьева и его преемник на кафедре русской истории Московского университета, первым из историков средневековой Руси стал писать о «классовых интересах», о «расчленении общества» на классы «согласно разделению народного труда», то есть в процессе общественного разделения труда. Однако этот социально-экономический фактор он интерпретировал в духе представлений экономического материализма — как различие классов «между собою родом капитала, которым работает каждый».¹¹⁴ Стремление определить экономические факторы развития общества и возникновения классов подводило Ключевского к установлению на Руси «условий, похожих на те, которыми создавались общественные классы в других странах Европы <...>». Однако позитивистская методология, исследовательские традиции, общественно-политическая позиция брали верх. За различием форм и явлений Ключевский не увидел единства их содержания. Поэтому он делал

¹⁰⁸ Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 4. СПб., 1897. Стб. 168–184 и след.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 450.

¹¹⁰ Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 7–10; Ефименко А. Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 210, 218–221.

¹¹¹ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 19.

¹¹² Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910. С. 6.

¹¹³ Заседание Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э. Ю. Нольде / Подг. Р. П. Ганелин // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 297.

¹¹⁴ Ключевский В. Боярская дума древней Руси. М., 1882. С. 5–6. О процессе переработки идей о классах на Руси из журнального варианта в книжный см.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 233–237.

вывод не о единстве исторического развития России и стран Западной Европы, а об их различии: «<...> но эти условия у нас являются в других сочетаниях, действуют при других внешних обстоятельствах, и потому создаваемое ими общество получает своеобразный склад и новые формы».¹¹⁵

Раскрывая эти особые формы исторического развития Руси, Ключевский соединил старые представления о древнерусском общественном строе в либеральной историографии, прежде всего в концепции Соловьева, с новыми идеями экономического материализма. Распад племенных и родовых отношений древнейшего периода он объяснил славянской колонизацией. Но соловьевскую теорию колонизации как социально-политического фактора он пополнил указанием на воздействие экономических причин: успехи промыслов и торговли способствовали появлению с течением времени сборных пунктов обмена, центров торговли, погостов, некоторые из них становились городами, «торговыми средоточиями», «к которым тянулись в промышленных оборотах окрестные погосты». Города на главных торговых путях превращались в центры городских волостей. Они подчиняли окрестные погосты в результате местной торговли, завоеваний, существования военной опасности. Таким образом, Ключевский вернулся к распространенной в русской либеральной историографии мысли о городских волостях, но постарался насытить ее экономическим содержанием. Соединяя эти выводы с теорией норманнского завоевания, Ключевский объяснил превращение городской волости IX—X вв. в варяжское владение, в военно-торговый центр варяжского конунга. Но конунг и его дружина оставались внешним фактором жизни местного общества, поэтому они получали за «военные услуги» корм с «оберегаемой области», который заменялся данью или окупом.¹¹⁶

Последующее развитие общественно-политического строя в XI—XII вв. Ключевский рассматривал в пределах модернизированной теории Соловьева о «естественном восхождении» князей, а также теории Сергеевича о договорных отношениях между князем и народным вече, внося свои коррективы. По его мнению, после краткого периода сильной княжеской власти в конце X—сердине XI в. городские области вновь стали самостоятельными. Городекая торговая знать оказалась «заправителем городского вече» — городской народной сходим. Такой подход к социально-политической структуре древнерусского города отвергал широко распространенную его характеристику в народнической и либеральной литературе (с разной идейной направленностью) как общину равных по социально-политическим правам людей. В XII в. князь вновь стал военным сторожем земли, «охранителем общего земского блага», получая «сторожевые корма» и меняя области в порядке старейшинства. Отсюда, делая вывод Ключевский, «очередное владение делало князя бродячим гостем области, подвижным витязем, каким он был два века назад».¹¹⁷ Между князем и вечем старших городов заключались

договоры. В результате княжеских споров и распрей «старшие года могли выбирать между соперниками, не выходя из-под власти княжеского рода».¹¹⁸ С князем перемешались его бояре и дружина. Поэтому, писал Ключевский, «киевский боярин XI—XII в., вольный товарищ своего князя и подобно ему политический бродяга, нигде не пускавший глубоких корней, не завязывавший прочных связей ни с каким местным обществом <...>».¹¹⁹ Наряду с «подвижностью, слабостью связей с местными обществами» Ключевский отмечает с середины XII в. в «служилом классе» «признаки большей оседлости»: «боярское землевладение делает некоторые успехи; боярство становится менее бродячим».¹²⁰ Но даже отметив «большую оседлость служилых людей» и «успешное развитие частного служилого землевладения», которое способствовало «прикреплению землевладельцев к краю», Ключевский полагал, что бояре не были сильны землевладением: «господствующим их интересом и средством влияния было управление».¹²¹ Исходя из такого анализа общественно-политического строя Древней Руси, он характеризовал думу в X в. как совет киевского князя, где присутствуют городские старцы, в XI—XII вв. — правительственный совет, в северо-восточной Руси второй половины XII—XIII в. — как боярскую думу.

Последующее социально-политическое развитие Руси Ключевский, вслед за Соловьевым, связывал с северо-восточными землями, Верхним Поволжьем. В XIII в., по его мнению, князь, военный сторож и подвижной вотнич всей Русской земли, становился сельским хозяином-вотчинником своего удела. Управление этим уделом являлось «довольно точной копией устройства древнерусской боярской вотчины», что объяснялось, наряду с политическими причинами, экономическим фактором — основой экономики княжества-вотчины составляло сельское хозяйство.¹²²

Концепция Ключевского, изложенная в «Боярской думе в Древней Руси», стала важным явлением в русской исторической науке 80-х гг. Тесно связанная с теориями Соловьева и Сергеевича, она стремилась установить воздействие экономических факторов на политический строй, проследить процессы образования классов, сохраняя уже традиционные представления о политической структуре городских волостей (областей) на Руси. Эта концепция составила основу последующих исследований Ключевского по истории социально-политического строя Руси в 90—900-е гг.

Для историка права М. Ф. Владимирского-Буданова при изучении Древней Руси особое значение имели теории о земстве и государстве. Между тем в этих теориях происходили существенные изменения. Уже в 70-е гг. было высказано мнение (В. А. Безобразов, А. А. Головачев) о государственном, а не общественном характере земских учреждений, которые входят в государственную систему власти и управления. Эта теория имела большое значение при подготовке нового земского по-

¹¹⁸ Там же. С. 41—51.

¹¹⁹ Там же. С. 4.

¹²⁰ Там же. С. 67 и след.

¹²¹ Там же. С. 69, 71.

¹²² Там же. С. 86—127.

¹¹⁵ Ключевский В. Боярская дума... С. 6.

¹¹⁶ Там же. С. 19—37.

¹¹⁷ Там же. С. 49, 71, 77.

ложения 1890 г.¹²³ в период конгрессных реформ. В изменившихся общественно-политических условиях 80-х гг. Владимирский-Буданов сохранил основные идеи земско-вечевого строя Древней Руси, но стал его рассматривать, в отличие от Костомарова, Сергеевича и Ключевского, как составную часть государства.

Земско-вечевому строю Руси IX—XIII вв., «союзу волостей и пригородов под властью старшего города» Владимирский-Буданов придавал решающее значение. В основе единства Руси он видел не княжеские отношения, подобно Соловьеву и Ключевскому, не племенные, как Костомаров, а территориальные отношения земель. Впрочем, он признавал пережитки родовых и племенных отношений в «последующем государственном быту».¹²⁴ Земские бояре, по мнению Владимирского-Буданова, представляли собой лучших людей земли, а бояре княжеские являлись высшими членами княжеского двора. Владимирский-Буданов отмечал слияние служилого и земского боярства в один «боярский класс» уже с XI в., когда дружинники «оседали» и становились местными землевладельцами, а земские бояре через дворцовые службы становились княжими мужами. Но вследствие представлений о земском строе городских общин он отрицал корпоративную сословность и сословные привилегии древнерусского боярства. В составе свободного населения городских общин Владимирский-Буданов указал также купцов, «черных или молодших» людей.¹²⁵

В «классе сельских жителей» Владимирский-Буданов выделил смердов — «свободных сельских обывателей», а также смердов «частновладельческих». Но он думал, что положение этих групп смердов уравнивалось, поскольку общинные земли считались государственными, а населявшие их смерды — смердами князя (впрочем, это новое наблюдение обосновывалось не анализом форм эксплуатации смердов, а формально-правовым представлением о смешении частного права с государственным). Формы прикрепления «частновладельческих» смердов Владимирский-Буданов предполагал «временные» и «всегдашние». Примером временного прикрепления он считал ролейное закупничество. Несвободным сельским населением он называл рабов-челядь, поселенных на землю. Но отождествление челяди и холопов с рабами привело исследователя к отнесению их к принадлежности частного права, с исключением их из «предметов» права государственного.¹²⁶

Позитивистские методологические основы и формально-юридические принципы не позволили Владимирскому-Буданову развить его новые наблюдения над социально-экономическим строем Древней Руси и соединить их с учением о государстве. Поэтому в анализе «состава власти» он остался в кругу традиционных представлений о политическом строе Древней Руси. Княжескую власть он полагал необходимым элементом государственного устройства всех

¹²³ Гранский П. П. Теория самоуправления... С. 80—81.

¹²⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 2-е изд. СПб.: Киев, 1888. С. 12.

¹²⁵ Там же. С. 27—34.

¹²⁶ Там же. С. 34—35, 329—343.

древнерусских земель, но ограничивал ее функции только внешней защитой, управлением и судом. Отношения народа с князьями регулировались договорными отношениями, боярской думой и вечем. В пригородах он также отмечал советы старейшин с местной судебной и административной властью. Эта историческая конструкция перекликалась с программой либерального земства 70—80-х гг. В соответствии с историческими представлениями этого времени Владимирский-Буданов решал вопрос о вече в Древней Руси в пределах земско-вечевого строя. По его мнению, в IX—X вв. вече из племенного собрания превратилось в городское собрание лучших людей земли в старшем городе для обсуждения земских вопросов. В XI—XIII вв. вече стало собранием простых граждан старшего города. Поэтому Владимирский-Буданов последовал за Сергеевичем в понимании места и функции веча в древнерусском политическом строе. По его мнению, «вече есть необходимая составная часть общеземской власти, ибо участие народа в государственных делах в древнее время бывает самым непосредственным и живым». Права веча распространялись на все высшие государственные дела управления и суда: законодательство и участие в суде, вопросы войны и мира, признание и смещение князей, назначение и смена чиновников. Подчеркивая обязательность трех органов власти (князь, дума и вече), Владимирский-Буданов отмечал их различную значимость с конца XII в. в разных частях Руси, южной и юго-западной, северо-западной и северо-восточной.¹²⁷

Последующий, Московский, период характеризовался, по Владимирскому-Буданову, принципом единодержавия.

Книга М. Ф. Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права» выдержала до Октябрьской революции семь изданий (последнее — в 1915 г.), способствуя распространению идей о земско-вечевом строе Древней Руси.

В. И. Сергеевич, продолжая разрабатывать в 80—90-е гг. свою концепцию социально-политического строя древней Руси,¹²⁸ остался в пределах основных идей, изложенных ранее в книге «Вече и князь» (см. выше, с. 107—109). Но позитивизм и формально-юридические методы все более приводили его к разъединению исторической действительности и исторического процесса на отдельные составные элементы, что лишало возможности установить общие и частные закономерности в развитии всей системы общественных отношений. Эти недостатки усугублялись тем, что Сергеевич рассматривал отдельные социальные категории и политические институты с X—XI вв. по XVII в., часто смешивая воедино сведения исторических источников самых разных периодов. Все это лишало выводы Сергеевича историзма.

Противостоя попыткам установить период временного государственного единства, он по-прежнему писал, что единого «государства Российского» в древности не было, а существовали волости, земли, княжения, уделы и т. д. В понимании волости-земли или городской волости у Сергеевича также не произошло изменений с

¹²⁷ Там же. С. 35—56.

¹²⁸ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890. С. 1—30.

60-х гг. — это старший город и пригороды, в общественно-политической жизни которых играли значительную роль народ и народное вече. Без изменений осталось мнение Сергеевича о делении древнерусского населения на «единообразную массу» свободных с разными слоями по достоинству, а не по правам и обязанностям, и на рабов. Такое понимание социального строя Руси противостояло представлениям о «классах» Ключевского, что отражало борьбу старого позитивизма и экономизма в пределах либеральной историографии. Поэтому исследовательский подход Сергеевича предопределял его характеристики смердов и закупов только как свободных.¹²⁹ Сергеевич видел в думе не постоянное учреждение с более или менее постоянными составом и компетенцией, как Ключевский, а совещание князя со своими советниками, доверенными людьми, при сохранении полного отрыва князя и княжеской власти от земли — городской волости.¹³⁰ Подход Сергеевича к изучению общественного строя Руси предопределил формализованные характеристики древнерусских податей как корма: «поставки пищевого довольствия» князю от местного населения, необходимые для всех дани и повинности и т. д.¹³¹

Таким образом, крупные концепционные исследования 80-х — начала 90-х гг. продолжали сложившиеся традиции 60—70-х гг. в изучении социально-политической истории России как особого исторического пути. В них не ставился вопрос о единых закономерностях развития средневековой Руси и других европейских стран, о феодальном строе в истории Руси или его отсутствии. Крупнейшие историки, профессора ведущих российских университетов, Петербургского, Московского, Киевского, в 80—90-е гг. продолжали исходить из стереотипных представлений 60—70-х гг. о земско-вечевом или общинно-вечевом строе Древней Руси, о народном вече как главном органе самоуправления земель, «городовых волостях», княжеской власти, оторванной от земского строя, о договорных отношениях князей и веча, делении общества на свободных и рабов и т. д.

Вместо объективных критериев исторического прогресса определяющей становилась абсолютизация отдельных явлений исторического процесса, при этом его основным характеризующим показателем оказывалось изменение форм власти. Самоуправление средневековых общин города воспринималось как основа общинно-вечевого или земско-вечевого строя Руси IX—XII вв.¹³² Господство вотчинного хозяйства и перенесение его принципов на государственное

¹²⁹ Там же. С. 93—141, 161—190.

¹³⁰ Там же. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1900. С. 337—480.

¹³¹ Сергеевич В. Древности русского права. Т. 3. СПб., 1903. С. 186.

¹³² Идеи об общинно-вечевом или земско-вечевом строе Руси широко распространены в литературе 60—80-х гг.: Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления // ЖМНП. 1869. № 11. С. 40—105; № 12. С. 117—248; Его же. Древнейшие города России. СПб., 1873; Его же. Главнейшие моменты в государственном развитии древней Руси и происхождении Московского государства. Варшава, 1886; Линниченко И. Вече в Киевской области. Киев, 1881; Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV веках. Варшава, 1882; и др.

управление полагались основаниями вотчинного периода XIII—XV вв. Единодержавие власти считали определяющим для Московского или царского периода XVI—XVII вв., а создание централизованной бюрократической системы управления — для Петербургского или императорского периода XVIII—XIX вв. Подобные исходные исследовательские посыпки предопределяли в обобщающих концепционных работах характеристики отдельных социальных категорий в средневековой Руси. В таких исследованиях, идущих от конкретного материала, пока частично известного и источниковедчески мало изученного, но в кругу идей господствующих теорий, мнения об этих социальных категориях оказывались мало обоснованными, без объективных критериев истинности.¹³³ Исторические аналогии при таких представлениях об общественном строе Руси постоянно возвращали исследовательскую мысль не к средневековым странам феодальной Европы, а к Древней Греции и Риму, да и в обобщающих характеристиках разных форм зависимости определяющими были не их конкретные, свойственные для средневековья формы, а представления, исходившие из рабства античного периода. Такие мнения существовали вследствие того, что феодальные формы господства и подчинения были еще мало изучены. Напротив, хорошо было известно рабство в рабовладельческих обществах начиная с учебной схемы всемирной истории. Этого оказалось достаточно для установления подобия в соответствии с позитивистским принципом сходства и аналогии, но не в соответствии с системным анализом. Наконец, феодальный строй на Руси вследствие особой идеологической и идейной ситуации в российской исторической науке того времени был немыслим. Впрочем, продолжал накапливаться опыт конкретно-исторических наблюдений над содержанием древнерусских социально-экономических категорий и политических институтов, что создавало условия для его последующего использования и развития.

В изучении социально-политической истории средневековой Руси в 80-е гг. наметился кризис. Экономическая история оставалась малоизученной. Экономический и социальный аспекты были разобцены. В характеристиках развития общества господствовали политический и правовой факторы. Все более увеличивался разрыв между частными эмпирическими наблюдениями и их теоретическим осмыслением, основу которого составляли концепции вне объективных критериев единства исторического процесса. Отсутствие новых плодотворных теорий в либеральной и народнической историографии стало причиной значительной инерции в 80-е — начале 90-х гг. общественно-политических и исторических идей не только 60—70-х, но и 40—50-х гг., лишенных, однако, достижений демократической мысли тех лет.]

¹³³ Пассек В. Новгород сам в себе. М., 1870; Его же. Княжеская и докняжеская Русь. М., 1870; Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1876. С. 5—59; Лимберг А. Предметы ведомства «веча» в княжеский период древней России // ВУИ. 1877. № 1, неофициальный раздел. С. 1—24; № 2. С. 25—119; № 3. С. 121—179; Блюменфельд Г. Ф. О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884; Белов Е. А. Об историческом значении русско-го боярства до конца XVII века // ЖМНП. 1886. № 1. С. 69—127; и др.

Кризис исторических идей, к которому привело русскую историческую науку продолжение поисков в 60-е — начале 90-х гг. самобытного развития средневековой Руси вне учения о феодализме, но в пределах теорий общинно-вечевого или земско-вечевого строя в сочетаниях с трансформированными идеями родовой, общинной и государственной теорий, с представлениями о городских волостях и городах на Руси, их аналогиями с античными городами-государствами — кризис этот становился очевидным в сравнении с исследовательскими возможностями в те же годы западноевропейской и русской медиевистики, исследовавшей развитие средневековых стран в пределах учения о феодализме, несмотря на традиции позитивистской методологии и воздействие на научное исследование общественно-политических взглядов авторов.¹³⁴

В отличие от русской науки и общественно-политической мысли, пытавшихся раскрыть содержание исторического развития Руси вне феодального строя, в трудах ведущих медиевистов 60—80-х гг. Г.-Л. Маурера, Г. Вайца, П. Рота, О. Гирке, К. Т. Инамы-Штерншта, К. Лампрехта, Г. Бруннера — в Германии, Фюстеля де Куланжа, А. Сэ — во Франции, Г. Д. С. Мейна, Ф. Сибомы — в Англии, П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, Д. М. Петрушевского, В. К. Пискорского и др. — в России в дискуссиях и борьбе мнений устанавливались основные периоды развития общины, социально-экономические и политические институты в феодальном обществе, прежде всего — при развитом феодальном строе.¹³⁵ Впрочем, уже в работах А. Флякка стал очевиден в значительной мере скрытый в позитивистских по методологической основе теориях метафизический разрыв «феодализма», ограниченно понимаемого как системы фьефно-вассальных отношений, и «сеньориального режима».

Европейской медиевистикой в этот период были накоплены значительные конкретные материалы и обобщения, которые использовались и переосмыслились марксизмом в учении о феодальной общественно-экономической формации. Без анализа взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса, а позднее В. И. Ленина будет непонятно содержание тенденций в изучении феодализма на Руси в исторической науке советского периода.

В теории общественно-экономических формаций, обобщившей предшествующий опыт философского, исторического и политико-экономического анализа исторического процесса, Маркс предпринял системное исследование производительных сил, производственных отношений людей в процессе общественного производства и социально-политического строя. Маркс и Энгельс поддерживали наблю-

дения Г.-Л. Маурера, Л. Моргана, П. Рота и других исследователей в изучении ими племенного и феодального обществ. Они постоянно отмечали феодализм в ряду социально-экономических формаций, пройденных человечеством в процессе исторического развития: первобытнообщинной, рабовладельческой или античной, феодальной, капиталистической. Но они не абсолютизировали последовательность общественно-экономических формаций в историческом развитии человечества. Поэтому при конкретно-историческом анализе становления феодализма у франков в условиях романо-германского синтеза Энгельс проследил определяющий путь развития феодализма через разложение родоплеменного строя.¹³⁶ Такой вывод совпадал с наблюдениями передовых направлений в предшествующей и современной ему историографии.

Основное содержание феодального способа производства Маркс и Энгельс видели в эксплуатации крестьян, наделенных землей и владевших орудиями производства, в господских хозяйствах феодалов при крепостничестве как форме внеэкономического принуждения и натуральной системы хозяйства. Для городов они отмечали основное их качество как центров ремесла и торговли в результате роста общественного разделения труда, а также цеховую организацию ремесленников.¹³⁷

Наряду с этими исходными для изучения феодализма положениями Маркс и Энгельс анализировали основные этапы становления и развития общины-марки, при этом они не противопоставляли ее феодальному строю, а считали ее составной частью феодальной системы.¹³⁸ Большое значение Маркс и Энгельс придавали изучению генезиса феодализма в странах Западной Европы, содержание которого раскрывали как сложное взаимодействие зарождавшихся элементов феодального строя в процессе разложения рабовладельческих отношений в Римской империи, с одной стороны, и родоплеменного строя германцев — с другой.¹³⁹ Процесс становления феодальных отношений у франков Энгельс трактовал как концентрацию земельной собственности и обезземеление свободных франков в результате лишения их аллодиальной земельной собственности и превращения их в держателей чужой земли. Объясняя этот процесс в V—VIII вв. экономическими причинами, Энгельс отмечал также значение договорных связей в установлении крестьянской зависимости и формирования фьефно-вассальных отношений внутри класса феодалов, а также значительную роль государства в процессе феодализации.¹⁴⁰

Маркс видел наиболее характерные черты средневекового общества во всеобщности феодальных отношений зависимости: «Личная зависимость, — писал он, — характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы

¹³⁴ См.: *Вайнштейн О. Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. С. 202—329; *Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков (середины XIX в. — 1917 г.). М., 1974; 2-е изд. М., 1985; *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. Томск, 1969.

¹³⁵ *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи... С. 315—399; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. 2-е изд. С. 319—341.

¹³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 495—518; Т. 21. С. 154.

¹³⁷ Там же. Т. 23. С. 318, 351—352, 726—728, 734, 759, 770—773; Т. 25, ч. 2. С. 349—350, 352—354, 475—476; Т. 20. С. 191—192, 281—284; Т. 21. С. 165; и др.

¹³⁸ Там же. Т. 19. С. 495.

¹³⁹ *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков... 2-е изд. С. 22—27.

¹⁴⁰ Там же. С. 27—28.

жизни». ¹⁴¹ Форму ее реализации в процессе генезиса и развития феодализма он отмечал в «непосредственно-общественной форме труда», в которой является «натуральная форма», а выражение последней — во всеобщности «натуральных служб и натуральных повинностей». Эта система социальных отношений была причиной иерархического, сословного строя феодального общества. ¹⁴² Для изучения множественных форм и нормы эксплуатации при феодализме решающее значение имеют, по Марксу, отношения собственности. Как он писал, «во всех формах, при которых непосредственный работник остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства». ¹⁴³ Поэтому в отличие от историков, которые видели исторический процесс превращения производителей в наемных рабочих только как следствие их освобождения от феодальных повинностей и цехового принуждения, Маркс указывал и другую необходимую сторону процесса: «когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями». ¹⁴⁴ Наряду с особыми формами землевладения феодалов и крестьян Маркс отмечал коллективную общинную (или клановую), а также государственную форму собственности, ¹⁴⁵ при этом номинальное право земельной собственности главы клана он сравнивал с номинальным правом английской королевы, которая «является в силу своего титула собственницей всего национального земельного фонда». ¹⁴⁶ В отличие от метафизики позитивизма, разделявшего земельную собственность и власть при феодализме на самостоятельные категории вне диалектических взаимных связей, Маркс подчеркивал определяющее значение в «феодальную эпоху» земельной собственности, по отношению к которой «высшая власть в военном деле и в суде» являлась ее атрибутом, ¹⁴⁷ в чем была продолжена идея А. Смита.

Маркс обращал внимание исследователей на особые формы господства и подчинения в процессе генезиса феодального строя, когда решающее значение имела не норма эксплуатации в господском хозяйстве, а отношения подданства, то есть передача феодалам государственных и юридических прав над непосредственными производителями, ведущими самостоятельное хозяйство: «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самосто-

ятельное хозяйство». Он привел в качестве примера средневековую Англию конца XI в., где крупные господские поместья лишь в отдельных местах встречались в стране, усеянной мелкими крестьянскими хозяйствами. ¹⁴⁸

Разрабатывая концепцию феодализма как общественно-экономической формации, Маркс исходил также из наблюдений современной ему исторической литературы, в которой абсолютизировались крупная земельная собственность при феодализме, натуральный характер средневековой экономики и господского хозяйства. Поэтому наряду с конкретно-историческими наблюдениями, раскрывающими многообразие исторической действительности средневековых стран, Маркс отмечал в качестве основной для феодализма формы эксплуатации в господском хозяйстве земельную ренту: «<...> земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости». ¹⁴⁹

Такое совмещение общих закономерностей и конкретно-исторических многообразных форм в работах Маркса создавало значительные трудности для систематизаторов и толкователей марксизма. Они шли от «закона» к исторической действительности, в результате чего феодализм все более становился некоей «моделью» формации в соответствии с данными экономическими признаками и все меньше общественным строем, основанным на феодалах-фьефах, — в отличие от Маркса, который исследовал историческую действительность в обратном порядке — от конкретного к общему.

Такой подход к изучению феодального строя в европейских странах позволил Марксу отметить генезис древнейших фьефно-вассальных отношений в Древнерусском государстве второй половины IX — X в. в системе взимания даней и в формах их перераспределения как «вассалитет без фьефов, или фьефы, состоящие только из даней». Само Древнерусское государство IX—XI вв. он охарактеризовал как «империю Рюриковичей». ¹⁵⁰ Эти наблюдения исходили из установленных закономерностей генезиса феодализма в европейских странах. Продолжая в данном случае традиции просветительской историографии, они принципиально отличались от господствовавших в русской исторической литературе 40—50-х гг. родовой, общинной, государственной теорий, а также от представлений 60—80-х гг. об общинно- или земско-вечевом, федеративном или племенном строе Древней Руси с внесистемными сравнениями древнерусских городов и античных полисов.

2. Теории общественного строя древней Руси и проблема феодализма: вторая половина 90-х гг. XIX в. — 1917 г. Развитие отечественной исторической науки в этот период происходило в новых исторических условиях. Капитализм быстро развивался в промышленности и сельском хозяйстве. Все более очевидным становилось единство пути России и ведущих западноевропейских государств — Англии, Франции, Германии, что являлось реальным свидетельством единства их исторического развития при несомненных конкретных

¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 87.

¹⁴² Там же.; см. также: Там же. Т. 3. С. 164.

¹⁴³ Там же. Т. 25, ч. 2. С. 353.

¹⁴⁴ Там же. Т. 23. С. 727.

¹⁴⁵ Там же. С. 735—736.

¹⁴⁶ Там же. С. 740.

¹⁴⁷ Там же. С. 344.

¹⁴⁸ Там же. С. 729.

¹⁴⁹ Там же. Т. 25, ч. 2. С. 357.

¹⁵⁰ Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899. P. 76, 77.

особенностях и опровергало консервативные, либеральные и народнические теории о противоположности исторических судеб России и стран Западной Европы. Важнейшими факторами, оказавшими воздействие на развитие исторических идей, стали также подъем рабочего и студенческого движения, Первая русская революция, появление многочисленных партий разного политического направления и демократических свобод. В таких общественно-политических условиях в русской исторической науке возродилась теория феодального строя в средневековой Руси.

В определенной мере закономерно, что эта теория сформулирована в Петербурге, а не в Москве. Для петербургской школы историков в исследовании средневековой Руси было свойственно особое внимание к изучению исторических письменных источников, что продолжало традиции Археографической комиссии, и исторических фактов на основе глубокого анализа источников.¹⁵¹ Идейное содержание московской школы историков с конца 40-х гг. XIX в. определялось обобщающими концепциями С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Однако эти существенные различия между двумя школами стали исчезать в 90—900-е гг. Петербург, неразрывно связанный в это время с экономической и идейной жизнью стран Западной Европы, создавал особые условия для нового осмысления истории России, для создания в этом контексте новых теорий общественного строя средневековой Руси. Н. П. Павловым-Сильванским была воссоздана в русской исторической науке концепция феодализма в средневековой Руси. Но если он рассматривал феодальный строй в русской истории в основном в пределах XIII—первой половины XVI в., еще традиционно характеризуя предшествующий период как общинно-вечевой, то А. Е. Пресняков, сохраняя элементы этой теории, определял общественный строй Руси X—XII вв. в контексте теории «княжого права», в которой переосмыслились феодальные институты в социально-правовых категориях «союза княжеской (королевской) защиты» (см. далее, с. 150—152). Причем в этих теориях сразу сложилась направленность изучать общественный строй средневековой Руси в единстве с социальным развитием других европейских стран. Одновременно в петербургской школе историков в трудах И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской происходило становление цивилизационного подхода к исследованию средневековой истории европейских стран в единстве изучения феодального общественного строя, духовной культуры и менталитета.¹⁵²

В Москве происходило встречное движение активизации исследований средневековых русских источников С. Б. Веселовским, С. В. Бахрушиным и др. В равной мере и в Петербурге и в Москве историки искали выход из описательности и частичности позитивистской мето-

дологии на путях новых философских систем — марксизма (преимущественно в Москве — ученики В. О. Ключевского Н. А. Рожков и М. Н. Покровский) и неокантианства (в Петербурге — А. С. Лаппо-Данилевский, позднее в Москве — Д. М. Петрушевский).

В работах, опубликованных в 1897—1902 гг., Н. П. Павлов-Сильванский вернулся к давно поставленному Б. Н. Чичериным и С. М. Соловьевым вопросу о сходстве с западноевропейским феодализмом социально-экономических и политических институтов на Руси XIV—XVI вв. В отличие от предшественников привлекая массовый источниковый материал, новейшие наблюдения западноевропейских и отечественных медиевистов, он отметил тождество, вплоть до одинаковых названий, средневековых институтов на Руси и в Западной Европе: закладничество и патронат, судебные и податные привилегии вотчин и иммунитетов, военная служба, земельные пожалования и фьефно-вассальные отношения, боярская вотчина и сеньория.¹⁵³

В разработке первого периода русской истории, «от доисторической древности до XII в.», Павлов-Сильванский не был оригинален. Он отрицал государственность в Древней Руси, при этом восстанавливалась система всеобщей общинности, близкая к общинно-вечевой теории: «<...> основным учреждением является община или мир, мирское самоуправление, начиная с низших самоуправляющихся вервей до высшего самоуправляющегося союза: земли, племени, с полновластным народным собранием, вечем». Учитывая, вероятно, общинную теорию Г.-Л. Маурера, Павлов-Сильванский закономерно указывал древнейшие истоки общины. Но при абсолютизации общинного строя в древнерусский период внутренние закономерные связи между князьями, княжескими дружинами, княжеским административно-судебным аппаратом и этим общинным строем не устанавливались, в результате чего в концепции Павлова-Сильванского в данном случае произошла контаминация идей общинно-вечевого строя, представленной В. И. Сергеевича и В. О. Ключевского. Общинный строй, по его мнению, «идет из глубокой древности, связываясь с древнейшими союзами родовыми; он сохраняется и в киевскую эпоху, когда пришлые князья, со своими дружинами и с посадниками, являются элементом, наложенным сверху на строй мирского самоуправления, и вече сохраняет свою суверенную власть, призывая князей и изгоняя их <...>».¹⁵⁴

По-новому Павлов-Сильванский интерпретировал содержание русской истории XIII—XVI вв. Концепцию феодализма в России он разработал в соответствии с новейшими идеями историографии, сформулированными в работах Виноградова, Ковалевского, Петрушевского, Фюстеля де Куланжа. Его основным исследовательским методом стал сравнительно-исторический анализ. Павлов-Сильванский доказывал феодальную принадлежность средневековых русских «учреждений» посредством аналогий с западноевропейскими. Но, разрушая традиционное для русской историографии второй полови-

¹⁵¹ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование великорусского государства». Пг., 1920. С. 6; Волк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды Юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 53—59.

¹⁵² Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья: Научное наследие. М., 1987; Каганович Б. С. Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И. М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. Л., 1990. С. 198—216.

¹⁵³ Павлов-Сильванский Н. П. Закладничество-патронат // Записки Русского Археологического общества. Т. 9, вып. 1—2. СПб., 1897. С. 185—236; *Его же*. Иммунитеты в удельной Руси // ЖМНП. 1900. № 12. С. 318—365; *Его же*. Феодальные отношения в удельной Руси. СПб., 1901.

¹⁵⁴ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 146—147.

ны XIX в. противопоставление России и Запада, он отвергал метафизическое сравнение уже выработанных исторических схем, впрочем, не выявляя при этом объективные закономерности генезиса феодализма, происходившего в разных формах у разных народов в зависимости от конкретно-исторических условий.¹⁵⁵

Главное содержание XIII—XV вв. Павлов-Сильванский видит в борьбе древних общинных союзов, волости и общины-марки, с крупным землевладением, с боярщиной, которая при содействии княжеской власти торжествует к концу средних веков над общинами, слабеющими и разрушающимися под натиском быстро растущего землевладения. При этом Павлов-Сильванский поставил вопрос об особом, ограниченном характере свободы владельческих крестьян при существовании права отказа до установления крепостного права. Он сделал также важнейшие историографические наблюдения о «тенденциозных» «по политическим соображениям» утверждениях И. Д. Беляева об их свободе, поскольку «он писал свою книгу „Крестьяне на Руси“, когда решалась великая реформа освобождения крестьян и ему надо было показать, что крестьяне в древности долгое время были свободными». Иные причины он указывает у других исследователей, которые «говорят о свободе крестьян без оговорок, основываясь на формальных юридических схемах современного нам права, не вполне приложимых к древности».¹⁵⁶

В отличие от Гизо и Фюстеля де Куланжа Павлов-Сильванский охарактеризовал крупное землевладение как экономическую основу феодализма (вслед за М. М. Ковалевским, К. Лампрехтом, А. Люшером, Н. И. Кареевым). Однако абсолютизация этого мнения привела его к одностороннему выводу: «Где нет крупного землевладения, там не может быть и феодализма <...>».¹⁵⁷

Боярщину XIII—XVI вв. он отождествил с господскими хозяйствами феодалов в средневековой Франции, Англии и Германии как

¹⁵⁵ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 129—130.

¹⁵⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 200.

¹⁵⁷ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 44—45. А. Л. Шапиро полагал, что мнение о крупном землевладении как основе феодализма «лучшие русские историки» высказывали под влиянием марксистских идей, а Павлов-Сильванский повторил его вслед за Ковалевским (Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Б. м., 1993. С. 627). Это мнение дискуссионно не только потому, что Павлов-Сильванский указал в качестве предшественников, кроме Ковалевского, таких далеких от марксизма исследователей, как А. Люшер, К. Лампрехт, Н. И. Кареев. Вывод о крупном землевладении как экономической основе феодализма был широко распространен в историографии второй половины XIX в. (см. мнения Г.-Л. Маурера, О. Гирке, К. Т. Инамы-Штернегга, К. Бюхера, Ф. Сибома, П. Г. Виноградова). Он исходил из очевидных фактов значения крупного землевладения в формировании социально-экономической и политической структуры феодального строя в странах романо-германского синтеза. Но мнение о крупном землевладении как основе феодализма являлось преувеличением его роли. Маркс и Энгельс также подчеркивали большое значение крупного феодального землевладения, рассматривая его связи с производством продуктов земледельческого труда, но как условие получения феодальным дворянством оброчных и барщинных крестьян, как экономическое основание формирования господствующего класса крупных землевладельцев и т. д. (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 349; Т. 20. С. 191—192; Т. 19. С. 497—498 и др.), однако крупное землевладение не определяло для них сущность феодального строя.

соединение крупного землевладения с мелким хозяйством крестьян при незначительной господской запашке и полном преобладании земель крестьян — зависимых, но самостоятельных хозяев.¹⁵⁸ «Начала» и «главные черты» феодализма как социально-политического строя Павлов-Сильванский указывал по Гизо: 1) «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением», 2) иерархическая организация вассалитета-сюзеренитета, объединяющая раздробленную на домены-сеньории территорию, 3) условное землевладение — феодалы-поместья, с которыми сосуществовала феодальная аллодиальная собственность — вотчины.¹⁵⁹ Павлов-Сильванский вернулся к изучению этих «главных черт» феодализма в социально-политической истории России, восстанавливая тенденции русской дворянской революционной мысли и романтического направления либеральной историографии 20—30-х гг. XIX в. рассматривать ее в кругу идей французской романтической школы. Но в новых общественно-политических условиях, на новом уровне развития либерального направления исторической науки Павлов-Сильванский внес в них существенные коррективы. Он снял значение завоевания как фактора социально-политического развития страны, стремясь установить внутреннюю эволюцию форм общественно-политической жизни. Вместе с тем он ограничился анализом развитой феодальной экономической и социально-политической структуры. Но и такое восприятие феодального строя Павлов-Сильванский сужал, сводя средневековый феодал к землевладению под условием службы. Называя феодал-должностника и феодал-дворянина, он снимал вопрос о выражении в них определенных форм феодальных отношений, основанных на эксплуатации лично свободного населения, и объяснял их денежной платой за службу или договором найма, решительно противопоставляя их «настоящему феодалу-земле»,¹⁶⁰ который подразумевал особые формы феодальной зависимости. В такой интерпретации неземельных феодалов или фьефов Павлов-Сильванский сделал шаг назад по сравнению с «Энциклопедией» Дидро и д'Аламбера, где были указаны многочисленные единые по социально-политической природе феодалы-фьефы. При таком ограниченном понимании феодала или фьефа Павлов-Сильванский значительно сужал возможности научного изучения феодализма как особой формы общественного строя.

Представление о феодализме как сочетании статичных составных элементов привело его к мнению о начале этого строя на Руси лишь с XIII в. Верхнюю границу феодального периода он объяснял ослаблением крупного боярского землевладения и политической централизацией страны в середине XVI в., в чем проявилось воздействие давних представлений в исторической науке XVIII—XIX вв. о феодальном строе как децентрализации верховной государственной власти. Однако в новых исторических условиях Павлов-Сильванский сумел частично преодолеть прежнее ограниченное понимание феодализма. В России XVII—XIX вв. он отметил сохранение феодаль-

¹⁵⁸ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 44—67.

¹⁵⁹ Там же. С. 68—70.

¹⁶⁰ Там же. С. 71—72; см. также: Павлов-Сильванский Н. П. Феодальные отношения в удельной Руси. С. 37—38.

ных по происхождению учреждений: сеньориальный режим с помещичьим судом и управлением, сословный строй. Но город он рассматривал как городскую самоуправляющуюся общину, отмечая, вслед за Маурером, ее тождество с общиной-маркой и присоединяясь в таком понимании города XVII—XVIII вв. к А. С. Лапшо-Дашневскому и А. А. Кизветтеру. Российское сословное государство второй половины XVI — первой половины XIX в. не рассматривалось Павловым-Сильванским как феодальное, хотя определяющее влияние помещичьего землевладения на общественно-политический строй России этого периода в начале XX столетия было очевидно, и Павлов-Сильванский отмечал, что «основой социального строя нашей московской и петербургской монархии был тот же сеньориальный режим».¹⁶¹ Вместе с тем восприятие феодализма как статичной модели, сочетания определенных социально-экономических, политических и правовых элементов привело Павлова-Сильванского к мнению о периоде, предшествующем феодальному, как «дофеодальной эпохе».¹⁶² Философскую основу такого метафизического противопоставления составлял позитивизм. Смягчая резкость хронологических граней, Павлов-Сильванский ввел понятие «переходная эпоха», что представляло собой несомненное достижение в раскрытии исторического процесса. Но в соответствии с принципами историко-юридической школы содержание «переходной эпохи» составили не выделяемые социально-экономические институты, а форма государственного строя — переход к «удельному порядку» в XII—XIII вв. и «торжество нового государственного порядка», централизованного Московского государства при Иване Грозном.¹⁶³ Поэтому социально-экономическое содержание «переходных эпох» осталось нераскрытым. Сравнение социальных категорий и общественных отношений в Древней Руси и средневековой Западной Европе привело его к мнению о свойственном для феодализма положении смерда и о широком распространении вассального договора в «дофеодальную эпоху» на Руси.¹⁶⁴ Но такие характеристики свидетельствовали о статичности и внутренней противоречивости определения общественно-государственного строя Древней Руси как «дофеодального». Это способствовало поиску исследователями других направлений в установлении феодальных отношений в древнерусский период, в чем Павлов-Сильванский остановился, ограниченный господствовавшими тогда теориями общинно- и земско-вечевого строя.

Н. Л. Рубинштейн обоснованно отметил традиционную для государственных схем периодизацию Павловым-Сильванским истории России, но преувеличил степень ее новизны, увидев в ней старую форму и отдельные недостатки лишь как отрицательное воздействие старых схем.¹⁶⁵ Общинность и вечевой строй до XIII в. повторяли теории общинно-вечевого и земско-вечевого строя Руси 60—80-х гг. Феодализм XIII — первой половины XVI в. в теории Павлова-Силь-

ванского продолжил хронологически и развил потенциальные возможности мнений о содержании удельно-вотчинного периода — от Соловьева, Кавелина и Чичерина до Ключевского. Понимание основного содержания третьего периода как определяющей роли государства также повторяло основную мысль государственной школы. То новое, что Павлов-Сильванский внес в развитие либеральной историографии, явилось доказательством посредством аналогий (до терминологических совпадений) тождества западноевропейских и русских феодальных институтов и отношений XIII — первой половины XVI в. Это убедительно свидетельствовало о феодальном характере общественно-политического строя Руси в средний период истории России, традиционно выделяемый историографией, но при этом ограниченно раскрывалась его социально-экономическая сущность, процесс его генезиса в предшествующий период и дальнейшего развития в последующий период.

Работы Павлова-Сильванского имели большое значение для отечественной историографии. Они утверждали единство исторического развития России и западноевропейских стран (на уровне установления тождества социально-экономических категорий, политических и правовых институтов, но не сущностных исторических процессов). Они восстановили учение о феодализме в России в отечественной историографии. В соответствии с передовыми течениями исторической мысли второй половины XIX в. Павлов-Сильванский особое внимание уделил уже не политическим, а социально-экономическим институтам, впрочем, преимущественно в юридическом выражении этих элементов феодальных структур. Его исследования по истории феодального строя на Руси стали началом нового направления в изучении общественного строя средневековой Руси, обобщившим предшествующий опыт западноевропейской и русской либеральной исторической науки.¹⁶⁶

Прогрессивное направление работ Павлова-Сильванского в сравнении с современной ему историографией средневековой России, значительность и обоснованность выводов, большой новый источниковый материал стали причинами широкого привлечения наблюдений Павлова-Сильванского на начальном этапе становления марксистской историографии. Многие из его выводов не утратили своего научного значения и при современном исследовании развитого феодализма на Руси XIII—XVI вв.

Представления Павлова-Сильванского об общинно-вечевом строе Руси до XIII в. не подвергались современниками критике, поскольку они повторяли основные выводы предшественников, но его теория феодализма в России вызвала самые решительные возражения ведущих специалистов старшего поколения, которые стремились ее опровергнуть, противопоставить старые формы метафизического мыш-

¹⁶⁶ Ср. различающиеся характеристики творчества Н. П. Павлова-Сильванского как движения к «раскрытию внутреннего содержания самих общественных отношений» (Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 528), к марксизму (Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1986. С. 231), как результат воздействия «легального марксизма» (Чирков С. В. Н. П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 612).

¹⁶¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 124—131.

¹⁶² Там же. С. 104.

¹⁶³ Там же. С. 146.

¹⁶⁴ Там же. С. 59, 104.

¹⁶⁵ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 529—530.

ления попыткам преодолеть их в пределах позитивистской исторической науки. Одновременно в обобщающих трудах ведущие ученые старшего поколения еще раз формулировали свое мнение об общественном строе Руси до XIII в., подводя итоги своих исследований 60—900-х гг.

В. И. Сергеевич выдвинул как аргумент против идеи Павлова-Сильванского конкретно-исторические характеристики развитого северофранцузского феодализма XI—XIV вв. и в соответствии с логикой метафизического мышления объяснил внешние несоответствия сравнимых с ними русских средневековых социально-экономических категорий и политических институтов их нефеодалным характером. При таком подходе Сергеевича полностью удовлетворяла теория Фюстеля де Куланжа о постепенной трансформации римских институтов в феодальные. Они становились основанием для отрицания Сергеевичем в средневековом обществе феодального характера патроната, иммунитетов, коммендации, мундиума, которые, по его словам, предшествовали феодализму, но не были самим феодализмом. Подобная ограниченность представлений о феодализме, отрицание его в русской истории приводили исследователя и к отрицанию характерных черт феодального строя (в отличие от Павлова-Сильванского) в новой и новейшей истории России.¹⁶⁷

Поискам феодальных форм зависимости Сергеевич противопоставил абсолютизацию рабства как общеправового явления. Указывая рабство у самых разных «исторических народов» (холопы на Руси отождествлялись с рабами) и отмечая различия лишь в «оттенках», он устанавливал противоположные тенденции развития рабства в России и его уменьшения в западноевропейских странах.¹⁶⁸ Однако анализ рабства как социально-юридического института, определяемого правом продать, купить, передать по наследству, являлся формальным. Он не различал сходные по правовому положению, но отличные по сущности отношения зависимости в рабовладельческих и раннефеодальных обществах. В анализе общественно-политического строя Сергеевич повторил свою давнюю теорию земско-вечевой Руси с договорными отношениями, которые регулировали отношения «народа» и князя. Но поскольку он рассматривал «народ» как дифференцированный, но без классов, эти конфликты рассматривались им как борьба веча и князя. Борьбу классов у Сергеевича заменила борьба «страстей».¹⁶⁹

Столь же решительно возражал Павлову-Сильванскому М. Ф. Владимирский-Буданов. Неправоммерно приписав своему оппоненту мысль о распространении удельного строя до IX в., он отверг мысль о феодализме на Руси в IX—XII вв. (Павлов-Сильванский возводил к концу XII в. отдельные феодальные институты). Исходной посылкой опровержений Владимирского-Буданова, как и у Сергеевича, стали представления о развитом феодализме в Западной Европе. Односторонность методики Павлова-Сильванского оборачивалась односторонностью опровержения его выводов. Сеньориаль-

¹⁶⁷ Сергеевич В. Древности русского права. Т. 3. С. 469—475.

¹⁶⁸ Там же. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1909. С. 179—197.

¹⁶⁹ Там же. Т. 2. СПб., 1908. С. 71—96.

но-вассальным иерархическим отношениям Владимирский-Буданов противопоставил территориальное подчинение пригородов старшим городам и вечевой строй на Руси. В отличие от сословной организации общества при феодализме Владимирский-Буданов указывает на Руси в этот период «связь боярства с общинами и отсутствие сословных привилегий». В отрицании иммунитетов в Древней Руси он видел опровержение основного принципа феодального строя («краугольный камень феодализма») — «раздробление суверенной власти». На Руси, по его мнению, не было «боярских владений с государственными правами». Княжеские дружишки сначала не обладали «земельными имуществами», а потом «перемещались» из одной земли в другую за своими князьями, «лишаясь своих сел и имений». В равной мере он отрицал феодальный характер вотчинного и поместного землевладения, кормления, феодальной военной организации (опровержение последней представлялось ему в народных ополчениях до XVII в.). Нежелание видеть феодализм в истории России приводило Владимирского-Буданова еще в начале XX в. к мнению, согласно которому «самодержавие и феодализм — два понятия несовместимые». Аналогичным отрицанием феодализма на Руси стало для него ограничение феодализма юридической нормой «смещения госуд<арственных> и частных начал права».¹⁷⁰

Против концепции Павлова-Сильванского выступил и наиболее авторитетный среди русских историков начала XX в. В. О. Ключевский. В изданном в 1903 г. «Курсе русской истории» он изложил в блестящей литературной форме лекции, которые читал в течение многих лет, на идеях которых было воспитано не одно поколение выпускников Московского университета. Этот курс обобщал многолетние предшествующие изыскания Ключевского, являлся ответом давним оппонентам, прежде всего Сергеевичу и Владимирскому-Буданову, а также решительным возражением против концепции феодализма в России Павлова-Сильванского. Второе издание «Курса» было опубликовано в 1906 г. Поэтому содержащиеся в нем идеи приобретают особый интерес как свидетельство возможностей либерального направления в исторической науке к созданию или восприятию новых исторических теорий в период революционного подъема.

Характеризуя социально-экономический и политический строй Руси IX—XII вв., Ключевский сохранил определяющую роль в его формировании колонизации, торговли и городских областей. Внешняя торговля, по его мнению, способствовала развитию лесных промыслов, звероловства, бортничества. Это была Русь Днепровская, городова, торговая. Основная масса русского населения в XIII — середине XV в., по Ключевскому, находится на Верхней Волге. Политически Русь раздроблена на княжеские уделы. Ее экономика характеризуется вольным крестьянским трудом. В середине XV в. с государственным объединением страны до второго десятилетия XVII в. длился период Руси «Московской, царско-боярской, военно-земледельческой». С начала XVII в. по середину XIX в., согласно Ключев-

¹⁷⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.: Кнев, 1915. С. 283—289.

скому, «период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского».¹⁷¹

Такое понимание исторического процесса в России по-прежнему снимало в отечественной истории вопрос о феодальном строе. Ключевский по-прежнему ограничивал функции княжеской власти военной охраной страны, ее торговли и торговых путей. За это князь получал от населения корм, который становился видом оплаты княжеских трудов. Княжеская дружина в IX—X вв. делила с князем «труды управления и защиты земли». До XI в. дружинники и купцы еще не стали «землевладельческим классом». Они были рабовладельцами, а работорговля составляла их основное занятие.¹⁷² Единовластие на Руси до середины XI в. было политической случайностью, а не закономерностью.

Сохранив соловьевскую теорию принадлежности верховной власти княжескому роду, Ключевский в то же время не устанавливал организационную природу социально-политических связей князей и их дружин с земским строем городских областей. Он видел в обороне страны только обязанность князей, а в получении корма — только реализацию их права. При таком земском порядке «князья скользяли поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счета — не государственные отношения, а разверстка земского вознаграждения за охранную службу».¹⁷³ При этом строе городских областей или волостей князь оказывался «политической случайностью для области, блуждающей кометой». Впрочем, в отличие от Сергеевича, для которого городское народное вече было постоянно действующим институтом, Ключевский связывал его появление с ослаблением княжеской власти в XII в. Веча волостных городов заключали договоры с князьями, представляя всю землю. Они приглашали и изгоняли князей, дружины которых были столь же подвижными.¹⁷⁴

Такой взгляд на общественный строй Руси XI—XII вв. предопределил характеристику ее социальных категорий. «Политическое деление» Ключевский указал в сословии свободных, служивших лично князю, свободных, не служивших князю, плативших ему дань миром, и несвободных — холопов, служивших частным лицам. Согласно «экономическому делению» Ключевский выделил среди свободных в XI—XII вв. бояр — привилегированных землевладельцев, смердов — государственных крестьян, которые обрабатывали землю своим инвентарем, наймитов или ролейных закупов, которые являлись сельскими рабочими, получая от хозяев участок земли, инвентарь, семена, рабочий скот. Эти экономические различия соединились с юридическим неравенством. Но экономическое благосостояние Киевской Руси XI—XII вв., по мнению Ключевского, держалось на рабовладении, которое стало основой господского землевладения.¹⁷⁵

В удельных княжествах XIII—XIV вв., по Ключевскому, князь-землевладелец соединял в своем лице государя и верховного собст-

венника земли. Князь иногда уступал боярину вместе с правом собственности на вотчину часть верховных прав на нее. Но Ключевский отвергает отождествление таких отношений с феодальными порядками Западной Европы: «это — явления не сходные, а только параллельные».¹⁷⁶ Не называя концепции Павлова-Сильванского, он отрицает ее всем содержанием своей теории. «В удельном порядке, — пишет Ключевский, — можно найти немало черт, сходных с феодальными отношениями, юридическими и экономическими, но, имея под собою иную социальную почву, подвижное сельское население, эти сходные отношения образуют иные сочетания и являются моментами совсем различных процессов. Признаки сходства еще не говорят о тождестве порядков, и сходные элементы образуют в окончательном складе совсем различные общественные формации».¹⁷⁷ Такой подход к изучению исторических процессов вел к непознаваемости их сущности за бесчисленным множеством разнообразных явлений.

Концепция Павлова-Сильванского о феодализме в России встретила при своем появлении не только возражения крупнейших специалистов в ведущих российских университетах — Петербургском, Московском, Киевском. Многие профессора пытались продолжать разыскания по истории Руси в кругу прежних представлений. Причиной этого являлись как традиционность мышления, так и ограниченность самой концепции Павлова-Сильванского, исходившей из отдельных признаков развитого феодализма в XIII—XV вв. без их генезиса в предшествующий период. В начале XX столетия теории общинно-вечевого и земско-вечевого строя Руси IX—XII вв. оставались наиболее распространенными, но все более очевидными становились черты государственности в древнерусский период. Выход из этого противоречия исследователи стали искать в соединении старых идей об общинно-вечевом строе Руси с новыми представлениями о ее государственности.

В исследовании С. А. Корфа, профессора Гельсингфорского университета, отразились идеи В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова и В. О. Ключевского, переосмысленные, вероятно, не без воздействия Первой русской революции. Он считал, что древнерусское государство начало формироваться в XIII в. Состояло оно из волостей-государств. В IX—X вв. произошло формирование городских волостей с главными городами как «промышленно-торговыми средоточиями». Народное вече в них являлось верховным органом власти, где «народ является полновластным и верховным распорядителем судьбами волости».¹⁷⁸ Корф рассматривал князя и дружину как вторичный внешний фактор по отношению к волости и вечу, но полагал между ними гармонию интересов: по поручению веча князь судил, рядил, управлял, защищал волость, а та кормила его и дружину его, собирая в их пользу дань. «Князь и дружина, — по словам Корфа, — были сами по себе, земщина сама по себе», но

¹⁷¹ Ключевский В. Курс русской истории. 2-е изд. Ч. 1. М., 1906. С. 9.

¹⁷² Там же. С. 193, 195—197.

¹⁷³ Там же. С. 210—226.

¹⁷⁴ Там же. С. 228—236.

¹⁷⁵ Там же. С. 335—338.

¹⁷⁶ Там же. С. 434—446.

¹⁷⁷ Там же. С. 446—448.

¹⁷⁸ Корф С. А., барон. История русской государственности. Т. 1. СПб., 1907. С. 7—40.

в случае необходимости эти общественные силы действовали совместно, когда «необходима была и их совместная работа» (например, в случае внешней опасности).¹⁷⁹

В XI—XII вв. эти основы социально-политического строя сохранялись. Самоуправление общин волостей посредством вече решало внутренние дела. Князь зависел «от народной воли» при тех же функциях суда, управления, военного дела, не затрагивавших «внутренней жизни общины, ее социальной структуры». В XII в. Корф отметил у бояр-дружинников «первые примеры вотчинного владения на Руси», в связи с чем у дружинников с прежней «подвижностью и неоседлостью» «стали появляться признаки некоторой зависимости от их данной волости, в пределах которой находилась их недвижимость».¹⁸⁰

Определив таким образом социально-политический строй волостей, Корф рассмотрел отношения земельной собственности на Руси, следуя давнему принципу историографии: не социально-экономические отношения и отношения собственности определяют политический строй, а наоборот. Он исходил из призвания князя волостью, по ряду с вечем. Отсюда делался вывод об отсутствии у князя «прав по отношению к земле», об отсутствии до конца XII в. «имений» у князя и дружины, поскольку эта собственность препятствовала свободе их «передвижений». Поэтому князья лишь раздавали «кормы» — «право на сбор в свою пользу с известной местности дани» за «услуги» дружинника как воина и за исполнение судебных и административных функций.¹⁸¹

В XIII—XIV вв., согласно Корфу, росло княжеское и боярское землевладение, развивался «служильный класс», отношения князя с боярами стали определяться договором. Корф писал о значительном влиянии Орды в усилении княжеской власти.¹⁸² Но вопроса о феодализме он так и не поставил.

Значительно более глубоко и всесторонне социально-политический строй Древней Руси был рассмотрен М. А. Дьяконовым, профессором Юрьевского (Дерптского) университета. Он также писал о «формах государственного быта», полагая древнейшими государствами княжения полян, древлян, дреговичей и других племен, равно как и более поздние «земли», «волости», «отчины» и т. д.¹⁸³ На Руси, согласно Дьяконову, существовали «классы» с различиями по занятиям и имущественному положению. Так что он не ушел дальше предшественников в понимании основ социально-экономической дифференциации. Но, в отличие от Ключевского, Дьяконов указал причиной особого положения «высших классов» (бояре, огнищане, княжьи мужи) в XII в. не торговлю и военное дело, а землевладение и рабовладение.¹⁸⁴ «Средние классы» представляли, по его мнению, люди «торговой профессии», гости и купцы. «Нижние классы» являлись большей частью свободного городского и сельского населе-

ния — «черные люди» и смерды. На переходной ступени от свободы к неволе находились зависимые закупы. Несвободное население состояло из рабов — холопов и челяди.¹⁸⁵ Такому социальному строю соответствовала, по мнению Дьяконова, тройственная структура верховной власти: князь, боярская дума и народное собрание — вече. Вече он рассматривал как орган государственной власти, форму непосредственного участия народа, где тот проявляет свою волю в решении государственных дел.¹⁸⁶ Княжескую власть Дьяконов считал не вторичным по сравнению с вечем, а происходящим с древнейших времен «необходимым элементом в составе государственной власти всех русских земель». Но, ограничившись государственно-правовым анализом, он не преодолел традиционной характеристики деятельности князя, сведенной к защите земли от внешнего врага, охране внутреннего мира, управлению и суду. «Отношения князя к народу, — по словам Дьяконова, — покоились преимущественно на взаимном доверии».¹⁸⁷ Второй период русской истории, XIII—XVII вв., Дьяконов характеризует как время сравнительно быстрых успехов монархического элемента, тогда как демократический и аристократический элементы постепенно теряют прежнее политическое значение, хотя и не уничтожаются.¹⁸⁸

Круг идей русской либеральной историографии, прежде всего Владимирского-Буданова и Ключевского, в полной мере отразился в работах украинского историка М. С. Грушевского, который, впрочем, с националистических позиций рассматривал Киевскую Русь как исторический корень только украинского народа, а не трех, сформировавшихся в результате этногенетических и исторических процессов, — русского, украинского и белорусского. Он также видел на Руси общинно-вечевой строй, который характеризовал в XI—XII вв. определяющим значением двух «элементов»: княжеско-дружинного строя и общинно-вечевого строя с земской автономией, суверенной общиной, охватывающей всю землю с подчинением пригородов городам, причем общинами в равной мере были села и города, включая Киев. Город был лишь дальнейшей ступенью в развитии сельской общины без качественных различий. Вече, по мнению Грушевского, было средством проявления «народной воли» городской общины, которая «рядилась» с князем, контролировала его административную и государственную деятельность.¹⁸⁹ В работах 900-х — начала 10-х гг. Грушевский стал придавать княжеско-дружинному элементу большее значение в социально-политической жизни «земель».¹⁹⁰ Он указывал в это время вслед за Ключевским связи князя с городами и высшей торговлей, что отражало растущую неудовлетворенность в историче-

¹⁸⁵ Там же. С. 84—113.

¹⁸⁶ Там же. С. 117—121.

¹⁸⁷ Там же. С. 136—140.

¹⁸⁸ Там же. С. 191.

¹⁸⁹ Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 301—344.

¹⁹⁰ Грушевский М. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. С. 31—32, 52—69, 93—99; 3-е изд. Киев, 1911. С. 38—40, 53—63, 99—108; *Его же*. Історія України — Руси. 2-е вид. Т. 1. Львів, 1904. С. 316—325; Т. 2. 1905. С. 1—2, 47—51 и др.; *Его же*. Киевская Русь. Т. 1. СПб., 1911. С. 448—454.

¹⁷⁹ Там же. С. 81 и след.

¹⁸⁰ Там же. С. 106—129.

¹⁸¹ Там же. С. 135—137.

¹⁸² Там же. С. 203—217.

¹⁸³ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси.

4-е изд. СПб., 1912. С. 62—71.

¹⁸⁴ Там же. С. 72—78.

ской науке теориями, отрывающими князя и его дружину от земско-вечевого строя. Исключая изучение древнерусского социального строя как феодального, он писал: «Древняя Русь, как известно, не знала сословности; единственная резкая и определенная грань разделяла людей свободных и несвободных». Свободное население он делил на людей княжих и земских — без «характера каст». Они же, в свою очередь, делились на группы, «различавшиеся степенью влияния, почета, но не объемом прав».¹⁹¹ Эту формулировку конца 80-х — начала 90-х гг. Грушевский несколько модернизировал в начале 900-х гг., но сохранил ее основное содержание: «<...> дифференциация была довольно значительная, но, исключая разделение на свободных и несвободных, она не отличалась резким разграничением, отдельные классы соединялись переходными группами, и передвижение из одной в другую вовсе не исключалось».¹⁹² Под «несвободными» он понимал рабов.¹⁹³

Инерция старых стереотипов и несовершенство социально-экономических исследований средневековой истории России были столь значительны, что сковывали научные возможности и тех специалистов, которые поддержали Павлова-Сильванского в его изысканиях. Показательно в данной связи восприятие концепции феодализма в России одним из талантливейших историков в предреволюционный период А. Е. Пресняковым. Он активно поддержал основные принципы и выводы исследований Павлова-Сильванского.¹⁹⁴ Под влиянием аргументов последнего признавал в 1901 г.: «Феодализм русский = феодализму западному» и собирался включить концепцию феодализма в России в свой курс лекций по русской истории на Петербургских женских курсах.¹⁹⁵ Выполняя моральный долг, Пресняков подготовил к печати книгу Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси» после внезапной кончины ее автора. Однако в дореволюционный период своего творчества ни в лекции, ни в опубликованные исследования Пресняков учение о феодализме в России не включил.

Этот историографический феномен нуждается в объяснении. С. В. Чирков предположил, что «влияние идей о „русском“ феодализме состояло в длительной внутренней разработке этих идей, в своеобразном их вынашивании и введении их Пресняковым в самый фундамент его „ученой постройки“».¹⁹⁶ По мнению В. А. Муравьева, Пресняков стал соавтором Павлова-Сильванского при издании его книги «Феодализм в удельной Руси».¹⁹⁷ Между тем продолжение концепции феодализма на Руси в творчестве Преснякова в конце 900-х гг. устанавливается более определенно. После смерти Н. П. Павлова-Сильванского, друга и единомышленника, Пресняков писал

¹⁹¹ Грушевский М. Очерк истории Киевской земли... С. 344.

¹⁹² Грушевский М. Очерк истории украинского народа. С. 102 (3-е изд. С. 108—109).

¹⁹³ Там же. С. 106—107 (3-е изд. С. 113—114).

¹⁹⁴ Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России / Подгот. С. В. Чирков // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 319—339.

¹⁹⁵ Там же. С. 326, 329.

¹⁹⁶ Чирков С. В. Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России // Там же. С. 320.

¹⁹⁷ Муравьев В. А. Материалы Н. П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Труды МГИАИ. Т. 22. 1965. С. 285.

жене: «Сильванский не увидит моей книги (речь идет о «Княжом праве». — М. С.), не будет ее разбирать, говорить о ней. Она так с ним связана. В ней много влияния его работ, его мнений. Мне приходилось очень осторожно писать некоторые места, чтобы не похитить себе иные его мнения, да и то кое-что захватил я, неизбежно. Такого сочувствующего целому и строго, горячо разбирающего все детали читателя я другого не найду. На меня точно обрушилась обязанность развивать дальше то направление работ, в котором я думал идти с ним и за ним. Я был ближе, чем кто-нибудь, к его мнениям, к его интересам».¹⁹⁸ Но концепцию феодализма по отношению к древнерусскому периоду Пресняков продолжил не непосредственно, а в трансформированном виде.

Пресняков обоснованно критиковал «догматические» начала родовой, общинной и задружной теорий. Он критиковал также договорную теорию В. И. Сергеевича, широко вошедшую в последующую литературу, которая не учитывала особенности междукняжеских отношений, объясняемых в значительной мере семейно-родственными отношениями.¹⁹⁹ Но сфера «княжого права», под которой он понимал совокупность обычно-правовых норм, относящихся к княжеской власти (князь, дружина, аппарат княжеского управления, княжеские зависимые люди), оказалась оторванной в его теории от внутреннего развития древнерусских земель-княжений, от «общего уклада народной жизни».²⁰⁰ Князья владели на основе нераздельного семейного владения (модификация родовой теории С. М. Соловьева, развитой В. О. Ключевским) не территорией, не властью, а городскими волостями или «землями-волостями». Поэтому социально-политический прогресс, связанное с ним появление княжеского и боярского землевладения оказывались процессом развития сверху.

Вместе с тем Пресняков вернулся к мысли о политическом единстве древнерусских земель до середины XI в. и его последующем распаде. Теория княжеского владения волостями больше связывала княжескую власть и волости, чем авторитетные тогда концепции В. И. Сергеевича, В. О. Ключевского, П. Н. Милокова и др. Мысль о росте значения городского веча по мере увеличения самостоятельности городов с XI в. продолжала наблюдения Ключевского и противостояла широко распространенным мнениям, восходящим к общинно-вечевой и земско-вечевой теориям, о вече как непрерывно действующем с древности до XII в. органе народовластия и народоправства. Принимая уже традиционную для русской литературы конструкцию «городовой волости», он лишил ее практического значения, настаивая на том, что невозможно вывести строй городских областей «из племенного быта как продукта его органической эволюции», и в то же время восстанавливая в науке разрушенные представления о «городовых волостях» определения Руси X—XI вв. как «Киевского государства», «Киевской державы». Большую роль играли обобщения Преснякова в конкретном анали-

¹⁹⁸ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 193, оп. 2, д. 9, л. 208—208 об.

¹⁹⁹ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909. С. 1—25.

²⁰⁰ Там же. С. VI.

зе: интеграция дружины и местной знати, формирование боярского сословия, дружина как источник кадров аппарата княжеского управления и княжеского господского хозяйства, дружина как «историческое зерно» военнослужилого сословия, начало землевладения дружинников уже в XI в., формирование тогда же боярства как «класса с самостоятельным общественным и экономическим положением», развитая система княжеского, боярского и церковного землевладения в XII в. и многие другие наблюдения.

Концепция «княжого права» свидетельствовала о потребности вырваться из описательности и частичного анализа к сущности явлений за древнерусскими названиями общественных институтов и категорий. В этом А. Е. Пресняков был очень близок Н. П. Павлову-Сильванскому и его концепции феодализма на Руси. В таком контексте содержание теории «княжого права» раскрывается как переосмысленная теория феодального строя, понимаемого в иерархических и правовых отношениях «союза княжой защиты», продолжающая наблюдения А. Хальбана-Блюменшток и Г. Бруннера.²⁰¹ Ранее об отношениях защиты как «широко распространенных в дофеодальную и в феодальную эпоху» писал Н. П. Павлов-Сильванский. Он подразумевал под ними вассальный договор, патронат-закладничество, «одинаковое с западноевропейской коммендацией» или с «муидебуром». Павлов-Сильванский относил к союзу защиты и «дружинно-вассальный союз».²⁰² Поэтому понятия опасения Преснякова незаметно для себя заимствовать идеи своего друга и предшественника.

Научный анализ Преснякова, как и Павлова-Сильванского, закладывал в «петербургской школе историков» основы изучения общественно-политического строя древней Руси как феодального. Это мнение находится в основе его концепции собирания московскими князьями не земель, а власти (в монографии «Образование великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий», опубликованной и защищенной в качестве докторской диссертации в 1918 г.). Оно раскрывает свое содержание в понимании «феодализма» как ослабления центральной власти. Вместе с тем представляется, что отказ Преснякова от понятия «феодализм» был в этот период осознанным. Объясняется он прежде всего степенью разработанности учения о феодальном строе в русской историографии начала XX в. Оно охватывало лишь часть социально-экономического и политического строя в России XIII — первой половины XVI в. К тому же период до XIII в. воспринимался еще как нефеодальный, дофеодальный, общинно-вечевой.

О стойкости сложившихся к началу XX в. стереотипов в изучении общественно-политического строя Древней Руси и о сложности их преодоления можно судить по отзыву талантливого представителя младшего поколения историков Ф. В. Тарановского на последнее по времени издание «Древностей русского права» старейшего и наиболее крупного представителя русской историко-правовой науки В. И. Сергеевича. Тарановский полностью принимал мнение Сергеевича о вечевом строе Руси, о городских волостях и договорах, которые регулировали их отношения с князьями, об исходном делении свободных

и рабов, последующем развитии рабства, отсутствии в Древней Руси сословий, свободном населении русских княжеств как однообразной массе, разные слои которой отличались один от другого достоинством, а не правами и обязанностями.²⁰³ Поэтому Тарановский решительно заявлял: «Старая концепция древней Руси как единого государства Российского похоронена окончательно <...>».²⁰⁴ Отзыв Тарановского свидетельствует о твердости убеждений в среде младшего поколения историков в начале XX столетия в нефеодальном характере общественно-политического строя на Руси X—XII вв., хотя тот же Тарановский одним из первых активно поддержал мнение Павлова-Сильванского о феодализме на Руси XIII — первой половины XVI в. Вместе с тем он отметил как недостаток отсутствие более широких проблем в изучении феодальной системы — ее становления, сословности, определения экономических факторов, под которыми он понимал прежде всего вотчинное хозяйство и управление.²⁰⁵ Вместо тезиса Павлова-Сильванского об «окняжении» земли до ее «обояривания» Тарановский предположил иное развитие феодализма — «переход от феодализации недвижимой собственности к феодализации власти».²⁰⁶ Он исходил из мысли, согласно которой без вотчины нет феодалов, а без феодалов — феодализма. Впрочем, эти критические замечания упреждали последовательность работ Павлова-Сильванского, который готовил обстоятельное исследование «боярщины» XIII—XVI вв. (с экскурсами в XI—XIII вв.), охарактеризованной как феодальная сеньория. Существенным было предложение Тарановского искать начала феодальной сословности в вотчинном хозяйстве и управлении, что предполагало дальнейшее развитие принципов изучения генезиса феодализма на Руси, впрочем, ограниченно — вне системы общественного производства и процесса классовобразования. Таким образом, достоинством Тарановского явилось стремление положить в основу изучения феодального строя экономические процессы, но недостатком — узость их понимания, вне всей системы социально-экономических отношений.

В 900-е — начале 10-х гг. XX в. теория Павлова-Сильванского о феодализме в России XIII—XVI вв. все больше находила распространение в историографии, но при этом не привлекалась к изучению общественного строя Руси X—XII вв.

П. Н. Милкоков, ученик Ключевского, популярный в среде либеральной интеллигенции 90-х гг. исследователь, в 900—10-е гг. видный политический деятель, лидер кадетской партии, первоначально продолжил в интерпретации древнерусского периода линию Соловьева-Ключевского, а также Чичерина, но при этом довел особенности исторического развития России и Запада до контраста.²⁰⁷ Под влиянием аргументов, приводимых Павловым-Сильванским, Милкоков ввел значительные коррективы в интерпретацию характера русского зем-

²⁰³ Тарановский Ф. В. Отзыв о сочинении В. И. Сергеевича «Древности русского права». Т. 1. 1909 г.; Т. 2. 1908 г. (Изд. 3-е). Юрьев, 1911. С. 7, 12—14, 22—24, 45—68.

²⁰⁴ Там же. С. 70.

²⁰⁵ Тарановский Ф. В. Феодализм в России. Варшава, 1902. С. 7—15.

²⁰⁶ Там же. С. 35—36.

²⁰⁷ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 517—520; Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии... С. 155—204; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен... С. 564—576.

²⁰¹ Там же. С. 218—220.

²⁰² Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 104—107.

левлания XIII—XV вв. Он признал существование феодального строя в русской средневековой истории, однако, сведя «родовые черты» феодализма к неопределенной характеристике «совмещения политического и частного господства сильного, политического и частного подчинения слабого»,²⁰⁸ он подчеркивал российские особенности в «видовом смысле». Как результат такого исследовательского приема Миллюков предложил не называть «русский вариант» феодализмом. Формально признавая феодальный строй в русской истории, он фактически продолжал его отвергать. Подход Миллюкова к концепции феодализма в России был близок профессору Московского университета В. Н. Сторожеву (Стороженко).²⁰⁹

Наряду с такого рода опровержениями или частичным признанием выводов Павлова-Сильванского в либеральном направлении русской историографии отмечается и активная их поддержка.

Соглашаясь с наблюдениями Павлова-Сильванского, популярный в демократических и либеральных кругах М. М. Ковалевский обратил внимание на распространение феодальных институтов в странах средневекового Востока. Впервые в русской литературе он поставил вопрос о феодализме как всемирном явлении. Другой важнейшей темой, затронутой Ковалевским, явилась типология феодализма в европейских странах, установление степени законченности процессов феодализации.²¹⁰ Полностью принял методы и выводы Павлова-Сильванского В. В. Филатов. Их особое значение он видел в преодолении противопоставления России и Запада, при этом признавал и заслуги марксистов в разработке вопроса о «единстве западной и русской истории». Впрочем, Филатов обвинял марксистов в априорном подходе к постановке этой проблемы.²¹¹ Поддерживая основные наблюдения Павлова-Сильванского, И. И. Бороздин тонко подметил в них преобладание статичности над динамикой, сравнение институтов вне их исторического развития, а главный недостаток — в том, что устанавливаемые черты сходства не могут служить основанием для решения вопроса во всей полноте.²¹² Все это свидетельствовало о неудовлетворенности решением проблемы Павлова-Сильванским среди наиболее проникательных его сторонников в либеральном направлении русской историографии.

Н. И. Кареев считал доказанными основные выводы о феодализме на Руси XIII—XV вв.²¹³ Однако сведение феодального строя к отдельным «элементам» сняло для Кареева проблему генезиса феодализма в целом. С другой стороны, восприятие феодализма как статичной модели, неумение увидеть за исчезновением и появлением

²⁰⁸ Миллюков П. Феодализм в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 35. СПб., 1902. С. 548.

²⁰⁹ Сторожев В. [Рец. на кн.:] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси // Образование. 1908. № 3. С. 118—120.

²¹⁰ Ковалевский М. [Рец. на кн.:] Феодализм в древней Руси Н. П. Сильванского // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 294—298.

²¹¹ Филатов В. В. [Рец. на кн.:] Н. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси // Вестник воспитания. 1908. № 6. С. 51—54.

²¹² Бороздин И. [Рец. на кн.:] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси // Современный мир. 1908. Февр. С. 104—105.

²¹³ Кареев Н. В каком смысле... С. 28—143.

«элементов», изменением их внешних форм сущности развития феодального строя привели Кареева к противопоставлению понятий «феодализм» и «крепостничество».²¹⁴ Поэтому Кареев допускал, что возможно в дальнейшем «при необходимости» заменить термин «феодализм» каким-либо другим и даже разрушить самое понятие феодализма как некоторой общей схемы, цельного и определенного строя. Теоретическим основанием такой мысли являлся метод установления тождеств, сходств и различий отдельных сторон и явлений социальной жизни. При таком подходе понятие «феодализм» Кареевым формализовалось как «условные термины и искусственные конструкции»,²¹⁵ не воспринимаемые как объективное отражение в научном познании исторической действительности. Поэтому среди русских ученых появилось суждение, согласно которому феодализм «как система» и на Западе существовал более в теории, чем на практике.²¹⁶

Сведение феодализма на Руси к совокупности институтов или элементов также вело к принципу «больше-меньше» в их сравнении с феодальным строем в странах Западной Европы. Отсюда упрек М. М. Богословского Павлову-Сильванскому в «слишком ярком и слишком стройном» описании «русского феодализма», тогда как он был, по мнению Богословского, «бледным и именно мало оформленным явлением сравнительно с западным».²¹⁷ Такой подход к изучению феодализма даже при его признании становился реальным основанием для представлений о неразвитости феодализма на Руси вместо его типологии или для его отрицания.

Широкое обсуждение работ Павлова-Сильванского показало, что передовая часть либерального направления поддержала его сравнительно-исторические методы и основные выводы. Они совпали по содержанию с прогрессивным направлением историографии, которое в основе развития феодального строя видела не политические, а социально-экономические факторы. Установление последних вело к преодолению давнего европоцентристского подхода к феодализму и установления феодализма как всемирно-исторического явления. Это мнение в России уже в 1902 г. было проведено редколлегией «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, что выражалось в содержании статьи «феодализм». Авторами разделов статьи, кроме Миллюкова, являлись выдающиеся русские медиэвисты И. М. Гревс, Д. М. Петрушевский, В. К. Пискорский, Н. И. Кареев и др.

Официальным признанием концепции Павлова-Сильванского в историографии стало ее включение в основные курсы лекций по русской истории в Петербургском и Московском университетах, хотя профессора С. Ф. Платонов в Петербурге и М. К. Любавский, ученик и преемник Ключевского на университетской кафедре, в Москве сопрягали ее с прежними представлениями о социально-политическом строе Руси в «домонгольский» (IX—XII вв.) и «удельный» (XIII—XV вв.) периоды. В частности, в продолжение теории

²¹⁴ Там же. С. 47.

²¹⁵ Там же. С. 143.

²¹⁶ Там же. С. 30—31, 114.

²¹⁷ Богословский М. М. [Рец. на кн.:] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси // Критическое обозрение. Вып. 3. Б. м., 1908. С. 41.

Соловьева—Ключевского и Чичерина Любавский сохранил идеи колонизации и особой роли государства в борьбе со степью, что, по его мнению, задерживало развитие «феодализма», понимаемого им как «раздробление государственной власти и соединение ее с землевладением», как феодальная иерархия.²¹⁸

Отсюда следует, что при появлении концепции феодализма на Руси сразу же наметилась тенденция к ограничению ее содержания, а не к раскрытию феодального общественного строя в целом. В соответствии с позитивистскими принципами таким образом понимаемый «феодализм» мог варьироваться в сочетании с любым составом предполагаемых исследователями социальных институтов и общественных отношений в зависимости от мнений авторов, но без объективных критериев. Между тем представления о феодальных институтах в русской средневековой истории настолько утвердились в историографии, что П. И. Беляев, отмечая в XI—XIII вв. господские землевладельческие хозяйства с зависимым населением, «распорядительные сделки» с XII в. «над зависимым населением как над принадлежностью земли» — холопами и смердами, без колебаний характеризовал их как «древнерусскую сеньорию».²¹⁹

Приват-доцент Московского университета Б. И. Сыромятников в 1909 г. переосмыслил традиционную для историографии схему исторического развития России в пределах представлений о движении от «непосредственной демократии» к правовому государству, включая феодальный период. «Древнерусская демократия» или земский период с определяющими отношениями веча и князя длились, по его мнению, до конца XII в. Удельный или феодальный период XIII—XV вв. характеризовался, по Сыромятникову, «чрезвычайным дроблением» и частноправовым характером политической власти, вотчиной-сеньорией, «управлением на началах кормления» и отношениями «вассалитета-сюзеренитета». Последующее развитие России заключалось в «сословно-феодальной» Московской монархии XVI—XVII вв., в дворянско-крепостническом строе и полицейском государстве XVIII — первой половины XIX в.²²⁰ В этой схеме легко узнается историческая концепция кадетской партии, основанная на противопоставлении земства государству: от общинно-вечевого или земско-вечевого строя в Древней Руси, удельного княжества, вотчин-

²¹⁸ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. 6-е изд. СПб., 1909. С. 59—61, 73, 91—97, 117—118 (об этом же писал Платонов в последующих изданиях «Лекций»); Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1916. С. 71—181. Показательно, что Платонов поддерживал исследования Павлова-Сильванского о феодализме в России в процессе разработки и рекомендовал их графу С. Д. Шереметеву (Чирков С. В. Н. П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме. С. 614, 615), обоснованно не видя в них угрозу исторической науке.

²¹⁹ Беляев П. И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение // ЖМЮ. 1916. № 9. С. 147—149, 153.

²²⁰ Сыромятников Б. И. История верховной власти в России // Критическое обозрение. 1909. Вып. 4. С. 6—9. В 1905—1906 гг. Сыромятников отражал в печати интересы кадетской партии, а после поражения революции 1905—1907 гг. стал сближаться с октябристами; в 1903—1911 гг. он работал над диссертацией «Происхождение феодальных отношений в древней Руси», но она не была завершена (Муравьев В. А. Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в древней Руси // История и историки, 1973. М., 1975. С. 130—133).

ного государства или феодализма в XIII—XV вв., через самодержавие и полицейское государство к конституционному государству.

А. А. Кизеветтер уже к «племенным княжествам доваряжского периода» возводил строй «старших городов» и пригородов. IX—X вв. характеризуются им «глубоко архаическим духом». Князь, по его мнению, «сидит на княжение для того, чтобы получать корм с населения за свои правительственные услуги». И позднее князья не были связаны социально-экономически с «областью», так что Кизеветтер, подобно Ключевскому, писал о них: «<...> осев на русской равнине, они продолжали в пределах этой равнины постоянно перемещаться из области в область, со стола на стол». Политическую структуру «области» наряду с князем составляет, по его мнению, «вечевая сходка стольного города» — собрание всех свободных горожан с полновластной законодательной силой «вечевых решений». Кизеветтер считал политически равноправными власть веча и князя, отношения между которыми регулировались договором.²²¹ Древнерусское княжество X—XII вв. представляло собой для него «первобытную, грубо-зачаточную форму политической организации». Поэтому он охарактеризовал кормление княжеских должностных лиц как «вознаграждение за свои правительственные действия непосредственно от управляемого населения».²²² Возникновение «удельного порядка» Кизеветтер связывал, вслед за давней историографической традицией, с деятельностью северо-восточных князей XII—XIII вв. и разделением княжеского рода на многочисленные ветви. Удельное княжество XIII—XIV вв. характеризовалось Кизеветтером переселениями свободного населения от князя к князю, которые «сидят на месте».²²³

Историческая теория Кизеветтера, сложившаяся под значительным влиянием Ключевского, не предполагала феодализм в русской истории. Однако кадетская по политической направленности историческая концепция при обосновании политической теории могла включать «феодальный быт», который был «слабее», чем западноевропейский (вновь субъективный принцип «больше-меньше» вместо типологии).²²⁴

Между тем источниковая основа исследований оставалась еще мало изученной. Интенсивная публикация источников, прежде всего усилиями Археологической комиссии и губернских ученых архивных комиссий,²²⁵ делала широко доступными тексты юридических и нарративных памятников. Однако методы их источниковедческого исследования, археологической подготовки до конца XIX в. были

²²¹ Муравьев В. А. Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского: («История и современность», «Революция и русская историография») // История и историки, 1972. М., 1973. С. 340—342 и след.

²²² Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России, IX—XIX ст. М., 1901. С. 6—11.

²²³ Там же. С. 13—14.

²²⁴ Миллюков П. «Исходные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 3—5, 20—23 (цензурное разрешение от 4 сентября 1905 г.).

²²⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М., 1960. С. 595—614; Там же. Т. 3. М., 1963. С. 577—586; Библиографический указатель изданий Археологической комиссии, 1836—1936: (К 150-летию Археологической комиссии) / Отв. сост. А. Ф. Тутова. Л., 1985.

несовершенными. Восприятие летописных текстов как сводов предшествующих летописных и нелетописных произведений так же было ограниченным и часто неверным без учета предшествующей истории летописей в редакциях и списках как историко-литературных памятников. Актовый материал был мало изучен как по видам, так и по внутренней структуре, особенно частные акты. В Русской Правде, несмотря на длительность ее научного изучения, не были источниковедчески доказательно выделены основные группы списков, определено их временное соотношение.

Положение в изучении источников по истории феодального строя в России стало существенно меняться лишь на рубеже столетий. В трудах А. А. Шахматова начал осуществляться принцип историзма в исследовании летописных сводов — анализ текста и его истории, во всех его изменениях.²²⁶ На самом высоком в мировой исследовательской практике уровне он изучал историю летописания XI—XV вв., рассматривая его как систему летописных сводов, их редакций и списков, что позволяет квалифицировать такой подход как системный.²²⁷ На этой источниковедческой основе был поднят на значительную высоту уровень археографической подготовки публикуемых летописей. Такая методика позволяла рассмотреть их как историко-литературные произведения, раскрыть их идейные связи с политической жизнью страны.²²⁸

Значительные успехи в русской дипломатике были достигнуты в начале XX столетия А. С. Лаппо-Данилевским, в чьем творчестве отразились как методологические искания в неокантианстве, так и положительные результаты в теории и практике исследований средневековых русских грамот, прежде всего частного акта — основного вида массовых источников для изучения феодального строя в России.²²⁹

Как уже отмечалось, концепция Павлова-Сильванского о феодализме в древней Руси стала важным фактором, активно воздействовавшим на последующее развитие отечественной историографии. Сложным было взаимодействие ее идей с марксистским направлением в исторической науке.

²²⁶ Лихачев Д. С. Введение // История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 23.

²²⁷ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 37.

²²⁸ Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов, 1864—1920. М.; Л., 1947. С. 253—293.

²²⁹ В историографии изучены позитивистские и неокантианские философские основы в творчестве А. С. Лаппо-Данилевского, показан его вклад в развитие русской исторической науки, в частности — дипломатики: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 502—504; Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды Юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 50, 52—54; Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978. С. 110—145; Ковальченко И. Д., Шикло А. Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века: (Итоги и задачи изучения) // ВИ. 1982. № 1. С. 28—30; Киреева Р. А. Неопубликованные труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской историографии // История и историки, 1978. М., 1981. С. 214—233; Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии... С. 140—154.

Н. А. Рожков являлся профессиональным историком, учеником В. О. Ключевского. Он был активным деятелем Российской социал-демократической рабочей партии, присоединяясь то к большевистскому, то к меньшевистскому ее направлению. В дореволюционных трудах Рожкова отразились традиции научной школы Ключевского и стремление переосмыслить их по-марксистски.

Для экономики Киевской Руси (с VI до конца XII в.) Рожков считал основной отраслью «добывающую промышленность» — охоту, пчеловодство и рыболовство (вслед за Ключевским). Он допускал также существование земледелия и скотоводства с преобладанием последнего, но придавал им меньшее значение, чем «добывающей промышленности». Ремесла, по Рожкову, были ничтожны даже в сравнении с малоразвитым сельским хозяйством. Внутреннюю и внешнюю торговлю на Руси он считал значительно менее развитой, чем Ключевский. В результате Рожков пришел к выводу о «чисто натуральном» характере народного хозяйства Киевской Руси. Так он конкретизировал в применении к русской истории широко распространенный в западноевропейской литературе тезис о господстве натурального хозяйства в период средневековья. Из натурального характера экономики Рожков делал вывод о неразвитых формах коллективного хозяйства и землевладения до XII в. Поэтому он видел в древнерусской верви кровнородственный союз, который позднее распался, по его мнению, с увеличением населения и возрастанием роли земледелия. В отличие от многих авторов он начинал княжеское и боярское землевладение не с XII в., а с X—XI вв., но причину его появления видел во внешней торговле, в чем проявились поиски не внутренних закономерностей, а внешних факторов в образовании господской земельной собственности. Поэтому форму мобилизации земельной собственности он находил в сфере деятельности «капитала», образующегося в результате торговли. Владельцы «капитала» могли купить рабов-холопов для обработки земель и ссужать деньги под условия отработок при эксплуатации полусвободных закупов. Но господские хозяйства, основанные на эксплуатации рабского и полусвободного труда, по Рожкову, были лишь незначительным элементом, тогда как «главная масса земли» принадлежала свободному сельскому населению — смердам.²³⁰

С такими представлениями об экономическом строе Руси до XII в. совмещался тот стереотип общественно-политического строя Руси этого периода, который сложился в русской историографии второй половины XIX в. Социальная структура, по Рожкову, делилась на свободных, полусвободных и рабов или несвободных. Отмечая в Киевской Руси начало образования «экономических классов» по профессиям и «обмену хозяйственными благами», отрицая сословия, Рожков видел на Руси до XII в., подобно многочисленным предшественникам, дифференцированное, но неантагонистиче-

²³⁰ Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории: (Краткий очерк экономической истории России). 2-е изд. М., 1904. С. 7—15; *Его же*. Обзор русской истории с социологической точки зрения. 2-е изд. Ч. 1: Киевская Русь (с VI до конца XII века). М., 1905. С. 16—43; *Его же*. Исторические и социологические очерки. Ч. 1. М., 1906. С. 102—132.

ское общество. Поэтому, когда Рожков поставил вопрос об образовании русского государства, по его мнению, «союза, основанного на власти, не вытекавшего из кровного родства или родового старейшинства», он не пошел дальше утверждения вечевого строя городских областей или «земель», договорных отношений веча и князя как «носителя верховной власти в Киевской Руси». Боярская дума лишь «содействовала князю в его правительственной деятельности». Но это были еще «зарождающиеся учреждения» при «полном отсутствии всякой правильной организации».²³¹

В поисках исторических закономерностей Рожков вернулся к давним уже аналогиям между Русью до XIII в., Древней Грецией и Римом, но дополнил их сравнениями с древними германцами, со средневековыми ганзейскими и итальянскими городами.²³² Эти сравнения ставили вопрос об их объективных основаниях, без чего они превращались в формальные аналогии. Но Рожков такому обоснованию значения не придавал.²³³

Для периода XIII — первой половины XVI в. Рожков также традиционно считает характерным удельный строй с вольными городскими общинами, с развитием земледелия, землевладения, образованием классов и сословий, с формированием «двух типов политических союзов» — муниципально-аристократической республики (Новгород, Псков) и вотчинно-феодального княжества или королевства (русские удельные княжества, Западная и Юго-Западная Русь). В этом развитии Рожков видел проявление «социальной динамики» (в соответствии с позитивистскими философскими понятиями О. Конта). В отличие от Павлова-Сильванского он отмечал в удельной Руси только «зародыши феодализма», понимая под последним соединение государственной власти с землевладением, крупного господского землевладения с мелким крестьянским хозяйством, бенефиции, коммундации, иммунитет.²³⁴ Причины того, что из «зародышей» «не образовался самый феодализм», Рожков рационалистически искал в изобилии незаселенных пространств на окраинах страны, куда могло уходить население при усилении гнета.²³⁵ Поэтому, по его мнению (в соответствии с концепцией государственной школы начиная с Б. Н. Чичерина), в России развился не феодализм, а самодержавие и закрепощение сословий. Ограниченное понимание Рожковым феодального строя возвращало в круг давних стереоти-

²³¹ Рожков Н. А. Город и деревня... С. 15—19; *Его же*. Обзор русской истории... 2-е изд. Ч. 1. С. 43—97.

²³² Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. 2, вып. 2: Удельная Русь. СПб., 1905. С. 161, 168.

²³³ Подобные формальные аналогии отдельных исторических явлений встречались в ранней русской марксистской литературе. Их следствием стало мнение А. А. Богданова и И. И. Скворцова-Степанова о феодализме в Месопотамии и Египте в V тыс. до н. э., о «своеобразном» «городском феодализме» в Древней Греции. Богданов и Скворцов-Степанов признавали феодализм на Руси X—XV вв., но качественно различали феодализм и крепостничество (*Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. Т. 1. СПб., 1910. С. 92, 215).

²³⁴ Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. 2, вып. 1: Удельная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI века). СПб., 1905; вып. 2.

²³⁵ Рожков Н. А. Город и деревня... С. 50—51.

пов историографии. Между тем Рожков популяризировал их в широких кругах профессионально не подготовленных читателей.²³⁶

М. Н. Покровский, ученик В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, испытал в 90-е гг. влияние легального марксизма и экономического материализма. В 1905 г. он вступил в партию большевиков, но после поражения Первой русской революции стал участником фракционной группы «Вперед» и сблизился с А. А. Богдановым. Он активно участвовал в подготовке Октябрьской революции и стал одним из организаторов советской науки в 20-е — начале 30-х гг.²³⁷

Путь идейных исканий Покровского был сложным, и это отразилось на его понимании феодального строя в России. В обобщающем труде «Русская история с древнейших времен» (1910—1912 гг.) он исходил из трех основных «признаков» феодализма: 1) господства крупного землевладения в сочетании с мелким хозяйством; 2) связи политической власти с землевладением — в феодальном обществе каждый землевладелец был в той или иной степени государем, а государь — крупным землевладельцем, 3) иерархии землевладельцев.²³⁸ Понимая таким образом феодализм, продолжил идеи Н. П. Павлова-Сильванского, но были они восприняты более узко. Это был феодализм без феодалов, с определяющим значением крупного землевладения и внеэкономического принуждения в господском хозяйстве. Покровский по-новому для русской историографии второй половины XIX — начала XX в. поставил вопрос о происхождении феодализма в России. Подобно многим западноевропейским исследователям и П. Г. Виноградову, он рассматривал его как следствие разложения родоплеменных отношений, «первобытного общественного строя». Опыт просветительской и романтической историографии в изучении становления феодализма при этом не учитывался. Он был, вероятно, к тому времени забыт.

Наблюдений, уже накопленных русской исторической наукой, было достаточно, чтобы утверждать, что «первобытный общественный строй» — пройденный для Древней Руси исторический этап. Поэтому Покровский не противопоставлял древнерусский период последующей истории России, а утверждал единство их общественного феодального строя как всеобщего исторического явления. Такая постановка проблемы явилась основанием для резкой критики Покровским предшествующей литературы, которая стремилась доказать, что «в истории России все было „своеобычно“, оригинально и непохоже на историю других народов», отрицала «существование феодализма в России».²³⁹

Новая постановка проблемы феодализма на Руси XI—XII вв. требовала новых методов раскрытия прежде всего социально-экономических и политических отношений. Но Покровский пошел путями, проложенными предшествующей исторической наукой. При этом, следуя, впрочем, методу В. И. Сергеевича, он не придавал особого зна-

²³⁶ Рожков Н. Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования. 2-е изд. М., 1904. С. 10—40.

²³⁷ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен... С. 725—728.

²³⁸ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева. М., 6. г. С. 65, 67.

²³⁹ Там же. С. 64.

чения различиям привлекаемых источников во времени, от XI до XVII в.,²⁴⁰ используя их в равной мере по отношению ко всему обширному периоду средневековья, что лишало его выводы историзма.

В соответствии с «признаками» феодализма Покровский видел в боярах XI—XIII вв. прежде всего крупных землевладельцев, но причину появления крупного землевладения он указал не во внутренних закономерностях, а в насилии.²⁴¹ Западно-европейской историографией (а в русской — Павловым-Сильванским) уже был поставлен вопрос о судьбах общины при феодальном строе. Покровский определил основной тип общины до XVI в. не как соседскую, подобно И. Д. Беляеву и другим, и не родовую, подобно М. М. Ковалевскому и Н. А. Рожкову, а вслед за А. Я. Ефименко — как неразделенную большесемейную общину — «печище» или «дворище»; вервь XI—XII вв. он характеризовал как «родовой союз». Но такое их понимание приводило Покровского к установлению причин развития общины не в развитии производительных сил, а во внешних проявлениях «выделов» и «земельной тесноты».²⁴²

Исходя из феодальной природы социально-экономического строя Руси XI—XIII вв., Покровский показывал смердов как «юридически свободное» сельское население, находящееся под данью князя,²⁴³ закупов как задолжавших крестьян, но не «сельский пролетариат», поскольку у них было «какое-то собственное хозяйство».²⁴⁴ По отношению к низшим категориям зависимых Покровский в «Русской истории с древнейших времен» определенного мнения не высказал. Но позднее, когда он перестал писать о феодализме в Древней Руси, то пришел к мнению, вслед за Ключевским, что «древнерусское крупное землевладение опиралось на рабовладение». «В числе возможных рабовладельцев» XI—XII вв. он называл князя, боярина и монастырь. Теперь он придавал еще большее значение рабовладению и работорговле на Руси в середине IX—X вв.²⁴⁵

В понимании отношений вассалитета-сюзеренитета как службы Покровский присоединился к наблюдениям Павлова-Сильванского, распространив их на древнерусскую княжескую и боярскую дружину XI—XII вв. При этом он отмечал второстепенное значение договорных отношений, которые при формально-юридическом подходе становились главным признаком феодализма.²⁴⁶

Понятие «феодализм» Покровский распространял на поземельные и правовые отношения. Но представления о древнерусских городах, торговле, политическом строе Руси X—XV вв. остались у него на уровне стереотипов историографии. Вечевой строй городских волостей составлял основу «федеративного» и «республиканского» строя Руси. Их происхождение он объяснял большой ролью зарубежной тор-

говли и городского торгового населения, но организацию княжеской власти, занятие торговлей, строй древнерусского города он видел в вотчинном, патриархальном начале, в традиции объединений «дворищ» или «печищ». Данное толкование следовало эволюционистской мысли — город как продолжение села. Процессом разложения этих патриархальных ячеек Покровский объяснял развитие Киевского веча: от племенного веча к представителям аристократии в X—XI вв. и власти народа в XII в. Такое понимание древнерусского города предопределило его характеристику функций князя сбором дани («специально княжеская профессия») и предводительством ополчения. В городе князь был «насмным сторожем», в деревне — «хозяином-вотчинником». Строй городской Руси X—XII вв. разложился к началу XIII в., и Батыево нашествие нанесло ему окончательный удар.²⁴⁷

В середине 10-х гг. Покровский значительно социологизировал эту историческую схему: по его мнению, господин получал с закупа «прибыль на капитал», Киевская Русь «знала крупные зачатки городского хозяйства и торгового капитализма», рабовладение и работорговля составляли основу республиканских свобод городских республик XI—XIII вв.²⁴⁸

Теоретик и пропагандист марксизма Г. В. Плеханов трактовал феодализм как определенный этап всемирно-исторического развития. Пересмотрев свои взгляды народнического периода (до начала 80-х гг.), он способствовал распространению марксистских взглядов на исторический процесс, последовательно боролся против теории факторов, растворяющей основные причины во множестве их проявлений. Плеханов доказывал единство путей исторического развития России и других стран, что являлось теоретическим основанием не только для критики современных идейных направлений, но и прежних общественно-политических и исторических направлений: «теории официальной народности», охранителей — Шевырева и Погодина, славянофилов, противопоставлявших историческое развитие России и Запада.

Творчество Плеханова сохранило, однако, неизжитые идеи до-марксистского периода, которые усилились после 1905 г. Отсюда, как отметил А. Л. Шапиро, представления Плеханова о надклассовости русского самодержавия, об азиатских началах русской жизни, сравнения России XIX в. с древним Египтом, а Московской Руси — с азиатскими деспотиями. Отсюда отсутствие внимания к феодализму, который охватывал тысячелетний период русской истории. Экономический строй допетровской и даже послепетровской России Плеханов характеризовал как строй патриархальных земледельческих общин, хотя сельские общины давно стали элементом феодального общественного строя, а в недрах феодального общества с XVII в. складывался всероссийский национальный рынок.²⁴⁹ Плеханов не мог не признать, что «в русской исторической и социологической литературе начинает все больше и больше распространяться тот взгляд, что Россия тоже не миновала процесса феодализации».²⁵⁰ Но

²⁴⁰ Это обстоятельство было тотчас отмечено как недостаток Н. И. Кареевым (*Кареев Н. И. В каком смысле...* С. 112—113).

²⁴¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. С. 66, 79.

²⁴² Там же. С. 73 и след.

²⁴³ Там же. С. 131—133.

²⁴⁴ Там же. С. 81—85.

²⁴⁵ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 2-е изд. Ч. 1. М., 1917. С. 62, 67.

²⁴⁶ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. С. 87—94.

²⁴⁷ Там же. С. 95—143.

²⁴⁸ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. 1. С. 63, 250, 255.

²⁴⁹ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен... С. 691—695.

²⁵⁰ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 23. М.; Л., 1926. С. 182.

при анализе общественно-политических и исторических взглядов Белинского перед ним встал вопрос, насколько верно противопоставление Белинским Западу и России. Плеханов пришел к мнению, что «Белинский ошибался совсем не так сильно, как это может показаться на первый взгляд». Обосновывался этот вывод указаниями на различную степень интенсивности и различные исторические условия процесса феодализации, что приводило к весьма неодинаковым экономическим и политическим результатам. Но указания особенностей процесса феодализации исходили из нераскрытой сущности феодального строя, поскольку далее, в подтверждение своего мнения, Плеханов пишет о феодализме в древнем Египте, где экономические и политические последствия феодализма совсем не похожи на западноевропейские. В итоге такого сравнения он пришел к последовательному выводу: результаты процесса феодализации были наиболее благоприятны для прогрессивного развития Запада, тогда как «Восток, включая сюда и Россию, далеко уступал в этом отношении Западу».²⁵¹ Это было не увлечение в дискуссии, а непонимание природы феодализма, который Плеханов оставлял, подобно многочисленным предшественникам, Западу, что имело последствия в конкретно-историческом анализе. Обратившись к русской истории «удельной эпохи», он рассматривал ее вне феодального строя. Даже отмечая по Русской Правде общество, разделенное на классы, Плеханов следовал юридическим критериям по различию в штрафах за убийство, лишь предполагая, вслед за Ключевским, экономическое неравенство.²⁵² Допуская «процесс феодализации» в истории России, Плеханов до 1910 г. не сделал его составной частью своего исторического анализа, оставаясь в круге идей русской историографии второй половины XIX в.

Как теоретик марксизма и практик революционного движения В. И. Ленин постоянно изучал до прихода к власти руководимой им партии исторические и современные пережиточные формы феодального строя. Он рассматривал феодализм как особую стадию исторического развития человечества, не противопоставляя при этом феодальную и крепостническую «форму общественного устройства».²⁵³ Анализируя процесс развития капитализма в России, Ленин отмечал особый закон докапиталистических способов производства, включая феодальный: простое воспроизводство в господском и крестьянском хозяйстве, в ремесленном производстве,²⁵⁴ натуральное хозяйство «патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин», «феодальных поместий».²⁵⁵ Он не сводил крепостничество к господскому хозяйству, а видел в нем целостную систему отношений собственности. Поэтому для него «крепостничеством является не только помещичье, но и крестьянское землевладение».²⁵⁶

²⁵¹ Там же. С. 183.

²⁵² Там же. С. 89—90.

²⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 477.

²⁵⁴ Там же. Т. 3. С. 57.

²⁵⁵ Там же. С. 21—22.

²⁵⁶ Там же. Т. 21. С. 309.

Анализ поздних форм крупного феодального землевладения в виде барщинного крепостнического хозяйства стал для Ленина началом изучения его трансформации в капиталистическое с отменой крепостного права. Он назвал следующие основные черты такого барщинного хозяйства: 1) деление земли на барскую и крестьянскую, которая отдавалась в надел крестьянам, обрабатывалась их трудом и инвентарем, получая с нее свое содержание; то есть необходимый продукт, надел являлся средством обеспечения помещика рабочими руками; 2) работу на земле помещика крестьянским инвентарем, то есть прибавочный труд, продукт этого труда шел в пользу помещика. В качестве необходимых условий преобладания барщинного хозяйства Ленин отметил: 1) господство натурального хозяйства, 2) наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землей в частности, его прикрепление к земле, 3) личную зависимость крестьянина от помещика, 4) «крайне низкое и рутинное состояние техники».²⁵⁷ В переходный период от барщинной системы к капиталистической, объединявшей черты обеих систем, Ленин выделял такие пережиточные формы барщинного хозяйства, как отработочная система в равной мере в виде обработки господской земли крестьянским инвентарем, плата деньгами при издельном найме, плата продуктом при использовании или плата землей при отработках в узком смысле слова,²⁵⁸ мелкое крестьянское и крупное помещичье землевладение, отработки долга (хлеба или денег), либо всего долга, либо процентов по долгу, отработки штрафа за поправу или за сданную крестьянам землю, угодья и прочее в виде исполщины или в форме прямой работы.²⁵⁹ Отработки Ленин назвал в те годы хозяйственной сущностью крепостного строя.²⁶⁰ Значительные пережитки крепостнического строя он отмечал и в политическом строе России «до первых приступов к изменению его в 1905 г.» — преобладающее влияние дворян-землевладельцев на государственные дела, всевластие чиновников, которые состояли главным образом — особенно высшие — из дворян-землевладельцев,²⁶¹ «феодально-абсолютистские привилегии».²⁶²

Используя понятия «крепостничество», «крепостное право» и производные от них слова для обозначения средневекового строя и его пережитков в пореформенной России, Ленин употребляет наряду с ними понятие «феодализм». Отмечает он феодальный или крепостнический строй в других странах Европы и Азии.²⁶³ Но, говоря о русских помещиках тех лет как о «феодальных», «феодального типа», он уточняет использование слова «феодальные» — «употребим это не вполне точное, общеввропейское, выражение».²⁶⁴ Тем

²⁵⁷ Там же. Т. 3. С. 183—185.

²⁵⁸ Там же. С. 186—187; см. также: Т. 20. С. 38—39; Т. 21. С. 307; Т. 23. С. 275—276, 373.

²⁵⁹ Там же. Т. 3. С. 192 и след.; см. также: Т. 2. С. 495; Т. 19. С. 332.

²⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 495; см. также: Т. 25. С. 90.

²⁶¹ Там же. Т. 20. С. 39.

²⁶² Там же. Т. 22. С. 133.

²⁶³ Там же. Т. 19. С. 362; Т. 20. С. 188; см. также: Т. 21. С. 403—404; Т. 22. С. 155, 186; Т. 25. С. 43—44, 156, 236—237; Т. 26. С. 140, 144—146, 165—166, 312.

²⁶⁴ Там же. Т. 20. С. 188.

самым Ленин отмечает не только единство сути данных понятий, но и особенности крепостнических форм господства и подчинения в пореформенной России. При этом существовали особенности определения Лениным феодального строя как крепостничества: «во-первых, — по наблюдениям С. М. Каштанова, — это определение было наиболее понятно и бесспорно в России конца XIX — начала XX в.; во-вторых, оно лучше отражало специфику позднефеодальной России; в-третьих, термин „крепостничество“ при неизжитости политических концепций феодализма (Н. П. Павлов-Сильванский и др.) вернее передавал идею присущего этой системе „внеэкономического принуждения“, личной несвободы крестьян».²⁶⁵

Анализ истории аграрных отношений в России приобретал для Ленина особое общественно-политическое и научное значение в связи с сохранением в стране значительных пережитков крепостничества. Поэтому, решительно возражая против меньшевистского толкования аграрной программы социал-демократии в Первой русской революции 1905—1907 гг., Ленин обращал внимание на необходимость точного решения «реального исторического вопроса»: «какие виды средневекового землевладения уничтожает та или иная аграрная мера».²⁶⁶ Он отмечал, что в «крестьянской реформе облобочка феодализма (и помещичьяго феодализма и „государственного феодализма“, о котором вслед за Плехановым говорил в Стокгольме Мартынов) очень сильна».²⁶⁷ Ленин сохранил, но взял в кавычки использованное Плехановым и Мартыновым понятие «государственный феодализм».²⁶⁸ Он подчеркивал единую феодальную природу крепостного и лично свободного крестьянства при феодализме, наличие феодальной эксплуатации лично свободного крестьянства при таком строе, но сохранял понятие «государственный феодализм» в кавычках, указывая на цитирование этого понятия по отношению к феодализму в России в целом. Само понятие возражений Ленина не вызвало.

Руководствуясь таким подходом к изучению феодализма, Ленин отмечал тысячелетний период существования крепостничества в русской истории.²⁶⁹ Единство этого периода он видел не только в забитости крестьянства, но и в конкретных формах господства и подчинения. Поэтому истоки свойственной феодализму или крепостничеству отработочной системы Ленин называл в древнерусском периоде: «<...> отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабашили смердов еще во времена „Русской Правды“ <...>».²⁷⁰ Эту же мысль он приводит, обращая внимание на господство отработочной системы и ее прямую связь с социально-политическим и правовым положением эксплуатируемого крестьянства в

продолжение тысячелетнего периода, со времени «Русской Правды».²⁷¹ В дискуссии с либеральным народником Н. К. Михайловским в 1894 г. Ленин еще допускал «родовой быт в древней Руси»²⁷² в соответствии с широко распространенными тогда теориями. Это была обычная для того времени характеристика в рамках концепции происхождения государства в России,²⁷³ терминологически связанная с родовой теорией С. М. Соловьёва.

²⁷¹ Там же. Т. 3. С. 314.

²⁷² Там же. Т. 1. С. 153.

²⁷³ Там же. С. 153—154; см.: Сахаров А. М. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России // ВИ. 1960. № 4. С. 77—93; *Его же. Ленин об основных этапах развития Русского государства (до отмены крепостного права)* // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 302—316; *Его же. Работа В. И. Ленина над источниками по русской истории* // ВИ. 1970. № 4. С. 152—164; *Мавродин В. В. Феодальная Россия в трудах В. И. Ленина* // Там же. С. 165—182; *Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен...* С. 209—234; *Черепнин Л. В. Вопросы методологии...* С. 25—53; *Чистякова К. В., Мальцева И. Ф. Ленинская концепция истории России периода феодализма*. М., 1985; и др. Здесь и далее рассматриваются по преимуществу новые наблюдения Ленина над процессами генезиса и развития феодализма на Руси.

²⁶⁵ Каштанов С. М. Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и историки, 1974. М., 1976. С. 152—153.

²⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 309.

²⁶⁷ Там же. С. 310.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же. Т. 25. С. 237.

²⁷⁰ Там же. Т. 3. С. 199. О закабалении крестьян-«смердов» в XI в., как и «свободных» русских крестьян в XX в., см. также: Там же. Т. 15. С. 131.

ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛИЗМА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. **Историография конца 10-х — начала 30-х гг.** В конце 10-х — 20-е гг. проблема общественного строя Древней Руси оставалась на периферии исторических исследований. Шла гражданская война, затем восстановление народного хозяйства. В новых условиях советского государственного строя во главе с правящей Коммунистической партией необходимо было осмыслить и обобщить исторический опыт развития страны нового и новейшего времени, опыт революционного движения. Историки по-разному реагировали на революционные изменения в России. Одни из них эмигрировали и стали противниками Советской власти (П. Н. Мильков, П. Б. Струве и др.). Другие остались, но вскоре умерли, не выдержав общественных потрясений, тяжелых жизненных условий во время гражданской войны. Третьи — большинство историков — остались в России. Среди них А. А. Шахматов, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, С. В. Рождественский, Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, В. В. Струве, И. М. Гревс, С. В. Бахрушин, М. К. Любавский, М. М. Богословский, С. Б. Веселовский, Б. И. Сыромятников и многие другие. Они приняли активное участие в деятельности научных и учебных учреждений при Советской власти.

Несмотря на сложнейшие общественно-политические и бытовые условия, исследователи и политические деятели возвращались к древнейшему историческому прошлому, в частности к характеристике общественного строя средневековой Руси и ее древнерусского периода. Их научные подходы и исследовательские характеристики при этом весьма существенно различались.

В. И. Ленин, являясь руководителем государства и идеологом правящей партии, уделял внимание популяризации марксистских взглядов на феодализм и тем его пережиточным формам, с которыми приходилось встречаться в процессе строительства новых общественных отношений.

В лекции «О государстве» (1919 г.) Ленин изложил в популярной форме марксистскую концепцию смены общественно-экономических формаций — от родового строя к рабовладельческой, крепостнической и капиталистической формациям.¹ В соответствии с традициями русской научной лексики того времени и, видимо, для большей доступности слушателям самой различной подготовки в

Коммунистическом университете он использовал понятие «крепостническая» для обозначения феодальной формации.

Определяя рабство, Ленин выделял в нем «основное» в реальном и правовом положении то, «что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми. Римский закон рассматривал их как вещь».² Излагая последующий путь исторического развития, он пишет о переходе «от первобытных форм рабства к крепостничеству».³ При крепостном праве «крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности». В качестве основного признака крепостного права Ленин указывал прикрепление крестьян к земле.

Обобщая опыт работы в тех регионах России, где господствовали еще докапиталистические отношения, Ленин писал: «Ясно также, что угнетенные массы, эксплуатируемые не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе, могут применять это оружие, этот вид организации и в своих условиях (курсив наш. — М. С.)».⁴ Тем самым он отметил в практике феодальных отношений в системе государства.

Ленин использовал для анализа социальных структур понятие «уклад».⁵ Но уклады в общественном строе представляли собой не простую сумму различных экономических систем, а совокупность экономических отношений предшествующих формаций. Ленин подчеркивал необходимость учитывать качественно новые связи и отношения предшествующих экономических укладов во всей системе данного строя. Поэтому он указывал на особое значение в многоукладной социально-экономической структуре ведущего способа производства.⁶

Наблюдения Ленина над древнейшими периодами истории человечества, в частности России, были обобщениями теоретика, профессионально подготовленного на отечественном и зарубежном исследовательском опыте, практика революционного движения. В условиях демократического развития общества эти наблюдения могли стать началом последующих размышлений и научных разысканий, но в условиях тоталитарного строя они были канонизированы, «отредактированы» и приспособлены к идеологии сталинского режима, равно как и в постсталинский период они являлись материалом для манипуляций цитатами.

На начальном этапе советского периода изучение проблемы становления и развития феодального строя на Руси происходило по направлениям, отличным от ленинских подходов.

Внешне наиболее решительно пересмотрел общую концепцию своих дореволюционных работ Н. А. Рожков. Изучая историю России сравнительно-исторически, в контексте всемирно-исторического процесса, он устанавливал на Руси в VI — середине X в. родопле-

² Там же. С. 74—75.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 75—76.

⁵ Там же. Т. 41. С. 244.

⁶ Там же. Т. 43. С. 158.

⁷ Там же. Т. 45. С. 84.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 68—72.

менной строй или «дофеодальный» период, в X—XII вв. — феодальную революцию, в XIII — начале XIV в. — феодализм на Руси и в XIV — первой половине XVI в. — падение феодализма.⁸ Но за этой новой формой скрывалось старое содержание в понимании исторического развития средневековой Руси в целом и феодального строя в частности.

Рожков по-прежнему считал, что до X в. в экономике древнейшей Руси господствовала «добывающая промышленность» — охота, рыболовство, скотоводство, пчеловодство. Существовали земледелие и торговля, но они имели второстепенное значение. В обществе без сословий он видел лишь экономические различия, которые отождествлял с классовыми.⁹ Он отмечал у восточных славян племена как форму политической организации до IX в., в IX—X вв. — «племенные княжества» и «княжество варяжское», где основной политической силой было вече на фоне «политической аморфности» княжеской власти, дружины, думы.¹⁰ При понимании феодализма как определенного сочетания социально-экономических признаков этот период характеризовался Рожковым как «дофеодальный». Аналогии ему он указывал у германцев до IV—V вв. н. э., в Англии до конца V в. н. э., в Аравии 1000 г. до н. э. — VI в. н. э., в Греции XI—VIII вв. до н. э., в Древнем Риме и Италии 1000 г. — VI в. до н. э., в Египте 5000—2900 гг. до н. э., в Месопотамии — до 3000—2500 гг. до н. э. и т. д.

В период «феодальной революции» на Руси X—XII вв. Н. А. Рожков отмечал преобладающее значение охоты, пчеловодства, рыболовства, возрастающую роль скотоводства, а также «огромные успехи» земледелия. К этому периоду он относил некоторые достижения «обрабатывающей промышленности» и значительное сокращение торговли, что вело к господству в XII в. натурального хозяйства.¹¹ В этих изменениях он видел «экономическую революцию», которая стала причиной роста со второй половины X в. княжеского, боярского и монастырского землевладения. Вслед за В. О. Ключевским Рожков указывал на рабовладение как основной источник рабочей силы в господских хозяйствах. Отсутствие объективных критериев в характеристиках категорий зависимого населения вело его к неопределенным оценкам их социально-правового положения (кроме рабов) как несвободного и полусвободного.¹² К X—XII вв. он отнес более резкое обозначение «экономических классов», но и в них ему виделись «разделение общества на группы по хозяйственным признакам» и лишь «зародыши сословного, правового, юридического деления общества».¹³ Признавая большое значение в данный период, Рожков, в отличие от сторонников теорий общинно-вечевого или земско-вечевого строя Руси, указывал в нем лишь «первоначальный зародыш» политического «учреждения». Деятельность кня-

зей он считал малоразвитой, несложной, проникнутой по преимуществу фискальными началами.¹⁴ При неразвитости этих институтов Рожков видел в вече и князе носителей верховной власти.¹⁵

В подобных характеристиках социально-экономического строя, в мнении об отсутствии «всякой правильной организации» центрального управления в Киевской Руси, в указании города и его волости или «земли» как основной административной единицы, полагая Русь X—XII вв. «русским государственным союзом», Рожков не пошел дальше дореволюционных либеральных теорий, отличаясь от них лишь большей архаизацией политических учреждений. «Феодальная революция» оказывалась у Рожкова без феодальных общественных отношений, без феодалов и феодально зависимых, лишенной конкретно-исторического содержания. Понятие «социальная революция» стало для него данью фразеологии революционной поры. Следствие такого подхода сделало возможным соотнесение Рожковым общественного строя Руси X—XII вв. не только с Литвой до начала XV в., франкским королевством VI IX вв., Англией середины V—конца IX в., а также с другими европейскими и азиатскими странами периода становления феодализма, что при научно обоснованном сравнительно-историческом анализе могло бы стать базой для плодотворных размышлений, но и с Индией 1000 г. — конца III в. до н. э., Египтом четвертого тысячелетия до н. э., Шумеро-Аккадским царством и Вавилоном 2800—2500 гг. до н. э., Древней Грецией 3 тыс. — первой половины 2 тыс. до н. э. и др. Для Рожкова «феодализм» остался совокупностью признаков, установленных Н. П. Павловым-Сильванским. Поэтому развитый феодализм на Руси он датировал XIII—XVI вв. Положительным фактом являлось установление им феодальной природы городских средневековых республик, которые он назвал «муниципальным феодализмом». К нему Рожков отнес на Руси «вольные города» — Новгород и Псков. Но и в данном случае признаки развитого феодализма формализовались, поэтому, наряду с развитым феодализмом Франции середины IX—XII вв., Англии X—XIII вв., Германии и Италии середины IX—начала XIII в., он указывал Египет 3 тыс. до н. э., шумеро-аккадо-вавилонский феодализм 3 тыс. до н. э., Ассирию XI—X вв. до н. э., а «муниципальный феодализм» — наряду с ганзейскими городами, Генуей и Флоренцией — в полисах Древней Греции, Риме, Карфагене.¹⁶ К тому же деление «развитого» и «муниципального» как особых видов феодализма оставалось без указания единой сущности общественных отношений формальным.

Н. А. Рожков остановился на уровне работ начала века, лишь дополнив их «социологическими» построениями. Поэтому в развитии товарно-денежного хозяйства, росте городов, формировании централизованного государства и самодержавия, в появлении новой психологии и духовной культуры он видел падение феодализ-

⁸ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Т. 1. Пг.; М., 1919; Т. 2. 1923; Т. 3. 1923.

⁹ Там же. Т. 1. С. 76—80, 83, 86—87.

¹⁰ Там же. С. 90—91.

¹¹ Там же. С. 147—156.

¹² Там же. С. 158—162.

¹³ Там же. С. 164.

¹⁴ Там же. С. 202.

¹⁵ Там же. С. 205.

¹⁶ Там же. Т. 2.

ма в XV — первой половине XVI в.,¹⁷ в чем повторял уже распространенное в русской историографии мнение.

Вместе с тем концепция Рожкова имела в 20-е гг. положительное значение в том, что обращала внимание исследователей на необходимость изучения процесса генезиса феодализма, быстрого изменения систем общественных отношений. Статичность моделей «феодалной» и предшествующей, нефеодалной, способствовала обозначению последней также статично, через отрицание и без конкретного социального содержания, как «дофеодалной», в чем видно следование Павлову-Сильванскому. Когда Рожков рассматривал социально-экономические и общественно-политические структуры в единстве исторического пространства и времени, а не в случайных сопоставлениях, он возвращался к давно утраченному в русской историографии идеям единства исторического процесса, что было свойственно просветительской и романтической историографии, вытекало из марксистского системного метода. Если в понимании феодального строя он следовал Н. П. Павлову-Сильванскому, в определении этого строя в древнерусский период — М. Н. Покровскому, то в интерпретации русского средневекового строя как феодального, в сопоставлении его со средневековыми западноевропейскими странами Н. А. Рожков восстанавливал в русской науке традиции целостного подхода к историческому процессу. Поэтому закономерно, что он вернулся к мысли о тождестве природы средневековых городских республик на Западе и на Руси, в Новгороде и Пскове, о чем в отношении Новгорода писал еще Н. А. Полевой.

В кругу прежних теорий, сформулированных до революции, продолжал рассматривать древнерусский период и проблему феодализма в России М. Н. Покровский. Активный организатор советской исторической науки, он выступал против неокантианства и позитивизма. Являясь профессиональным историком и выработав собственную концепцию русской истории, Покровский излагал содержание исторического процесса, в частности феодального строя на Руси, в соответствии со своими представлениями. «Республиками вечевых городов», по его мнению, были все древнерусские города. Аналогию совету «старцев градских» при древнейших князьях он видел в спартанской герусии и римском сенате. Древнерусскую знать Покровский называет земле- и рабовладельцами, усматривая тяжелые формы зависимости закупа как близкие к рабству. Эти характеристики он дополнял такими определениями товарно-денежных отношений, купцов и ростовщиков на Руси XI—XII вв., как «примитивный капитализм», «буржуазия».¹⁸ Содержание феодального строя осталось у Покровского ограниченным, так что и в конце творческого пути он считал, что для «марксистской теоретической литературы» «феодализм есть общественно-экономическая формация, характеризующаяся определенными формами производства». «Для историков феодализма, — добавлял он, — не только это, а еще и определенная политическая система, известная форма государства. У меня поэтому в определение „феодализма“ введены и политические признаки:

связь государственной власти с землевладением и иерархии землевладельцев»¹⁹ (добавлены эти «признаки» по теории Павлова-Сильванского).

В обобщающем труде «Русская история в самом сжатом очерке» изложение древнерусского периода и проблемы генезиса феодализма в России отличалось значительной традиционностью как по отношению к дореволюционным работам автора, так и по отношению к теориям дореволюционной историографии, прежде всего Ключевского и Павлова-Сильванского. Русь IX—XI вв. Покровский изображал близко к Ключевскому. Первые русские «государии» являлись предводителями шайек работорговцев, они ничем не управляли, в X в. князь и в суде еще не участвовал. Города образовались «малопомалу» около стоянок работорговцев, только с XI в. князья начинают понемногу заботиться о «порядке» в них.²⁰ «Городская Русь X—XI века еще не знала общественных классов».²¹ Для Руси X—XII вв. Покровский по-прежнему считал характерным строй вечевых городов, падение которых объяснял крестовыми походами, особым значением в это время средиземноморских торговых путей (экономической причина) и «татарским нашествием» (политическая причина).²² В «городской Руси» XI—XII вв. он отмечал появление классов: рабовладельцев-князей и «богачей» (бояр, ростовщиков), а также рабов-холопов и близких к рабам закупов — крестьян-должников. С появлением этих двух классов Покровский связывал начало классовый борьбы.²³ В XII в. он указывал на появление боярского землевладения, но только с падением «городской Руси», с XIII в., начинается «усаживание» боярина в усадьбе, широкое распространение господского землевладения, «феодалные порядки».²⁴ Их сущность Покровский раскрывал в том, что «вся земля со всем ее населением находится во власти небольшого количества военных людей, которые со своей вооруженной челядью господствуют над трудящимися классами».²⁵ Он отмечал иерархию класса феодалов, «постоянные феодальные драки», в которых побеждали сильнейшие, а в результате объединения вокруг одного из них образовывалась «феодалная монархия». Крестьянской крепости еще не было, и население Руси XIII—XV вв. «постоянно передвигалось с места на место».²⁶ Последующее развитие феодализма Покровский раскрывал как появление крестьянской барщины (наряду с оброком), разделение класса феодалов на крупное землевладельческое боярство и мелкое дворянство, но не показывал конкретно-исторические формы крестьянской зависимости и эксплуатации. С началом крепостничества в XVII в. он уже не упоминал о «феодалных порядках».

¹⁹ Покровский М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Борьба классов. 1932. № 2. С. 81—82.

²⁰ Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1, 2: От древнейших времен до второй половины 19-го столетия. 1-е изд. М., 1920. С. 28; 10-е изд. М., Л., 1931. С. 31.

²¹ Покровский М. Русская история... 1-е изд. С. 30; 10-е изд. С. 32.

²² Покровский М. Русская история... 1-е изд. С. 32—33; 10-е изд. С. 35—36.

²³ Там же. 1-е изд. С. 29—32; 10-е изд. С. 32—34.

²⁴ Там же. 1-е изд. С. 34, 38; 10-е изд. С. 37, 40.

²⁵ Там же. 1-е изд. С. 38; 10-е изд. С. 40.

²⁶ Там же. 1-е изд. С. 38—42; 10-е изд. С. 40—43.

¹⁷ Там же. Т. 3. С. 5—75.

¹⁸ Покровский М. Экономический материализм. Пг., 1920. С. 29—31.

Таким образом, в «Русской истории в самом сжатом очерке» — вероятно, наиболее распространенном научно-популярном историческом сочинении 20-х гг. — отмечается существенное изменение в характеристике Покровским общественного строя Древней Руси. Феодализм он начинает с XIII в. Эту корректировку собственного мнения, изложенного в дореволюционных работах, можно объяснить последовательным применением в данном случае концепции Н. П. Павлова-Сильванского, что подчеркивает неустойчивость взглядов Покровского на начало феодального строя на Руси. Такая позиция вполне объяснима, поскольку он не выработал объективных критериев в раскрытии природы феодализма. Но при этом еще более возрастает значение элементов, восходящих к характеристикам древнерусского общественного строя в теории В. О. Ключевского: вечевые города, рабовладельцы и рабы.

Наряду с «Русской историей в самом сжатом очерке» Покровский переиздавал написанные до революции «Русскую историю с древнейших времен» и «Очерк истории русской культуры». В них становление феодализма в Древней Руси продолжало рассматриваться по Павлову-Сильванскому, в проявлении «трех основных признаков»: господства крупного землевладения, связи землевладения с государственной властью, иерархии феодалов-землевладельцев. К их доказательству Покровский сводил наличие или отсутствие феодализма в России.²⁷ Сохранил он также мнение о вечевом строе Руси до XIII в. При этом следование общинно-вечевой теории возвращало его к представлениям, близким к славянофильским. Князя он сравнивал с сельским старостой, «которому каждый в миру послушен, но весь мир их выше и может сместить и наказывать».²⁸ Поэтому Покровский последовательно устанавливал «федеративный» и «республиканский» характер древнерусского государственного строя. «Никакой почвы, — писал он, — для „единого“ государства — и вообще государства в современном нам смысле слова — здесь не было».²⁹ Такое понимание социально-политического строя Руси вело к поиску «начала»: в основе княжеской власти — вотчинное, патриархальное начало, тогда как для «сельской Руси» и «всего строя древнерусского города» началом явились «печица» и «дворища» — патриархальные большие семьи. Представляя деятельность князя как наемного сторожа в городе (в этом смысле также продолжалась давняя традиция дореволюционной историографии) и хозяина-вотчинника в деревне, Покровский видел в победе деревенского права роковое значение для древнерусских «республик». В этом он устанавливал «известную аналогию» Киевской Руси и императорского Рима.³⁰

Изданные в советский период работы М. Н. Покровского свидетельствуют о том, что его теория общественного строя Древней Руси основывалась на традиционных концепциях русской историо-

графии 60-х гг. XIX — начала XX в. Отношение к концепции Павлова-Сильванского было при этом непоследовательным: то феодальные институты прослеживались в древнерусском периоде, то «феодальные порядки» начинались с XIII в., что соответствовало данной концепции. Поиски «основных признаков» уменьшали возможности определения структурообразующих факторов, раскрывающих внутренние закономерности. Поэтому Покровский не устанавливал феодальные формы господства и подчинения, социально-политических структур, а следовал, ближе к концепции В. О. Ключевского, давним уже теориям городского вечевоего строя, патриархальных общин, рабских форм зависимости. Методическая основа разысканий Покровского в отечественной средневековой истории — экономический материализм, но форма изложения — партийная. Его работы, деятеля советского государства, одного из организаторов исторической науки, оказывали значительное воздействие на российских историков в 20-е — начале 30-х гг. Исследования М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова, а также широко распространенные в русской историографии 1900—1910-х гг. представления о феодализме на Руси XIII — первой половины XVI в. способствовали тому, что в обобщающих трудах феодализм в данный период и даже в XII в. (П. И. Лященко), феодализация указывались как обоснованное мнение. Главной рабочей силой древнерусских господских хозяйств еще продолжали считаться рабы.³¹ Между тем широкий общественный и научный интерес к истории феодального строя на Руси как определенного этапа исторического развития стал причиной появления специальных работ, в которых процесс феодализации или генезиса феодализма на Руси XI—XII вв. рассматривался, в отличие от декларированной Рожковым «феодальной революции», конкретно-исторически.

Еще в 1922 г. С. В. Юшков опубликовал статью о прикладничестве как феодальном институте.³² Исходя из понимания феодализма по Павлову-Сильванскому и опираясь на хорошее знание конкретно-исторического материала, Юшков проследил в XI—XII вв. истоки тех феодальных отношений и институтов, которые Павлов-Сильванский установил в развитом виде в XIII—XV вв. Уже в XI в. он наблюдает рост крупного землевладения князей, церкви и боярства, распадение «дружинного союза» и оседание дружинников «по земле», возникновение зародышей феодальных институтов: специальной княжеской защиты, церковного патроната и иммунитета. Противоположное их развитию Юшков видит в торговле боярства и городских промыслах (в продолжение идей романтической и позитивистской исторической литературы о нефеодальной природе средневекового города). При таком понимании социально-экономической истории Руси естественно его обращение к предполагаемому глубокому экономическому кризису, связанному с ослаблением торговых связей Киевской Руси с Византией и Востоком, выходом ее

²⁷ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. 6-е изд. Л., 1924. С. 20—57.

²⁸ Там же. С. 73—77.

²⁹ Там же. С. 81.

³⁰ Там же. С. 95, 97; см. также: Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 4-е изд. Ч. 1. М.; Л., 1925. С. 131—189.

³¹ Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. М., 1925. С. 73—111; Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М.; Л., 1927. С. 54—65.

³² Юшков С. В. О прикладниках: (К истории феодальных институтов в древней Руси) // Культура (Саратов). 1922. № 2—3. С. 6—16.

из всемирного торгового оборота (как в работах Ключевского, Рожкова и Покровского). Следствием этого кризиса Юшков указывал феодализацию земли (ее окняжение и обояривание), рост крупного землевладения (древнерусская сеньория — боярщина). Возражая Павлову-Сильванскому, Юшков не соглашался с существованием в Древней Руси территориальных крестьянских общин, но не соглашался он и с мнением Покровского о феодализации земли на основе пещинного землевладения, полагая различные формы землевладения: подворного, большесемейного-здружного и долевого (по А. Я. Ефименко), переходящего в подворное или общинное.³³

Устанавливая широкое распространение в XII—XIII вв. крупного землевладения и «феодализации земли», С. В. Юшков характеризовал формы зависимости древнерусских крестьян в стиле того времени — как крепостничество. Такое определение явилось следствием нескольких причин: 1) понимания господского хозяйства как крупного землевладения, а средств принуждения зависимого населения как обеспечения землевладельца государственными формами принуждения, 2) восприятия феодализма в его крепостнических формах, свойственных России, 3) распространения марксистской научной и партийной литературы, где феодализм раскрывался в экономических формах и в понятиях крепостного строя, хорошо известных российскому читателю. В закрепощенном населении Юшков видел смердов, в числе которых находились разные категории зависимого и полузависимого крестьянства (изгой, пущенники, прощенники, закупы, возможно холопы, посаженные на пашню).³⁴ Появление в XII—XIII вв. феодальных отношений вассалитета и министриалитета Юшков связывал с разложением дружинного строя (в развитие дореволюционных работ Павлова-Сильванского и Преснякова), с превращением старшей дружины в боярство (с оседанием на землю), а младшей — в слуг княжеского двора.³⁵ Как патронат он характеризовал установленную Пресняковым специальную княжескую защиту и уже в Киевской Руси отмечал закладничество — коммендацию (их тождество было доказано Павловым-Сильванским на материалах XIII—XV вв.).³⁶ К XII—XIII вв. Юшков относил распространение иммунитета и появление служилого поместного землевладения,³⁷ отмечая неравномерность распространения и развития феодальных институтов и отношений в древнерусских землях, их недостаточную развитость и «яркость» в сравнении с аналогичными западноевропейскими институтами и отношениями. Но многосторонний процесс феодализации в Киевской Руси был для него несомненен. Противоположное ему он видел лишь в городском земско-вечевом строе (традиции земско-вечевой теории). Не находя внутренних причин развития феодализации, Юшков обратился к внешнему фактору — «татарскому нашествию», которое, по его мнению, «одним ударом»

уничтожило «экономическое и политическое значение городской земщины» и создало «необычайно благоприятную обстановку для развития феодальных отношений и институтов и для постепенного превращения их в феодальную систему».³⁸

Работы С. В. Юшкова первой половины 20-х гг. внесли много нового в изучение общественного строя Древней Руси. Он начал разрабатывать проблему феодальных форм зависимости в господском хозяйстве без давних представлений о рабстве, полурабстве или полусвободе зависимых людей в древнерусский период. Это исследование велось вне марксистской схемы об обязательной последовательности первобытнообщинного строя, рабовладельческих и феодальных форм отношений. Новым явилось также установление свойственных для феодализма вассалитета и министриалитета, связей этих институтов с процессом распада дружины, что вело к целостному анализу феодальной системы, также возрождавшему прерванные традиции просветительской историографии.

В то же время по этим работам Юшкова прослеживается формирование стереотипных представлений о феодализме как о крупном землевладении, соединенном с крепостничеством. В них присутствуют и традиционные характеристики древнерусского земско-вечевого строя, которые он завершал, подобно многочисленным предшественникам, татаро-монгольским нашествием. Эта концепция была эклектичной, но элементы теории земско-вечевого строя размышлялись в ней уже самим Юшковым посредством нового понимания феодальных социальных отношений, которые еще предстояло соединить с социально-политическим строем страны.

Под влиянием изменяющихся взглядов и развития исторической науки новая теория феодализма появилась и в трудах А. Е. Преснякова. Он обратился к ней позднее, чем младшее поколение историков, поскольку ему приходилось пересматривать уже сложившуюся в дореволюционный период собственную, во многом оригинальную концепцию общественно-политической истории средневековой Руси.

В конце 10-х — начале 20-х гг. Пресняков продолжал объяснять социально-политический строй Руси XIII—XV вв. исходя из теории вотчинных прав князя — владельца и правителя своего княжества, роста противоположности между центральной государственной властью и земскими традициями по мере развития царской власти.³⁹ Концепционные взгляды Преснякова в изучении средневековой Руси продолжали основываться на теориях либеральной историографии и когда он обращался к истории трудового народа. Эта тема стала очень популярной в советской науке, к тому же она была мало разработана в литературе XVIII—XIX вв., когда основным объектом изучения являлась история правителей, государства, высших сословий. Историю крестьянства на Руси он рассматривал еще вне феодального строя, указывая рабов и «полусвободных», хозяйство «вотчинников-рабовладельцев».⁴⁰

³⁸ Там же. С. 107—108.

³⁹ Пресняков А. Е. Московское царство. Пг., 1918. С. 45 и след.

⁴⁰ Пресняков А. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения // Архив истории труда в России. Кн. 1. Пг., 1921 С. 34—35.

³³ Юшков С. В. Феодальные отношения и Киевская Русь. Саратов, 1925 (отд. отт. из Учен. зап. СГУ (1924. Т. 1, вып. 4)). С. 723.

³⁴ Юшков С. В. Феодальные отношения... С. 33—60; см. также: *Его же*. К вопросу о смердах. Саратов, 1923 (отд. отт. из Учен. зап. СГУ (1923. Т. 1, вып. 4)).

³⁵ Юшков С. В. Феодальные отношения... С. 61—71.

³⁶ Там же. С. 71—84.

³⁷ Там же. С. 84—96.

Между тем Пресняков видел необходимость поиска новых исследовательских путей в изучении средневековой Руси, что отражало его неудовлетворенность методологией и методами предшествующей научной традиции, о чем он высказывался еще в дореволюционный период своей деятельности. Он показывал в творчестве К. Н. Бестужева-Рюмина и М. А. Дьяконова неплотность фактографических исторических исследований,⁴¹ раскрывал априорность «готовой схемы» в теории С. М. Соловьева о переходе родового быта в государственный, отрыв в ней истории «народа» от истории «государства», теории государственной или историко-юридической школы. Осуждал он и «безразличное» использование источников вне их временной определенности в «Древностях русского права» В. И. Сергеевича, а также поиски отдельных «начал» в общине (славянофиль), задруге (Ф. И. Леонтович). Как пройденный этап русской исторической науки Пресняков рассматривал и творчество В. О. Ключевского.⁴² Он отмечал ограничивающее воздействие неокантианской философской концепции А. С. Лаппо-Данилевского на изучение исторических явлений, в частности средневековой Руси.⁴³

Появление теории феодализма в России в творчестве А. Е. Преснякова явилось следствием значительных исследовательских возможностей этой концепции в установлении природы общественного строя Древней Руси. Наряду с экономическими факторами он раскрывал социально-политическую и правовую стороны феодальной системы в продолжение своей теории «княжого права». Поэтому понимание им общественного строя Древней Руси существенно отличалось от идей Н. П. Павлова-Сильванского. Наблюдения Преснякова сформулированы в неопубликованной работе «Феодализм в России», сохраняющей большое историографическое значение, поскольку они свидетельствуют о поисках новых путей в изучении данной проблемы, в частности генезиса феодализма.

Начало феодального строя Пресняков отмечал в древнерусский период: «зачатки феодализма в Киевской Руси», «процесс феодализации в Киевском периоде».⁴⁴ Социально-политическая структура Руси X—XII вв. раскрывалась им в соответствии с еще дореволюционными теориями противопоставления дружинного строя и городских вечевых общин. Выявляя в XI—XII вв. крупное землевладение князей и бояр, он полагал у последних надельные княжеские села и угодья, освоенные руками челяди — рабов-холопов. Пресняков стремился установить различие экономических основ зависимос-

⁴¹ Пресняков А. К. Н. Бестужев-Рюмин: (К 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 170—172; *Его же*. Труды М. А. Дьяконова по русской истории // РИЖ. 1921. Кн. 7. С. 810.

⁴² Пресняков А. Е. С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 76—86 (речь на публичном заседании «Союза архивных деятелей» в память С. М. Соловьева 1 июня 1920 г.); *Его же*. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 5—26; *Его же*. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 36; *Его же*. В. О. Ключевский (1911—1921) // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 207—211.

⁴³ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 98—99.

⁴⁴ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 193, оп. 1, ед. хр. 28, л. 1.

ти челяди, крестьян-смердов, изгоев. В развитии землевладения у дружины и в княжеской службе землевладельческой знати он указывал причины преобразования к XII в. дружинных отношений в новые, феодальные, экономическую основу столкновений княжеской власти и боярства. Эти преобразования общественного строя, уменьшение роли торговли с началом крестовых походов и ростом значения средиземноморских торговых путей стали, по Преснякову, причиной упадка русских торговых городов (появление и развитие последних объяснялись близко к Ключевскому, Рожкову и Покровскому) и вечевому строю. Их падение Пресняков объяснял (вслед за Покровским и Юшковым) внешней причиной — татаро-монгольским нашествием, которое нанесло «только последний удар».⁴⁵

Другой стороной исторического процесса, по его мнению, стал рост значения княжеской власти, двора, дворцового хозяйства, княжеской администрации и «кормлений» — «пожалований», что придавало княжескому управлению характер вотчинного владения. Все эти причины способствовали победе в XII в. центробежных сил над центростремительными — обособлению земель-княжений во владения отдельных линий княжеского рода.⁴⁶ Так Пресняков подводил к выводу о появлении «основных признаков» феодализма уже в XII в.: распад территории и власти, дробление на отдельные землекняжества, их вотчинно-владельческий характер, появление вотчинного землевладения. Эти «основные элементы феодализации» составили процесс, который «к исходу Киевского периода достиг значительной зрелости».⁴⁷ Легко заметить, что данная теория процесса феодализации в XI—XII вв. существенно дополняет уже традиционные его социально-экономические признаки социально-политическими процессами.

Второй период развития феодализма Пресняков называл «феодализмом удельно-вотчинного периода» в XIV—XV вв., соединяя новое для его концепции название определенного общественного строя и прежнее обозначение удельно-вотчинного периода. Переломное значение он придавал переменам в XIII в., когда происходило углубление процесса феодализации, но в различающихся формах русского Севера, белорусско-литовского Запада и украинского Юго-Запада. «Наиболее типичным» он считал «русский феодализм» в Великом княжестве Владимирском и Великом Новгороде. Пресняков выделял особое значение в этот период двух форм «русской сеньории» — «вотчинного княжества», то есть государства в «патримониальной собственности князя», и «боярской вотчины» в условиях активной внутренней колонизации, развития земледелия и сельских промыслов, преобладания натурального хозяйства — земледельческого и промыслового.⁴⁸ Политическое выражение этого процесса он указывал в упадке «вечевых общин», в наследственности удельных владений и в договорных отношениях между удельными князьями и великим князем при полном разделении власти. Вслед за Н. П. Пав-

⁴⁵ Там же, л. 1—7.

⁴⁶ Там же, л. 8.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, л. 12—15.

ловым-Сильванским он раскрывал антагонистичность этого общества в противоположности крупного землевладения (опоры княжеской власти, осуществлявшей вотчинную власть над всем населением) волостному крестьянскому землевладению и волостному народному праву. Особое внимание Пресняков уделил боярству и служилым людям, формам их военной и административной службы, обеспечению за службу «кормлениями», которые на Руси, в отличие от стран Западной Европы, не стали наследственными. Отсюда, заключал он, они «не феодализировались до конца» (то есть западноевропейские феодальные институты оставались еще моделью, степень соответствия которой определял уровень «феодализации»; внешнее различие — отсутствие наследственности кормлений — заслонило единство сущности данного института). «Зато в своей вотчине, — писал Пресняков, устанавливая вслед за Павловым-Сильванским ее тождество с западноевропейской сеньорией, — боярин — полновластный феодал».⁴⁹

Наряду с этим социально-политическим строем в удельно-вотчинный период, «тождественным с типичными чертами западноевропейского феодализма», Пресняков выделил особенности феодализации в «севернорусских народоправствах» Великого Новгорода и Пскова,⁵⁰ для которых было характерно сохранение определяющего значения «вечевой общины» с ее феодально-договорными отношениями с князьями. Но в этих отношениях Великий Новгород выступает как «коллективный феодал» (в этом принципиальное отличие его толкования от понимания городской общины в русской дореволюционной историографии и близость к марксистскому направлению в работах Н. А. Рожкова). В самодержавии и крепостничестве Пресняков видел замену прежнему социально-политическому строю, «феодальному».⁵¹ Но, переосмысляя опыт Павлова-Сильванского под несомненным влиянием новейших марксистских работ, он в принципе не возражал против использования понятия «новый феодализм» по отношению к самодержавно-крепостническому периоду русской истории. Такое понимание экономического и социально-политического строя средневековой Руси в соединении с уже давней для творчества Преснякова концепцией единой в «семейном княжом владении» Киевской Руси («Киевской державы», «Киевского государства»), «удельного строя», собирания не земли, а «власти» в XV в.,⁵² создавало объективные условия для новой теории феодального общественного строя Руси X—XVII вв. и его периодизации.

Более ограниченно и близко к пониманию феодализма в трудах Н. П. Павлова-Сильванского эволюционировали взгляды С. Ф. Платонова. Общее признание феодализма на Руси в 900-е гг. он развивает к концу 20-х гг. в определенную систему взглядов. «Основы» феодального строя на Руси он относит к «удельной эпохе XIV—XV вв.», но, как и Павлов-Сильванский, смыкает его в отдельных институтах с

⁴⁹ Там же, л. 25.

⁵⁰ Там же, л. 26—31.

⁵¹ Там же, л. 36—37.

⁵² Там же, л. 38; см. также: Пресняков А. Е. Московское царство; Его же. Образование Великорусского государства.

древнерусским периодом, что методически и по существу рассматриваемых отношений более ограниченно, чем в предшествующих по времени работах С. В. Юшкова и в исследованиях тех же лет А. Е. Преснякова. «Основу феодального порядка, его экономический фундамент» Платонов отмечает, вслед за другими исследователями, в крупном землевладении, которое существует уже в «киевскую эпоху» в виде княжеских и боярских сел. К удельному периоду он относит другие феодальные институты: дробление верховной власти и ее слияние с землевладением, иерархию земельных владельцев и служилых князю людей. В феодальную систему Платонов включает, вслед за С. М. Соловьевым и Н. П. Павловым-Сильванским, закладничество-патронат.⁵³

Работы 20-х гг. немарксистского направления — С. В. Юшкова, А. Е. Преснякова, С. Ф. Платонова, разнообразие их исследовательских подходов указывают на внутреннюю обусловленность изучения генезиса и развития феодального строя в древнерусский период. О том же свидетельствует опыт Ю. В. Готье. Переосмысляя теории В. О. Ключевского и М. Н. Покровского на основе синтеза исторических и археологических исследований, он предположил, что многие из маленьких городищ с распадом племенного строя становились крепостями или замками «славянских князьков и родовладельцев». Они предназначались не только для защиты окрестного населения, но и для властвования над ними «в процессе развивающейся феодализации». Сохранив понятие «городовая волость», Готье подчеркивает в ней военно-политические и торговые функции (по Ключевскому), но снимает традиционные для дореволюционной демократической и буржуазной историографии аспекты общинного или земского самоуправления, противоположности княжеской власти.⁵⁴

Изучение отдельных явлений процесса феодализации Древней Руси еще заменяло в работах 20-х гг. анализ становления феодального строя в целом. Внутренняя логика такого рода исследований оказывала в это время существенное влияние на научную молодежь, которая стремилась к раскрытию сути данной проблемы. Если М. Н. Тихомиров, склонный к конкретно-историческому анализу, вслед за Н. П. Павловым-Сильванским и М. Н. Покровским, рассматривал «основные признаки феодализма» на материалах XV—XVI вв.,⁵⁵ то стремившийся к обобщениям Н. Л. Рубинштейн поставил проследить «процесс феодализации или сеньориализации Киевской Руси» в IX—XII вв. в развитии. К IX—X вв. он отнес существование родоплеменного строя, но отметил в этом обществе также сельские промыслы, земледелие и торговлю. Социальную структуру составляли тогда народная масса и княжеско-дружинное общество.⁵⁶ Вслед за московской школой историков, учениками

⁵³ Брачев В. С. Неизвестная рукопись С. Ф. Платонова // Феодальная Россия: Новые исследования. Вып. 2. СПб., 1996 (в печати).

⁵⁴ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 246.

⁵⁵ Тихомиров М. Н. Феодальный порядок на Руси. М.; Л., 1930.

⁵⁶ Рубинштейн Н. Л. До історії соціальних відносин у Київській Русі XI—XII ст. // Наукові записки науково-дослідчої кафедри історії української культури (Харків). 1927. № 6. С. 49—62; Его же. Нарис історії Київської Русі. (см. продолж. на с. 182)

В. О. Ключевского, только к XI в. Рубинштейн отнес преобладание сельского хозяйства, равно как и появление сеньории, характеризующей крупным землевладением. XII—XIII вв. он считал периодом «сеньориализации». В работе Рубинштейна отразилось стремление преодолеть теории дореволюционной и ранней советской историографии в более содержательном анализе сеньориальных хозяйств в XI—XII вв., с использованием аналогии закрепощаемых крестьян-смердов с колонами и сервами на феодальном Западе. Он стремился конкретно определить структуру социально-политического строя Руси данного периода, содержание древнерусского веча, что продолжало аналитическую традицию В. О. Ключевского и А. Е. Преснякова. Но при этом Рубинштейн интерпретировал феодализацию в соответствии с уже распространенным мнением — как развитие крупного землевладельческого хозяйства. В продолжение теории Ключевского он писал об особом значении торговли в социально-экономической и политической истории Руси IX—XII вв., рабства, полурабского или полусвободного труда в господском хозяйстве.

Против отождествления «феодального хозяйства» и «крепостного» выступил во второй половине 20-х гг. Б. Д. Греков. Он показал различия между «оброчным хозяйством», свойственным широко понимаемому феодальному строю, и «барщинным хозяйством», свойственным его особой форме — крепостничеству с его интенсивной системой хозяйствования и эксплуатации.⁵⁷ Однако эта тенденция конкретизировать присущие крепостничеству формы хозяйствования, отношений господства и подчинения как особой формы феодального строя поддержки и продолжения не нашла. К концу 20-х гг. укреплялось и распространялось мнение об основном признаке феодализма — крупном землевладении, соединенном с крепостничеством. Впрочем, при абсолютизации «феодальных» и «крепостнических» отношений появлялась опасность не заметить их единую феодальную природу.

Обобщая разрывы коллег и свои собственные исследования в 900 — 20-е гг., С. В. Бахрушин отметил в конце 20-х гг., что концепция Н. П. Павлова-Сильванского о феодализме на Руси была не только поддержана, но также «значительно дополнена и исправлена». В качестве таких положительных коррективов он предлагал опровержение общинного характера землевладения в «дофеодальную эпоху», намеренно используя здесь понятие Павлова-Сильванского для обозначения периода до XIII в., вследствие чего процесс феодализации заключался не в поглощении общины сеньорией, а в «естественном процессе зарождения крупной собственности». Он также считал, что 1) процесс феодализации происходил уже в Киевской Руси, 2) «экономические причины падения феодализма» за-

Харків; Одеса, 1930. С. 18—38. В аналогичном направлении изучение развития феодальных отношений вели также другие исследователи: *Аргунов П. А.* Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской судной грамоты: К истории сеньориальных отношений на Руси. Саратов, 1925 (отд. отт. из Учен. зап. СГУ (1925. Т. 4, вып. 4)); *Полосин И. И.* Поместное право и крестьянская крепость // Учен. зап. Ин-та истории РАН ИОН. 1929. Т. 4. С. 22—38.

⁵⁷ *Греков Б. Д.* Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома. Ч. 2.: Собственное сельское хозяйство (XV — начало XVII в.) // ЛЗАК. 1927. Вып. 1 (34). С. 91—155.

ключались в смене «феодальных» форм хозяйства «крепостническими», 3) феодальный строй как, главным образом, система юридических институтов обрел экономические основы.⁵⁸

Сам Бахрушин, представляя историю Руси VIII—XI вв. еще по В. О. Ключевскому, отмечал в XII в. развитие крупного землевладения, закрепощение сельского населения, с развитием землевладения «оседание» бояр, а за ними и князей в определенных волостях. Поэтому он отнес процесс феодализации Руси к XII — началу XIII в.⁵⁹

Таким образом, в марксистской и немарксистской научной литературе 20-х гг. при изучении общественного строя Древней Руси широко распространилось исследование процесса его феодализации. Основу анализа составляли признаки феодализма в концепции Н. П. Павлова-Сильванского, но больше внимания стало обращаться на экономические явления, наметились новые подходы к изучению феодальных социальных структур. Вместе с тем в это время сложилось устойчивое мнение, восходящее к позитивистской и марксистской литературе, согласно которому «основой» феодализма являлось крупное землевладение. Феодальные отношения зависимости и господства характеризовались как крепостничество или как особые феодальные формы. Но уже в 20-е гг. распространилось упрощенное понимание феодализма как экономической модели.

Как следствие особого интереса к ранее малоизученной истории трудящихся классов появился в 20-е гг. ряд исследований, существенно углублявших на основе тщательного анализа источниковых материалов представления о смердах, закладниках, закупах, влачах.⁶⁰ Развитие научного анализа стало здесь столь значительным, а связи изучаемых общественных категорий с феодальным строем столь очевидными, что М. М. Богословский, ученик В. О. Ключевского, критически относившийся к марксизму, замечал в адрес П. А. Аргунова: нельзя теперь не замечать «феодальные черты в истории России».⁶¹

Иная тенденция изучения феодализма в России и его генезиса наметилась в 20-е гг. на основе неокантианской методологии. Неокантианство как философская основа исторических обобщений не нашло распространения в изучении отечественной средневековой истории. Такого рода исследования, опубликованные после смерти А. С. Лаппо-Данилевского,⁶² не были продолжены его учениками.

⁵⁸ *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории Руси эпохи феодализма: (Научное наследие). М., 1987. С. 69.

⁵⁹ Там же. С. 77—78.

⁶⁰ Кроме указанных ранее работ С. В. Юшкова см.: *Аргунов П. А.* К пересмотру построения закупничества Русской Правды. Саратов, 1927 (отд. отт. из Учен. зап. СГУ (1927. Т. 6, вып. 4)). Позднее Аргунов обобщил свои наблюдения о закупах в статье «О закупах Русской Правды» (ИАН ООИ. Сер. 7. 1934. № 10. С. 777—798). См. также: *Максимейко Н. А.* Закупы «Русской Правды» // Научові записки науковдослідчої кафедри історії української культури (Харків). 1927. № 6. С. 27—47; *Его же.* Про смердів Руської Правди // Праці Комісії для вивчення історії західньо-руського та українського права (Київ). Вып. 3. 1927. С. 59—82.

⁶¹ *Богословский М. М.* К вопросу об отношениях крестьян к землевладельцу по Псковской судной грамоте // ЛЗАК. 1927. Вып. 1 (34). С. 54.

⁶² *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк развития русской историографии // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 529; *Его же.* Методология истории. Вып. 1. Пг., 1923.

Но возможность неокантианского подхода к изучению отечественной истории сохранялась в отечественной медиевистике.

В работах русских медиевистов конца 10-х — начала 20-х гг. преобладало позитивистское понимание феодализма как совокупности феодальных институтов и отношений, вне определяющего влияния феодальных отношений на форму и содержание средневековой культуры.⁶³ Впрочем, и такой метод в изучении феодализма позволил Ф. И. Успенскому сделать важное открытие — проследить процесс феодализации в Византии XIII—XV вв.⁶⁴ Но ограниченные возможности позитивизма в теоретических обобщениях создавали условия для обращения к методологии неокантианства. Такой переход от позитивизма в конкретно-исторических исследованиях к неокантианским в философских основах обобщениям совершил крупный отечественный медиевист Д. М. Петрушевский. Исходя из риккертовских принципов индивидуализирующего идиографического анализа и генерализующего номотетического исследования он предложил «конструировать идеально-типический образ феодализма», объединяющий «типические черты» последнего, но лишенный противоречий конкретной действительности. «Феодализм» переставал при этом быть конкретно-исторической реальностью с присущими ей социально-экономической и политической структурой, законами исторического развития и становился вневременным социологической конструкцией. Отсюда Петрушевский видел «феодальные явления» не только в истории славянских и арабских стран, Японии, Китая, но и в Древней Греции, Риме, в обществах Древнего Востока.⁶⁵ Подобное установление тождества в философской основе отличалось от аналогий по сходству или частичному внешнему совпадению, что было свойственно работам, основанным на позитивистской методологии, но приводило в данном случае к тем же результатам. Петрушевский предлагал лишить таким образом понимаемый «феодализм» конкретно-исторического и социально-экономического содержания и свести его к государственно-правовому значению. Поэтому он сравнивал Римскую империю II—IV вв. и Московскую Русь XVI—XVII вв., а римский колонат с русским крепостным правом, видя в них одинаковую государственно-правовую сущность.⁶⁶ Аналогии древнерусского и античного социального строя по внешнему сходству, распространенные в буржуазной дореволюционной историографии, Петрушевский заменил их отождествлением, руководствуясь «идиографическим методом» баденской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) и теорией «идеальных типов» Макса Вебера, основой которых являлось неокантианство.

⁶³ Карсавин Л. П. Культура средних веков. Пг., 1918; Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919; Добиащ-Рождественская О. А. Западная Европа в средние века. Пб., 1920; Гревс И. М. Лик и душа средневековья // *Анналы* (Пб.). Т. 1. 1922. С. 21—40.

⁶⁴ Успенский Ф. Социальная эволюция и феодализация в Византии // *Анналы*. Т. 2. 1923. С. 95—114.

⁶⁵ Петрушевский Д. М. Феодализм и современная историческая наука // *Из далекого и близкого прошлого*. Пг.: М., 1923. С. 112.

⁶⁶ Там же. С. 113—115.

Эти же историко-философские принципы Петрушевский обстоятельно изложил в вводных главах «Очерков из экономической истории средневековой Европы», опубликованных в 1928 г. Руководствуясь ими, он сделал ряд новых для отечественной исторической литературы наблюдений. По мнению Петрушевского, феодализм средневековой Европы, феодальное поместье, средневековый европейский город, греческий полис классической эпохи становились вневременными историческими категориями. Эти «идеальные типы», лишенные конкретного социально-экономического и политического содержания, по Петрушевскому, «имеют характер утопии, не соответствуя никакой исторической действительности во всем необозримом многообразии ее индивидуальных форм».⁶⁷ Применение этих теоретических принципов к конкретно-историческим характеристикам привело Петрушевского к тому, что он отрицал качественные отличия средневековых городов Европы и «городского развития древнего мира», полагая вслед за Максом Вебером, что античность проливает яркий свет «на средневековый город во всем разнообразии его форм и их особенностей».⁶⁸ Но сам Петрушевский предпочитал видеть не города-государства древнего мира в средневековой Европе, а «городской феодализм» в городе-государстве, «индивидуальный феодализм средневековой Европы», государственно-правовые функции феодализма в Римской империи.⁶⁹

Понимание феодализма как определенной формы государственной власти и управления вело Петрушевского к восприятию средневековых поземельных и личных форм зависимости, крупного землевладельческого хозяйства как нефеодальных. Они становились феодальными, а господин превращался в феодала лишь с передачей ему верховным носителем государственной власти «части этой власти».⁷⁰ Этот вывод являлся значительным шагом назад в сравнении с западноевропейской историографией второй половины XIX в. и с отечественной литературой 900—20-х гг. В отрыве господского хозяйства от феодального строя Петрушевский сближался с французским историком Ж. Флякком. Государство, согласно Петрушевскому, было неразрывно связано с общественными классами, возлагая на них государственные обязательства и предоставляя государственные права.

Устанавливаемые Петрушевским тесные связи государства и феодализма создавали новые возможности для научного анализа государственных форм феодальной эксплуатации. Однако исследовательские возможности данного научного направления оказались невосполненными по методологическим и методическим причинам, тогда как большой опыт в определении прямых и обратных связей государства и феодального строя, накопленный в просветительской историографии, был основательно забыт.

Неокантианское содержание книги стало причиной ее критики с марксистских и партийных позиций М. Н. Покровским, С. С. Кривоным, Ц. Фридрихандом, А. Д. Удадьцовым, П. И. Кушнером, Ю. Л. Вайн-

⁶⁷ Петрушевский Д. М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.: Л., 1928. С. 51—52.

⁶⁸ Там же. С. 72—73.

⁶⁹ Там же. С. 94—98.

⁷⁰ Там же. С. 74—75.

штейном, Е. А. Косминским.⁷¹ Они видели в труде Д. М. Петрушевского проявление кризиса буржуазной исторической и философской мысли, отрыв политического строя от соответствующей ему феодальной экономики и сословно-классовой структуры общества. Такая критика принимала ожесточенный характер, поскольку рассматривалась как составная часть идеологической борьбы с идеалистическим философским учением, которое оценивалось воинствующими марксистами как враждебное марксизму, а следовательно, правящей партии и Советскому государству.

Однако выводы Д. М. Петрушевского были отвергнуты без какого-либо партийно-государственного принуждения и тем направлением в изучении феодализма на Руси, которое восходило к позитивистскому его пониманию. Выявляя тогда же, в 1928—1929 гг., теоретические основания концепции Петрушевского, С. В. Бахрушин отметил ее противоположность по содержанию вотчинной теории, согласно которой феодальные отношения представляли собой прежде всего комплекс экономических и социальных отношений в господском хозяйстве. В выделении Петрушевским особого значения «феодализма политического» Бахрушин видел реакцию на односторонность вотчинной теории. В качестве другой причины появления концепции Петрушевского он отметил неудовлетворенность давним уже представлением о феодализме как о регрессе в сравнении с предшествующей эпохой, как о периоде раздробления власти, тогда как феодализм являлся закономерным явлением в историческом развитии всех народов. Отсюда, заключает Бахрушин, — интерпретация феодализма как «существенного момента в истории организации общества и государства», выдвигание на первый план «государственного феодализма», изучение «феодального государства» на Руси не в сравнении с Францией и Германией, где в «феодальную эпоху» центральная власть была слаба, а с Англией, где «очень сильная власть» обладала «феодальным аппаратом страны».⁷²

Бахрушин критиковал концепцию Петрушевского с позиции вотчинной теории и традиционных представлений о завершении феодализма на Руси в XVI в. К тому же он, в опровержение мысли Петрушевского о феодальном характере Московского царства, высказывал мнение о противоположности «крепостнического строя» в России XVI—XVII вв. «феодализму» предшествующего периода в соответствии с идеями дискуссий того времени.⁷³

Таким образом, концепция Петрушевского с разных позиций, но в равной мере отвергалась марксистами и немарксистами. Такое решительное отрицание привело к тому, что она была изолирована от предыдущего исследовательского опыта в анализе государственных форм земельной собственности, в установлении связей феодального строя и государства, уже хорошо изученных в западноевропейской ис-

⁷¹ Предисловие от издательства // Там же. С. 5—15; Диспут о книге Д. М. Петрушевского: (О некоторых предвзвесах и суевериях в исторической науке) // ИМ. Т. 8. 1928. С. 79—128; *Покровский М. Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Там же. № 7. С. 4—6.; *Фридлянд Ц.* Два шага назад // ПЗМ. 1928. Кн. 2. С. 147—161; *Вайнштейн О. Л., Косминский Е. А.* Феодализм в Западной Европе. Ч. 1. М., 1932. С. 153—157.

⁷² *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению... С. 70—71.

⁷³ Там же. С. 71—72.

ториографии середины XVIII—XIX в. Господство экономической модели феодализма, в частности его вотчинной теории, в марксистских и немарксистских работах 20-х гг. привело к тому, что не были востребованы в данной связи и наблюдения В. И. Ленина об эксплуатации государством на феодальной основе (см. выше, с. 169). Они не совмещались с таким ограниченным пониманием феодального строя. Подобный отбор идей происходил вследствие избранной исследовательской позиции, но он совпал с началом «редактирования» идей Ленина систематизаторами «ленинизма», что особенно распространилось при сталинском режиме 30-х — начала 50-х гг.

Между тем возможности неокантианских теоретических обобщений были привлекательны для научной молодежи, а конкретно-исторические исследования Д. М. Петрушевского были выполнены на самом высоком профессиональном уровне. Поэтому неудивительно, что его ученики поддержали в диспуте учителя и помимо нравственных начал. Е. А. Косминский первоначально воспринимал идейное содержание исследований Петрушевского как близкое к марксизму, а А. И. Неусыхин, пригупляя остроту теоретических противоречий, считал, что «метод Д. М. Петрушевского далеко не всегда, но очень часто, — марксистский»,⁷⁴ имея в виду, вероятно, материалистический. Впрочем, в 20-е гг. Неусыхин находился под влиянием идей Вебера и Петрушевского. Воспринимая процесс познания действительности и соотнесение абстрактного и действительного как «конструирование» понятий, он приходил, вслед за В. Зомбартом, к выводу, корректируя, но не отвергая А. Допша, что в IX в. существовали капиталистические «некоторые элементы» и «некоторые тенденции».⁷⁵ Соглашался он и с мнением М. Вебера о единой природе города-государства у античных и средневековых итальянских городов.⁷⁶ В историческом исследовании, основанном на философских принципах Вебера, он видел «первые шаги на пути к социологическому освещению исторических явлений».⁷⁷

К концу 20-х гг. образовалось еще одно исследовательское направление, содержанием которого стало изучение истории древних обществ, в частности феодализма как формации и феодального строя на Руси. Суть этого направления заключалась в изучении и систематизации взглядов на эти исторические проблемы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в применении этих взглядов в конкретно-исторических исследованиях.⁷⁸ На распространение такого подхо-

⁷⁴ Диспут о книге Д. М. Петрушевского. С. 90—95, 99—104, 117—126.

⁷⁵ *Неусыхин А. И.* К вопросу об элементах капитализма в средневековом обществе: (В связи с полемикой А. Допша против В. Зомбарта) // Печать и революция. 1923. Кн. 5. С. 21—37.

⁷⁶ *Неусыхин А. И.* Социологическое исследование Макса Вебера о городе // ПЗМ. 1923. № 8—9. С. 235, 240—243.

⁷⁷ Там же. С. 250. См. также сочувственное изложение Неусыхиним исторических методов и социологии М. Вебера в соответствии с теорией «идеальных типов». Он соединял их с учением К. Маркса как его дальнейшее развитие (*Неусыхин А.* «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Там же. 1927. № 9. С. 113—143; № 12. С. 111—137).

⁷⁸ *Пригожин А. Г.* Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о феодализме как общественной формации. Л., 1930; *Его же.* К. Маркс и Ф. Энгельс о феодализме как общественной формации // Проблемы марксизма. 1931. № 2. С. 122—139; *Его же.* Ленин

да среди историков среднего и младшего поколений значительное воздействие оказывало монопольное положение правящей Коммунистической партии, ее идеологическая политика, включая прямое подавление так называемых «буржуазных» теорий или других марксистских направлений, но вне официальной концепции Коммунистической партии. Впрочем, и сами идеи Маркса, Энгельса, Ленина обладали значительными возможностями к самостоятельному распространению в обществе, целью деятельности которого было объявлено построение социализма, сообщества равных по социально-экономическому, политическому и правовому положению людей, обладающих коллективной собственностью на средства производства. Исследовательские идеи «классиков марксизма-ленинизма» привлекали научным потенциалом, поскольку широко использовали и перерабатывали обширный предшествующий опыт в философии, политической экономии, истории и других науках. Они содержали значительные аналитические возможности вместо описательности, а также новые научные наблюдения Маркса, Энгельса, Ленина как теоретиков и практиков. Учение об общественно-экономических формациях способствовало системному анализу истории общества.

Однако в тоталитарном обществе сразу же возникала и реализовывалась опасность догматизации усвоенных идей, построения исследований от цитаты из трудов «классиков марксизма-ленинизма», конъюнктурного приспособления к ним конкретно-исторического материала. Такая ситуация осложнялась борьбой, фальсифицированной субъективными факторами, с «буржуазными» и, шире, немарксистскими идеями, а также с идеями марксистскими, но обвиняемыми в многочисленных «уклонах» или антипартийных «извращениях», что отражало постоянную борьбу группировок в руководстве ВКП(б) и в коммунистическом движении.

Особой формой накопления коллективного опыта в исторической науке конца 20-х — начала 30-х гг. стали дискуссии. Они сохраняли в себе традиции открытости и столкновения мнений революционного периода. Дискуссии позволяли быстро мобилизовать исследовательские возможности разных подходов в выработке новых методов в изучении исторического процесса в целом и истории России в частности, в анализе работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Но, с другой стороны, в особых условиях внутривластной жизни СССР, в условиях смены политического руководства правящей партии и формирующегося сталинизма каждое из этих научных направлений могло быть

и основные проблемы истории докапиталистических формаций // ПИДО. 1934. № 1. С. 7—28; *Его же*. Карл Маркс и проблема докапиталистических формаций. М.; Л., 1933; *Шмидт Р. В., Равдоникас В. И.* О развитии взглядов Маркса на первобытное общество. М.; Л., 1932 (ИГАИМК. Т. 11, вып. 5—6); *Ковалев С. И.* Учение Маркса и Энгельса об античности. М.; Л., 1932 (ИГАИМК. Т. 12, вып. 9—10); Маркс и Энгельс об античности / Под ред. С. И. Ковалева. Л., 1932; *Кричевский Е. Ю.* Ленин и проблема родового строя // ПИДО. 1934. № 1. С. 29—52; *Ефименко П. П.* Маркс и проблемы древнейшего периода первобытно-коммунистического общества // ИГАИМК. Вып. 81. 1934. С. 3—29; *Равдоникас В. И.* Маркс—Энгельс и основные проблемы доклассового общества // Там же. С. 107—206; *Розенталь Н. Н.* Маркс и буржуазная историческая наука о западноевропейском феодализме // Там же. Вып. 84. 1934. С. 88—106; и др.

обвинено в «антимарксистской» направленности. Каждая из дискутирующих сторон оставалась, как обычно, при своем мнении, но со временем все более проявлялись другие отрицательные следствия таких дискуссий в условиях тоталитарного государства — навязывание их участникам того мнения, которое было ближе к представлениям идеологического руководства.⁷⁹

Участники дискуссии 1929 г. об «азиатском способе производства» в связи с докладом С. М. Дубровского (вслед за докладчиком) уделили большое внимание определению научных категорий «феодализм», «крепостничество», «торговый капитал», «формация», «способ производства», «уклад».⁸⁰ Они не поддержали мнение Дубровского о распространении «азиатского способа производства» в европейских странах, о существовании особой крепостнической формации наряду с феодальной. Вместе с тем анализ Дубровским феодального строя через систему производственных отношений показал ограниченность широко распространенных утверждений о существовании феодализма только там, где существовали крупная земельная собственность и феодальная иерархия.⁸¹

В связи с обсуждением работы Дубровского А. Е. Кудрявцев обратил особое внимание на необходимость изучения генезиса феодализма в «ранней фазе», «вырастающей из родового общества», и его последующего развития во «второй фазе» уже на основе сложившегося феодального способа производства.⁸² А. Г. Пригожин подчеркивал необходимость историзма в единстве анализа производительных сил и производственных отношений, поэтому он отмечал феодальный характер не только крупного сельскохозяйственного, но и городского ремесленного производства, что было противоположно мнению С. В. Вознесенского и О. А. Лидака об ограничении феодализма только аграрными отношениями без городского ремесла и торговли.⁸³ Пригожин возражал против абсолютизации натурального хозяйства при феодализме, отмечая сосуществование натуральной и отработочной ренты на разных его этапах (Дубровский и другие исследователи, напротив, превращали наблюдения Маркса о закономерной смене видов земельной ренты во внеисторическую схему обязательной последовательности отработочной, натуральной и денежной ренты). Традиционно связывая феодализм с крупным земле-

⁷⁹ Здесь и далее отмечены по необходимости кратко те дискуссии, которые способствовали формированию новых подходов к изучению общественного строя Древней Руси. Новейший опыт изучения дискуссий 20-х — начала 30-х гг. см.: *Соколов В. Ю.* История и политика: (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х — начала 30-х гг.). Томск, 1990.

⁸⁰ *Дубровский С. М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929; Спорные вопросы методологии истории: (Дискуссия об общественных формациях). Б. м., 1930; Против механистических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1930; *Ефимов А. В.* Концепция экономических формаций у Маркса и Энгельса и их взгляды на структуру восточных обществ // ИМ. Т. 16. 1930. С. 104—161 (см. там же изложение московской дискуссии в социологической секции общества историков-марксистов в мае 1929 г.).

⁸¹ *Дубровский С. М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства... С. 64—66.

⁸² Спорные вопросы методологии истории. С. 5—14.

⁸³ Там же. С. 106—107, 127, 141.

владением, Пригожин объяснял феодальную эксплуатацию как присвоение труда непосредственных производителей крупными земельными собственниками, монополизировавшими право на землю. Последний корректив ставил новую проблему изучения форм всеобщности монопольной собственности класса феодалов на землю. Но такая постановка проблемы в конце 20-х — начале 30-х гг. развития не нашла. «Азиатский способ производства» Пригожин характеризовал как особый вид феодализма.⁸⁴ Б. Д. Греков на конкретно-исторических материалах показывал существование в Киевской Руси не только отработочной ренты, но также экономического принуждения (закупы, серебряники-издолыники) наряду с внеэкономическим.⁸⁵

В ходе возражений мнению Дубровского о существовании особых феодальной и крепостнической формаций Пригожиным было высказано мнение о «первом» и «втором издании» крепостничества.⁸⁶ Это мнение, основанное на выборочном использовании высказываний «классиков марксизма», предполагало отождествление «феодализма» с «первым изданием» крепостничества.⁸⁷ Таким образом, стремление обосновать формационное единство исторического процесса привнесло отношения развитого феодализма — крепостничество — в период генезиса феодализма и начального периода его развития.

Особой темой дискуссии стало определение характера средневекового натурального хозяйства, степени вовлечения его в товарно-денежные отношения⁸⁸ (она была направлена против мнений А. Дюпона и Д. М. Петрушевского, отмечавших значение товарно-денежных отношений в крестьянских и господских хозяйствах феодального периода), а также феодальной природы средневекового города в борьбе за целостность формационного анализа (против теории К. Бюхера, рассматривавшего средневековый город вне системы феодальных отношений).⁸⁹

Молодое поколение археологов начало изучать археологические материалы как источник для исследования материальной культуры восточных славян, в том числе производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле (В. И. Равдоникас, А. В. Ариповский, П. Н. Третьяков, Б. А. Рыбаков).⁹⁰ Эти работы показывали преобладание

земледелия в восточнославянской экономике, создавали новые условия для изучения генезиса феодализма в Древней Руси.

Таким образом, в конце 20-х — начале 30-х гг. были созданы условия для разработки новых исторических концепций в изучении общественного строя Древней Руси на основе объективных данных археологических исследований, использования и обобщения огромного исследовательского опыта, накопленного дореволюционной историографией и советской исторической литературой конца 10-х — 20-х гг. Но эти условия реализовывались в обстановке постоянного воздействия отрицательных факторов. Волна сталинского террора достигла и до профессиональных историков. В результате фальсифицированного «Академического дела» 1929—1931 гг. из исследовательского процесса были исключены многие специалисты, прежде всего те, кто сложился как ученый в дооктябрьский период. Наряду с движением исторической мысли, появлением новых идей усилился идеологический диктат крепнувшего сталинского режима. Массовые репрессии вследствие «Академического дела» нанесли сильнейший удар не только по ценным научным кадрам, но и по самому исследовательскому процессу в многообразии его направлений и методов. В этих условиях историческая наука развивалась несмотря на репрессии и вопреки им. Выдержать такой удар ей позволили те же организационные структуры, которые были созданы при советской власти, ныне подвергнутые репрессиям: Академия наук как «высшее учебное учреждение СССР», ее исследовательские институты, а также продолжавшие деятельность учебные учреждения и традиции научных школ.

На рубеже 20—30-х гг. научным центром по изучению общественного строя Древней Руси стала Государственная Академия истории материальной культуры — ГАИМК. Этот научный коллектив, созданный в 1919 г. для комплексных исследований исторического процесса, содержал новые организационные формы объединения специалистов для решения наиболее сложных проблем. Коллективность в объединении исследовательских потенциалов и в многообразии мнений создавала условия для новых научных подходов и их разработок. Репрессии в связи с «Академическим делом» нанесли сильнейший удар и по этому научному учреждению. После «чистки» к маю 1930 г. было «освобождено от работы» (включая репрессированных) 60 человек — 51 процент кадрового состава 1929 г.⁹¹ Но изучение общественного строя Древней Руси, осуществлявшееся в ГАИМК, было продолжено и после ее чистки. Анализ этого исследовательского процесса раскрывает содержание становления многих новых научных теорий древнерусского общественного строя. Особое значение при этом приобретают еще не использованные архивные материалы, раскрывающие формирование тех идей, которые позднее нашли выражение в публикациях уже в отредактированном виде.

Для ГАИМК со времени ее основания было свойственно комплексное изучение общественного строя в единстве с исследованиями материальной и духовной культуры того же периода. Поэтому, когда В. И. Равдоникас, изучая археологию Приладожья и пробле-

⁹¹ Архив ИИМК, ф. 2, 1930, д. 21.

⁸⁴ Там же. С. 106—123.

⁸⁵ Там же. С. 176—180.

⁸⁶ Пригожин А. Проблема общественных формаций: (Ответ г. С. М. Дубровскому) // ПЗМ. 1930. № 7—8. С. 174—186.

⁸⁷ Это мнение поддержал Б. Н. Тихомиров: «первичное» закрепощение на Руси он относит к XI—XIII вв., где видел широкое распространение рабского труда холопов и закупов, а также крепостных крестьян-смердов (Тихомиров Б. Проблема «вторичного» закрепощения крестьянства и крестьянский выход // ИМ. Т. 3. 1932. С. 122—123).

⁸⁸ Мальшев А. О феодализме и крепостничестве // ИМ. Т. 15. 1930. С. 52—53; Газганов Эм. Против ревизии марксо-ленинского учения о феодализме и крепостничестве: (О статьях А. Мальшева) // Там же. Т. 22. 1931. С. 44—47.

⁸⁹ Ширина Д. А. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 — начала 1930-х годов // ИЗ. Т. 86. 1970. С. 287—296.

⁹⁰ Здесь и далее исследования по истории древнерусской материальной и духовной культуре, истории Руси с привлечением археологических материалов см.: Советская археологическая литература. 1918—1940. М.: JL, 1965; 1941—1957. М.: JL, 1959; 1958—1962. Л., 1969; 1963—1967. Л., 1975; 1968—1972. JL, 1980; 1973—1975. Л., 1983; 1976—1978. JL, 1986.

му поселений там скандинавов эпохи викингов, установил значительные изменения в материальной культуре местных славянских и финских народов «приблизительно» во второй половине IX — первой половине X в., он связал эти изменения с развитием общественного строя. Различия между материальной культурой до второй половины IX в., со слабо развитой техникой земледелия, значительной ролью охоты и т. д., и материальной культурой после первой половины X в., с пашенным земледелием, высоко дифференцированным ремеслом, с городами, возникающими наряду со старыми поселениями, с быстро развивающейся внешней торговлей, с изменением могильного инвентаря и погребального обряда, с «классовыми различиями» в социальной структуре, были столь значительны, что общественный строй первого периода он охарактеризовал в 1928 г. как «родовой союз», а второго — как «феодализм в процессе становления» (*werdende Feudalismus*).⁹²

Структурные изменения в ГАИМК в 1930 г. были нацелены на коллективное изучение истории докапиталистических формаций. В ноябре 1930 г. там начал работать сектор феодальной формации с подразделением на группы, иногда, в духе времени, на бригады. Заведующим сектором был назначен М. М. Цвибак. Это первое в отечественной науке объединение ученых по коллективному изучению общественного строя средневековой Руси исходило из концепции системного анализа. Постановка изучаемой проблемы — генезис и развитие феодализма на Руси в результате разложения родоплеменного строя (в секторе использовались конкретно-исторические понятия «родовой строй», «родовое общество», а не социологическое определение «первобытнообщинный строй») — возвращала в исследовательскую практику эту давнюю научную проблему, поставленную еще в просветительской и романтической историографии, хотя сам этот факт был уже основательно забыт. В данном конкретном случае направленность исследований исходила из опыта в изучении генезиса феодализма в западноевропейской и отечественной литературе второй половины XIX — начала XX в., но под «феодализмом» понималась не совокупность отдельных признаков или институтов, а определенный общественный строй. Учитывался также уже накопленный исследовательский материал 20-х гг. Показательно, что конкретно-исторический подход к смене родоплеменного строя феодальным с самого начала исключил догматическую марксистскую постановку проблемы смены первобытнообщинной, рабовладельческой и феодальной формаций.

В 1931 г. в составе сектора существовало девять исследовательских групп, в том числе: группа возникновения феодализма (М. И. Артамонов, Е. В. Веймарн, Б. Д. Греков, П. П. Ефименко, М. К. Каргер), группа феодализма в России (Е. Н. Глезер, Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов, Н. П. Сычев, вне штата Г. Е. Кочин и др., руководитель группы — Б. Д. Греков), группа по феодальному способу производства, изучавшая теоретические основы этой проблемы для всех стран (В. А. Богословский, А. И. Васильев, Б. Д. Греков, Е. Э. Липшиц, С. Ф. Ольденбург,

⁹² *Raudonikas W.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930. S. 5—6 (книга была подготовлена к печати в 1928 г.).

И. А. Орбели, Н. Н. Розенталь, И. И. Смирнов, М. М. Цвибак, Н. С. Цемш, А. Ю. Якубовский, руководитель группы — А. И. Васильев; С. Ф. Ольденбург и И. А. Орбели вскоре вышли из этой группы). В работе этих групп участвовали также, с учетом более поздних структурных изменений, Н. Н. Воронин, П. Н. Третьяков, Ф. И. Шмит, А. А. Некрасов, А. В. Банк, В. И. Равдоникас, с 1933 г. — С. Н. Валк, Н. Б. Бакланов, С. В. Вознесенский, А. Г. Пригожин, Е. К. Некрасова, Н. И. Репников и др. Особая группа по изучению города и ремесла поставила исследовательские вопросы: понятие города и типы городов эпохи феодализма, жилище, общественное строительство в феодальном городе, рынок и его организация, сеть городов и их районирование, взаимоотношения города и его района (город и деревня), социальная дифференциация города и проблема «способа расселения» (проблемы посада, «концов», цеховых улиц, оборонительных укреплений).

С самого начала существования сектора было заявлено, с учетом накопленного в литературе опыта, что темой его изучения является «переломный период» IX—XI вв., когда происходит смена родового общества феодальным.⁹³ В таком исследовательском контексте эволюционного и преемственного развития понятие «дофеодальный период» использовали в дискуссии по поводу доклада М. К. Каргера «К вопросу о социальной дифференциации русского города эпохи феодализма» (28 февраля 1931 г.) только Б. Д. Греков и В. В. Мавродин — как технический термин для обозначения архаичного общества, предшествующего феодальному,⁹⁴ по аналогии с понятиями «докапиталистическая рента», которую тогда изучал Греков, «докапиталистическая секция» (в структуре ГАИМК) и другими, тогда распространенными.

Первоначально лидирующее положение в разработке проблемы генезиса феодализма в Древней Руси занял В. И. Равдоникас. Исходя из значительных накопленных материалов по предшествующим историческим эпохам от неолита до средневековья, а также общих теоретических посылок, но без собственного догматизму мышления «от цитаты», он обобщил в докладе «К вопросу о возникновении феодализма на Новгородском севере в связи с раскопками 1930 г.» (28 марта 1931 г.) сделанные им наблюдения в целостную концепцию. «Возникновение феодализма есть длительный процесс, охватывающий продолжительный отрезок времени. Как всякая общественная формация, феодализм созревает в недрах старой, предшествующей ему формации», то есть «доклассового общества». Исходя из количественных и качественных изменений в материальной культуре X—XI вв., Равдоникас вновь предложил отнести период возникновения феодализма в данном регионе к этому времени, а в соответствии с господствовавшими тогда в марксистской литературе представлениями о феодальной структуре общества он раскрывал его содержание как деление на «собственников земли (феодалов, духовенство, в частности монастыри) и класс крестьян, постепенно превращающихся в крепостных».⁹⁵

⁹³ Архив ИИМК, ф. 2, 1931, № 27, л. 4—5, 11.

⁹⁴ Там же, л. 35 об.

⁹⁵ Там же, л. 41—43.

Участовавшие в обсуждении этого доклада Б. Д. Греков, Н. Н. Воронин, М. И. Артамонов, М. К. Каргер, М. М. Цвибак также исходили из мнения о процессе феодализации, возникающей из распада родового строя, вследствие чего никто из участников дискуссии понятие «дофеодальной период» не использовал. Вместе с тем очевидной становилась необходимость активизации исследований проблемы возникновения феодального строя на Руси. Уверенность в этом окрепла у сотрудников сектора и в связи с обсуждением 14 апреля 1931 г. доклада приехавшего из Москвы А. В. Арциховского «Возникновение русского феодализма по археологическим данным».⁹⁶

1932 г. проходит для сотрудников сектора в подготовке к решению проблемы генезиса феодализма в Древней Руси. Протоколы заседаний сектора позволяют проследить последовательность и особенности направлений этих разработок. 27 марта 1932 г. Б. Д. Греков сделал доклад «Докапиталистическая рента в России». При обсуждении вопроса о характере эксплуатации холопов С. Н. Быковский настаивал на том, что «холоп в своей чистой форме — это раб», тогда как докладчик в ответ на это отмечал: не отрицая в феодальном обществе рабства, он считает его пережиточным явлением («холоп, посаженный на землю, — не в чистом виде холоп») и в понятиях того времени говорит о перерождении раба в крепостного. По мнению В. В. Мавродина, поддержавшего идеи доклада Грекова, «отработочная рента в ранний период представляла собой отправление всевозможных хозяйственных надобностей закрепощенным населением».⁹⁷

М. М. Цвибак запланировал себе темы обобщающего, теоретического характера: «Проблема крепостного права первого издания», «Происхождение феодализма в Восточной Европе». Эти формулировки указывали на направленность его исследований в отождествлении феодализма и крепостничества. На заседании 22 декабря 1932 г. И. И. Смирнов предложил провести дискуссию о рабстве в Киевской Руси совместно с московскими коллегами. Это предложение свидетельствовало о его беспокойности тем, что проблема генезиса феодализма на Руси уходит с методологической тропы развития феодального строя, минуя рабство. М. М. Цвибак сообщил тогда же о предполагаемой в ГАИМК дискуссии «Рабство в Киевской Руси».⁹⁸

Готовясь к изучению этой научной проблемы, Б. Д. Греков запланировал на 1933 г. коллективную работу «бригады» (согласно административному решению 1932 г. в ГАИМК работа велась «по бригадному принципу»), куда входили также Н. Н. Воронин и П. Н. Третьяков. Греков рассматривал проблемы «Рабство, феодализм и аграрный строй Восточной Европы в IX—XIII вв.», «Феодальное сельское хозяйство и формы крестьянской зависимости на Руси XIII—XVI вв.», Н. Н. Воронин — «Феодальная деревня, черная община, боярщина и поместье», П. Н. Третьяков — «Сельскохозяйственная техника в эпоху возникновения феодализма» (здесь истоки подхода Грекова к целостному изучению крестьянства на Руси в IX—XVI вв. и быстрого освоения значительного археологического материала для изучения об-

щественного строя Руси IX—XIII вв.). К проблеме феодализации Руси обратился в 1933 г. также С. Н. Быковский.⁹⁹

Однако в условиях все более укрепляющегося сталинского режима над учеными довели методологические «указания» последовательности общественно-экономических формаций, первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, а также введенные в догмат казались бы очевидные мысли В. И. Ленина из его лекции «О государстве»: «первая форма эксплуатации человека человеком, первая форма деления на классы — рабовладельцев и рабов», «рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы».¹⁰⁰ Должностные и добровольные догматики всегда были готовы обвинить в отклонении от «марксизма-ленинизма». Этот фактор постоянно воздействовал на исследовательский процесс, но ситуация еще более осложнилась, когда свои взгляды на историю, в частности на докапиталистический период, начал излагать И. В. Сталин. В условиях крепнущего режима личной власти они становились догмами, методологическими «указаниями».

В речи на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. Сталин следующим образом изложил процесс развития докапиталистических обществ: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При рабстве „закон“ разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках „закон“ разрешал крепостникам „только“ продавать крепостных».¹⁰¹ Такое понимание исторического процесса существенно упрощало его содержание в пределах уже существующего марксистского анализа. Ф. Энгельс отмечал в истории стран Западной Европы сложные явления переходного периода между рабовладельческим строем и феодализмом: кризис рабовладельческой системы, возникновение вследствие этого патроната, завоевание германцев, распад их племенного строя, появление крупного крепостнического хозяйства.¹⁰² Между тем формулировки Сталина указывали на прямую последовательность развитых форм рабовладения и крепостничества как всеобщей закономерности, снимая вопрос о генезисе феодализма в результате разложения родоплеменного строя. В основе различий крепостных и рабов Сталиным указывались правовые признаки, социально-экономические различия являлись дополнительными. Такое понимание рабства, его места в утверждении крепостничества поддерживало те направления в советской исторической науке, которые полагали определяющую роль рабства в генезисе феодализма или возникновение последнего в результате разложения рабства, приход крепостничества, то есть особых форм развитых феодальных отношений, на смену рабовладению — вместо изучения генезиса феодального строя. Такие сталинские характеристики оказывали прямое

⁹⁹ Там же, 1933, д. 37, л. 2, 33, 43.

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 68, 70.

¹⁰¹ Сталин И. Речь на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников. М., 1933, С. 5.

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 148—153.

⁹⁶ Там же, л. 55—56, 58.

⁹⁷ Там же, 1932, д. 36, л. 23—23 об.

⁹⁸ Там же, л. 71, 145—146.

воздействие на содержание исторических исследований. Подобные «указания» и исследовательские концепции дискутируемой проблемы «рабство и феодализм в Древней Руси», изложенные в докладах на заседаниях сектора феодальной формации ГАИМК 15 и 20 марта 1933 г., оказались в неравном положении. Доклад И. И. Смирнова о рабовладельческой стадии в развитии общественного строя Древней Руси следовал догме. М. М. Цвибак, обосновывавший крепостнические формы зависимости и эксплуатации в Киевской Руси теорией «первого издания крепостничества», привел в соответствие с «указанием» Сталина свое мнение о рабстве на Руси: «Собственность, основанная на труде, создает собственность, основанную на рабстве, которая уничтожает первую, отчего революции рабов».¹⁰³

В сложном положении в связи с методологическим «указанием» Сталина оказался Б. Д. Греков. Как было намечено в 1932 г., он сделал доклад «Рабство в Киевской Руси», но его концепция генезиса феодализма в древнерусский период существенно с этими «указаниями» расходилась. Поэтому из-за опасений перед возможными репрессиями материалы в протоколах заседаний об этом докладе и отчетах сектора феодальной формации оказались в значительной мере фальсифицированными. В Архиве Института истории материальной культуры РАН хранятся два различающихся экземпляра тезисов к докладу Грекова «Рабство в Киевской Руси». Один из них, без даты,¹⁰⁴ ближе по содержанию к опубликованному тексту «Рабство и феодализм в древней Руси» (см. далее, с. 199—201). Другой вариант тезисов «Рабство в Киевской Руси» находился в протоколах заседаний сектора феодальной формации. В них чаще речь идет о рабах, но от основных своих наблюдений Греков в этом экземпляре тезисов не отступает. В протоколах заседаний сектора не указана дата доклада, хотя отмечены прения по докладу «Рабство в Киевской Руси» 3 и 9 апреля 1933 г.¹⁰⁵ В связи со значительными отличиями концепции Грекова от сталинских «указаний» представляется намеренной ошибка в названном при публикации времени прочтения доклада 1932 г., что широко вошло позднее в историографическую литературу. В действительности доклад «Рабство в Киевской Руси» был сделан в конце марта — первых числах апреля 1933 г. Перед его прочтением было отредактировано, вероятно, и название — «Рабство и феодализм в Киевской Руси», где альтернативность этих путей исторического развития не была столь вызывающей по сравнению с указанием рабства, значение которого, по Грекову, не было определяющим в Киевской Руси и уменьшалось, тогда как, по Сталину, его историческое значение было основополагающим. В историческом анализе исследователи определяют первоначальные взгляды Грекова на общественный строй Киевской Руси исходя из опубликованного в 1934 г. текста доклада «Рабство и феодализм в древней Руси», не учитывая того, что он был отредактирован при публикации в соответствии с обстоятельствами в стране и в ГАИМК. Между тем текст тезисов, ранее специалистами

¹⁰³ Архив ИИМК, 1933, д. 44, л. 34, 36.

¹⁰⁴ Там же, ф. 29, д. 1249.

¹⁰⁵ Там же, ф. 2, 1933, д. 5.

не использовавшийся, позволяет установить мнение Грекова по этой проблеме без последующих деформаций.

В первом варианте тезисов ясно прослеживается искусственное соединение обязательных теоретических посылок и результатов конкретно-исторического исследования самого ученого.¹⁰⁶ Утверждение во втором тезисе «рабовладельцы и рабы есть первое крупное деление на классы» является свидетельством принадлежности к ортодоксальному «марксизму-ленинизму», хотя оно сразу создает искусственную заданность исследованию и заставляет Грекова искать выход из этой происходящей из теории ситуации. По его словам, рабство не всегда создает рабовладельческую формацию. Большое количество рабов значительно осложняет определение общественно-го строя Киевской Руси. Большое число рабов в Киевской Руси объясняется спросом на них на азиатских и европейских рынках, а не внутренней потребностью в них как рабочей силе. Рабство — явление пережиточное, имеющее тенденцию к исчезновению по мере развития феодализма, и на начальном этапе оно обуславливает возникновение феодальной эксплуатации и феодальной собственности. Другая заданная идея восходит в то время к пониманию крупного землевладения как основы феодализма. Вследствие такой постановки проблемы исследователю, который признавал феодализм на Руси, должен был признать и крупное землевладение, без чего в условиях СССР 30-х гг. он был бы обвинен в антимарксизме. Поэтому в четвертом тезисе Греков пишет по теоретическим канонам тогдашней марксистской литературы: «Общество Киевской Руси IX—XI вв. базируется на частной феодальной собственности на землю <...>. Киевские князья, боярство и церковь в X—XI вв. представляются крупными землевладельцами. Рядом с крупным землевладением можно наблюдать среднее и мелкое (крестьянского типа)».

Наряду с этими методологическими исходными положениями в тезисах изложены результаты собственных исследований Грекова и обобщен уже большой накопленный опыт, прежде всего в ГАИМК. Смена подсековой системы земледелия папешной, развитие сельскохозяйственных орудий свидетельствуют о смене родового строя новой общественно-экономической формацией. Землевладельцы эксплуатируют в своих хозяйствах рабов и различные категории зависимого населения — смердов, закупов, рядовичей, изгоев и др. Это — феодальная зависимость. Понятия «крепостничество», «крепостные крестьяне» Греков не использует.

Из текста тезисов к докладу Грекова «Рабство в Киевской Руси» в контексте исследований в ГАИМК следуют существенные историографические выводы. Целостность его концепции придавал использованный коллективный опыт сотрудников ГАИМК, в полной мере им оцененный и поддержанный: процесс разложения родового строя и формирование вследствие этого феодализма, отнесение этого переходного периода к IX—XI вв., земледельческий характер экономики восточных славян и Руси. Личный вклад Грекова в изучение этого процесса заключался в установлении множественных

¹⁰⁶ Там же, ф. 29, д. 1249.

форм феодальной зависимости, которые он не отождествлял с крепостничеством. Другой составной частью концепции Грекова стали обязательные для советской литературы того времени теоретические положения: значительная роль рабства (он пытался привести этот тезис в соответствие с данными источников) и признание крупного землевладения в IX—XI вв. как свойства феодального строя.

Свою концепцию Греков изложил в виде краткого доклада «Начальный период в истории русского феодализма» на сессии Академии наук 19—20 мая 1933 г.¹⁰⁷ Анализ информации источников об общественном строе Древней Руси он связал здесь с историей текста Русской Правды и дополнил его сравнительно-историческими правовыми материалами. Очень осторожно отмечая процесс сокращения рабства, он по-прежнему не использовал понятие «крепостничество» для обозначения феодальных форм зависимости и господства.

Именно за недооценку рабовладения в Древней Руси критиковал Б. Д. Грекова М. М. Цвибак на пленуме феодального сектора ГАИМК 20—22 июня 1933 г. Цвибак иначе сформулировал процесс становления феодальных отношений — как следствие «превращения рабовладельческих отношений в отношения крепостнические».¹⁰⁸ Конкретно-историческим исследованиям Грекова он противопоставил схематические теоретические установки. В докладе «Основные вопросы истории возникновения феодализма в Древней Руси» он раскрыл содержание этого процесса следующим образом: «Всюду в основе процесса феодализации лежит превращение рабовладельца в землевладельца, разрыв общинной собственности на основе рабовладельческих отношений и возникновение новой формы эксплуатации крепостной, феодальной».¹⁰⁹

В этом столкновении двух подходов и существенно различающихся теорий общественного строя Древней Руси В. В. Мавродин определил свое понимание проблемы ближе к точке зрения Цвибака. Оно изложено в тезисах к докладу «Классовая борьба в эпоху раннего феодализма в Древней Руси», состоявшемуся 27 октября 1933 г. в феодальном секторе.¹¹⁰ Подобно другим членам сектора, Мавродин пишет об изживании к IX—X вв. родового строя. В это время уже существует первое деление общества на классы — рабов и рабовладельцев. Если Греков останавливался на этой методологической констатации, уменьшая затем значение рабства, то Мавродин видел в нем один из факторов генезиса феодализма. «Рабство врывается в родовой строй, разлагает его и подготавливает почву для более высокой ступени в развитии классового общества — феодализма». Местная родовая верхушка борется с феодализирующейся княжеской дружиной. Происходит, по его мнению, борьба между феодализирующимися племенами и «племенами, стоящими на стадии разложения родового общества и выделения господствующей знати рабовладельческого порядка». «Эксплуатация рабов создавала предпосылку для закрепощения смерда, но расцвет этого явления падает

на XI век — период усиления феодалов, развития феодального землевладения. Возникшая на основе рабовладения господствующая группировка переходит к захвату общинных земель и закрепощению смердов».

Воспользовавшись очередной административной реформой в ГАИМК в самом начале 1934 г. — реорганизацией сектора феодализма в Институт истории феодального общества и образованием кафедры истории феодализма в России — Цвибак монополизировал изучение проблемы генезиса и развития феодального строя в древнерусский период. Греков стал заведовать кафедрой истории феодализма в России, то есть развитого феодального строя XV—XVII вв., но перестал ходить на заседания кафедры, руководимой Цвибаком.¹¹¹ В проспекте учебной книги «История России эпохи феодализма» (VI в. до н. э.—XVIII в. н. э.) Греков назван членом редколлегии, Цвибак — ответственным редактором. Автором разделов, относящихся к генезису феодализма на Руси, назван в проспекте Цвибак, и приведены эти разделы в формулировках его концепции¹¹² (см. далее, с. 204—206). Однако Цвибак был арестован и погиб.

Весной 1935 г. заведующим кафедрой раннего феодализма в России ГАИМК уже был Греков. Исследовательский процесс продолжался, но опять обедненный в многообразии мнений репрессиями сталинского режима.

Б. Д. Греков опубликовал текст доклада «Рабство в Киевской Руси» под окончательным названием «Рабство и феодализм в древней Руси» в 1934 г. (книга сдана в набор 19 ноября 1933 г., подписана к печати 23 марта 1934 г.). Он признавал в нем «весьма заметную роль» рабов (челяди и холопов) на Руси IX—XI вв.,¹¹³ но структуру древнерусского общества раскрывал как феодальную, классовую. Исключая случайные аналогии, он указывал сущностные черты рабовладельческого общества, отличные от средневекового, феодального: рабовладельческий способ производства, классовый антагонизм рабовладельцев и рабов, рабовладельческое государство. В качестве основы феодального способа производства им отмечалось сельское хозяйство и ремесло, общественные отношения в «форме господства и подчинения, вырастающих на почве присвоения крупными земельными собственниками, монополизирующими право на землю, труда непосредственных производителей, владеющих всеми условиями производства, кроме земли». Феодальные производственные отношения Греков характеризовал экономическим, но «главным образом» внеэкономическим принуждением, которое выражалось в отработочной, натуральной и денежной земельной ренте. Отмечая антагонистические классы феодалов и зависимых крестьян, наличие вассальной иерархии, он указывал природу феодального государства как «власть землевладельцев ради господства над крепостными крестьянами».¹¹⁴

¹⁰⁷ Вестник АН СССР. 1933. № 7. Стб. 14—18.

¹⁰⁸ Архив ИИМК, ф. 2, 1933. д. 55, л. 152.

¹⁰⁹ Там же, д. 57, л. 187.

¹¹⁰ Там же, д. 44, л. 45.

¹¹¹ Там же, ф. 2, 1934, д. 42.

¹¹² Там же, д. 54, л. 9—15.

¹¹³ Греков Б. Д. Рабство и феодализм в древней Руси // ИГАИМК. Вып. 86. М., 1934. С. 5—6.

¹¹⁴ Там же, С. 8—9.

В этих исходных посылах ясно прослеживается воздействие на Грекова широко распространенных клише того времени об определяющем значении в феодальном строе крупного землевладения и крепостничества. В тезисах к докладу он рассматривал конкретные формы феодальной зависимости, не называя их крепостническими. В опубликованном тексте доклада Греков продолжал отстаивать идею становления феодального строя в результате разложения родоплеменного общества. Сохранение этого коллективного опыта сотрудников ГАИМК, объективно восстанавливавшего в русской науке исследовательские традиции второй половины XVIII — первой трети XIX в., совмещалось в концепции Грекова с современными методами конкретно-исторического анализа. В теоретическом аспекте это была не абстрагированная концепция исторического процесса с обязательным следованием через все виды общественных отношений, а постановка научной проблемы через конкретный исторический анализ становления феодального строя как следствия разложения родоплеменного общества. Вопреки внешнему воздействию Греков вернул изучение социально-экономических отношений в Древней Руси в реальное экономическое пространство.

Комплексно привлекая материалы письменных источников и археологических материалов, Греков доказал, что земледелие составляло основу экономики восточных славян при вторичном значении скотоводства и промыслов,¹¹⁵ в чем поддержал на новейшем исследовательском уровне наблюдения И. Д. Беляева, Н. Я. Аристов, М. С. Грушевского, М. Н. Покровского и других ученых. Этот вывод также имел значение для определения основного характера отношений в господском хозяйстве как поземельных. Такое их понимание остро ставило вопрос о рабстве на Руси. Признавая ограниченное использование рабов в общественном производстве в переходный период от племенного строя к феодальному, он предполагал в них не столько рабочую силу, сколько товар на рынках.

Новым для исторической литературы стало конкретное, многостороннее, а не назывное, исходящее из концепции, определение социально-экономического и правового положения лично свободных людей и зависимых непосредственных производителей в господском хозяйстве вне представлений о крепостничестве. В качестве основной социальной категории, занятой в сельском хозяйстве, Греков указывал крестьян-смердов, свободных и феодально зависимых. Другой категорией феодально зависимых он считал закупов, которые отработывали займ при установлении особого вида личной зависимости, которой уже не могла противостоять соседская община. Большое научное значение имела конкретизация содержания порядных отношений, изгойства, найма, в которых им раскрывалось внешнеэкономическое принуждение и характерные для феодального строя черты личной зависимости. Анализ сведений о сельских и городских восстаниях привел к выводу об их свойственности феодальному обществу. Основным выводом исследования Грекова заключался в том, что в результате разложения родоплеменного общества на Руси IX—XII вв. развивался феодальный строй. Рабство в нем имело тен-

денцию к исчезновению, перерастая в крепостничество в результате наделения рабов землей.

Новые подходы к изучению общественного строя Древней Руси позволили Грекову наметить основные пути к ее конструктивному решению: 1) творческое использование и переосмысление опыта, накопленного в предшествующей литературе, 2) комплексный анализ различных по происхождению материалов — письменных, археологических, лингвистических, 3) единство исторического и источниковедческого аспектов исследования, 4) привлечение сравнительно-исторических материалов, близких по уровню развития обществ. Разумеется, несмотря на значительный прогресс в изучении общественного строя на Руси IX—XII вв., Греков еще был скован возможностями исторической науки 20-х — начала 30-х гг. в привлечении источников и в источниковедческом анализе, в технике исторического исследования и в теоретических обобщениях. В соответствии с преобладающими представлениями того времени развитие феодализма рассматривалось, главным образом, через отношения господства и подчинения в вотчине, преимущественные в сельскохозяйственном производстве. В такой целенаправленности совместились одностороннее понимание особого значения экономических отношений, традиции вотчинной теории. Появилось в концепции Грекова в результате внешнего воздействия и особое значение крепостничества. Но здесь же сказались личные интересы Грекова к истории прежде всего аграрных отношений, крестьянства и господского хозяйства, тогда как древнерусский город находился в середине 30-х гг. на периферии его интересов.

В обсуждении доклада Грекова приняли участие ведущие специалисты в изучении истории Древней Руси, генезиса и развития феодального строя, становления рабовладельческих обществ. Почти во всех выступлениях был поддержан его основной вывод о генезисе феодализма в древнерусский период. Но при этом делались существенные замечания и предлагались иные решения данной проблемы.

В качестве недостатка отмечалось отсутствие в работе Грекова региональных особенностей развития Киевской, Новгородской и Северо-Восточной Руси (С. Н. Быковский, М. Н. Мартынов).¹¹⁶ Конкретизируя это замечание, М. И. Артамонов указывал на природно-климатические различия лесной и лесостепной зоны, что становилось причиной разных систем земледелия, пашенной и подсечной, а вследствие этого — различных темпов развития феодальных отношений. С. Н. Чернов и И. М. Троцкий видели причины региональных отличий в особенностях замедленных темпов социального развития неславянского населения.¹¹⁷ Многочисленны были упреки в преуменьшении Грековым роли рабства, но при этом не формулировалась конструктивная основа для дискуссии, поскольку выступавшими не характеризовалось понятие «раб», а челядь и холопы без оговорок определялись как рабы (М. М. Цвибак, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов, В. В. Струве, С. Н. Чернов, А. С. Гупцин, Л. П. Якубинский, Е. С. Лей-

¹¹⁵ Там же. С. 10—28.

¹¹⁶ Там же. С. 67—69, 71.

¹¹⁷ Там же. С. 93—94, 110—111, 120—121.

бович, Г. Е. Кочин).¹¹⁸ Лишь немногие исследователи пытались объяснить причины распространения рабства на Руси, но эти попытки не наполнялись конкретно-историческим содержанием. С. Н. Быковский указывал на преемственную связь Киевской Руси с рабовладельческими древнегреческими колониями.¹¹⁹ С. И. Ковалев допускал становление классового общества, но лишь как «известную потенцию рабовладельческой формации». Поэтому, признавая рабство на Руси, он решительно поддерживал мысль Грекова о феодальной природе ее социального строя, становившейся очевидной в сравнении ее с рабовладельческими античными обществами. По той же причине он возражал И. И. Смирнову,¹²⁰ который считал, абсолютизируя закон смены общественно-экономических формаций, что на Руси IX—X вв. существовало классовое рабовладельческое общество.¹²¹ Во многих замечаниях прямо или опосредованно выражалось догматическое понимание марксистской теории смены общественных отношений, включая рабовладельческие, а также давние представления о широком распространении рабских и полурабских (полусвободных) форм зависимости в Древней Руси. Мартынов и Чернов видели в Киевской Руси значительные пережитки родовых отношений, но и они считали, что господское хозяйство держалось, главным образом, на эксплуатации рабов, тогда как рабовладение развивалось, указывая при этом на развитие холопства.¹²²

Ряд замечаний был сделан для углубления исторического подхода к проблеме генезиса феодализма: необходим более детальный анализ процесса общественного развития в IX—X вв. (Мартынов, Мавродин),¹²³ анализ предшествующих Киевской Руси культур начиная со скифской (Артамонов).¹²⁴ Поэтому Мартынов поставил вопрос о периодизации генезиса феодализма в результате разложения родового строя, полностью поддерживая эту идею Грекова: 1) VI—VII вв. — разложение родового строя, появление рабов, частной собственности и социального неравенства, 2) IX—X вв. — определяющее значение сельской общины с большой семьей, рабство как форма эксплуатации зависимого населения, деньги, а не землевладение как средство обогащения, варварское государство при вассалитете без ленов как выражение отношений князя и дружинников, 3) с XI в. выделение малой семьи, рост крупного феодального землевладения, борьба боярщины с общиной, превращение эксплуатируемого населения в рабов, феодально зависимых или крепостных.¹²⁵ Мартынов поставил также важный вопрос о существовании разных форм феодальной зависимости и эксплуатации в процессе развития феодализма, ссылаясь на наблюдения Энгельса: *höriger* — «зависи-

мый» и *leibeigener* — «крепостной».¹²⁶ Так он пытался избежать широко распространившегося в это время отождествления крепостничества с феодальными формами зависимости. Греков признавал существование таких терминологических различий. Но под воздействием теории первичного закрепощения, поисков изначальных развитых форм феодальной эксплуатации — крепостничества он свел феодальную зависимость (*Hörigkeit*) к крепостничеству (*Leibeigenschaft*),¹²⁷ чем существенно ограничил возможности анализа генезиса и развития феодальной эксплуатации в древнерусский период.

Совершенствованию методики изучения проблемы генезиса феодализма были посвящены замечания Чернова о расширении круга привлекаемых материалов (топонимика), о потребителем использовании источников: материалов XIV—XV вв. для анализа общественных отношений IX—XII вв., летописей без учета их источниковедческого анализа, Русской Правды — без истории их списков¹²⁸ (Чернов, впрочем, не учел, что Историко-архивный институт в Ленинграде при участии Грекова уже принял решение об исследовании и издании текстов Русской Правды и возобновлении изучения летописей).

А. Г. Пригожин, один из ведущих специалистов тех лет по изучению генезиса феодализма в западноевропейских странах, активно поддержал мысль Грекова о развитии феодализма на Руси в результате разложения родоплеменного строя. Но, устанавливая причины этого исторического процесса, он шел не от конкретно-исторического анализа, а от теоретических посылок: 1) формирование соседских общин вело к образованию парцелл, росту патриархального рабства-холопства, превращению родовых старейшин в рабовладельцев, 2) родовой старейшина становился «сравнительно крупным землевладельцем, эксплуатировавшим труд зависимых от него общинников не рабов».¹²⁹ Но эти логические построения, не наполненные конкретным материалом, вели к поискам внешних причин феодализации: 1) «феодальное окружение» западноевропейских государств, Византии, а также Болгарского и Хазарского царства на Востоке, 2) изживание античного рабства, когда в Киевской Руси «установились крепостнические отношения», 3) норманское завоевание, которое «несло с собой также сильные крепостнические тенденции».¹³⁰ Однако эти доводы также оставались недоказанными.

Дискуссия по докладу Грекова велась страстно, но корректно, без обвинений в антимарксизме и «ярлыков». Ее участники выходили на новый уровень изучения обсуждаемой проблемы. Поэтому давние представления об общинно-вечевом или земско-вечевом строе Руси XI—XII вв. уже не появлялись. Их место занял анализ уровня производительных сил общества, процесса классовообразования. Осмыслились сравнение «империи Рюриковичей» (К. Маркс) и империи Карла Великого, характеристика Марксом вассальных отношений без фьефов или фьефов, состоящих только из даней, на

¹¹⁸ Там же. С. 90—91, 103—105, 115—116, 124, 127—129, 130, 133—134. Оживленные дискуссии велись в эти же годы и в Москве. Материалы этих дискуссий опубликованы в незначительной мере (Рыбаков Б. А. Учитель многих // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 115).

¹¹⁹ Там же. С. 70.

¹²⁰ Там же. С. 106—109.

¹²¹ Там же. С. 98—101.

¹²² Там же. С. 77, 113—115.

¹²³ Там же. С. 71, 89—91.

¹²⁴ Там же. С. 94.

¹²⁵ Там же. С. 71—82.

¹²⁶ Там же. С. 80—81.

¹²⁷ Там же. С. 154—156.

¹²⁸ Там же. С. 111—113.

¹²⁹ Там же. С. 142—143.

¹³⁰ Там же. С. 143.

Руси IX—X вв.¹³¹ Но вследствие нацеленности на изучение экономических основ это направление, позволявшее возродить традиции просветительской и романтической историографии в изучении феодальных отношений на основе феодалов, не было продолжено.

Происходил процесс становления новой концепции феодального строя Руси X—XII вв. Основные ее контуры были очерчены Б. Д. Грековым, который обобщил коллективный исследовательский опыт и внес в него свой вклад. Это направление способствовало углублению теории и практики археологических исследований, в которых сельское хозяйство, промыслы, ремесло, сельские и городские поселения стали рассматриваться в связи с развитием общественного строя на Руси, его феодальной природы, формировавшейся в IX—XI вв.¹³² С другой стороны, эти новые материалы стали оказывать положительное влияние на исторические исследования, в которых общественный строй Древней Руси начал изучаться на конкретно-исторических материалах в единстве экономических и социальных процессов вместо отдельных признаков, начал, определения целого по частному. Впрочем, в это время сложилась и социально-экономическая ориентация в изучении феодальной природы общественного строя Древней Руси.

Быстро корректируя свои концепции, исследователи приводили их в соответствие с речью Сталина на съезде колхозников-ударников. В докладе А. Г. Пригожина в Комакадемии уже 23 марта 1933 г. отмечалось, что в результате разложения доклассового общества должна была сложиться рабовладельческая система, хотя докладчик высказывал также мысль о генезисе феодализма в результате разложения первобытнообщинного строя. Такое соединение разнородных по содержанию идей свидетельствовало об устойчивости мнения о данном пути развития феодализма на Руси, но в этом случае оно было механически соединено со сталинскими представлениями. Феодализм в средневековых странах, включая Киевскую Русь, Пригожин характеризовал как крепостничество при господстве барщинного хозяйства.¹³³

В докладе М. М. Цвибака о генезисе феодализма в России, сделанном в ходе дискуссии, посвященной проблемам изучения генезиса и развития феодального общества, в ГАИМК 20—22 июня 1933 г. становление феодального строя также рассматривалось как следствие развития рабства, а не результат разложения родоплеменного общества и начальных форм феодальной эксплуатации, как устанавливал Б. Д. Греков.

¹³¹ Там же. С. 71—72, 75, 95—97 и др.

¹³² Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. 1934. № 11—12. С. 35—60; Воронин Н. Н. К вопросу об археологическом изучении поселения эпохи феодализма // Там же. № 5. С. 93—102; Его же. Владимирско-Суздальская земля в X—XIII вв. // Там же. 1935. № 5—6. С. 204—233; Его же. К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост, слобода, село, деревня. Л., 1935 (ИГАИМК. Вып. 138) (социологичность этой работы Воронина, односторонность в понимании письменных источников вызвали критические замечания: Бахрушин С. В. [Рец.] // ИМ. 1936. № 6. С. 191—194; Романов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.; Л., 1960. С. 327—418).

¹³³ Пригожин А. Г. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. С. 34, 52—56.

По мнению Цвибака, рабство было широко распространено на Руси. Наделение раба землей и средствами производства приводило к установлению феодальной эксплуатации, начальных форм крепостничества (в этом Цвибак отличался от дореволюционных ученых, которые считали посаженных на землю челядь и холопов рабами). Но в Русской Правде XI—XII вв. он видел «очень жесткую и подробнейшим образом разработанную систему рабовладения». На этом основании Цвибак критиковал Грекова за стремление умалить роль рабовладельческих отношений в Древней Руси. Формы феодальной зависимости рядовичей, наймитов, закупов, сябров, по его мнению, «невозможны вне рабства, они выходят из рабства, и за спиной их стоит рабство». Он подтверждал генетические связи крепостнической и рабской эксплуатации выдержкой из речи Сталина на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников.¹³⁴ Феодализация через рабство (основной путь развития феодальных отношений, по Цвибаку) порождала превращение свободных общинников в зависимых крепостных посредством закладничества, клнентеллы.¹³⁵ Первоначальный процесс феодализации Цвибак видел в выделении из общины «господина», «сделавшегося из рабовладельца в варварском доклассовом обществе землевладельцем в феодальном».¹³⁶ Другую сторону процесса он указывал в «феодально-дружинном объединении» — Руси, которая консолидировала сложившиеся мелкие феодальные центры. Альтернативно решая вопрос о формировании господствующего класса, он считал, что не дружина садилась на землю, а землевладельцы вошли в дружину — опору государственного аппарата.¹³⁷

Проследив развитие социально-экономической структуры в целом, Цвибак поставил новый в советской историографии вопрос о дани как средстве феодализации и превращении ее в господском хозяйстве в натуральную ренту — оброк, существующий наряду с барщиной. «При окончательном становлении феодализма и сложении феодального государства» свободные общинные земли становятся «принадлежащими князю, т. е. всему классу феодалов, взятому в целом», с сохранением общины — марки и волости, значительной свободы мелких производителей.¹³⁸

Другим новым наблюдением Цвибака был вывод о небольших размерах натурального боярского хозяйства в XI—XII вв.¹³⁹ Он не только создавал благоприятные возможности для конкретного анализа древнерусского хозяйства феодала, но и выводил исследование как одного из основных признаков феодализма, вследствие чего вопрос о наличии и отсутствии крупного землевладельческого хозяйства мог быть легко сведен к вопросу о наличии и отсутствии феодализма в Древней Руси. Однако сила сложившегося стереотипа в

¹³⁴ Цвибак М. М. Основные вопросы истории возникновения феодализма в России // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934. С. 80—81, 92—93 (ИГАИМК. Вып. 103).

¹³⁵ Там же. С. 82—83.

¹³⁶ Там же. С. 85.

¹³⁷ Там же. С. 84—86.

¹³⁸ Там же. С. 92—94.

¹³⁹ Там же. С. 96—97.

характеристике древнерусских форм зависимости и эксплуатации как крепостничества была столь значительна, а стремление буквально соотносить фазы генезиса и развития феодализма на Руси и в странах Западной Европы столь велико, что феодальные отношения в Древней Руси были охарактеризованы Цвибаком исходя из теории «первого» и «второго изданий» крепостничества в европейских странах как «первое издание» крепостничества («второе издание» — рост крепостничества и значения отработочной ренты в XVI—XVII вв. после ослабления их значения в XIII—XV вв.).

Влияние автохтонистских теорий, в частности концепции глотто- и этногенеза Н. Я. Марра, способствовало поискам глубинных генетических истоков классового развития в «истории культурной жизни юга СССР» начиная со времен античных колоний, киммерийцев, скифов, сарматов, готов «до образования феодального государства в Киеве».¹⁴⁰ Данью Цвибака популярным идеям того времени явились также поиски внешнеполитических факторов развития феодального общественного строя на Руси — «феодального окружения».¹⁴¹

Дискуссия по докладу Цвибака свидетельствует о популярности в 1933 г. мнений о значительной роли рабства в генезисе феодализма на Руси, хотя социально-экономическое содержание древнерусского рабства осталось нераскрытым. В условиях широкого распространения идей Сталина, высказанных на Первом съезде колхозников-ударников, Б. Д. Греков и В. В. Мавродин ушли от дискуссии с докладчиком в понимании содержания генезиса феодализма в России. Греков в своем выступлении подчеркивал важность анализа общих закономерностей генезиса феодализма,¹⁴² тогда как Мавродин отмечал антифеодальную борьбу крестьян-смердов против крепостничества и бояр-ростовщиков.¹⁴³ Обсуждение доклада Цвибака свидетельствовало о необходимости на современной стадии изучения генезиса феодализма в древнерусский период комплексно использовать археологические материалы (А. В. Арциховский, М. Г. Худяков, М. К. Каргер), сравнительно-исторические данные (М. В. Джервис), глубокий источниковедческий подход к привлекаемым летописным и актовым источникам (С. Н. Валк).¹⁴⁴ Что касается основных дискуссионных вопросов — рабства и феодализма в Древней Руси, то обсуждение не способствовало их плодотворному решению вследствие правового подхода к рабству и пониманию феодализма как крепостничества: наделение орудиями и средствами производства непосредственного производителя, прикрепленного к земле, вынужденного в силу внеэкономического принуждения работать на помещицкой земле и отдавать прибавочный и часть необходимого продукта (А. Г. Пригожин).¹⁴⁵ Между тем участники дискуссии прошли мимо новых наблюдений Цвибака о дани как средстве феодализации, о небольших размерах натурального боярского хозяйства в период генезиса феодализма, о распространении верховной собственности

¹⁴⁰ Там же. С. 97—98.

¹⁴¹ Там же. С. 73—75, 98—101.

¹⁴² Там же. С. 257—263.

¹⁴³ Там же. С. 271—273.

¹⁴⁴ Там же. С. 224, 263—267, 278—285, 295—301.

¹⁴⁵ Там же. С. 53.

князя — класса феодалов на свободные крестьянские земли в период развитого феодализма и сложения феодального государства. Исследователи были еще не готовы к решению этих вопросов, ограничиваясь рассмотрением земельной собственности феодалов и видов зависимости в господском хозяйстве, то есть идя в русле тех проблем, которые были наиболее изучены в историографии, противопоставляя ее наблюдениям или углубляя их анализом форм эксплуатации.

Тенденция к изучению генезиса феодализма в Древней Руси через развитие рабовладельческих отношений была активно поддержана И. И. Смирновым. Он исходил из мысли, что появлению средневекового феодального государства предшествовал процесс образования антагонистических классов. Но характер этих классов он устанавливал не через анализ источников, а посредством абсолютизации рабства как первоначальной формы эксплуатации, разлагающей родовой строй. Для исходной стадии генезиса феодализма Смирнов считал очевидным два уклада: рабовладельческий и общинный. Рабовладельческое общество предшествовало феодальному. Процесс генезиса феодализма заключался, по Смирнову, в превращении рабовладельцами государства в «могучий рычаг в деле создания нового способа производства», в узурпации господствующим классом рабовладельцев общинной земельной собственности, в превращении свободного крестьянства в крепостных. Этот путь генезиса феодализма Смирнов считал всемирно-историческим, тогда как античная форма рабства сложилась в особых исторических и географических условиях Средиземноморья и тормозила, по его мнению, переход от рабовладельческого общества к феодализму.¹⁴⁶

В определении феодализма Смирнов исходил, подобно многим историкам того времени, из ленинской характеристики крепостничества. Поэтому уже в начальной посылке он ограничивал феодальные формы зависимости и эксплуатации крепостническими, а феодальное землевладение — поместным.¹⁴⁷ Другими чертами феодализма он считал монополию феодальной собственности на землю, ее иерархическую структуру, иерархичность государства, внеэкономическое принуждение непосредственного производителя, который владел всеми средствами производства, кроме земли, крепостничество как форму его несвободы. Однако к такому пониманию феодализма, как и его последующего развития, он пришел не на основе конкретно-исторического анализа, а в результате частичного отбора цитат из трудов классиков марксизма. В конце работы он все же сделал вывод об эпохе «феодализма-крепостничества» в России в IX—XIX вв.¹⁴⁸

В условиях дискуссий 1932—1933 гг., усиления догматизма и цитатничества, активного воздействия на труды историков сталинской концепции смены рабовладельческих и крепостнических форм эксплуатации Греков опубликовал исследование, которое было названо принципиально: «Очерки по истории феодализма в России: Система

¹⁴⁶ Смирнов И. И. О генезисе феодализма // ПИМК. 1933. № 3—4. С. 38—45.

¹⁴⁷ Смирнов И. И. Феодально-крепостническое общество // Ковалева С. И. и др. Краткое введение в историю докапиталистических формаций. М.: Л., 1934. С. 100—101 (ИГАИМК. Вып. 99).

¹⁴⁸ Там же. С. 120.

господства и подчинения в феодальной деревне X—XVI вв.»¹⁴⁹ (книга сдана в набор 25 мая 1933 г., подписана к печати 14 февраля 1934 г.). Своим содержанием работа продолжала основную мысль грековского доклада 1933 г. о генезисе феодализма в Древней Руси в результате разложения родового строя, но под воздействием критических замечаний и новейших тенденций в историографии автор ввел в текст ряд коррективов. Наиболее существенным из них при анализе генезиса феодализма являлось указание длительной предшествующей исторической эволюции со времен скифов,¹⁵⁰ значительной роли рабовладения в процессе роста господского землевладения и подчинения мелких непосредственных производителей (без конкретно-исторического раскрытия этого процесса).¹⁵¹ Отмечал Греков ускоряющее воздействие «нашествия» варягов на местные социально-экономические процессы, допуская его значительное влияние на рост рабовладения и работорговли, хотя тут же указывал на переплетение на Руси IX—X вв. разных типов общественно-экономических укладов, основными из которых являлись разлагающийся патриархальный строй и развивающийся феодализм, тогда как рабство-холопство не составляло основу производства.¹⁵² Греков по-прежнему отмечал существование в XI—XIII вв. крупной земледельческой феодальной вотчины, в которой эксплуатировались посредством отработочной и натуральной ренты феодально зависимые (смердов он называл полукрепостными или крепостными), а также рабский труд челяди и холопов, который сокращался с успехами феодализации — рабы превращались в крепостных.¹⁵³

Таким образом, концепция Грекова продолжала противостоять тем тенденциям и теориям, которые предполагали развитие феодализма в результате разложения рабства. Но на нее в это время оказала сильнейшее воздействие критика сторонников мнений о значительном развитии рабовладения на Руси, «первого» и «второго изданий» крепостничества, удреждения этно-социального развития, что разрушало целостность его концепции, изложенной в докладе 1933 г. Вместе с тем накопленные наблюдения над феодальным характером господства и подчинения способствовали тому, что не только Греков, но и другие исследователи рассматривали восстания смердов в XI в. как антифеодальную классовую борьбу.¹⁵⁴

Новую работу Грекова и его концепцию в целом, но с иных позиций, чем М. М. Цвибак и И. И. Смирнов, подверг резкой критике С. В. Вознесенский.¹⁵⁵ Его разбор показывал уязвимость тех положений, которые Греков включил в свою теорию в результате внешнего воздействия. Но основное содержание его критики было

¹⁴⁹ М.; Л., 1934 (ИГАИМК. Вып. 72). С. 25—159.

¹⁵⁰ Там же. С. 29—32.

¹⁵¹ Там же. С. 33.

¹⁵² Там же. С. 35—36.

¹⁵³ Там же. С. 37—55.

¹⁵⁴ Арциховский А. В., Киселев С. В. К истории восстания смердов 1071 г. // ПИМК. 1933. № 7—8. С. 53—54; Мавродин В. В. К вопросу о восстаниях смердов // ПИДО. 1934. № 6. С. 75—83.

¹⁵⁵ Вознесенский С. В. К вопросу о феодализме в России // ПИДО. 1934. № 7—8. С. 222—234.

направлено против мнения о генезисе и развитии феодализма на Руси в IX—XII вв. Ему Вознесенский противопоставил взгляды, в которых ясно прослеживается влияние работ В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова, М. Н. Покровского.

По его мнению, в IX—X вв. происходило оседание варягов в городах и их слияние «с выделявшимися при разложении родового строя верхами туземного населения». Они осуществляли грабеж, позднее сбор дани с окрестного населения, торговали рабами-челядью в Византии и на Востоке. Могущество князя и боярина в середине X в. после «оседания на землю» измерялось, по Вознесенскому, величиной их дружины и наличием конских табунов. Господское хозяйство составляли коневодство, скотоводство, охота и бортничество. Землевладение и села имели значение лишь для «бережения дани», «обширных кладовых» и для поселения части челяди. Княжеское и боярское землевладение Вознесенский начинал с XII в., считая его ограниченным по размерам и значению, поскольку, по его мнению, князья и бояре-дружинники, «обзаведясь земельной собственностью, продолжали жить главным образом за счет дани, собиравшейся с подчиненного населения».¹⁵⁶ Он называл (но не показывал) княжеское и боярское земледельческое хозяйство с XII в.

Появление феодальных форм эксплуатации Вознесенский также объяснял близко к концепциям Рожкова и Покровского, вводя новейшие коррективы о крепостничестве в Древней Руси: рабы превращались в крепостных в результате их поселения на землю для ведения собственного хозяйства, они наделялись орудиями производства и эксплуатировались посредством отработочной ренты. Другой путь появления крепостных он видел в прикреплении к земле свободных крестьян-смердов их данническим положением. Прямым насилием, «рядом», «ссудой» они превращались в рабов и зависимых людей феодальной вотчины. К XIII—XV вв. Вознесенский относил развитие феодализма, близко к Павлову-Сильванскому: захват князьями и боярами крестьянских земель, «добровольная» коммундация, а также новая идея перерождения дани в феодальную ренту.¹⁵⁷

Критика грековской концепции велась Вознесенским по преимуществу с позиций, уже пройденных отечественной наукой. Отвечая оппоненту, Греков показывал объективные и субъективные недостатки такой критики: неточное изложение его взглядов, отказ от использования в историческом исследовании достижений лингвистических и археологических работ, отсутствие критического историко-экономического подхода к основному источнику для изучения социально-экономических отношений — Русской Правде. В методике изуче-

¹⁵⁶ Там же. С. 226—228.

¹⁵⁷ Там же. С. 228—232. Такой подход к изучению генезиса феодальных отношений на Руси объясняет причины согласия Вознесенского с Цвибаком в вопросе о рабстве как основе феодализации, о первоначальности отработочной ренты, а также истоки его решительных возражений Цвибаку в связи с отнесением генезиса феодализма к IX—X вв., а развитых феодальных отношений — к XI—XII вв. (Вознесенский С. Об одной новой теории генезиса русского феодализма // Исторический сборник. Т. 2. Л., 1934. С. 199—209.)

ния проблемы Греков обратил внимание на отсутствие попыток в работе Вознесенского установить генезис общественных отношений до IX—X вв., игнорирование данных «Правды Ярославичей» для установления характера княжеского хозяйства в XI в., ошибочность отрицания земледелия в господском хозяйстве XI—XII вв. и т. д.¹⁵⁸ Таким образом, критическое выступление Вознесенского не опровергло основных выводов исследования Грекова, но обращало внимание на необходимость его совершенствования.

Изучение общественного строя Древней Руси, как и все направления в исследовании исторического процесса, испытало в 1934 г. очередной натиск сталинского режима в руководстве исторической наукой. В постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о месте «гражданской истории» в школах СССР осуждалось ее преподавание в виде абстрактного определения общественно-экономических формаций, подменявших «святое изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами».¹⁵⁹ Данное постановление сопровождалось воссозданием исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах, а позднее и в других университетах страны.

Положительное значение восстановления исторических факультетов и обращения к «гражданской истории» вместо «социологических схем» совмещалось и с иными, конкретными целями. Эта смена ориентиров в условиях формирующегося сталинизма, перекроившего под себя «марксизм-ленинизм», была предназначена для уничтожения конкурирующих «схем» и создания условий для появления новой, единственной историко-партийной схемы Сталина. Этот первоначально общий призыв был конкретизирован в начале 1936 г. в кампании против «школы М. Н. Покровского». При этом «школа Покровского» стала общим обозначением направлений, подлежащих осуждению и уничтожению. Завершением этого плана стала публикация сталинской исторической «схемы» — «История ВКП(б). Краткий курс».

Для руководства Сталиным исторической наукой в 1934 г. было создано идеологическое обоснование. Как говорилось в речи П. П. Постышева 14 января 1934 г., выступления Сталина являются «величайшими теоретическими работами, высшими ступенями марксистско-ленинского анализа и теоретического обобщения нашей социалистической практики, являющиеся в подлинном смысле слова проекторами, освещающими партии, рабочему классу и трудящемуся крестьянству путь в их борьбе за полную победу социализма в нашей стране, за мировую пролетарскую революцию». Среди выступлений Сталина была названа и речь на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников.¹⁶⁰ После такого указания, отождествлявшего деятельность партии с деятельностью Сталина, устанавливавшего один уровень новейших политических задач и исторических характеристик, «вопрос о роли Сталина в развитии и разработке

философского наследия Маркса-Ленина» воспринимался как «актуальнейшая тема» «на философском участке теоретического фронта».¹⁶¹ Выражением новой направленности теоретических разысканий в данной связи явилась приведенная в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» сталинская формулировка смены рабовладельческих и крепостнических форм эксплуатации, роли революций рабов и крепостных, характеризовавшаяся как «не только популярное объяснение, но и важнейший теоретический тезис, дающий мощный толчок исторической исследовательской мысли».¹⁶²

С августа 1934 г. отмечаются «указания» Сталина в связи с изучением средневековой истории Руси. В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР», подписанных И. В. Сталиным, А. А. Ждановым, С. М. Кировым (указана дата — 8 августа 1934 г.), наряду с критическими замечаниями по истории СССР дореволюционного периода, в отношении характеристики феодального строя было сделано следующее замечание: «В конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств».¹⁶³

Сравнение этих формулировок с исследованиями конца 20-х — начала 30-х гг., которые разрабатывали теории генезиса и развития феодализма в результате разложения родоплеменного строя или рабовладельческих отношений, а также раскрывали феодальную природу самодержавия XVII—XIX вв. до его перерастания в буржуазную монархию, свидетельствует о том, что противопоставление самодержавного строя государства и строя феодальной раздробленности близко к давним представлениям о феодализме 900-х — начала 20-х гг. Понятие «дофеодальный период» возвращало к социологии Н. А. Рожкова и ко мнению Н. П. Павлова-Сильванского о феодализме как статичной совокупности основных признаков и предшествующей ему «дофеодальной эпохе». При этом снималась проблема генезиса феодального строя; понятие «дофеодальный период», несмотря на свою научную неопределенность в качестве негативного эквивалента «нефеодальный», оказывалось наполненным конкретным содержанием — крестьяне в этот период были не закрепощены, то есть лично свободны. При противопоставлении феодальной раздробленности и самодержавного государства подчеркивались внешние различия, но не отмечалась единая сущность этих двух форм политического строя. Прямая связь феодализма с закрепощением крестьян, то есть с развитыми формами феодальных отношений, предполагала двойственность исследовательской позиции: отнесение крепостничества, развитого феодального строя к древнерусскому периоду, если в нем устанавливался феодальный строй, и, напротив, отрицание феодализма, если закрепощение крестьян не

¹⁵⁸ Греков Б. Д. Мой ответ С. В. Вознесенскому // Там же. С. 234—241.

¹⁵⁹ К изучению истории. [М.] 1938. С. 18.

¹⁶⁰ Постышев П. Поднять работу марксистско-ленинских институтов Украины на уровень требований социализма // Большевик. 1934. № 3—4. С. 13.

¹⁶¹ За качество исследовательской работы советских историков // ПИДО. 1934. № 5. С. 3—4.

¹⁶² Там же. С. 5.

¹⁶³ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории: Сборник. М., 1937. С. 22.

устанавливалось. Неправомерным было также ограничение множественных феодальных форм зависимости и господства закрепощением крестьян. Неясным оказывался при этом общественный строй средневекового города. В представлениях о феодализме «Замечания» были далеки от анализа феодализма как Марксом, Энгельсом, Лениным, так и историками конца 20-х — начала 30-х гг. Они выражали мнение Сталина об историческом процессе и, в частности, о феодальном строе. Противопоставление «дофеодального» и «феодального» периодов было метафизическим и статичным. В его основе находилось представление о «феодализме» как «модели» с несколькими признаками (у Сталина с одним признаком — крепостничеством). В отличие от историков-профессионалов начала 30-х гг., у которых понятие «дофеодальный период» изредка встречалось как технический термин для обозначения «дофеодального общества» по аналогии с «докапиталистическими обществами», Сталин наполнил понятие «дофеодальный период» конкретным содержанием.

Как следует из постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б), опубликованного 27 января 1936 г., «14 августа 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР одобрили представленные товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым замечания по поводу конспектов новых учебников по истории СССР и новой истории».¹⁶⁴ Задержка публикации «Замечаний» до начала 1936 г. объясняется ее совмещением с началом кампании против «школы Покровского». Но идеи «Замечаний», разумеется, становились известными среди историков-профессионалов со времени их «одобрения» в ЦК ВКП(б) и в Совнаркоме, то есть с августа 1934 г. «Замечания» распространяли в профессиональной среде мнения о существовании в средневековой Руси особого «дофеодального периода», а также поддерживали у советских историков идеи, отождествлявшие феодализм с крепостничеством.

С середины 30-х гг. начался новый период в изучении общественного строя Древней Руси. Он определялся прежде всего многочисленными исследованиями по данной проблеме, но, с другой стороны, — постоянным отрицательным воздействием сталинского режима середины 30-х — начала 50-х гг.

2. Концепция общественного строя Древней Руси и дискуссии середины 30-х — первой половины 50-х гг. Концепция генезиса феодализма в древнерусский период продолжала активно разрабатываться в ходе дискуссий. Совершенствуя свою теорию, Б. Д. Греков основательно пересмотрел и развил аргументацию и выводы ранее опубликованных работ в исследовании «Феодальные отношения в Киевском государстве».¹⁶⁵ Он сохранил основные наблюдения о генезисе феодализма на Руси в результате разложения родового строя и снял экскурс об этногенетических истоках и предпосылках социально-экономического развития восточных славян начиная со скифского времени, что было сделано в 1934 г. под влиянием критики с марровских позиций этно- и глоттогенеза, но более обстоятельно рассмотрел эволюцию восточнославянских племен начиная с антов, об общественном строе которых письменные источники содержат кон-

кретную информацию. Греков вернулся к рассмотрению единого процесса генезиса феодализма в Древнерусском государстве. Такой подход восстанавливал в русской исторической науке традиции изучения единого государства на Руси, его феодального строя, что было свойственно целостному подходу просветительской и отчасти романтической историографии. В этой концепции Греков продолжил также исследовательский опыт 900-х — первой половины 30-х гг., в частности ленинградских (петербургских) историков, прежде всего А. Е. Преснякова и сотрудников ГАИМК. Но в вопросе о роли варягов в генезисе феодализма он пришел к выводу, в отличие от просветителей и романтической школы, что основное значение имели местные социально-экономические и политические процессы, создавшие Киевское государство. В них варяги являлись лишь «эпизодом».¹⁶⁶

Следуя еще не опубликованным «Замечаниям» Сталина, Жданова, Кирова, Греков ввел в периодизацию генезиса феодализма понятие «дофеодальный период», которое в ранее изданных работах и в докладе «Рабство и феодализм в Киевской Руси» не использовал. Однако историзм собственной научной концепции и близость к конкретно-историческому материалу позволили ему преодолеть статичность и неопределенность этого понятия. Греков охарактеризовал содержание «дофеодального периода» как переходного, отметил в нем разложение родового строя, патриархальную семью, формирование государственной организации (наследственность княжеской власти, налоговая, пенитантная система) и соседской общины-марки, появление феодальных форм эксплуатации. Признавая патриархальное рабство, его роль в начальный период становления классовых отношений, последующее рабство в XI—XII вв., Греков отмечал, что ведущими общественными отношениями являлись феодальные, генезис которых устанавливался им на основании состава норм Краткой редакции Русской Правды XI в. Греков показывал, что при развитых рабовладельческих отношениях формировалась рабовладельческая формация, социально-экономическая и политическая структура которой была хорошо известна по древнегреческому и римскому обществам. В Древней Руси совершался другой путь исторического развития — генезис феодализма в результате разложения «родовых отношений». Но, приводя высказывания Маркса и Энгельса о разных формах феодальной зависимости и крепостничества, он теперь исходил из представлений о «первом издании» крепостничества, да и сущность феодальной эксплуатации уже традиционно воспринималась им как «присвоение крупными земельными собственниками, монополизирующими право на землю, труда непосредственных производителей, владеющих всеми условиями производства и воспроизводства, кроме земли».¹⁶⁷ Это мнение продолжало характеристики феодальных форм зависимости и эксплуатации, установившиеся в дискуссиях конца 20-х — начала 30-х гг., в которых на творческий анализ исторической действительности ока-

¹⁶⁴ Там же. С. 20.

¹⁶⁵ М.; Л., 1935.

¹⁶⁶ Там же. С. 8—15.

¹⁶⁷ Там же. С. 15—32, 96—98; см. также: Греков Б. Была ли древняя Русь рабовладельческим обществом? // Борьба классов. 1935. № 3. С. 69—75.

зывают внешнее воздействие цитатничество и социологические построения, мало связанные с конкретно-историческим анализом.

Большое научное значение имела постоянно совершенствуемая в работах Грекова методика изучения древнерусских социальных категорий. Стремление к максимальной мобилизации источниковых данных соединялось в ней с источниковедческим анализом привлекаемых материалов, прежде всего Русской Правды, в органичном единстве со сравнительно-историческими данными. Тем самым Грековым закладывались основы современного изучения социально-экономического строя Руси в единстве теоретического и конкретно-исторического анализа, принципиально отличающегося от абстрактного теоретизирования и эмпиризма, что не исключало, а предполагало дальнейшее совершенствование теории и практики исследования в последующих работах как самого Грекова, так и его последователей и оппонентов. Но при этом появлялись объективные критерии полноты привлеченных источников, корректности их использования с привлечением источниковедческого анализа, совершенства методики конкретно-исторического исследования, методологии исторической концепции.

Концепция Грекова противопоставил свою теорию развития феодальных отношений в Древней Руси С. В. Бахрушину. Тяжелым обвинением в тот период явилось его утверждение, что Греков не установил «определенной грани между дофеодальным и феодальным периодом, точнее, дофеодальный период им отодвигается куда-то очень далеко назад, а с IX в. мы имеем у него уже феодальный строй, базирующийся на развитом земледелии».¹⁶⁸ Это изложение не только неверно передавало мнение Грекова. Требование Бахрушина в установлении «определенной грани» подразумевало быстрые качественные изменения между «дофеодальным» и «феодальным» периодами, что снимало проблему генезиса феодализма. При таком подходе к изучению становления феодализма Бахрушин выделял «дофеодальный период» в IX—X вв. Признавая формирование в это время соседской общины-марки, он считал, что она занималась земледелием, но большое место в экономике занимали охота, рыболовство, бортничество. Отрицание сельского хозяйства как основы экономики восточных славян в этот период нужно было Бахрушину для подтверждения мысли о «хищническом сборе дани» с них князьями-завоевателями и их дружинами вследствие отсутствия «в местных условиях благоприятных данных для применения феодальных методов эксплуатации». Образование «империи Рюрика» сводилось к завоевательной деятельности князей при отсутствии местных социально-экономических и политических предпосылок.¹⁶⁹

Причину качественных изменений Бахрушин ищет в материальных причинах и находит в «большом сдвиге» в экономике Поднепровья, где господствующее положение занимает в XI в. сельское хозяйство. Поэтому происходит процесс дифференциации «туземного населения», в нем выделяются землевладельцы, с которыми асси-

милируются потомки завоевателей. С этими процессами он связывает «прочное оседание на землю» князей и бояр, до тех пор слабо связанных территориально с эксплуатируемым населением.

Исходная посылка Бахрушина в периодизации экономического развития Руси не учитывала новейших археологических исследований, а также всего комплекса письменных материалов о структуре хозяйства восточных славян. Поэтому его представление об определяющем значении земледелия только с XI в. совпадало с мнениями Ключевского и Рожкова. Отсюда недооценка уровня развития социально-экономических отношений у восточных славян и представления о территориально слабой связи князей и бояр с эксплуатируемым местным населением, что с коррективом «эксплуатации» переосмыслило в понимании общественного строя IX—X вв. старую идею общинно-вечевой теории. Начало феодального землевладения в XI в.¹⁷⁰ и завершение процессов, ведущих к формированию феодального общества в XII в., также возвращают к дореволюционной историографии, к Рожкову и Покровскому, но с учетом теорий конца 20-х — начала 30-х гг. Первоначальные формы крестьянской зависимости Бахрушин объяснял как близкие к крепостническим. Таким образом, он противопоставлял концепции Грекова мнение, основанное на более ограниченной источниковой базе и совпадающее со старыми теориями или переосмысляющее их в соответствии с «Замечаниями» Сталина, Жданова, Кирова. Но он поддержал Грекова в основном — в установлении генезиса феодализма в древнерусский период в результате разложения родового строя, хотя содержание этого процесса и его периодизацию представлял с существенными отличиями.

В ходе дискуссий концепция Грекова продолжала совершенствоваться, уточнялись ее положения, прежде всего периодизация генезиса феодализма. Рассматривая в единстве социально-экономические и политические процессы, им выделено в истории Киевского государства два периода: «1) период вызревания феодальных отношений, подготовки сил, способных разложить „империю“ на уделы, и 2) период феодальной раздробленности, то есть период наибольшего могущества отдельных феодалов, освоивших общинную землю и таким путем успешных поставить в зависимость от себя огромное число подданных».¹⁷¹ Политический строй и датировку первого периода Греков характеризовал, вслед за «Секретной дипломатией» Маркса, как «готический», как «империю», «составленную Рюриковичами из лоскутков, подобно другим империям аналогичного происхождения». Вторая половина X — начало XI в., время Владимира, — вершина в развитии этой империи; середина XI в., время Ярослава, — «начало заката готической России». Период феодальной раздробленности — «новый подлинно феодальный строй, новый этап в истории России».¹⁷² Такой подход к периодизации истории Древней Руси в соединении с конкретно-историческим раскрытием

¹⁷⁰ Там же. Зачаточные формы феодальной эксплуатации с XI в. отмечал тогда же А. В. Шестаков (*Шестаков А. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР»* // ИМ. 1937. Кн. 3. С. 87).

¹⁷¹ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. [2-е изд.] М.: ГИ. 1936. С. 24.

¹⁷² Там же. С. 19. 21.

¹⁶⁸ Бахрушин С. К вопросу о русском феодализме // Книга и пролетарская революция. 1936. № 4. С. 44.

¹⁶⁹ Там же. С. 48.

генезиса и развития феодализма противоречил ее статичному и неопределенному делению на «дофеодальный» и «феодальный» периоды. Поэтому в издании 1936 г. книги «Феодальные отношения в Киевском государстве» Греков еще сохранил название параграфа «Общественные отношения дофеодального периода», а в перепечатке этого издания в 1937 г. заменил его другим — «Следы древнейшего общественного строя», что было смелым в то время шагом, отражавшим стремление ученого к конкретно-историческому анализу вместо догматизма.

В связи с изданием этой книги Грекова Бахрушин вновь предложил оппонирующие коррективы к изложенным в ней наблюдениям. Он предложил «офермерное единство Руси» лишь с правления Святослава, то есть в 60-е гг. X в. Полагал он и «территориальную неустойчивость» «государства» до конца X в., абсолютизируя мысль Маркса о взгляде князей на Русь «как на стоянку, от которой надо двигаться дальше в поисках империи на юге». ¹⁷³ Только с конца X в. Бахрушин начинал формирование государства как целостной организации, указывая на замену сбора «случайного» полюдья определенным «уроком» при княгине Ольге. Основной формой эксплуатации населения он считал дань. Но к концу X в. Бахрушин не относил «окончательно сложившегося государства», предупреждая против опасности перенесения на ранний период более позднего «государственного строительства». ¹⁷⁴ Отстаивание «дофеодального» характера Руси IX—X вв. и признание фактов ее феодальной раздробленности в XI—XII вв. ставили Бахрушина, как, впрочем, и Н. Л. Рубинштейна, придерживавшегося близкого мнения, ¹⁷⁵ в сложное положение, поскольку исчезали генезис феодального государства, его социально-экономическая обусловленность в период политического единства, по Бахрушину — в период княжения Владимира и Ярослава. У Рубинштейна «феодальная раздробленность» начиналась сразу за «дофеодальным периодом» IX—X вв. Отсутствие объективных критериев в оценке общественно-политического строя «империи Рюриковичей» привело Бахрушина к ее оценке (наряду с «дофеодальным периодом») как «военной демократии», ¹⁷⁶ что не учитывало выявленные им самим черты государственного строя и (вслед за Марксом) начальные формы феодно-вассальных отношений.

Отсутствие объективных критериев в понимании рабских и феодальных форм зависимости являлось причиной традиционной характеристики челяди и холопов как рабов. Бахрушин пытался проследить одновременность терминов «челядь» и «холоп», эволюцию раба (в IX—X вв. — объект торговли, с XI в. — объект использования в сельском хозяйстве и ремесле).

¹⁷³ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // ИМ. 1937. Кн. 3. С. 168.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // ИМ. 1937. Кн. 2. С. 40—77; *Его же*. «Держава Рюриковичей» // ВДИ. 1938. № 2. С. 88—98; Рубинштейн Н. Л. [Рец. на кн.]. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936 // ИМ. 1938. Кн. 1. С. 130—131.

¹⁷⁶ Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей». С. 98.

Приглушая особое значение рабства и рабовладения для IX—X вв., что продолжало традиции В. О. Ключевского, Бахрушин поддерживал свое понимание этого периода совпадением с мнением И. В. Сталина о существовании особого «дофеодального периода»: «В замечаниях товарищей Сталина, Кирова, Жданова по конспекту учебника истории СССР совершенно отчетливо указывается, что не следует смешивать „в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены“. Поскольку в изучаемую эпоху мы не имеем еще закрепощенного крестьянина и князю с его дружиной противостоит вольный общинник, облагаемый данью, мы, конечно, не вправе еще говорить о феодализме». ¹⁷⁷ Отмечая в IX—X вв. распад рода на большие семьи, Бахрушин характеризует строй Руси IX—X вв. как «военную демократию». Содержание этого строя он излагает в соответствии с идеями Ф. Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: «„Главный отличительный признак“ киевского князя — „военное предводительство“, как это было и у греческих царей героической эпохи. Силу его составляет дружина, живущая войной и для войны». Исходя из такого понимания общественного строя Руси IX—X вв. он определяет этот строй также в соответствии с Энгельсом, но с коррективом феодализма: «на переломе между высшей ступенью варварства и цивилизацией, [он] является переходным периодом между родовым строем и феодальным». «Некоторые успехи» феодализации Бахрушин отмечает на Руси к концу X в., а сам «переход к феодализму» видит «по мере того, как на развалинах общины вырастает феодальная собственность на землю». ¹⁷⁸

Бахрушин соглашался с Грековым в понимании феодальных форм зависимости закупов, рядовичей, смердов (последние — наряду со свободными общинниками). Он подметил недостаток Грекова в изображении зависимых смердов с чертами юридического закрепощения крестьян XVI—XVII вв., однако и сам в духе времени воспринимал феодальные формы зависимости как закрепощение, тогда как отсутствие целостного подхода к анализу генезиса феодальных отношений приводило Бахрушина к недоказанному мнению о прощенничестве как характерной форме феодальной зависимости в Киевской Руси. ¹⁷⁹ Вследствие этих особенностей изучения древнерусского общественного строя оказывалось, что постоянные обвинения им грековской концепции в статике основывались на разном понимании динамики исторического процесса: Греков относил переход от родового строя к феодальному к IX—XI вв., тогда как Бахрушин относил начало феодального строя к рубежу X—XI вв., а его развитие — к XI—XIII вв.

Таким образом, Бахрушин поддержал концепцию Грекова в определении феодального строя в древнерусский период. Центр тяжести дискуссии он перенес на осмысление его генезиса. Если Греков исходил из единства процесса распада родоплеменного строя и параллельного процесса генезиса феодальных отношений, правда в

¹⁷⁷ Там же. С. 97—98.

¹⁷⁸ Там же. С. 98.

¹⁷⁹ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы... С. 172.

понятиях крупного землевладения и крепостничества, то Бахрушин, так же понимая феодализм, отрицал его в IX—X вв., до появления крупного землевладения и крепостничества в XI—XIII вв. Поскольку, однако, общественно-политический строй Руси IX—X вв. не подходил на родоплеменной строй, то Бахрушин отнес его к «дофеодалному периоду», по Сталину, или к «варварству», по Энгельсу. Если в историческом аспекте такое противопоставление общества свободных общинников и феодализма восходило к мнению Н. П. Павлова-Сильванского, который относил вследствие этого «дофеодалную эпоху» на Руси к X—XII вв., начиная феодализм с XIII в., то в социологическом аспекте противопоставление Сталиным «дофеодалного» и «феодалного» периодов, а Энгельсом «варварства» и «цивилизации» даже не предполагало, вследствие схематичности конкретно-исторического содержания, перехода от одного общественного строя к другому. В концепции Бахрушина проявилась внутренняя статичность выделяемых им периодов исторического развития Руси IX—XIII вв., тогда как концепция Грекова содержала внутренний динамизм в эволюционной смене родоплеменного строя феодализмом.

Многочисленные работы середины — второй половины 30-х гг. способствовали развитию комплексных методов конкретно-исторического исследования, совершенствованию его техники. Они перерастали уровень работ 20-х гг. в теории и практике исторического анализа. Однако естественному процессу смены исследовательских традиций партийно-государственное руководство страны придало разоблачительный характер.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г., наряду с указанием коренного улучшения новых школьных учебников по истории, отмечалось влияние на их авторов «известных ошибок Покровского». Указывалось также на распространение «среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой „исторической школе Покровского“». ¹⁸⁰ В условиях сталинского режима это постановление нацеливало ведущих историков на критику исторической концепции Покровского.

С анализом общественного строя Древней Руси в работах Покровского вынужден был выступить в 1937 г. Греков. Основным положением концепции Покровского по данной проблеме он противопоставил результаты исследований и дискуссий конца 20-х — середины 30-х гг. Отрицанию государства и классов, характеристикам «федеративного», «республиканского» характера Руси с вечевым строем городов и князем — «военным сторожем» в городе (Греков не устанавливал истоков этих идей в дореволюционной историографии) он противопоставил понимание Киевского государства или «империи Рюриковичей» как огромного варварского государства с многоэтничным населением, где происходил процесс развития феодального строя. Как писал Греков, «князь возглавлял государство, т. е. организованное господство одного класса над другим», осуществляя государственные и классовые функции, тогда как конкретно-исторический анализ

¹⁸⁰ К изучению истории. С. 21.

веча раскрывал его развитие от народного собрания при родовом строе к упадку его значения в X—XI вв. в Киевском государстве и возрождение городских вечевых собраний как органа власти феодальной знати с конца XI в. по мере роста феодального расслоения общества и феодальной политической раздробленности. Отсюда вместо внешних причин падения «городового строя» в изменении роли торговых путей с крестовыми походами и «грандиозного татарского пролома» Греков указывал на внутренние закономерности социально-экономического и политического развития Руси в основных этапах истории ее феодального строя. ¹⁸¹ Поискам особой роли патриархальных большесемейных общин (печищ и дворищ) в истории господского хозяйства и государства, характеристикам различных категорий сельского и городского населения в работах Покровского Греков противопоставил наблюдения над формированием соседской общины — верви и процессами классовобразования, что было основано на большом опыте, накопленном историками, включая исследования Грекова, в 30-е гг. В отличие от давних представлений о преобладании в городах торговли, Греков отмечал их производственные, ремесленные, военные и административные функции, тесные связи с окружающими селами. ¹⁸²

Греков отмечал также совпадение мнений Покровского и новейших исследователей в ряде вопросов: глубинные истоки земледелия восточных славян, смена родового строя феодальным, наличие крупного землевладения на Руси XII—XIII вв. ¹⁸³ Но он указывал на содержательную ограниченность этих наблюдений, на отсутствие генезиса устанавливаемых исторических явлений в работах Покровского. Поэтому было очевидно, что концепция Покровского — пройденный этап истории исторической науки. К чести Грекова, его историографический анализ не носил разгромного разоблачительного характера, широко распространенного в те годы.

Развивая свою концепцию к охвату исторических явлений в их целостности, Греков дополнил содержание процесса феодализации, помимо крупного землевладения, монопольным правом на землю крупных земельных собственников. Но в развитии этой мысли, сформулированной в конце 20-х гг. А. Г. Пригожиным, он отмечал эксплуатацию непосредственных производителей, владеющих «всеми условиями производства кроме земли», во внеэкономическом принуждении класса феодалов либо посредством «открытого насилия», либо «через органы государства, т. е. организованной власти землевладельцев-феодалов». ¹⁸⁴ В этих устанавливаемых чертах особенностей структуры феодальной собственности на землю, форм ее реализации в системе феодального государства в процессе феодализации можно видеть первые подходы к изучению государственных форм эксплуатации лично свободных непосредственных производителей. Однако это направление теоретических и конкретно-исторических исследований в грековских работах не развились в условиях

¹⁸¹ Греков Б. Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма у М. Н. Покровского // ИМ. 1937. Кн. 5—6. С. 41—45, 56—72.

¹⁸² Там же. С. 44—55.

¹⁸³ Там же. С. 47—49, 53, 56 и след.

¹⁸⁴ Там же. С. 47.

определяющего воздействия идей о крепостничестве и крупном землевладении как признаках феодализма, о рабстве как обязательной стадии развития общественного строя.

Идеология сталинского режима все более воздействовала на историческую науку в СССР. В Кратком курсе «Истории ВКП(б)», впервые опубликованном в 1938 г. и впоследствии постоянно переиздававшемся, была изложена учебная схема, согласно которой историческая закономерность смены первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической формаций превращена в их обязательную преемственность: «<...> почему первобытнообщинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй — феодальным, феодальный — буржуазным».¹⁸⁵ В основу определения рабовладельческого строя и раба положена сталинская характеристика, данная в речи на Первом съезде колхозников-ударников: «При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»¹⁸⁶ (ср. выше, с. 195). Определение феодального строя основывалось на характеристиках отношений собственности и правового положения феодально зависимого в период крепостничества: «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде».¹⁸⁷ При конкретизации этой смены форм эксплуатации в древнерусский период в «Кратком курсе» предлагалась следующая конструкция: «Но в Киевской Руси рабский труд все сильнее и сильнее вытеснялся более прогрессивными формами производства: <...> феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая».¹⁸⁸

Эти формулировки, достаточные для популярного изложения учебной схемы, были совершенно недостаточны для научного анализа исторического процесса развития докапиталистических обществ. Большой накопленный опыт свидетельствовал о непосредственном процессе формирования феодального строя в результате разложения первобытнообщинного минуя рабовладельческую стадию. Формулировка рабовладельческого строя не раскрывала сущности рабовладельческих производственных отношений в превраще-

нии раба в вещь, в орудие производства, что определяло социально-экономическую и политическую структуру рабовладельческого общества. Характеристика феодального строя, исходившая из отношений крепостнической стадии развития феодализма, не учитывала многочисленные данные, исследованные историками марксистами и немарксистами, о многообразии форм эксплуатации, внеэкономического и экономического принуждения феодально зависимого и лично свободного населения в господских хозяйствах феодалов, о многообразии форм феодальной зависимости от «черт древнего рабства» (Ленин) до «простого оброчного обязательства» (Маркс). Такое понимание феодального строя способствовало противопоставлению в феодальном обществе «феодальной собственности» и «единоличной собственности и крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанной на личном труде», которая приобретала вследствие этого нефеодальный характер, а «феодальная собственность» сводилась только к собственности феодала.¹⁸⁹ Таким образом, характеристики докапиталистических обществ в Кратком курсе «Истории ВКП(б)», подобно «Замечаниям» Сталина, Жданова, Кирова, значительно отличались от предшествующей марксистской теории. Они не соответствовали уровню развития исторической науки середины 30-х гг., но вводили присущую сталинизму метафизику определенных моделей, статичность в понимании рабовладельческого и феодального строя, не раскрывая их сущность и снимая в формулировках учебной схемы проблемы изучения их генезиса и развития. При этом канонизировались те подходы в марксистской теории, которые утверждали последовательную смену первобытнообщинных, рабовладельческих, феодальных отношений, а понятие «феодализм» оказывалось названием формации, способа производства, общественного строя, но без феодалов.

Эти недостатки были бы легко преодолимы в научных исследованиях и в творческих дискуссиях, но в обстановке режима личной власти Краткий курс «Истории ВКП(б)» был сразу же назван «энциклопедией марксизма-ленинизма»,¹⁹⁰ что подменило научный анализ исторической действительности сталинскими установками и формулировками. Последние оказали влияние и на процесс изучения генезиса феодализма в Древней Руси.

Исходя из тезиса «Краткого курса» об обязательной смене первобытнообщинного строя рабовладельческим А. В. Шестаков вновь поставил вопрос о рабовладельческом характере Киевской Руси.¹⁹¹

¹⁸⁹ Представления о «феодальном» как относящемся к феодалам восходят к позитивистским теориям. Сталин и позднее высказывал аналогичные мысли. В 1947 г. он говорил С. М. Эйзенштейну и Н. К. Черкасову: «Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, образовалась регулярная армия, прогрессивная армия» (Сталин, Молотов и Жданов о 2-й серии фильма «Иван Грозный» / Зап. С. Эйзенштейна и Н. Черкасова // Московские новости. 1988. № 32. С. 8).

¹⁹⁰ От Института истории Академии наук СССР // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939. С. 4. Е. М. Ярославский назвал «Краткий курс» «замечательной энциклопедией основных знаний марксизма-ленинизма» (Ярославский Е. Невыполненные задачи исторического фронта // ИМ. 1939. № 4. С. 4).

¹⁹¹ Шестаков А. В. О некоторых вопросах исторической науки // Учительская газета. 1939. 21 мая.

¹⁸⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1938. С. 114.

¹⁸⁶ Там же. С. 119.

¹⁸⁷ Там же. С. 120.

¹⁸⁸ Там же.

В условиях все возрастающего догматизма и цитатничества Б. Д. Грекову надо было проявить большую принципиальность, чтобы выступить с опровержением этого мнения, отстаивая свою концепцию генезиса феодализма в Древней Руси. Обосновывая ее в докладе 4 июня 1939 г., он указал на качественные отличия рабовладельческого общества от феодального, в котором существовало рабство, не ставшее основой производства. Сравнительно-исторически он рассматривал процессы развития германцев и славян, их столкновение с рабовладельческими Западной Римской империей и Византией. В формировании соседской общины и крупной феодальной вотчины X—XI вв. он продолжал раскрывать конкретно-историческое содержание становления феодального строя.¹⁹²

В дискуссии по докладу Грекова мнения разделились. П. П. Смирнов начинал выступление с чреватого последствием обвинения, согласно которому доклад «вращался вне основных координат учения о формациях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина», в чем легко узнается указание на несоответствие концепции Грекова историческому построению «Краткого курса». В подтверждение своего мнения о существовании в Киевском государстве рабовладельческой формации до XIII в., а с XII в. — феодализма П. П. Смирнов приводил сведения, соответствующим образом интерпретированные, нарративных источников XI—XII вв. о большом количестве рабов и их «производственном значении». Как на доказательство рабовладельческой формации в Древней Руси он ссылался на процесс образования городов в условиях рабовладельческого хозяйства и на вече как политическую надстройку города-государства (впервые после 20-х гг. появилась аналогия древнерусского города и рабовладельческого полиса). Кузнецов (в изложении дискуссии его инициалы не указаны) обвинял Грекова в игнорировании «ряда высказываний основоположников марксизма-ленинизма по вопросу об общественно-экономических формациях». «Главной производительной силой» в Киевском государстве он считал рабов — челядь, закупов, изгоев, холопов. А. В. Шестаков прямо указал на несоответствие доклада Грекова «установкам» «Краткого курса». По его мнению, в VIII—IX вв. первобытнообщинный строй восточных славян разлагался и формировался рабовладельческий строй, который не получил полного развития. Наряду с ним существовали «сильные пережитки первобытнообщинного уклада» и «зачатки новой феодальной формации». Центр тяжести в дискуссии Шестаков перенес на особую роль рабовладельческого уклада у восточных славян в VIII—X вв. как «ведущей системы хозяйства».¹⁹³

Сторонникам рабовладельческого строя в Киевской Руси возражали И. И. Смирнов и М. И. Артамонов, которые отмечали ошибочность смешения общен исторической закономерности смены докапиталистических формаций с особенностями ее конкретно-исторического проявления. Поддерживая Грекова, С. В. Юшков выступил против толкования древнерусских городов как городов-полисов, а вече как одного из элементов рабовладельческой демократии, ак-

¹⁹² Греков Б. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? // ИМ. 1939. Кн. 4. С. 134—143.

¹⁹³ Там же. С. 192—194.

центрируя их феодальное содержание. М. Н. Тихомиров обращал внимание на то, что в приведенных П. П. Смирновым древнерусских источниках речи о рабах нет, тогда как известия иностранных источников следует использовать критически. С. В. Бахрушин указывал на глубокие корни мнения о рабовладельческом строе в Киевской Руси в теории Ключевского. Отмечая большую роль рабского труда в феодальном хозяйстве до XV в., он подчеркивал ведущее значение феодальных форм зависимости.¹⁹⁴

Дискуссия 1939 г. еще раз показала теоретическую и конкретно-историческую необоснованность мнения о рабовладельческом строе Киевской Руси вопреки попыткам подтвердить эту мысль теоретическими построениями «Краткого курса» и односторонней интерпретацией исторических источников. Ведущие специалисты по древнерусской истории поддержали основное положение концепции Грекова о развитии феодального строя в древнерусский период в результате разложения первобытнообщинного строя, хотя определенные различия в понимании содержания исторического процесса сохранились. В данной связи показательны активная поддержка Грекова Бахрушиным и решительный отказ И. И. Смирнова от прежнего мнения об обязательности рабовладельческой стадии развития и признание им обоснованности концепции Грекова. К чести этих ведущих специалистов они не поддержали при изучении общественного строя Киевской Руси путь цитатничества и догматической подгонки исторических обобщений под «Краткий курс».

Изучение общественного строя Древней Руси продолжалось в это время в обстановке двойственности официальных постановлений: конструктивные явления отмечались, но направлялись они в русло, нужное сталинскому режиму. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“» в разгромном стиле отмечалась связь «антимарксистских извращений и вульгаризаторства в советской исторической науке» с так называемой «школой Покровского» и вместе с тем признавался принцип историзма, нарушавшийся в 20-е гг., когда исторические факты освещались «с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события».¹⁹⁵

Ведущие специалисты по истории Древней Руси должны были принять участие в этой кампании, но написали они свои статьи не в традиционном уже разгромном стиле, а в противопоставлении своих теорий мнению Покровского.¹⁹⁶ Вместе с тем формулировки «Краткого курса» стали оказывать отрицательное воздействие на

¹⁹⁴ Там же. С. 192—193.

¹⁹⁵ См.: От редакции // Там же. С. 134 (ответственным редактором журнала являлся Е. М. Ярославский); Ярославский Е. Невыполненные задачи исторического фронта. С. 5; От Института истории Академии наук СССР. С. 3.

¹⁹⁶ Греков Б. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. М., 1939. С. 70—116; Бахрушин С. «Феодальный порядок» в понимании М. Н. Покровского // Там же. С. 117—139; Юшков С. В. М. Н. Покровский о раннем периоде русского феодализма // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Ч. 2. М.; Л., 1940. С. 25—58.

развитие этих направлений. В 1939 г. Греков еще раз повторил свое мнение о монопольном праве класса феодалов на землю в процессе феодализации¹⁹⁷, но в дальнейшем снял этот аспект изучения структуры феодальной земельной собственности и заменил такую постановку проблемы формулировкой «Краткого курса».

В 1939 г. были опубликованы концепционные труды, по-разному раскрывавшие процесс генезиса феодализма в России, но согласные в одном — этот процесс происходил в древнерусский период. Они были созданы в ходе дискуссий по основным вопросам истории Киевской Руси и значительно расширили круг научных наблюдений и привлеченных источников.

Греков основательно переработал свою книгу «Феодальные отношения в Киевском государстве», опубликовав ее под названием «Киевская Русь». Новый труд был построен не на догматическом изложении концепции, а на творческом обсуждении проблем с самым внимательным отношением к мнениям предшественников и оппонентов. В обстановке все возрастающего цигатничества, следования догме, разгрома «школы Покровского» Греков был нацелен на творческие дискуссии. «Самому Покровскому, — писал он, — иногда бывало тесно в рамках им же созданной теории <...>. Перехожу к своим оппонентам, непосредственно вместе со мной работающим или участвующим в обсуждении затрагиваемых мною тем. Вполне понятна та острота, с какой подходим все мы к предметам, для нас далеко не безразличным. Страстность тут неизбежна. Мы спорим и в споре заставляем друг друга углублять вопрос, проверять свою аргументацию, уточнять формулировки».¹⁹⁸

Все более совершенствуя исторический анализ, максимально привлекая письменные источники, результаты археологических и лингвистических исследований, Греков показывал ведущее значение сельского хозяйства, и прежде всего земледелия, в хозяйственной системе Руси, их древнейшие истоки в экономике восточных славян. Развитием сельскохозяйственного производства Греков объяснял распад родового строя (отмечая неравномерность его темпов в славянских и неславянских племенах Восточной Европы), появление патриархальной домашней общины, ее разложение в IX—XI вв., возникновение в этот период соседской общины-марки с индивидуальным хозяйством малой семьи. С уровнем производительных сил общества Греков связывал главные этапы развития социальных отношений, процессы классового образования и формирования государства. В IX—X вв. он устанавливал рабовладение, начальные формы землевладения, княжеского и боярского. В основе процесса классового образования Греков продолжал отмечать крупное землевладение. Поэтому классами-антагонистами в X—XII вв. он указывал феодалов — крупных землевладельцев (князей, бояр, дружинников) и феодально зависимое население крупной вотчины, в которой он отмечал разные формы зависимости и эксплуатации. В «челяди» XI—XII вв. он продолжал видеть обозначение сложной по социальному составу группы зависимого населения. Признавая рабов в

холопах и в составе челяди в IX—X вв., он показывал их особенности в сравнении с античным рабством и сокращение рабства в XI—XII вв.¹⁹⁹ Греков обстоятельно исследовал социальные категории феодально зависимого населения. Рядовичи, по его мнению, попадали в зависимость через ряд-договор. Закупам (одной из разновидностей рядовичей) становились крестьяне-смерды, лишённые в большинстве случаев средств производства, бравшие денежный долг. Вдachi брали долг хлебом или деньгами на условиях его отработки. Смерды были лично свободные крестьяне и те, кто попал в феодальную зависимость в господские села. Изгой, пущенники, задушные люди, прощенники-крепостные эволюционировали к крепостничеству.²⁰⁰ Существенно развив и дополнив свои предшествующие наблюдения, Греков показывал сложную структуру класса феодально зависимых, тогда как обстоятельная аргументация выводов создавала плодотворную основу для последующего их обсуждения. Рассматривая процесс образования Киевского государства (в соответствии с марксовой характеристикой «империи Рюриковичей») в неразрывной связи с классовым образованием, он устанавливал его природу как орудия политического господства знати, хотя и отмечал первоначальную политическую неустойчивость «варварского государства» в IX—X вв.²⁰¹ Анализ политического строя в единстве с теоретической постановкой вопроса о власти и с конкретно-историческим анализом известных источников вносил историзм в развитие веча — от народного собрания родового строя к почти полному исчезновению в центре Киевского государства IX—X вв. и к оживлению городских вечевых собраний по мере роста самостоятельности отдельных частей Киевского государства как органа власти феодальной знати.²⁰² Эта характеристика политического строя Руси дополнялась очерком истории Киевского государства. В этом очерке показывалась закономерность его появления и развития в истории народов Восточной Европы, аналогичность исторической эволюции других феодальных стран Европы, с которыми Русь находилась в тесных культурных, торговых и политических отношениях. Такое теоретическое и конкретно-историческое исследование политического строя Киевской Руси свидетельствовало об односторонности построения дореволюционной и ранней советской историографией теории о «вече и князе», а также мнений, отрицавших древнерусскую государственность в X в.

Раскрытие феодального строя Руси и его сложного содержания обратило внимание Грекова в конце 30-х гг. на наблюдения Н. П. Павлова-Сильванского о крестьянской «свободе» (см. выше, с. 140). Он благожелательно отнесся к мнению ученого, для которого «не существует в древней России той „свободы“ крестьян, на которой настаивали все столпы нашей тогдашней науки». Греков оставлял открытым этот «важнейший вопрос», но обращал внимание на его особое значение и сложность.²⁰³

¹⁹⁷ Греков Б. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского. С. 77.

¹⁹⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Л., 1939. С. 164.

¹⁹⁹ Там же. С. 107—112.

²⁰⁰ Там же. С. 69—151.

²⁰¹ Там же. С. 159—192.

²⁰² Там же. С. 193—207.

²⁰³ Греков Б. Д. [Н. П. Павлов-Сильванский о феодализме в России] // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 586.

Концепция Б. Д. Грекова совершенствовалась и развивалась в творческих дискуссиях к целостному анализу генезиса феодализма в древней Руси, отражая коллективный опыт советских ученых. Но в ней пока оставались лишь намеченными, неразработанными проблемы становления и развития городов, структуры класса феодалов. С. В. Юшков изложил в 1939 г. свое понимание данной проблемы уже как целостную теорию, обобщив собственные многолетние размышления и значительные накопленные в предшествующей литературе наблюдения.²⁰⁴ Эта теория существенно отличалась от грековской.

В периодизации процесса феодализации в Киевской Руси на «дофеодалный» и «феодалный» периоды Юшков следовал за «Замечаниями» Сталина, Жданова, Кирова. Однако он преодолевал статичность этого противопоставления. Вместо исходных в сталинском определении свободы крестьян, свойственной «дофеодалному периоду», и закрепощения, свойственного «феодализму» (этот принцип принял С. В. Бахрушин), Юшков отмечал те процессы, которые вели к формированию феодального строя в «дофеодалном» обществе. Вслед за Грековым Юшков указывал на земледельческий характер восточнославянской экономики, что определяло характер социально-экономических и политических отношений уже в «дофеодалный период». Формой организации сельского населения в это время он считал большую семью (задругу, «вервь» Русской Правды), находящуюся в процессе разложения. Она превращалась в совокупность больших патриархальных семей, входивших в состав сельской общины. Этот процесс происходил в XI и особенно в XII в. В недрах разлагавшейся патриархальной общины Юшков видел появляющееся крупное хозяйство. С ним и с княжеским крупным землевладением он связывал начало феодальной зависимости — крепостничества. В этих положениях Юшков продолжал идеи своих работ 20-х гг.

Города, по его мнению, появились в «дофеодалный период» в результате начальных процессов отделения ремесла от земледелия, возникновения крупных ремесленных центров, развития внутренней и внешней торговли, административных функций регулярного взимания дани с местного населения. Это были открытые торгово-ремесленные поселения, города-убежища, племенные города — места концентрации племенных властей — князя, его дружины, племенной старейшины. К «дофеодалному периоду» Юшков относил появление патриархального рабства, «первых классов рабовладельцев и рабов». Рабовладельцами были князья, дружинники, родоплеменная знать и крупные землевладельцы. Источниками рабства являлись продажа детей, самопродажа, закабаление, плен. Понятие «челядь» обозначало все эти виды патриархальных рабов. Но данные процессы имели начальный или незавершенный характер. В отличие от Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина, ближе к Н. Л. Рубинштейну, он отмечал в политической структуре IX—X вв. не государственное единство, а первоначальное сохранение организационных форм племенной власти. Но в вече Юшков видел уже не племенное собрание, а созываемое князем совещание «правительственной верхушки, родоплеменной знати и городских жителей».²⁰⁵

²⁰⁴ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.: Л., 1939.

²⁰⁵ Там же. С. 3—43.

В феодальный период, XI—XII вв., развивалось крупное княжеское, боярское, а затем и церковное землевладение. Юшков использовал понятие «княжеский домен» и раскрыл его сложное экономическое содержание в княжеских селах, городах, волостях. В нем он видел один из основных факторов феодализации, формирования различных видов эксплуатации феодально зависимого крестьянства. Их содержание он характеризовал как наделение орудиями производства и землей патриархальных рабов-холопов, что превращало их в крепостных крестьян-сервов. Свободное сельское население закабалялось посредством закупничества — отработки долгового обязательства на поле, что также являлось формой крепостничества. Феодально зависимыми становились и посредством патроната (закладники, прикладники, задушные люди, прощенники, изгой, калеки, нищие), найма, насильственного закрепощения. В смердах Юшков видел, в отличие от Грекова, только феодально зависимых крестьян, которые эксплуатировались посредством денежной, натуральной и отработочной ренты. Организационное оформление феодальной сеньории на Руси XI—XII вв. он отмечал в ее центре — селе и феодальной администрации (тиун или сельский староста, ратайный староста по руководству полевыми работами, рядовичи — мелкие хозяйственные агенты).

Если в этих идеях процесса феодализации через крупное землевладение и крепостничество, через устанавливаемое соответствие социальных категорий в древнерусском господском хозяйстве и феодальном западноевропейском Юшков также продолжил свои наблюдения 20-х гг., то в конце 30-х, под влиянием идей о большом значении ренты в феодальном обществе, он отметил еще одну форму возникновения феодальных отношений — эволюцию дани в ренту. По его мнению, дань с XI в. трансформировалась в феодальную ренту в результате превращения завоеванных земель в феодальные владения князей и их слуг, постепенного усложнения сбора и состава дани, раздачи князьями дани боярам и церковным учреждениям.²⁰⁶

В возникновении и первоначальном развитии городов в феодальный период Юшков указывал прежде всего княжескую деятельность по строительству городов-укреплений, городов-крепостей. Одновременно он отмечал феодализацию старых городов с их переносом на новое место вследствие экономических и политических причин.²⁰⁷ Но в городах Руси XI—XII вв. Юшков видел прежде всего центры феодального властвования над сельской округой, феодальные административные и финансовые центры для тянувшей к городу волости или совокупности волостей. В основе территориальных связей города и городской округи Юшков отмечал военные, но главное — экономические функции. В этих феодальных городах он устанавливал купеческие ассоциации — сто и допускал существование цехов.²⁰⁸

²⁰⁶ Там же. С. 87—89.

²⁰⁷ Там же. С. 131—134; см. также: Равдоникас В. У. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. С. 117—119.

²⁰⁸ Юшков С. В. Очерки по истории... С. 135—140.

В отличие от историков конца 20-х — 30-х гг., которые основное внимание при изучении феодальной структуры общества уделяли генезису и развитию форм зависимости и эксплуатации феодально зависимого крестьянства, Юшков рассмотрел и другую сторону процесса классовобразования — структуру господствующего класса феодалов. В XI—XII вв. он отмечал процессы разложения дружинного строя, «ассимиляции» дружинного боярства с крупными землевладельцами-феодалами вне дружинной организации, развития боярского вассалитета и подвассалитета, возникновение министералитета. Столь же широко Юшков поставил вопрос об экономических основах иерархической структуры господствующего класса. Обращаясь к положительному опыту Н. П. Павлова-Сильванского, он указал характерные для раннего феодализма в Западной Европе разные формы вознаграждения за службу: передачу земли в оброчное держание (*fief-roture*), должности (*fief-office*), выдачу денег (*fief-argent*), передачу земли (*fief-terre*) в пожизненное и наследственное владение (бенефиции и феод). Исходя из этих форм вознаграждения за службу Юшков обратил внимание на тождество должности-кормления в Киевской Руси (или, уточнял он, доходов от них) с системой фьефалдности.

Эти давно забытые в русской исторической науке идеи, только названные и не нашедшие развития в концепции Павлова-Сильванского, восстанавливали в феодальном строе феоды. Такой подход к изучению феодализма вел к его анализу как целостной системы. Однако подобному развитию концепции препятствовал целый ряд причин. Формализующий историко-юридический подход развел важнейшие наблюдения над превращением дани в феодальную ренту и над материальным содержанием феодалов, в результате чего фьефы-феоды и древнерусские кормы-кормления в теории Юшкова остались без их рентного содержания, а превращение дани, полатей и пошлин, в ренту — без их осмысления как феодалов. Общее для позитивистского и марксистского направлений стремление рассматривать развитие феодальных отношений прежде всего в господском хозяйстве, в системе экономических отношений вернуло Юшкова, как и ранее Павлова-Сильванского, к крупному землевладению как основе феодализма. Так что сделанные Юшковым важнейшие наблюдения о формировании феодальных отношений в системе государства оказались не только без развития, но и без продолжения.

Устанавливал Юшков с XII в. раздачи сел князьями своим боярам в пожизненное владение в качестве вознаграждения за службу — бенефиции. Наиболее типичной формой поземельных отношений, также с XII в., он считал наследственное землевладение — феоды, вотчины. Наряду с земельными отношениями по службе Юшков допускал полную земельную собственность — аллод. Дальнейшую феодализацию Руси XII—XIII вв. он видел в «постепенном охвате отношениями по бенефициям и феодам аллодиальных земельных владений». Правовое оформление классов феодалов и феодально зависимого крестьянства выразилось, по Юшкову, в их превращении в сословия.²⁰⁹

²⁰⁹ Там же. С. 142—165.

Политический строй Киевской Руси XI—XII вв. Юшков охарактеризовал как феодальную монархию. Ее истоки в дофеодальный период он указывал в вассалитете без ленов или в ленах, состоящих из даней. Последующими этапами развития являлись: 1) созеренитет отповской власти, 2) отношения созеренитета-вассалитета на основе военной службы с последующими феодальными междукняжескими договорами XII—XIII вв. при возрастании военных и судебных функций княжеской власти, формировании княжеского домена, с соединением политической власти с землевладением после распада «Киевской державы» на ряд земель. В тех землях, где князь, его дружина и боярство не смогли «организовать свой домен», князь не являлся «феодальным монархом», но это не было проявлением «слабости процесса феодализации».²¹⁰

Исходя из такого понимания характера политической власти на Руси XI—XII вв. Юшков пришел к мнению, близкому к грековскому, о вече, включая новгородское, как феодальном органе власти. Решительно возражая против характерного для историографии понимания веча как постоянного и повсеместного органа, он характеризовал вече как чрезвычайный институт широких «феодальных масс», а иногда всего населения главных городов, руководимый феодалами в своих интересах. Политическое значение таких вечевых собраний он видел в принятии решений, надолго определявших внешнюю и внутреннюю политику.

Рассматривая политическую структуру Руси XI—XII вв. во всей ее совокупности, Юшков отмечал феодальные съезды, десятичную и дворцово-вотчинную систему управления. Стремился он выделить региональные особенности в процессе феодализации, а также общее и особенное в сравнении с другими европейскими странами, прежде всего Францией.²¹¹

Концепция С. В. Юшкова в определении общественного строя Руси IX—XIII вв. стала промежуточной между грековской и бахрушинской. Подобно Бахрушину, он принял сталинское понятие «дофеодальный период», отнес его к IX—X вв., но, подобно Грекову, наполнил его сложным социально-экономическим и политическим содержанием, стремясь избежать статичного противопоставления «дофеодального периода» «феодализму». Поэтому его понимание общественного строя Руси IX—X вв. оказалось значительно ближе к грековскому, чем к бахрушинскому. В определении «феодального периода» XI—XIII вв. концепция Юшкова содержала значительное число новых идей, которые раскрывали содержание феодальных социально-политических структур и позволяли проследить их генезис в результате разложения родоплеменного строя, чего не было в других теориях 20—30-х гг. Исследование социально-экономических структур соединяло у Юшкова новые идеи (трансформация патриархального рабства и превращение в феодально зависимых ранее свободных людей, в чем он был близок концепции Грекова) и клише литературы советского периода, отождествлявшие феодальные формы зависимости и крепостничество.

²¹⁰ Там же. С. 182—183.

²¹¹ Там же. С. 194—251.

Дискуссия 1939 г. и публикация в этом году монографических работ об общественном строе Древней Руси определили историографическую ситуацию в данной научной проблеме. Идеи первой половины 30-х гг. были в них усвоены, переработаны и развиты в три основные концепции. Теория Б. Д. Грекова устанавливала генезис и развитие феодализма на Руси IX—XIII вв. в результате разложения родоплеменного строя без выделения особого «дофеодального периода». Эту теорию поддержали ее бывшие оппоненты И. И. Смирнов и С. В. Бахрушин. Разумеется, изменение их позиции можно объяснить конъюнктурными соображениями. Однако существовали альтернативные теории, к тому же «рабовладельческая» теория Смирнова и «дофеодальная» теория Бахрушина были близки к сталинским представлениям об историческом процессе. Поэтому можно предположить, что изменение их позиции отражало развитие их взглядов в результате новых массовых материалов и идей, содержащихся в работах грековского направления. Теория С. В. Юшкова следовала за сталинской идеей «дофеодального периода», противопоставленного «феодальному». Но у него это противопоставление оказывалось внешним, формой оппозиции концепции Грекова, поскольку содержание «дофеодального периода», по Юшкову, составили сложные социально-экономические и политические процессы, а не общество незакрепощенных крестьян или «вольных общинников», как у Сталина и ранее у Бахрушина.²¹² Концепция рабовладельческого строя Древней Руси рассматривала процесс развития феодализма как следствие его разложения, трансформации рабовладения в крепостничество (А. В. Шестаков, П. П. Смирнов и др.). Ее теоретическую основу продолжала составлять догматическая интерпретация цитат из трудов «классиков марксизма-ленинизма», включая Сталина, особенно толкование «Краткого курса».

Б. Д. Греков и С. В. Юшков освоили достижения техники исследования дореволюционной исторической науки. В их трудах отмечается тенденция к полному привлечению источникового материала, в том числе археологические, лингвистические и сравнительно-исторические данные. В использованных ими древнерусских письменных памятниках значителен источниковедческий подтекст (источниковедение прямо не включалось в обобщающее историческое исследование вследствие различия жанров этих видов работ). Вместе с тем обе концепции существенно различались в понимании конкретно-исторического содержания процесса феодализации. Все это создавало конструктивную основу для творческих дискуссий,

²¹² В 30-е гг. В. В. Мавродин продолжал разрабатывать мнение об общественном строе Древней Руси (см. далее, с. 241), оказываясь ближе к теории Б. Д. Грекова, чем С. В. Юшкова (Мавродин В. В. Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории древней Руси // Учен. зап. ЛГПИ. Т. 19 (кафедра истории СССР). 1939. С. 145—174; *Его же*. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940). Конкретно-исторические наблюдения продолжали накапливаться и вне данных концепционных подходов (Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Учен. зап. ЛГУ. № 73. 1941. (Сер. ист. наук. Вып. 8). С. 203—214; Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Там же. С. 215—246).

последующего развития концепции генезиса феодализма в Киевской Руси.

Исследования Грекова и Юшкова стимулировали дальнейшие разыскания в самых различных аспектах изучения проблемы в единстве теоретического и конкретно-исторического анализа в противоположность лишенным фактической основы теоретическим построениям и конструктивным обобщающим начал фактографическому эмпиризму. Труды обоих ученых создавались на базе все более совершенствующихся источниковедческих работ и в свою очередь способствовали их дальнейшему развитию.²¹³ Работа над списками Русской Правды под руководством Грекова и его концепция генезиса феодализма в древнерусский период стали основой обстоятельного исследования М. Н. Тихомирова по истории текста Русской Правды.²¹⁴ Греков активно поддержал концепцию А. А. Шахматова по истории русского летописания. Он способствовал изучению его трудов (см. публикации исследований А. А. Шахматова, а также работ второй половины 30-х гг. М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина и др., которые продолжали шахматовскую методiku).²¹⁵ Они создавали плодотворную основу для изучения летописания, содействуя углубленному пониманию летописных материалов — одного из основных источников для изучения генезиса феодализма в Древней Руси. Совершенствованию дипломатического анализа способствовало исследование С. Н. Валком истории древнерусских частных актов до XIII вв., в связи с чем был поставлен вопрос о подлинности ряда новгородских частных актов XII—XIII вв.,²¹⁶ равно как и опыт их дипломатического анализа М. Н. Тихомировым в обоснование их подлинности.²¹⁷

Одновременно с совершенствованием источниковедческого анализа быстро накапливался археологический материал, конкретизировавший и существенно дополнявший исторический анализ древне-

²¹³ Руська Правда: Тексти на основі 7 списків та 5 редакцій / Склад та підгот. до друку С. Юшков. Київ, 1935; Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 1: Тексты. М.: Л., 1940; Т. 2: Комментарии. 1947; Т. 3: Факсимильное воспроизведение текстов / Под ред. А. А. Новосельского. М., 1964.

²¹⁴ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.: Л., 1941. См. также: Приселков М. Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды» // ИЗ. Т. 16. 1945. С. 238—250 (статья написана до войны).

²¹⁵ Здесь и далее библиографию и историографию исследованной древнерусской литературы и летописания см.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова. М.: Л., 1961; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованной в СССР, 1958—1967 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова. Ч. 1. Л., 1978; Ч. 2. 1979; Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.: Л., 1962. С. 209—274; История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 3—141; Лурье Я. С. Изучение русского летописания // ВИД. 1969. Т. 1. С. 4—32; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975; Лимонов Ю. А. Древнерусская литература // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 236—250; *Его же*. Летописание // Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки. Л., 1979. С. 13—34.

²¹⁶ Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // ВИД. М.: Л., 1937. С. 285—318; *Его же*. Древнейшие новгородские акты // НИС. Сб. 2. 1937. С. 48—52.

²¹⁷ Тихомиров М. Н. О частных актах в древней Руси // ИЗ. Т. 17. 1945. С. 225—244.

русского феодального общества (работы А. В. Арциховского, Н. Н. Воронина, Б. А. Рыбакова, М. К. Каргера, А. С. Гушина). Накопленные археологические наблюдения в органичном единстве с данными письменных источников уже в конце 30-х — 40-е гг. позволили раскрыть содержание и развитие древнерусской феодальной культуры X—XII вв. во всех сторонах материальной и духовной жизни (см. далее, с. 236—237 и след.).

Таким образом, теории Грекова и Юшкова не только обобщали накопленный опыт и указывали направления дальнейших исследований, но уже в конце 30-х гг. проверялись, подтверждались, дополнялись, корректировались в многочисленных работах современников (теория А. В. Шестакова — П. П. Смирнова о рабовладельческом строе Руси осталась вне этого историографического процесса). Они способствовали подъему источниковедения, археологии, археографии и подтверждались новыми устанавливаемыми ими данными.

В годы Великой Отечественной войны история Киевской Руси и ее составная часть — проблема генезиса феодализма — приобрели новое значение: научные знания о прошлом Родины служили патристическому воспитанию советских людей.²¹⁸ Варварские разрушения фашистами исторических памятников обострили актуальность изучения древнерусской культуры, и Греков выполнил эту задачу, подготовив обобщающее исследование, в котором раскрывалось замечательно по художественному уровню содержание древнерусской культуры феодального общества.²¹⁹

В первой половине 40-х гг. грековская концепция генезиса феодализма в древнерусский период становилась основой размышлений в изучении становления классового общества. Согласился с ней С. В. Бахрушин.²²⁰ И. И. Смирнов отметил в результатах исследований Грекова и дискуссий 30-х гг. «разрешение проблемы общественного строя Киевской Руси». Однако он сделал вывод о возникновении в Киевской Руси крепостного права,²²¹ что по своему содержанию следовало не столько из работ Грекова, сколько из «Замечаний» Сталина, Жданова, Кирова, где феодализм отождествлялся с крепостничеством. Неожиданные коррективы ввел в свою концепцию Греков. В четвертом издании книги «Киевская Русь» (1944) он сохранил все ее положения. Продолжая ее дорабатывать, он уточнил свое понимание переходного периода — время между «умиранием» античного рабовладельческого мира и «формированием средневековья», когда господствуют феодализм и крепостничество.²²² Характеристику политического строя Киевской Руси Греков дополнил очерком организации вооруженных сил восточных славян и Киевского государства. Завершал это издание новый очерк, посвященный древнерусской культуре. Поэтому противоречащим всему

содержанию книги стало определение Грековым Киевского государства как «дофеодального», а также возвращение к уже отброшенной мысли о существовании «дофеодального периода» в истории восточных славян.²²³ В соответствии с «Замечаниями» он раскрывал содержание «дофеодального периода» как время господства труда свободного общинника, а не крепостного труда. Эта статичная характеристика была противоположна показанному в книге процессу распада родового строя и генезиса феодальных отношений на Руси. Такое появление «дофеодального периода» в работах Б. Д. Грекова²²⁴ и И. И. Смирнова позволяет предположить, что они внесли принципы «Замечаний» в периодизацию древнерусской истории в результате внешнего воздействия, а не научной дискуссии или собственных размышлений. Идеи Грекова и Юшкова о генезисе феодализма в древнерусский период широко распространились в конце 30-х — начале 50-х гг. в исторической литературе. Они привлекались при написании вузовских и школьных учебников. Но при этом продолжали высказываться и другие характеристики древнерусского периода.

В отличие от концепции Грекова, которая подверглась деформирующему воздействию, теория рабовладельческого строя Руси IX—X вв. и широкого распространения рабства-холопства в последующие века сохранилась без существенных изменений. А. И. Яковлев ограничил общественные отношения в IX—X вв. рабовладением, формированием классов рабовладельцев и рабов, приводя в качестве теоретического обоснования соответствующую выдержку из «Краткого курса». Он допускал, что «киевское общество XI—XII вв. может быть с известным правом названо феодальным».²²⁵ Но в многочисленных видах зависимости и службы (холопы, отроки, дети, гриды, закупы и др.) он видел рабство, порабощение, а не феодальные формы.²²⁶ В связи с работой Яковлева С. В. Бахрушин опубликовал критическую рецензию, в которой отмечалось, что «холопство характерно для эпохи феодальной и не может быть отождествлено с рабством. Это одна из форм феодальной зависимости». Бахрушин отмечал в качестве задачи советских историков «выяснить особенности холопской зависимости как явления, вызванного к жизни экономическими и общественными отношениями феодальной эпохи в России». Он обращал внимание на то, что Яковлев не вскрывает «принципиальную разницу между холопством и рабством», «в характеристике холопства Киевской Руси <...> подчеркиваются лишь те черты, которые свойственны рабству, и обходятся молчаливым согласием стороны, которые отличают холопа от раба».²²⁷ Истоки такого ошибочного подхода к изучению холопства Бахрушин видел в том, что «оно рассматривается вне связи с породившей его эко-

²¹⁸ Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. Ташкент, 1942.

²¹⁹ Греков Б. Д. Культура Киевской Руси. М.: Л., 1944.

²²⁰ Бахрушин С. [Рец. на кн.:] Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства // ПЗМ. 1943. № 7—8. С. 102—103.

²²¹ Смирнов И. И. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.: Л., 1942. С. 96—97.

²²² Там же. С. 18—23.

²²³ Там же. С. 67, 198, 210.

²²⁴ См. также: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XII века. М.: Л., 1946.

²²⁵ Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.: Л., 1943. С. 8—18.

²²⁶ Там же. С. 11—23.

²²⁷ Бахрушин С. О работе А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» // Большевик. 1945. 3—4. С. 74.

номической базой. Автор остается, таким образом, на позициях старой, «юридической школы».²²⁸

Публикация рецензии Бахрушина в ведущем теоретическом печатном органе партии свидетельствовала о неудовлетворенности данными идеями Яковлева не только в кругах историков, но также среди теоретиков, исследовавших исторический процесс. Но Бахрушин криковал не только Яковлева. Его мнение о холопстве как одной из форм феодальной зависимости противостояло также мнению Б. Д. Грекова, который видел в холопах Русской Правды рабов. Как писал Бахрушин, «в русской практике холопство с самого начала имело свои особенности, отличающие его от рабства, и в дальнейшем эти различия усиливались».²²⁹ Это было новое понимание природы древнерусского холопства в отечественной историографии, но до начала 80-х гг. оно не нашло продолжения и развития.

Таким образом, все три теории генезиса феодализма в древнерусский период, сформулированные в конце 30-х гг., сохранили свое влияние в первой половине 40-х. Можно предположить, что в отличие от теорий «дофеодального» и рабовладельческого периодов концепция Грекова была «отредактирована» в соответствии с «Замечаниями» Сталина, Жданова, Кирова. В послевоенный период историческая наука, как и общественная жизнь страны, оказалась под сильнейшим воздействием нового направления в идеологии сталинского режима.

В условиях все более разгорающейся в послевоенный период «холодной войны», войны в Корее, противостояния военно-политических блоков, гонки ядерных и обычных вооружений в идеологической политике сталинского режима все более усиливались великодержавность и национализм вопреки провозглашаемой преданности марксизму, утверждались национальные «приоритеты» и борьба с «космополитизмом» вопреки провозглашаемым патриотизму и интернационализму. Внутри страны вновь начались репрессии, поиски врагов, государственно-административный и интеллектуальный террор. С другой стороны «железного занавеса» тон задавали основанная на ядерном шантаже политика Г. Трумена, антикоммунизм У. Черчилля, административно-идеологический террор маккартизма в США. При таких обстоятельствах изучение в СССР исторического процесса, в частности общественного строя Древней Руси, оказалось в сложнейших условиях.

Этногенез славян как автохтонного восточнославянского населения удревнялся до эпохи трипольской энеолитической культуры III тыс. до н. э. (А. Д. Удальцов, Н. С. Державин). Основывающиеся на идеях автохтонизма и учения Н. Я. Марра, эти мнения нашли широкое распространение во второй половине 40-х гг.,²³⁰ но поскольку они исходили из синхронности этнического и социального развития, то способствовали удревнению развития классовых отно-

шений, рабовладельческих и феодальных, в древнейшие периоды этнической истории восточных славян. Эти новые тенденции значительно отличались от уже разработанных методов изучения проблемы генезиса феодализма, что вело к значительному разнообразию мнений во второй половине 40-х — начале 50-х гг. и продолжению дискуссий.

С. В. Юшков, совершенствуя свою концепцию дофеодального и феодального периодов в истории Киевской Руси, особое внимание уделил определению характера государства в дофеодальный период как «варварского». Его существование в IX—X вв. Юшков объяснял переходным этапом от первобытнообщинного строя к феодальному, существованием и борьбой в этот период трех укладов — первобытнообщинного (патриархального), рабовладельческого и феодального, который приобретал все большее значение. Такой подход к изучению проблемы Юшков противопоставлял теориям, в которых предполагалось большее значение в IX—X вв. феодальных, рабовладельческих или родоплеменных отношений (в последнем случае государство отрицалось и Русь характеризовалась как племенные или военные союзы). В качестве характерных черт дофеодального государства Юшков указывал: 1) существование строгого комплекса земель на разных ступенях общественного развития, 2) сохранение многих черт «союзов племен», так называемой военной демократии, 3) ограничение административных и судебных функций князя, преимущественное значение главы государства как военного вождя, 4) наличие при князе совета из членов родоплеменной знати и наиболее близких ему дружинников, 5) существование «остатков» народных собраний, 6) сохранение десятичной системы, 7) определяющее значение дружин феодалов и народных ополчений, доходов в виде дани от завоеванных и подвластных народов, из военной добычи.²³¹

Эти идеи дофеодального и феодального периодов вошли в обобщающие труды Юшкова, в которых излагались наблюдения ученого об общественном строе Руси, уже изложенные им ранее.²³²

Во второй половине 40-х гг. интенсивно развивалась к целостности охвата исторических явлений концепция Грекова, которая объединила усилия исследователей, обладавших яркой индивидуальностью.

В опубликованном труде «История культуры древней Руси» был обобщен большой опыт, накопленный, в основном, в довоенных исследованиях.²³³ В написанных В. В. Мавродиным очерках, посвященных социально-политической истории, излагалась та концепция, которой придерживался сам автор в конце 30-х — 40-е гг. и к которой

²³¹ Юшков С. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // ВИ. 1946. № 7. С. 45—65.

²³² Юшков С. В. История государства и права СССР: Учебник для юридических институтов. Ч. 1. М., 1947. С. 58—169; *Его же*. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

²³³ История культуры древней Руси: Домонгольский период. Т. 1: Материальная культура / Под ред. Н. Н. Ворониной, М. К. Каргера, М. А. Тихановой. Под общ. ред. Б. Д. Грекова, М. И. Артамонова. М.; Л., 1948; Т. 2 / Под ред. Н. Н. Ворониной, М. К. Каргера. Под общ. ред. Б. Д. Грекова, М. И. Артамонова. 1951.

²²⁸ Там же. С. 74, 77.

²²⁹ Там же. С. 75.

²³⁰ Гадло А. В. Этногенез восточных славян // Советская историография Киевской Руси. С. 18—26.

приблизились Греков в первой половине 40-х гг. Как дофеодальный период русской истории характеризовались IX—X вв., когда в основе производства находился труд свободного крестьянина-общинника, а крестьяне еще не были закрепощены. Это время определялось также как период древнейшего государства, возникновения феодального строя.²³⁴ Русь прошла «стадию рабства» в IX—X вв., как и «вся Европа», но рабство не достигло в ней такого развития, как в античной рабовладельческой формации.²³⁵ Феодальный период «окончательно оформляется» в первой половине XI в.²³⁶ Эти мнения компилятивно сохранили различные теоретические обобщения советской исторической науки, причем под воздействием «Замечаний» Сталина, Жданова, Кирова исчезла разрабатываемая Грековым проблема переходного периода от родоплеменного строя к феодализму. Но в очерках, посвященных материальной и духовной культуре, раскрывалась сложная структура ее экономики, основанной на земледелии, скотоводстве, охоте, рыболовстве, бортничестве (с определенными различиями в разных регионах в зависимости от уровня развития производительных сил в сельскохозяйственном производстве и природных условий). Большое значение имела конкретизация при комплексном анализе письменных, археологических, лингвистических источников состава культурных растений, полевых, огородных, садовых, состава крупного и мелкого скота, форм охоты, рыболовства (очерк написан П. Н. Третьяковым). Систему ремесленного производства раскрыл очерк Б. А. Рыбакова. В нем показывалось все многообразие изделий и форм технического производства в деревенском и городском ремесле, организация труда ремесленников, работа на заказ, на рынок, по найму, ставились вопросы организации труда свободных и феодально зависимых ремесленников, цехового производства. Таким образом, намеченные еще в начале 30-х гг. сотрудниками ГАИМК при активном участии Б. Д. Грекова принципы конкретного изучения феодальных производственных отношений в диалектической связи с уровнем развития производительных сил впервые нашли в «Истории культуры древней Руси» полное выражение. Феодальный характер древнерусского общества раскрывался также во всех сторонах материальной жизни: в организации городских и сельских поселений, типах жилищ, в средствах и путях сообщений, торговле и торговых путях, денежном обращении, в военном деле включая оружие и крепостные сооружения, в одежде (авторы разделов Н. Н. Воронин, А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, Б. А. Романов, Н. П. Бауэр). В единстве с историей общественных отношений раскрывался процесс формирования феодальной культуры в праве, религии, языке и письме, фольклоре, литературе, просвещении, архитектуре, живописи, скульптуре, прикладном искусстве, музыке. При этом ставились вопросы отражения в культуре борьбы двух укладов, отживающего первобытнообщинного и развивающегося феодального, формирования различающихся по социальному содержанию культур классового феодального общества, связи культур Руси и других стран и многие другие проблемы (авторы глав

²³⁴ Там же. Т. 2. С. 18.

²³⁵ Там же. С. 10.

²³⁶ Там же. С. 18.

В. Г. Гейман, Н. Ф. Лавров, П. Я. Черных, А. Н. Робинсон, Д. С. Лихачев, Н. С. Чаев, Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, Л. А. Динцес, В. М. Беляев, М. А. Тиханова). Такой комплексный анализ социально-экономических отношений в единстве с анализом материальной и духовной культуры, осуществлявшийся в ГАИМК в 30—40-е гг. (в 1937 г. ГАИМК была реорганизована в Институт истории материальной культуры АН СССР), свидетельствовал о плодотворности грековской концепции формирования феодализма в древнерусский период в результате разложения родоплеменного строя. О том же свидетельствовал опыт исследований и в других научных центрах страны. Поэтому концепция Грекова продолжала оставаться теоретической основой конкретных исследований второй половины 40-х — первой половины 50-х гг. в самых разных отраслях общественной жизни древней Руси, а эти работы по мере углубления научного анализа, расширения проблематики подтверждали конструктивность исходной концепции, обогащая ее новыми наблюдениями. При анализе структуры экономики древнерусского периода решающее значение приобрели археологические исследования. Изучаемые в них новые материалы объективно свидетельствовали о правоте мнения Грекова об определяющей роли земледелия в экономике восточных славян (работы В. И. Довженка, А. В. Кирьянова, М. М. Якубцинера, В. П. Левашевой, В. А. Мальм) и об ошибочности суждения С. Г. Струмилина о большом значении скотоводства, рыболовства и охоты при отсталости земледелия,²³⁷ что продолжало теории В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова, а с определенными отличиями и довоенное мнение С. В. Бахрушина. Первые обобщения на основе массовых археологических материалов, особых методик их исследования, данных письменных источников при изучении скотоводства, птицеводства, охоты, рыболовства, бортничества (работы В. И. Громовой, М. Е. Лобашева, В. И. Цалкина, А. М. Световидова, В. А. Мальм) раскрыли их конкретное содержание, важное, но вторичное значение в экономике восточных славян.²³⁸

Тем самым комплексные историко-археологические исследования конца 40-х — первой половины 50-х гг. подтвердили правильность грековской концепции структуры сельского хозяйства и сельских промыслов. Появились новые объективные данные о возможностях создания в крестьянском хозяйстве необходимого и прибавочного продукта, форм эксплуатации сельского населения посредством продуктовой и отработочной ренты, структуры крестьянского и господ-

²³⁷ Струмилин С. Г. К истории земледельческого труда в России // Вопросы экономики. 1949. № 2. С. 44—50.

²³⁸ В данной связи вызывает возражения мнение В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова, согласно которому доказательство советскими учеными примата земледелия в экономике Древней Руси поглотило внимание исследователей 40-х — начала 50-х гг., оттеснив другие отрасли хозяйства, что характеризуется как недостаток, исправленный в литературе 50—60-х гг. (Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Экономическое развитие Киевской Руси (сельское хозяйство, промыслы, ремесло и торговля) // Советская историография Киевской Руси. С. 66). В такой характеристике не учтены обобщающие и частные исследования на данную тему, относящиеся к одному историографическому периоду 40-х — первой половины 50-х гг., а также тот факт, что обобщаю-

ского хозяйства по мере развития феодальных общественных отношений.

В исследованиях 40-х — первой половины 50-х гг., прежде всего на основе объективных данных археологических материалов, был установлен значительный уровень развития производительных сил и общественного разделения труда в древнерусском ремесле. В обобщающем труде Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» впервые в отечественной историографии в единстве комплексного анализа всей совокупности письменных и археологических источников были установлены многообразные виды техники и изделий деревенского и городского ремесла, определялся характер сбыта продукции деревенских и городских ремесленников, особенности социального положения свободных сельских ремесленников, вотчинных ремесленников и городских мастеров, формы их профессиональной подготовки и профессиональных объединений. Рыбаков выяснял также формы социальной активности в городской жизни, роль ремесленников в классовой борьбе²³⁹ (основные наблюдения и выводы монографии Рыбаков использовал в главах о ремесле и торговле в первом томе «Истории культуры древней Руси», см. выше, с. 236). Он прослеживал преемственность традиций развития ремесла IX—X вв., в последующий период XI — первой трети XIII в., рассматривая древнерусское ремесленное производство и формы его организации как характерные для феодального строя, находящиеся на том же уровне, что и в других феодальных государствах.

Это исследование, а также ряд других работ, посвященных древнерусскому ремеслу и технологии ремесленного сельского и городского производства (работы Б. А. Колчина, М. А. Безбородко, Д. И. Блифельда, В. А. Богусевича, Г. Ф. Корзухиной и др.), существенно дополняли изучение производительных сил и производственных отношений в обществе, в котором развивался феодальный строй.

Накопленные советской исторической наукой теоретические и конкретно-исторические наблюдения создали условия для изучения проблемы возникновения и развития древнерусского города. В монографическом исследовании на эту тему²⁴⁰ М. Н. Тихомиров отметил ремесленные и торговые функции феодального города как центра земледельческой округи. Основными рассматриваемыми проблемами на Руси XI в. около 100 городов, в XIII в. — около 240), определенные их социальной структуры, в которой отмечались «феодальные элементы» (князья, дружинники, бояре, связанные с городом и земельными имуществами), ремесленники и купцы с купческими и зачатками ремесленных организаций, зависимые люди, городское бо-

ярство-патрициат, белое и черное духовенство. Тихомиров (приближаясь к Юшкову) полагал, что большинство древнерусских городов выросло вокруг княжеских замков, а другие были построены князьями. Но вопрос об ограничении княжеской власти в городе он объяснял близко к Грекову — развитием городов, ростом значения и самосознания ремесленников и купцов. Продолжением этой мысли являлось стремление установить в XII—XIII вв. начала городского строя, аналогичного западноевропейскому. Поэтому он соглашался с мыслью Сергеевича о повсеместном распространении веча в крупных городах XI—XIII вв. и его функционировании как постоянного органа власти, в деятельности которого участвовало городское население — купцы и ремесленники.²⁴¹ Другой орган городского строя он видел в выборных магистратах — тысяцких и сотских.²⁴² В городской топографии Тихомиров отмечал характерные для средневековых городов периода феодализма составные части: внутреннюю крепость, посад, городские районы (улицы, концы), городской торг. Городские восстания XII—XIII вв. он рассматривал как борьбу за городские вольности, подобную борьбе западноевропейских горожан за образование городских коммун, хотя, признавал Тихомиров, «только в Новгороде коммунальное устройство нашло себе место, да и то в весьма своеобразном виде».²⁴³

Основные положения исследования Тихомирова поддержали в рецензиях ведущие специалисты того времени по истории Древней Руси и средневекового города — К. В. Базилович, А. В. Арциховский, В. В. Стоклицкая-Терешкович.²⁴⁴ Но С. В. Юшков отметил в качестве существенных недостатков работы малое привлечение уже значительных накопленных археологических материалов, отсутствие особенностей «городского строя», отношений князя и города в различных землях и в разные периоды истории Руси. Отмечая теорию городских волостей Ключевского и Сергеевича за потоком новых и новейших исследований о феодальном строе Древней Руси, Юшков высказал опасение, не возвращается ли Тихомиров к этой давней теории.²⁴⁵ Опасения эти были напрасны, поскольку Тихомиров рассматривал историю древнерусских городов и земель в их средневековой феодальной конкретности, а не как абстрактные внеисторические образования.

Тихомиров основательно переработал книгу, сохранив ее выводы, но дополнительно обстоятельно проанализировав социально-экономическую структуру общества (ремесло и ремесленные специальности, преобладающую работу на заказ и товарное производство,²⁴⁶ средневековые регламентированные формы организации ремесла и торговли, купеческие и ремесленные объединения). Значи-

²⁴¹ Там же. С. 212—220.

²⁴² Там же. С. 221—226.

²⁴³ Там же. С. 191.

²⁴⁴ Советская книга (М.). 1947. № 1. С. 76—80; ВП. 1947. № 1. С. 122—125, 125—130.

²⁴⁵ Юшков С. В. [Рец. на кн.:] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946 // Известия АН СССР. Т. 4, № 1. (Сер. истории и философии). М., 1947. С. 100—101.

²⁴⁶ Ранее вопрос о товарном производстве в Древней Руси был поставлен В. Т. Пашуто и Л. В. Даниловой (Данилова Л. В., Пашуто В. Т. Товарное производство на Руси (до XVII в.) // ВП. 1954. № 1. С. 117—136).

щие работы Цалкина, Лобашева, Мальм, опубликованные в 1956 г., подготавливались в конце 40-х — первой половине 50-х гг., в это же время накапливались материалы и разрабатывались методики и другие исследования, опубликованных во второй половине 50-х гг. Тем самым мнение Мавродина и Фроянова приобретает значение вклада ученых 40-х — первой половины 50-х гг. во всестороннее изучение экономики Древней Руси.

²³⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 35—520.

²⁴⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946.

тельно пополнил он свое исследование наблюдениями археологов. На их основании он пришел не только к установлению значения города как центра ремесла и торговли, но и центра постоянных связей горожан с сельским хозяйством в IX—XII вв., конкретно-исторически определяя уровень развития ремесленного производства, общественного разделения труда и т. д.²⁴⁷

Работа Тихомирова существенно дополняла концепцию Грекова в ее развитии к целостному анализу генезиса феодального строя. Вместе с тем во второй половине 40-х — первой половине 50-х гг. появилось значительное число работ археологов, которые на основе комплексного исторического и археологического анализа раскрывали феодальное содержание социально-экономической и политической структуры древнерусских городов (исследования В. В. Воронина, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, В. И. Равдоникаса, М. К. Каргера, П. А. Раппопорта, В. В. Косточкина, В. А. Богусевича, Н. В. Холостенко, Д. И. Блительда, С. А. Таракановой и др.).

Под влиянием быстро накапливаемых материалов и развивающихся методов исторической науки А. Н. Насонов отказался от своих давних взглядов на общественный строй Древней Руси как общинно-вечевой.²⁴⁸ На основе грековской концепции он создал историко-географический труд, в котором раскрывал двуединый процесс образования Древнерусского государства (посредством распространения княжеских суда и дани) и раннефеодального развития древнерусских земель. При этом Насонов продолжал мысль Грекова о феодальном характере государственных податей.²⁴⁹

Грековская концепция генезиса феодализма в древнерусский период в результате разложения родоплеменного строя позволяла глубоко раскрыть идейное содержание духовной культуры феодального общества в фольклоре (Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, В. Я. Пропп и др.), в литературе и летописании (В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, И. П. Еремин и др.), архитектуре (Н. Н. Воронин, Н. И. Брунов, Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер, П. Д. Барановский, Н. И. Кресальский, Ю. С. Асеев и др.), живописи (В. Н. Лазарев, М. В. Алпатов, М. К. Каргер, Н. Н. Воронин и др.) и т. д.

Выдающееся значение имело открытие в 1951 г. берестяных грамот в Новгороде.²⁵⁰ В свою очередь, анализ форм и содержания духовной культуры X—XIII вв. свидетельствовал об их характере, свойственном феодальному строю, а не родоплеменному или рабовладельческому. На работы некоторых историков воздействовали те тенденции, которые вли к «удревнению» или преувеличению уровня развития изучаемых сторон социально-экономической жизни и отдельных явлений культуры. Но в целом комплексное изучение во второй половине 40-х — первой половине 50-х гг. генезиса феода-

лизма конкретно-исторически раскрывало всестороннее развитие древнерусского общества в IX—XIII вв.

В этих условиях объективного прогресса в исследовании генезиса феодализма в России и субъективных трудностей особое значение приобретала творческая разработка общих теоретических вопросов данной научной проблемы. Они продолжали решаться в многообразии мнений.

В «Киевской Руси» издания 1949 г. Греков сохранил все основные положения своей концепции, включая те коррективы «дофеодального периода» как переходного этапа от первобытнообщинного строя к феодальному, когда происходил рост крупного землевладения и закрепостительный процесс.²⁵¹ Под воздействием идеологического натиска, работ Н. С. Державина, П. Н. Третьякова он стал уверенно возводить этногенетическое начало восточных славян к трипольской культуре III тыс. до н. э.²⁵² Если в предшествующих изданиях «Киевской Руси» Греков искал археологические доказательства существования крупных земельных вотчин, укрепленных дворов или замков в лесной зоне в IX в., то в 1949 г. — в VII—VIII вв.²⁵³ (вслед за Третьяковым).

Грековскую концепцию генезиса феодализма в древнерусский период поддерживал в середине 40-х — первой половине 50-х гг. ряд историков, мнения которых подчас отличались постановкой вопросов или степенью их разработанности.²⁵⁴ Но были и другие мнения, не только по частным вопросам, но и в концепционных подходах к изучению общественного строя в древнерусский период.

Мнению Грекова о смердах свободных и феодально зависимых противоставлялся вывод о смердах только как свободных, что вносило существенные коррективы в изучение генезиса феодальных отношений.²⁵⁵ Б. А. Романов исходил «из прочно установленного советской историографией положения, что древняя Русь XI—XIII вв. переживает процесс классообразования, свойственный и характерный для феодальной общественной формации».²⁵⁶ В своем новаторском по постановке и решению исследовании «будничной

²⁵¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 111—112.

²⁵² Там же. С. 33.

²⁵³ Там же. С. 121.

²⁵⁴ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945; *Его же*. Древняя Русь. Л., 1946; *Его же*. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949; Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946; *Будовиц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина // Изв. Т. 22. 1947. С. 42—100; *Его же*. Памятник ранней дворянской публицистики: («Моление» Даниила Заточника) // ТОДРП. Т. 8. 1951. С. 138—157; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948; Ч. 2. М., 1951; *Его же*. Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 89—99; *Пащута В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; и др.

²⁵⁵ Сыромятников Б. И. О «смерде» древней Руси // Учен. зап. МГУ. Вып. 116 (Труды юр. ф-та), кн. 2. 1946. С. 26—40; *Покровский С. А.* О наследственном праве древнерусских смердов // Советское государство и право. 1946. № 3—4. С. 56—65; *Мартынов М. Н.* Восстание смердов на Волге и Шекне во второй половине XI века // Учен. зап. Вологодского пед. ин-та. Т. 4 (историко-экономический). 1948. С. 3—36.

²⁵⁶ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.). Л., 1947. С. 4—5.

²⁴⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956.

²⁴⁸ Насонов А. Князь и город в Ростово-Суздальской земле: (в XII-ом и первой половине XIII-го вв.) // Века: Исторический сборник. Кн. 1. Пг., 1924. С. 3—27.

²⁴⁹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.

²⁵⁰ Арциховский А. В. Археологические открытия в Новгороде // ВАН СССР. 1951. № 12. С. 60—69; Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1951 гг.). М., 1959.

жизни» он стремился «дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе». ²⁵⁷ Такая постановка проблемы стала основой изучения Романовым разных слоев древнерусского общества: феодальной «челяди» (в широком значении термина, обозначающего разной степени зависимых людей, как в работах Грекова), «свободных» смердов — угнетаемого бесправного сельского населения, которое оказывалось под княжеской правовой защитой (мнение, сложившееся под влиянием А. Е. Преснякова), светских и духовных феодалов.

В работе Романова обоснованная теоретическая посылка в изучении феодального строя древнерусского общества, многочисленные находки в конкретно-историческом анализе совмещались с давним пониманием холопа как раба, а холопства как рабства. Поэтому, исходя из широкого распространения холопства в системе древнерусских общественных отношений, Романов писал: «<...> „свободный“ муж как-то не мыслится без раба (и рабы), раб — это неперемнная принадлежность быта „свободных“. А те, кто рабов не имел, стремились ими обзавестись правдами или неправдами». ²⁵⁸ При этом изучение генезиса феодальных форм эксплуатации оставалось в работе Романова на втором плане. Он указывал черты правового положения холопа, которые традиционно приводились в доказательство его рабства. «Отсюда, — заключал он, — казалось бы, вытекало, что раб — это *instrumentum vocale*, неодушевленный предмет, только обладающий даром речи; отсюда отрицание за ним каких бы то ни было прав личности, гражданской дееспособности (курсив наш. — М. С.)». ²⁵⁹ Однако конкретно-исторический анализ Романова раскрывал другие, несравнительские отношения холоповладельца и холопа. Поэтому Романов признавал: «Но жизнь делала свое дело, и эта идеальная (и не специфически русская) правовая конструкция подтачивалась ею настолько, что само же право иногда вынуждено было искать компромиссного выхода из создавшегося здесь противоречия». ²⁶⁰ Относя решение «противоречий» на долю древнерусского права, он не замечал, что они возникали в историческом исследовании в результате плодотворных методов конкретно-исторического изучения древнерусского холопства самим автором и давнего традиционного толкования холопства как рабства. Объективно своими конкретно-историческими наблюдениями Романов разрушал давнюю традицию в интерпретации холопства как рабства. Вместе с тем полная мобилизация письменных источников, их прочтение с учетом источниковедческого анализа создавали условия для творческих дискуссий, которые способствовали прогрессу в изучении социально-экономического строя Древней Руси.

Книга Б. А. Романова закладывала основы нового исследовательского подхода к изучению общественного строя Руси XI—XIII вв. — цивилизационного, то есть исследования общества в единстве общественного строя, менталитета, материальной и духовной культуры. Он

²⁵⁷ Там же. С. 5. Свое мнение о социально-экономических отношениях в Древней Руси Романов изложил также в комментированных изданиях Русской Правды, выходящих под редакцией Грекова.

²⁵⁸ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. С. 49.

²⁵⁹ Там же. С. 55.

²⁶⁰ Там же.

использовал при этом опыт петербургской исторической школы (И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская и их ученики) в раскрытии исторического процесса через памятники письменности создавшей их эпохи. Для Романова такими исходными для изучения эпохи произведениями стали «Слово» и «Моление» Даниила Заточника. ²⁶¹ Он учел также большой опыт, накопленный в изучении структуры древнерусского общества в единстве с его материальной и духовной культурой. Но Романов значительно расширил исследовательское пространство. Он изучил социальную психологию и поведение, восприятие социальной действительности и формирование сословно обусловленного мышления, менталитета русского человека XI—XIII вв. Общественный строй раскрывался им не только в межсословных и внутрисословных отношениях, но и через семью, церковь, верования, через жизнь человека от рождения до смерти. Все эти грани жизни древнерусского общества и общественного человека Романов объяснял феодальным социальным строем. Поэтому он прямо связал «разбросанные в древнерусских письменных памятниках (хотя бы и мельчайшие) следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей XI—XIII вв.» с «процессом классового образования в древнерусском феодальном обществе». ²⁶² При этом Романов даже не упоминает широко распространенную со второй половины 30-х гг. теорию «дофеодального периода» в Древней Руси (она учитывалась авторами «Истории культуры Древней Руси», см. выше, с. 236—237, для которой первоначально предполагался очерк Романова о быте и нравах). Этот историографический факт объясняется последовательностью ученого в раскрытии организующих факторов в жизни древнерусского общества, а также его бескомпромиссностью по отношению к теории, основанной на сталинских «указаниях», но не находящей соответствия в изучаемой им исторической действительности. Архаические по происхождению явления на Руси XI—XIII вв. он рассматривал как пережиточные формы, включенные в систему феодального устройства общества. Такой конкретно-исторический анализ способствовал определению древнерусской семьи как моногамной с учетом воздействия на нее церкви, при распространении многоженства в господствующем классе, вопреки тенденции (начиная с М. Н. Покровского) древнерусскую семью архаизировать. ²⁶³

В том же направлении цивилизационного подхода в середине 40-х — начале 50-х гг. развивалось Д. С. Лихачевым исследование связей духовной жизни общества, литературного и, шире, художественного творчества с их материальными основами. Он анализировал воздействие феодального строя на древнерусскую культуру, особенности развития феодальной культуры на Руси как следствия формирования феодализма в результате разложения родоплеменного строя, особенности восприятия и художественного воспроизведения

²⁶¹ Лихачев Д. С. Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 39—43.

²⁶² Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. С. 5.

²⁶³ Там же. С. 274—279.

мира, появление внутренней потребности общества и страны в принятии христианства и т. д.²⁶⁴

Однако эти тенденции в формировании цивилизационного подхода не развились во второй половине 40-х — начале 50-х гг. вследствие усиленного внимания к экономическим процессам, ограниченного понимания при подобном «материалистическом» подходе сферы духовной жизни средневекового общества, равно как и самой природы феодального строя и феодальных отношений.

В это разнообразие мнений по проблеме генезиса феодализма на Руси П. И. Лященко внес во второй половине 40-х гг. идеи, восходящие к общинно-вечевой теории дореволюционной историографии, а также к советской литературе 20-х гг. Относясь к старшему поколению ученых, он освоил в 20—30-е гг. учение о формациях, которое стало методологической основой его трудов по экономике и истории народного хозяйства в 30-е — начале 50-х гг. Но его исторические взгляды сохранили комплексы идей самых разных периодов истории исторической науки. Рассматривая в своем труде «История народного хозяйства СССР» развитие феодализма, Лященко отмечал славянское заселение Восточно-Европейской равнины в V—VIII вв. родами в виде сел, дворов, дворниц, городищ, печищ,²⁶⁵ в чем были соединены представления от С. М. Середонина и М. Н. Покровского до новейших работ советских авторов. Он признавал комплексную структуру восточно-славянской экономики, основанной на земледелии, скотоводстве, охоте, бортничестве, натуральный характер хозяйства, а также формирование феодализма в древнерусский период в результате разложения родового строя. В IX—X вв. Лященко выделял начальные процессы классового образования (среди «не свободных» лишь холопов, челядь, рабов). Вместе с тем и в этот период он отмечал в XI—XII вв. распространение «веча городских и сельских общин как органа верховной власти народа в решении государственных дел».²⁶⁶ Вплоть до XII в. Лященко считал состав веча «общенародным» при участии «простого народа», «высших классов», а иногда и «самого князя». Веча, по его мнению, «представляли собой наиболее демократические элементы и традиции старых славянских времен».²⁶⁷ При таких представлениях об общинно-вечевом строе Руси вновь разрывались связи «князя» как составного элемента социально-экономической и социально-политической структур. Поэтому, по Лященко, княжеская власть «должна была искать опоры в массовых организациях населения — в городском вече, в городском и земском войске».²⁶⁸ Эти обобщающие характеристики, восходящие к дореволюционной историогра-

²⁶⁴ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.; Л., 1945; *Его же*. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л., 1945; *Его же*. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; *Его же*. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952; и др.

²⁶⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. 2-е изд. Т. 1: Докапиталистические формации. Б. м., 1950. С. 83.

²⁶⁶ Там же. С. 104.

²⁶⁷ Там же. С. 105.

²⁶⁸ Там же. С. 105—106.

фии, сочетались в труде Лященко с определением IX—X вв. как «дофеодального периода». В XI—XII вв. он полагал уже развитие феодальных отношений (с конкретным их содержанием близко к Грекову).²⁶⁹

Допущенный в качестве учебного пособия в вузах труд П. И. Лященко, содержащий представления об общинно-вечевом строе Руси, как и ранее исследование А. И. Яковлева о широком распространении рабовладельческих общественных отношений, был награжден Сталинской премией, в присуждении которой личное участие, как известно, принимал Сталин. Эта премия присуждалась также наиболее выдающимся трудам грековской направленности. Подобный плюрализм в одобрении высшими инстанциями руководства общественными науками может свидетельствовать о том, что грековская концепция генезиса и развития феодализма на Руси воспринималась ими в 40-е гг. не как единственная, и можно полагать, что в условиях режима личной власти предпочтение могло быть отдано и Любому негрековскому направлению. Данный вывод противопоставлен определению историографической ситуации конца 30-х — 40-х гг. (указаны работы этого времени) И. Я. Фрояновым: «Восторжествовало единомыслие, обусловленное монопольным положением концепции Б. Д. Грекова по истории Киевской Руси. Любое отклонение от нее встречалось враждебно и объявлялось отходом от марксизма».²⁷⁰ Представляется, что такое мнение не соответствует действительности вследствие целенаправленной характеристики историографического процесса.

Существенные различия в понимании содержания и периодизации отечественной истории периода феодализма стали причиной дискуссии по этим вопросам в 1949—1951 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» (одновременно журналом проводилась дискуссия о периодизации истории капиталистических отношений в России, начата статьей Н. М. Дружинина). Открывший дискуссию К. В. Базилевич в основе периодизации предложил считать изменения в системе производственных отношений и в формах эксплуатации. Но их выражение он свел к смене видов феодальной ренты, отработочной, натуральной, денежной. Следуя принципу конкретного изучения истории общества, Базилевич мужественно для времени псаждаемого догматизма и цитатничества выступил против понятия «дофеодальный период», поскольку, по его словам, не отнесенное ни к одной из существующих общественно-экономических формаций, оно не имеет «исторического смысла».²⁷¹ Поэтому он предложил датировать генезис феодализма IX — серединой XI в., а с середины XI в. — утверждение феодального способа производства и начало феодальной раздробленности, отмечая в это время развитие крупного землевладения, господство феодальных производственных отношений, усиление классовой борьбы, княжеские съезды, полити-

²⁶⁹ Там же. С. 131—157.

²⁷⁰ Фроянов И. Я. Мязежный Новгород: Очерк истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. Л., 1992. С. 10—12.

²⁷¹ Базилевич К. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // ВИ. 1949. № 11. С. 70.

ческое обособление земель и т. д. (близко к Грекову и Юшкову).²⁷² Участники дискуссии не согласились с принципом периодизации по формам земельной ренты, который не отражал всей сложности и многосторонности исторического процесса в эпоху феодализма.²⁷³

Между тем представления о «варварском дофеодальном государстве» IX—X вв.²⁷⁴ и о «дофеодальном периоде» в IX—X вв. с «дофеодальным классовым обществом» без закрепощения крестьян²⁷⁵ продолжали бытовать.

В периодизации истории СССР эпох феодализма и капитализма, наряду с экономическим принципом, Дружининым был предложен иной критерий — классовая борьба. Мнение Базилиевича поддержали (с определенными различиями) С. В. Юшков, П. Ф. Бакалов, А. П. Пьянков, мнение Дружинина — П. Я. Мирошниченко, А. А. Зимин, А. М. Борисов.²⁷⁶ И. И. Смирнов допускал в качестве основы периодизации изменение форм государства, А. В. Предтеченский — «кризисное состояние производства» как проявление противоречий между производительными силами и производственными отношениями.²⁷⁷ В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнин предложили критерий периодизации, в основе которого находилось мнение Дружинина: развитие форм классовой борьбы в органической связи с развитием способа производства как основы исторического прогресса, но с учетом влияния внешних факторов, ускоряющих или тормозящих историческое развитие страны.²⁷⁸

Наряду с этими поисками объективных критериев периодизации, показавших в понимании генезиса и развития феодализма в России преобладание концепций Грекова и Юшкова, стремлением их усовершенствовать, преодолевая, в частности, догматический стереотип «дофеодального периода», в статье В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского нашло отражение сильнейшее отрицательное воздействие кампаний за «приоритеты» и против «космополитизма».

Авторы решительно возражали против отнесения «дофеодального периода» к IX—X вв., но не на конкретно-исторических или теоретических основаниях, а на той исходной посылке, что в этом случае «по своему социально-экономическому и политическому развитию древняя Русь значительно отставала от Западной Европы». Продолжая эту мысль, авторы писали (без ссылок на литературу): «Советская историческая наука доказала, что древняя Русь была передовой страной и во многих отраслях культуры стояла выше стран Западной Европы».²⁷⁹

²⁷² Там же. С. 66—68, 70—71.

²⁷³ Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // ВИ. 1951. № 3. С. 55.

²⁷⁴ Юшков С. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века // Там же. 1950. № 1. С. 72—80.

²⁷⁵ Пьянков П. О периодизации истории феодальных отношений в России // Там же. № 5. С. 77—79.

²⁷⁶ Обзор мнений, высказанных в дискуссии, см.: Смирнов И. Общие вопросы периодизации истории СССР // ВИ. 1950. № 12. С. 81—83.

²⁷⁷ Там же. С. 77—99; Предтеченский А. Вопросы периодизации истории СССР // Там же. № 5. С. 100—109.

²⁷⁸ Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории СССР периода феодализма // Там же. 1951. № 2. С. 55.

²⁷⁹ Довженко В., Брайчевский М. О времени сложения феодализма в древней Руси // Там же. 1950. № 8. С. 60.

Поэтому, объединив этногенетически и социально-экономически скифский и антский периоды, Довженко и Брайчевский указывали начало классового развития в скифское время. В антский период IV—VII вв., по их мнению, существовало «дофеодальное государство», в VIII—IX вв. завершается генезис феодализма и сложение Киевской Руси, в IX в. начинается период феодализма, Русь IX—X вв. — феодальное государство. Конкретизируя этот взгляд на «дофеодальный период», они отмечали в антский период «широкое развитие института рабовладения» и «феодальное закабаление», а потому уже к этому «дофеодальному» времени относили борьбу трех социально-экономических укладов: первобытнообщинного, рабовладельческого и возникающего феодального.²⁸⁰ Не рискуя критиковать концепции Грекова и Юшкова, они решительно выступали в дискуссии против мнения Базилиевича, которое эти концепции отражало.²⁸¹

Мнение Довженка и Брайчевского являлось лишь одним из проявлений натиска псевдопатристических идей. Писатель А. К. Югов в те годы утверждал, что Ахилл — русский, поскольку он был тавро-скифом.²⁸²

Дискуссия о периодизации истории СССР эпохи феодализма совпала по времени с дискуссией по вопросам языкознания, проведенной газетой «Правда». В ней раскрывалась ошибочность многих положений теории Н. Я. Марра о глотто- и этногенезе, что имело положительное значение для пересмотра теоретических построений автохтонистских теорий. В статьях И. В. Сталина показывалось вульгарно-материалистическое содержание марровского тезиса о включении языка в формационную надстройку, критиковалась диктатура сторонников теории Марра в языковедческих учреждениях.²⁸³ Однако в условиях сталинского режима положительные явления превращались в свою противоположность: старые догмы заменялись новыми, иногда откровенно ошибочными по содержанию (например, курско-орловский диалект как основа русского национального языка), дискуссия превращалась в административные и судебные преследования, гонимые идеи исключались из научного оборота.

Догматизм в условиях сталинского режима поставил тогда в сложное положение руководителей исторической науки. Они перенесли на Киевскую Русь сталинскую характеристику «империй рабского и средневекового периодов» Кира, Александра Великого, Цезаря, Карла Великого, «которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения».²⁸⁴ Вместе с тем руководство стремилось сохранить тезис о высоком уровне общественного развития Руси. Отсутствие периодизации исторического процесса, подмена анализа социально-экономического строя аналогиями политического строя привели авторов редакционной статьи «Новый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма» к противоречивому определению Киевской Руси,

²⁸⁰ Там же. С. 74. См. также: Довженко В. И. Про дофеодальный период в истории Руси // Археология (Київ). 1952. Т. 4. С. 9—32.

²⁸¹ Довженко В., Брайчевский М. О времени сложения феодализма... С. 60—77.

²⁸² Югов А. Родина Ахиллеса // Крым. 1949. № 3. С. 178—191.

²⁸³ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950.

²⁸⁴ Там же. С. 25.

по сути, отрицавшему в ней существование социально-экономических основ государства: «Нечетко в этом отношении характеризуется и Киевское государство, хотя и очень далеко ушедшее вперед от империй Цезаря и Карла Великого и состоявшее первоначально из родственных славянских племен, тем не менее первоначально не имевшее еще сложившейся экономической базы и состоявшее из племен, объединенных силой оружия киевских князей».²⁸⁵

Таким образом, под влиянием идеологии сталинизма в 1950 г. были сформулированы два противоположных мнения об общественно-политическом строе Киевской Руси (высказанных по иронии судьбы в одном номере ведущего исторического журнала): одно — максимально удревнявшее становление феодального общества и государства, другое — по существу отрицавшее социально-экономические основы феодального строя и государства в Киевской Руси, характеризующее ее как объединение племен. Однако первое крайнее мнение, безусловно, возобладало вследствие натиска идей великодержавности и борьбы за «приоритет», так что теория Довженки и Брайчевского была одобрена как положительный итог дискуссии о периодизации истории СССР (в то же время конец раннефеодального периода был отнесен к рубежу XI—XII вв., а начало феодальной раздробленности — к XII в.).²⁸⁶

В результате сильнейшего воздействия идеологии сталинского режима Б. Д. Греков, один из организаторов исторической науки, директор Института истории АН СССР, был вынужден внести существенные коррективы в свою концепцию генезиса феодализма в России. О вынужденности этих коррективов он писал распространенным тогда эзоповым языком: «Мысли, высказанные И. В. Сталиным в труде „Марксизм и вопросы языкознания“, особенно о базисе и надстройке, заставляют историков многое заново продумать, многое уточнить и пересмотреть в своих работах. В свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке историки СССР должны пересмотреть вопрос о генезисе феодализма (курсив наш. — М. С.)».²⁸⁷ Поэтому вслед за Довженком и Брайчевским, искусственно удревняя начало рабовладельческих и раннефеодальных отношений, он стал писать о VI—VIII вв. в истории восточных славян как переходном периоде от родового строя (на последней стадии развития) к классовому феодальному обществу, к раннефеодальному государству. Но в пределах господствующего догматизма и цитатничества Греков стремился сохранить историзм в изучении социально-исторических процессов и вновь сиял статичную и внеисторичную характеристику «дофеодальный период» для обозначения переходной эпохи, заменив ее определением «полупатриархальный-полуфеодальный», заимствованным из другой работы Сталина.²⁸⁸ В IX—XI вв. происходит дальнейшая феодализация древнерусского общества.²⁸⁹ Конкретно-исторический анализ различных категорий фе-

одально зависимого населения Греков заменил статичной формулировкой феодальной зависимости из «Краткого курса» об имущественно-правовом статусе русского крестьянина периода крепостничества (об отрицательных следствиях такого подхода к изучению генезиса феодальных общественных отношений см. выше, с. 220—221). Подводя итоги работы, Греков, указывая на вынужденность таких коррективов, писал: «Это не совсем похоже на то, как мы изображали этот процесс до недавнего времени».²⁹⁰ Соответствующие изменения он внес и в последние прижизненные издания своих обобщающих трудов, несмотря на возникающие резкие противоречия между новейшими искусственными историческими построениями и прежним конкретно-историческим анализом генезиса и развития форм феодальной зависимости.²⁹¹

В тяжелейших условиях натиска сталинских «указаний» в последние годы режима исследователи искали новые возможности в старых исследовательских схемах. А. А. Зимин предложил в комментариях к Русской Правде компромиссную по отношению к концепциям С. В. Юшкова и Б. Д. Грекова характеристику общественного строя на Руси X—XII вв. Подобно Грекову, он не использует понятие «дофеодальный период» по отношению к X в., но зависимых людей, челядь, называет только рабами, как Юшков и Бахрушин. Зимин отмечает с конца X — начала XI в. развитие рабства в феодальную зависимость при сохранении рабства, которое называлось теперь «холопство» — в отличие от феодально зависимой челяди. В XI—XII вв. феодально зависимые смерды и «несвободные» рядовичи близки по юридическому положению к холопам, тогда как правовое положение холопов меняется, поскольку их «часто сажают на землю, в силу чего они приобретают некоторые права». Закуп — неполный холоп. Он должен отработать или выплатить «купу» — долг, выкупную цену, обусловленную в ряде договоров.²⁹² В этих характеристиках еще не разработанной теории намечено направление ее последующего развития в эволюции челядинства и холопства, во внутреннем развитии и разложении рабства как пути появления феодальных форм зависимости в Древней Руси. Вместе с тем Зимин не отождествляет феодальную зависимость с крепостничеством, что свидетельствует о его стремлении к конкретно-историческому анализу вне официальной схемы сталинского периода.

П. П. Елифанов, напротив, использовал понятие «дофеодальный период». Но в отличие от С. В. Юшкова он понимал его в традиции сталинского определения и конкретного содержания в статьях С. В. Бахрушина второй половины 30-х гг. — как переходный этап «от родовой собственности к частной собственности свободных крестьян в рамках соседской общины-марки и от этой последней к феодальному способу производства». В этот период он видел господство свободной сельской общины-марки, отмечая также че-

²⁸⁵ Новый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма // ВИ. 1950. № 8. С. 13.

²⁸⁶ Паушто В., Череннин Л. О периодизации истории России... С. 56—57; Об итогах дискуссии... С. 56.

²⁸⁷ Греков Б. Д. Генезис феодализма в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке // ВИ. 1952. № 5. С. 31.

²⁸⁸ Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. С. 25.

²⁸⁹ Греков Б. Д. Генезис феодализма в России... С. 31.

²⁹⁰ Там же. С. 43.

²⁹¹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. [2-е изд.] Кн. 1. М., 1952; Его же. Киевская Русь. М., 1953.

²⁹² Памятники русского права. Вып. 1 / Сост. А. А. Зимин. М., 1952. С. 20, 22, 44, 93, 98—99, 164.

льды — патриархальных рабов и «элементы классового деления общества» («господин» челядина).²⁹³

Одновременно с такими направлениями в изучении общественного строя Древней Руси в первой половине 50-х гг. продолжали рассматриваться проблемы развития феодализма и феодального права в XI—XIII вв. в русле концепций Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова.²⁹⁴ Вместе с тем догматические представления об историческом процессе становились началом проблем, которые происходили не из реального содержания, а из абсолютизации мнения об обязательной последовательности первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального строя. Поэтому Греков должен был искать причины, почему на Руси феодализм развился «минуя» рабовладельческую стадию. Искусственная постановка вопроса, но необходимая, чтобы избежать обвинений в отклонении от схемы «Краткого курса», вела к искусственным объяснениям вместо реального определения направлений исторического развития европейских народов в типологическом анализе. Поэтому Греков первоначально отмечал определяющее значение соседской общины в таком пути эволюции, а потом дополнил этот фактор воздействием производительных сил, уровень развития которых был выше, чем в античных рабовладельческих обществах, и делал нерентабельным труд раба.²⁹⁵ Уровень развития производительных сил и образование вследствие этого соседской общины К. Н. Тарновский указывал как основные причины возникновения у восточных славян феодального, а не рабовладельческого строя.²⁹⁶

Несмотря на различие мнений о содержании генезиса и развитии феодализма в России, их периодизации, во второй половине 40-х — начале 50-х гг. эти идеи объединяло одинаковое понимание основных черт феодального строя как господства крупного господского хозяйства, крепостнического социально-экономического и правового статуса зависимого крестьянства. Такое понимание нашло отражение и в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней феодализм по-прежнему сводился к крепостничеству, феодальная земельная собственность — к собственности феодалов. Внеэкономическое принуждение воспринималось в пределах прикрепления к земле для усиления экономической власти помещиков.²⁹⁷ Эта характеристика феодализма в традициях «Краткого курса» продолжала оказывать двойственное влияние на исторический анализ: с одной стороны, она обращала внимание на необходимость изуче-

ния определяющего значения земельной собственности, но с другой — существенно ограничивала возможности исследования этой проблемы, а также многообразных форм зависимости и эксплуатации при феодальном строе.

Преодолевая такое ограниченное понимание феодальных социально-экономических отношений, Л. В. Черепнин обратился в начале 50-х гг. к тому направлению, которое начал разрабатывать Греков во второй половине 30-х гг., но в условиях воздействия идей «Краткого курса» не мог продолжить: к изучению всеобщей феодальной системы отношений на основе монополизации феодалами земельной собственности и внешнеэкономического принуждения посредством органов государства как организованной власти землевладельцев-феодалов (см. выше, с. 219).

Систему форм собственности он сопоставил с господствовавшей в те годы периодизацией генезиса феодализма. Поэтому, по его мнению, в дофеодальный период (VI—VIII вв.) формировалась частная собственность на землю, существовало крестьянское земельное владение в составе свободной сельской общины. В IX — начале XII в. устанавливается и развивается феодальное производство. «Государство рассматривает себя в качестве верховного собственника всей земли, принадлежавшей ранее крестьянам». Формируется частная феодальная собственность, приобретающая сословно-иерархический характер. К периоду феодальной раздробленности в начале XII — конце XV в. Черепнин относит, вслед за Грековым, укрепление вотчины-сеньории в ряде феодальных центров Руси. Существование верховной собственности государства на землю выражается в признании крестьянских земель государственными.²⁹⁸ Таким образом, еще в начале 50-х гг. Черепнин начал поиск нового направления (лишь намеченного Грековым в 1937 г.) в изучении генезиса и развития феодализма в Древней Руси. В отличие от давних мнений Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, К. А. Неволлина, Б. Н. Чичерина, В. И. Сергеевича, В. О. Ключевского и др., которые в соответствии со своими теориями утверждали, что верховным земельным собственником на Руси был глава государства — князь, а также мнений в дореволюционных, сталинских, а за ними и в советских работах 30—40-х гг. о свободной крестьянской собственности²⁹⁹, разрабатываемое Черепниным направление устанавливало иерархическую структуру раннефеодального общества и процессы классовообразования в неразрывной связи с иерархической структурой земельной собственности. Но это были лишь первые наблюдения, развитые в последующий период 60—80-х гг.

В соответствии с этой концепцией Черепнин вернулся к характеристике феодально зависимого населения в Древней Руси. Поддерживая в целом наблюдения Грекова, он писал о «довольно широком использовании рабского труда» «в ряде феодальных хозяйств», но отмечал, что рабство не стало основой производственных отноше-

²⁹³ Елифанов П. К вопросу о происхождении Русской правды // ВИ. 1951. № 3. С. 96—100. Такое понимание «дофеодального периода» поддерживал в целом К. Н. Тарновский (Тарновский К. Н. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян // Там же. 1954. № 4. С. 91—92).

²⁹⁴ Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси XII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. С. 100—104; *Его же*. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953; *Его же*. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; Юшков С. В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение. М., 1950.

²⁹⁵ Греков Б. Д. Генезис феодализма в России... С. 37—38; Очерки истории СССР. Ч. 1: IX—XII вв. М., 1953. С. 55, 61.

²⁹⁶ Тарновский К. Н. Предпосылки возникновения феодализма... С. 77—91.

²⁹⁷ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 41.

²⁹⁸ Черепнин Л. В. Основные формы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // ВИ. 1953. № 4. С. 44.

²⁹⁹ Историографический обзор см.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948. С. 114—126.

ний.³⁰⁰ Предлагая частные коррективы в грековскую интерпретацию различных категорий феодально-зависимого населения, наиболее существенные из них Черепнин внес в определение общественного положения смердов. Он считал, что свободное крестьянство называлось в Древней Руси термином «шподи». Изменение его социального положения он связывал с окняжением земли — переходом общинных земель в верховную собственность государства. Эти крестьяне-данники, живущие на государственной земле, становились государственными крестьянами-смердами. Они платили государству дань, которая являлась средством их эксплуатации. Часть их в XI в. попала в непосредственную зависимость от князя-вотчинника. Позднее они становились зависимыми и от других феодалов.³⁰¹ Закупничество Черепнин воспринимал как наиболее тяжелую форму феодальной зависимости, близкую к крепостничеству.³⁰²

Таким образом, в середине 30-х — середине 50-х гг. изучение общественного строя Древней Руси осуществлялось под постоянным деформирующим воздействием стереотипов, относящихся к сталинским представлениям об историческом процессе, и вместе с тем вопросы им. Грековская генетическая концепция формирования феодального строя на Руси своим содержанием оплониоровала сталинским идеям об обязательных стадиях развитого рабовладения и «дофеодального периода». В той ее части, которая могла быть проверена на объективных данных массовых исторических источников, — в изучении структуры экономики в древнерусский период — она полностью подтвердилась к середине 50-х гг. Конструктивность и доказательность концепции Грекова объединили значительную группу специалистов в изучении самых различных сторон исторического прогресса, материальной и духовной культуры, которые на исследуемых материалах подтвердили верность основных ее положений, дополняя и корректируя их. Эта концепция создавала основы для цивилизационного подхода к русской средневековой истории (Б. А. Романов, Д. С. Лихачев). Она была ортодоксальной по отношению к сталинским представлениям и, восходя в своей исходной концепции к коллективному творчеству сотрудников ГАИМК, продолжила теорию генетического развития феодального строя в европейских странах в результате разложения родоплеменного строя. Она была поддержана в Институте истории и Институте истории материальной культуры Академии наук, в Московском и Ленинградском университетах, в других вузах страны.

Теория «дофеодального периода» русской средневековой истории в интерпретации С. В. Юшкова была поддержана во второй половине 40-х — начале 50-х гг. во Всесоюзном институте юридических наук Министерства юстиции СССР, входившего в ведомство организатора и исполнителя фальсифицированных сталинских судебных процессов А. Я. Вышинского. Идеи этой теории основывались на статичном, метафизическом противопоставлении определенных мо-

делей, что в философских основах свойственно позитивизму и неокантианству, а также принципам и практике сталинизма. Именно сталинские указания инициировали широкое распространение в работах советских историков второй половины 30-х — начала 50-х гг. представлений о «дофеодальном периоде». Но при этом исследователи оказались в сложном положении. Им пришлось пользоваться понятием, лишенным конкретного содержания, смысл которого — «до + что-либо» и «не + что-либо» (не + закрепощены) — исходил из логики обиденного сознания. Его научную бессодержательность ученые пытались преодолеть позитивными материалами в круге представлений своего времени: борьба укладов, первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального (С. В. Юшков), превращение дани в феодальную ренту продуктами (вслед за Юшковым), идущую на смену примитивной отработочной ренте, рост княжеского и боярского землевладения, основанного на эксплуатации челяди — рабов и нерабов, упорядочение налоговой и административной системы управления и т. д. (В. В. Мавродин, 1951 г.), общество «вольных общинников», что конкретизировало сталинское «не были еще закрепощены» (С. В. Бахрушин, 1938 г., и близко к этому мнению П. П. Епифанов). Были и другие варианты мнений (ранее в скобках указаны даты, в случае если эти исследователи давали также иные определения «дофеодального периода»). В древнерусской истории данный период относили обычно к IX — началу XI в., хотя вследствие псевдопатриотических кампаний в конце сталинского периода «дофеодальный период» стали удревять.

Исследователи, которые соглашались с таким образом понимаемым «дофеодальным периодом», признавали и совершенно очевидное для них существование государства на Руси IX—X вв. Они называли его последовательно «дофеодальным» или «варварским», следуя терминологии Ф. Энгельса и И. В. Сталина. Данные понятия, «дофеодальный период» и «дофеодальное» или «варварское» государство, использовались авторами в сталинской терминологии и как форма оппозиции в дискуссии с генетической концепцией Б. Д. Грекова и ее сторонников, подставляя ее тем самым под возможный удар идеологов сталинского режима. В обстановке догматизма и начетничества у этих основных противоборствующих сторон имелся еще методологический аргумент, который ставил их как ученых в сложнейшее положение. Если в IX—X вв. признавались феодализм и государство, то должны были существовать классы и государство как орудие угнетения и подавления одного класса другим в соответствии с теорией «марксизма-ленинизма». У противников такого мнения на том же методологическом основании был веский аргумент. Поскольку, как указал И. В. Сталин, «дофеодальный период» существовал, то в «дофеодальном» или «варварском» государстве IX—X вв. не было сложившихся классов.

Все эти методологические и теоретические «обоснования» не имели никакого отношения ни к марксизму, ни к объективному научному исследованию. Они происходили из идейной и нравственной обстановки сталинского режима середины 30-х — начала 50-х гг. Вместе с тем сталинская идея о «дофеодальном периоде», который предшествовал «феодальному», позволила противникам грековской

³⁰⁰ Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси // ИЗ. Т. 56. 1956. С. 237—243.

³⁰¹ Там же. С. 245—252.

³⁰² Там же. С. 252—257.

концепции «правоверно» высказать возражения тенденциям удревления развитого феодализма, понимаемого в «марксистских» представлениях того времени как крупное землевладение и крепостничество, в значительной мере искусственно разделяемого на периоды единого процесса его генезиса и развития. Такая форма дискуссии, скрытое доносительство, выражение научных взглядов в терминологии по Сталину, явилась следствием сталинского режима, подмсыма марксизма сталинизмом. Это была трагедия, участниками которой стали талантливые ученые. Их творчество деформировалось сталинскими «указаниями», обстоятельствами постоянного идеологического и административного террора, а их теоретические обобщения в своих основных характеристиках стали знаковыми символами сталинского «стиля эпохи».

Поэтому нельзя согласиться с мнением И. Я. Фроянова, который считает, что существовала «позиция С. В. Бахрушина — С. В. Юшкова — В. В. Мавродина — А. И. Неусыхина» в изучении «дофеодальных» = «варварских» государств, отрывая эту «позицию» от сталинских представлений и сталинской поры и придавая ей «большую научную значимость и перспективность».³⁰³ Фроянов расширяет круг сторонников теории «дофеодального периода» за пределы сталинского периода, присоединив к ним А. И. Неусыхина, хотя его мнение о «дофеодальном периоде» совершенно иного происхождения, чем у его предшественников, названных Фрояновым (см. далее, с. 259 — 260), да и Мавродин к идее «дофеодального уклада» вернулся лишь в 1971 г., ссылаясь на мнение Е. Д. Романовой (см. далее, с. 286, 287). Фроянов не называет в данном ряду Н. П. Павлова-Сильванского и Н. А. Рожкова, в концепции которых входило мнение о «дофеодальном периоде». Между тем, хотя в работах всех этих авторов 900-х — конца 60-х гг. использовалось понятие «дофеодальный период», совпадали они лишь в одном — в противопоставлении феодальному периоду «дофеодального», производного в качестве научной дефиниции из неопределенной модели «до + что-либо». В основном, в философских основах и в конкретном содержании «что-либо», они существенно различались.

Что касается работ середины 30-х — начала 50-х гг., то при изучении сути вопроса Фроянов оценивает историографический процесс противоречиво и трактует его негечно. Указывая на «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова, он пишет: «И вот тогда историки, как по команде, заговорили о „дофеодальном периоде“, когда крестьяне не были закрепощены».³⁰⁴ Однако процесс распространения этой сталинской идеи в советской исторической литературе был неоднозначен, «как по команде заговорили» — не получилось, а грековская концепция такому представлению об историческом процессе постоянно оппонировала. Поэтому, по нашему мнению, Фроянов необоснованно приписывает приоритет и значение Сталина в утверждении и распространении идеи «дофеодального периода» в 30-х гг., объясняя ограниченность ее распространения в

³⁰³ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. С. 17.

³⁰⁴ Там же. С. 11.

профессиональной литературе не научными факторами, а «известным впечатлением конъюнктурности». «Конечно же, — пишет он, — это не могло производить известное впечатление конъюнктурности и не вызвать отрицательной реакции ученых, особенно после смерти И. В. Сталина».³⁰⁵ Пытаясь абстрагировать идеи Сталина от их деформирующего, по нашему мнению, воздействия на советскую историческую науку, Фроянов пишет, что указания на связь представлений о «дофеодальном периоде» со сталинскими «Замечаниями» переносят «решение научных проблем в политическую плоскость».³⁰⁶

С такой мыслью согласиться трудно. Политического содержания в сталинской идее «дофеодального периода» нет. Сами ученые указывали на приоритет И. В. Сталина в этой идее, за которой они следовали. Поэтому представляется историографически некорректным указание Фрояновым сначала разработок С. В. Бахрушина, С. В. Юшкова, В. В. Мавродина по «дофеодальному» обществу и государству, а затем «Замечаний», за которыми эти разработки следовали (Фроянов пишет, что «Замечания» их «стимулировали»). Такая перемена мест причины и следствий пытается нейтрализовать воздействие на исследовательский процесс в 30-е — начале 50-х гг. сталинских идей в качестве «гениальных указаний» и превратить появление в советской исторической литературе этого времени «дофеодального периода» в как бы самостоятельный научный вывод, который явился результатом специального исторического исследования.

Этот отрыв сталинской идеи о «дофеодальном периоде» как побудительной причины от ее следствий привел И. Я. Фроянова к ошибочному, по нашему мнению, исследовательскому ряду: С. В. Бахрушин (вторая половина 30-х гг.) — С. В. Юшков (конец 30-х — начало 50-х гг.) — В. В. Мавродин (до первой половины 50-х гг.). Данных авторов в этом ряду при изучении общественного строя Руси IX—X вв. объединяет только сталинская мысль о «дофеодальном периоде». В конкретной реализации к ее содержанию ближе других оказался Бахрушин. В сталинской модели «дофеодального периода» («до + что-либо») конкретное содержание раскрывалось через «крестьяне не были еще закрепощены» («не + что-либо»). Исходя из прямого смысла сталинских слов Бахрушин заполнил «что-либо» в позитивном определении «вольными общинниками». В таком понимании «дофеодального периода» близок к нему оказался в начале 50-х гг. П. П. Епифанов. Так что если выстраивать исследовательский ряд в конкретно-историческом содержании этого понятия, то это должны быть И. В. Сталин — С. В. Бахрушин — П. П. Епифанов. Их модель была близка схеме Н. П. Павлова-Сильванского по выделению «дофеодального периода», по абсолютизированному значению в нем свободного общинного крестьянства, по его противопоставлению «феодальному периоду». Только под феодализмом они понимали крепостничество и относили его на Русь к XI—XII вв. (Сталин эти периоды не датировал), а Павлов-Сильванский — определенные виды социально-правовых институтов

³⁰⁵ Там же. С. 11—12.

³⁰⁶ Там же. С. 12.

и общественных отношений, и начинал он феодализм на Руси с XIII в. Юшков и Мавродин наполняли «что-либо» в «дофеодальный период» совсем иным содержанием — борьбой социально-экономических укладов, становлением господских хозяйств и государства, то есть тем, что имело прямое продолжение в феодальный период, а не противопоставлялось ему.

Концепция рабовладельческого строя Древней Руси, исходившая из догматического толкования марксистской теории смены общественно-экономических формаций, а также видимой очевидности первоначального социального деления на рабов и рабовладельцев, существенно утратила к началу 50-х гг. популярность, несмотря на свою ортодоксальность. Она распалась при конкретно-историческом подходе, все более ограничиваясь признанием большого значения рабства в Древней Руси. Но в работах Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, Б. А. Романова уже был намечен путь к разрушению стереотипных представлений о челяди и холопах как о рабах через определение их социально-экономического положения.

Теоретический «плюрализм» дополнял в 40-е — начале 50-х гг. П. И. Ляшенко, который сохранил традиции теории общинно-вещного строя Древней Руси.

Сталинские представления об историческом процессе оказывали постоянное внешнее воздействие на исследовательский процесс. Они способствовали консервации идей о крупном землевладении и крепостничестве как основе феодализма, о феодализме как статичной модели, которой предшествовал «дофеодальный период», о рабстве и рабовладении как обязательной первоначальной стадии господства и подчинения, за которой следовал феодальный строй. Послевоенная идеологическая политика сталинского режима являлась причиной удвения развитых форм общественных отношений, рабовладельческих или феодальных, деформации анализа конкретно-исторического процесса в древнерусский период.

Вместе с тем, вопреки такому внешнему воздействию, изучение общественного строя Древней Руси продолжало развиваться. Во второй половине 30-х — первой половине 50-х гг. исследователи постоянно учитывали значительный предшествующий опыт в конкретно-историческом анализе и в источниковедении. По данной проблеме были мобилизованы все виды письменных материалов, к которым добавились ценнейший массовый источник — новгородские берестяные грамоты. Разрабатывалась методика комплексного использования в исследованиях исторических источников, различных по происхождению, — письменных, археологических, лингвистических, фольклорных. Из методов наибольшее распространение имели генетический, прогрессивный (от более ранних, простых социальных форм к более поздним, сложным), а также сравнительно-исторический метод. Существовали также попытки применения метода региональных сравнений, который развития не нашел. Метод моделирования в условиях догматизма и начетничества превратился в свою противоположность — в установление модели феодализма, отличия от которой воспринимались как модель «дофеодального» общества, не учитывалась типология социальных структур, да и сама модель «феодализма» оказывалась крайне ограниченной по содержанию.

В разных научных направлениях этого периода продолжали накапливаться наблюдения, которые вели к целостному анализу генезиса и развития феодального строя в Древней Руси, существенно дополняя и корректируя его понимание в позитивистских и ранних марксистских теориях, вопреки сталинскому деформирующему воздействию на исследовательский процесс. Почти все они находились вне представлений Сталина о феодализме, усвоенных им в упрощенной форме из работ Энгельса и Ленина или из подготовленных для него материалов, но схематизированных им то ли для популярности, то ли вследствие особенностей своего мышления (источник идеи о противопоставлении феодальному периоду «дофеодального», когда крестьяне еще не были закрепощены, не удается установить, но тождество феодализма и крепостничества в сталинских представлениях очевидно). Генетическая концепция феодального строя, обобщившая огромный исследовательский опыт и неразрывно связанная с именем Грекова, который внес в ее разработку значительный вклад и последовательно ее отстаивал, позволяла конкретно-исторически проследить становление феодальных отношений в результате разложения родоплеменного строя. Эта концепция стала основой изучения возникновения в древнерусский период множественных форм феодальной зависимости вне рабства в господском хозяйстве.

С. В. Юшков поставил проблему феодального содержания разных категорий служилой части господствующего класса. Они представляли собой феодальную иерархическую структуру, основой которой являлась служба князю. В этой связи он вернулся к идеям материального обеспечения за службу через феодал-феффы и как следствие этого — превращение государственных податей-налогов в ренту, что составляло одну из основ феодального строя. Но в условиях сталинского режима, при интерпретации исторического процесса по «Краткому курсу» и только в связи с экономическими факторами, эти конструктивные идеи, видимо во избежание обвинений в идеализме, были трансформированы в мнение о превращении дани в феодальную ренту. Объективно Л. В. Черепнин продолжил это направление, возобновив изучение государственных форм земельной собственности и эксплуатации. Такой путь исследований также вел к изучению феодальных отношений в системе государства. Становлению целостного анализа феодального общества способствовали работы по истории древнерусского города (теории С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, Б. Д. Грекова, который обратился к этой теме в конце 40-х гг.).

Новый период в изучении общественного строя Древней Руси начинался после прекращения сталинского режима.

3. Теория общественного строя Древней Руси в новейшей исторической литературе: 1956—1995 гг. После смерти И. В. Сталина в 1953 г., осуждения «культ личности Сталина» на XX съезде КПСС в 1956 г. тотальный физический и идеологический террор прекратился. Невинно осужденные люди были реабилитированы. Но после оживления общественно-политической и экономической жизни в стране в середине 50-х — начале 60-х гг. последовали провалы в экономике, хрущевский волонтаризм и брежневская стагнация общественной жизни при клановости партийно-административных

группировок сверху донизу, снижении взаимной требовательности, перерождении партийно-государственных структур. Стагнация переросла в 80-е гг. в экономический и общественно-политический кризис, из которого не могли вывести страну попытки реформ М. С. Горбачева. Все это привело в 1991 г. к распаду СССР. Россия в качестве демократического федеративного правового государства начала самостоятельный путь развития.

Данные условия жизни страны постоянно прямо и опосредованно воздействовали на отечественную историческую науку, и в частности на изучение общественного строя Древней Руси. Основу исследовательского процесса составила в это время преемственность научных школ в культуре конкретно-исторического анализа. Для нового периода стал характерен поиск новых теоретических обобщений, которым противостояли традиционные построения. Но во всех научных направлениях профессиональным традициям, устоявшим в период сталинского режима, пришлось выдерживать натиск волонтаризма и понижения исследовательской культуры.

Во второй половине 50-х — 60-е гг. осуществлялся поиск новых возможностей в марксистской теории, чтобы вырваться из расхожих схем сталинского времени. Дискуссия об «азиатском способе производства» отразила стремление освободиться от внедрявшейся Сталиным в историческую науку так называемой «пятичленки» Энгельса с обязательным следованием за первобытнообщинным обществом рабовладельческого, а за ним феодального строя. Значительный вклад в теоретические разработки внесли в это время отечественные медиевисты, что имело большое значение и для изучения общественного строя Древней Руси.

Дискуссия, начатая докладом А. Д. Люблинской о типологии раннефеодального строя в Западной Европе, не только отмечала разные формы синтеза общественных отношений в этнополитических процессах.³⁰⁷ Она обращала внимание при типологическом анализе на существование огромного субконтинента Центральной, Северной и Восточной Европы вне зоны романо-германского и романо-кельтского синтеза, где раннефеодальный строй закономерно развивается в результате разложения родоплеменных отношений. В советский период русская медиевистика накопила огромный опыт в изучении экономических и социальных отношений, что продолжало принципы позитивистской литературы и марксизма. Поэтому в дискуссии при обсуждении генезиса феодализма в Западной Европе уже традиционно основное внимание уделялось крестьянским общинам, городам, поместьям (с применением рабского труда). Но прозвучали также новые идеи, которые выводили изучение проблемы за этот обширный, но все же частичный круг «основ» феодального строя: сравнительно-типологический анализ социальных структур, а не признаков (А. Д. Люблинская, А. П. Каждан), что вело к изучению целостной системы феодализма с учетом всех ее взаимодействующих социально-экономических и социально-политических элементов; государственные формы эксплуатации непосредственных производителей

³⁰⁷ Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // СВ. Вып. 31. 1968. С. 9—17.

лей в виде «кормления» (Ю. Л. Бессмертный).³⁰⁸ Эти идеи намечали пути будущих исследований. В продолжение исследований Н. П. Грацианского 30-х гг., направленных против вывода вотчинной теории о господстве в раннее средневековье крупного землевладения (при наличии мелких вотчинников и крестьян-аллодистов), в 50-е гг. особое внимание стало уделяться изучению мелкой вотчины в период генезиса феодализма в западноевропейских странах (Л. Т. Мильская, А. И. Данилов, Я. Д. Серовайский).³⁰⁹ Значительно увеличивали возможности изучения генезиса феодализма в европейских странах наблюдения Л. Т. Мильской о равном использовании в раннефеодальный период денежной ренты наряду с продовольственной и отработочной, что опровергало догматические попытки рассматривать их в сталинский период в жесткой последовательности,³¹⁰ тогда как Ю. Л. Бессмертный показал широкую сферу распространения вземельных бенефициальных отношений и феода-ренты.³¹¹

Еще более расширили поле изучения становления феодального строя в Европе конкретно-исторические исследования 50—60-х гг. А. И. Неусыхина. Его труды пролагали путь для следующих за ним учеников, ранее названных, — Л. Т. Мильской, А. И. Данилова, а также А. Я. Гуревича, А. Р. Корсунского и др. Неусыхин исследовал, прежде всего на материалах германцев и средневековой Германии, крестьянскую вотчину, процесс развития феодальной вотчины, множественные формы установления феодальной зависимости бывших свободных общинников в господском хозяйстве, которые он рассматривал вне рабства и рабовладения, обычно используя для наиболее тяжелых форм зависимости понятия «несвободный», «холоп», но не «раб».³¹² Развивая в 60-е гг. свою концепцию генезиса феодализма, Неусыхин вернулся к идее, уже высказывавшейся в советской исторической литературе 30—40-х гг., о выделении в этом процессе особого переходного периода. Следуя терминологии тех лет, он назвал этот период «дофеодальным». Такое название было дано, вероятно, не без вызова научной общественности (уж очень была свежа память о сталинском «дофеодальном периоде», «когда крестьяне не были еще закрепощены»), равно как и сама эта теория, которая стала вызовом эволюционным концепциям генезиса феодализма в Европе. Неусыхин отнес «дофеодальный период» ко

³⁰⁸ Материалы обсуждения доклада А. Д. Люблинской см.: Там же. С. 18 и след.

³⁰⁹ Гутнова Е. В. Советская медиевистика с середины 30-х гг. до 1966 г. // МИВИН. Вып. 5. 1967. С. 374; Седельников А. И. Проблема генезиса западноевропейского феодализма в советской историографии 20-х — 50-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. С. 14.

³¹⁰ Мильская Л. Т. Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957. С. 86.

³¹¹ Бессмертный Ю. Л. Изменение структуры межсеньориальных отношений в Восточной Франции XIII в. // СВ. Вып. 28. 1965. С. 55; *Его же*. Система внутриклассовых отношений среди сеньоров Северной Франции и Западной Германии в XIII в. // Там же. Вып. 30. 1967. С. 151.

³¹² Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в VI—VIII вв. М., 1956; *Его же*. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.

времени переселения племенных союзов. Это был особый общественный строй, «общинный без первобытности», с особыми социальными отношениями до их раннефеодальной определенности.³¹³

Концепция А. И. Неусыхина была направлена против многих стереотипов сталинского и послесталинского периодов. В ней была сделана попытка раскрыть эволюцию социальных отношений от племенного строя к феодальному, но без удешевления феодальных структур, без первоначального деления на рабов и рабовладельцев, без разных форм социально-экономических отношений в виде «укладов». Это была попытка проследить переходный период вне его формационной определенности. Неусыхин признавал в «дофеодальный период» социальные и имущественные неравенства. Но такому делению общества он противопоставлял деление классовое, хотя бы в самых ранних формах. Отсюда, по его мнению, этот переходный период от бесклассового общества к классовому, в котором не было классовой эксплуатации и классового неравенства. Процесс классового образования начинается с ростом труда «полусвободных и несвободных» в хозяйствах родовой и служилой знати, группирующейся вокруг короля или герцога. Эти структуры существовали в племенных союзах до оседания их на определенной территории.

С оседанием происходит формирование варварских государств, в которых дофеодальная структура начинает превращаться в раннеклассовую. Возникает класс крестьян, находившихся в разных формах социально-экономической и личной зависимости от землевладельцев, но сохранивших остатки своей аллодиальной собственности и свободы. Вотчинники раннефеодального типа занимают место родовой и дружинной знати. Их интересы отражает власть в варварских государствах, тогда как народное собрание отмирает.

При обсуждении этой концепции отмечалась неудовлетворительность анализа начальных процессов классового образования, отношений собственности, форм эксплуатации и т. д. (О. Л. Вайнштейн, М. Н. Соколова, Н. П. Соколов). А. Р. Корсуцкий поддержал мнение учителя о выделении особого дофеодального или варварского периода как переходного, отмечая его «большое социологическое значение», тогда как Б. А. Рыбаков, вследствие неопределенности нижней хронологической грани, предложил другое понятие — «предфеодальный».³¹⁴

Концепция А. И. Неусыхина во многом раскрывала пути органического перехода от племенного строя к раннефеодальному в результате установления многообразных форм зависимости соплеменников. Но для самого содержания феодального строя ей свойственны идейные комплексы второй половины XIX — первой половины XX в., что ограничивало ее исследовательские возможности: становление феодализма через вотчинное хозяйство, исключение из этого процесса социально-политических факторов, несемельных феоdorfьфов, характерная для литературы тех лет абсолютизация фео-

дальной ренты как земельной, как формы реализации земельной собственности. При этом содержание генетических процессов ограничивалось. Основу анализа составило противопоставление сложившихся в структурных элементах исторических типов: свободный общинник — зависимый крестьянин, отсутствие эксплуатации — классовая эксплуатация, бесклассовое общество — классовое общество, отсутствие государства — государство как отражение воли вотчинников. В таком противопоставлении прослеживается методологическое основание, заключающееся не в раскрытии сущностного содержания, а в сравнении моделей, что было свойственно позитивизму, неокантианской теории идеальных типов (А. И. Неусыхин увлекался в молодости концепциями М. Вебера и Д. М. Петрушевского), а также методологии сталинизма. Разумеется, такое предположение высказывается не в поисках негативных характеристик, а в объяснении философских основ исторических идей.³¹⁵

А. И. Неусыхин и его ученики много сделали для конкретно-исторического анализа развития феодальных отношений в синтезной и бессинтезной зонах Западной, Центральной и Северной Европы в процессе интенсивного изучения в них генезиса феодализма во второй половине 50-х — 60-е гг., что объективно способствовало развитию исторических идей в исследовании становления феодального строя как всеобщей проблемы в отечественной науке.

Их разыскания позволили вырваться из узкого круга представлений о генезисе феодализма в пределах крупного землевладения, крепостничества и рабства. Они показали в этом процессе разные тенденции развития через множественные формы феодальной зависимости вне рабства, особое значение мелкой вотчины и равного использования в господском хозяйстве разных форм земельной ренты. Однако все это были социально-экономические факторы в становлении феодального строя. Изучение социально-политических процессов было только намечено в анализе государственных форм эксплуатации непосредственных производителей через кормления, а также широкое распространение вземельных отношений и фьеф-ренты. Вместе с тем концепция «дофеодального периода» требовала теоретического осмысления, поскольку при ее последовательном соотношении с конкретно-историческим материалом «дофеодальными» оказывались феодальные институты и общественные отношения.

Двойственность такой исследовательской ситуации, расширение и углубление анализа феодального строя, с одной стороны, и ограничение возможностей его генезиса в теории «дофеодального периода» — с другой, попытался разрешить А. Я. Гуревич. Его работы начала 50-х — середины 60-х гг. способствовали преодолению ограниченных характеристик феодализма как крупного землевладения, соединенного с крепостничеством внеэкономическим принуждением, как противоречия между крупной земельной собственностью и мел-

³¹³ Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // ВИ. 1967. № 1. С. 75—87; *Его же*. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному: (Тезисы доклада) // СВ. Вып. 31. С. 45—48.

³¹⁴ Обсуждение доклада А. И. Неусыхина // Там же. С. 48—57.

³¹⁵ В данной связи представляется односторонним и целенаправленным анализ Т. Д. Сергеевой концепции «дофеодального периода» в творчестве А. И. Неусыхина и ее мнение о «бесспорной ценности средневековья», «общесоциологическом значении» его работы (Сергеева Т. Д. Концепция «дофеодального периода» в творчестве А. И. Неусыхина // История и историки, 1982—1983. М., 1987. С. 225—243).

ким крестьянским производством и т. д. Его исследования показывали значение кормлений и, шире, королевских пожалований в процессе феодального подчинения лично свободного крестьянства, эксплуатацию крестьянства господствующим классом посредством государственных форм, вотчинную эксплуатацию посредством ренты продуктами и барщины не только путем «закрепощения», но также лично свободных крестьян, лишенных их полноправия. Новым был его подход к изучению особой структуры поземельных отношений в процессе становления феодального строя — ранняя форма верховной королевской земельной собственности при сохранении общинного землевладения — и раннефеодальной государственной власти, эксплуатирующих крестьян посредством кормлений.³¹⁶ В отличие от теории Л. В. Черепнина, отождествляющего налог и ренту, такой подход позволял раскрыть одну из форм становления феодальных отношений через кормление, являвшееся феодем-рентой в виде королевского пожалования. Однако возможности этих наблюдений не были реализованы вследствие того, что были «отредактированы» позднее в контексте теории «дофеодального периода».

Сделанные наблюдения А. Я. Гуревич переработал и обобщил в своей концепции генезиса феодализма в Западной Европе, составной частью которого являлся «дофеодальный период».³¹⁷ Вслед за А. И. Неусыхиным он определяет его как «общинность без первобытности» и относит ко времени расселения варваров на территории Римской империи. После завершения этого процесса, по мнению Гуревича, начинается процесс феодализации. В отличие от учителя, он трактует «дофеодальное» или варварское общество не только как переходную стадию от родоплеменного строя к феодальному, но и как особую широко распространенную социальную форму, которая далеко не всегда превращается в классовое общество.³¹⁸

Однако новый метод конкретно-исторического раскрытия процесса феодализации не только существенно дополнял прежний подход к нему через историю господского хозяйства, но и разрушал подержанную ученым теорию «дофеодального периода». По его наблюдениям, «дани и приношения, угощения и кормления всякого рода, взимавшиеся еще племенными вождями со свободных соплеменников или с покоренных народов, со временем эволюционировали частично в государственную подать, частично в феодальную ренту, а само население, их платившее, превращалось в зависимых людей государя либо того магната, дружинника или церковного учреждения, которые присваивали право сбора этих угощений или платежей». Выражение этого процесса Гуревич отмечает в английском бокленде, скандинавской вейцле, на Руси в системе полюдья и

³¹⁶ Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // СВ. Вып. 4. 1953. С. 49—73; *Его же*. Англосаксонское крестьянство в X—начале XI в. // Там же. Вып. 9. 1957. С. 69—131; *Его же*. О некоторых особенностях норвежского феодализма // Скандинавский сборник. Вып. 8. 1964. С. 258—272; *Его же*. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.

³¹⁷ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

³¹⁸ Там же. С. 152.

княжеских погостов.³¹⁹ Опровергая стереотипные представления о феодализме, характеризуемом развитыми его формами, он отмечает как условие феодального подчинения мелких свободных землевладельцев не их разорение и пауперизацию, а подчинение свободных общинников с их наделами власти крупных землевладельцев³²⁰ (в ограничении крупными землевладельцами сказалось влияние традиции и на самого исследователя).

А. Я. Гуревич решительно возражает против применения понятия «крепостничество» к множественным раннефеодальным формам зависимости крестьян, относя его только к позднему крепостному праву.³²¹ При этом, отмечает он, свободное крестьянство существовало при феодальном строе, сохраняя свободу и в хозяйствах феодалов, куда такие крестьяне попадали.³²²

Впервые в русской исторической литературе Гуревич обстоятельно рассмотрел вопрос о неземельных феодах-фьефах. Используя западноевропейский исследовательский опыт нового и новейшего времени, он показал, что такие сеньориально-вассальные отношения, как отношения покровительства, службы, верности материально обеспечивались уже в дружине участием в добыче, оружием, конями, пирами вождя для дружинников. Это были отношения, основанные на пожалованных от королей даях и кормлениях или, по К. Марксу, «вассалитет без фьефов или фьефы, состоящие только из даней». Гуревич показал обширнейшую сферу распространения неземельных феофов-фьефов в феодальном обществе: доходы разного рода, должности, сферы господства, юрисдикция, другие верховные права и регалии, от правовой сферы до отдельных прав и доходов от горной разработки, должности палача, содержания публичного дома. Земельные феофы появились позже неземельных. Но они в равной мере считались «подлинными» до XIII в. Тогда широко распространились «фьефы-ренты» — пожалования сеньором служилому человеку не земли, а денежных поступлений от определенных источников доходов, торгового места, пошлин, мельничных сборов и т. д. Такую древнейшую форму феода Гуревич отметил уже в виде вейцлы в Скандинавии в функции «сбора дохода с населения в виде угощений или продуктовых платежей без передачи самой земли под власть получателя пожалования». Он сближает здесь дань и феодальную ренту, предполагая общим в основе отношений данничества и феодальной зависимости обладание властью над людьми, а не отношения собственности на землю.

Публичную власть в средневековом феодальном государстве Гуревич характеризует как форму частноправового отношения, вследствие чего власть государя приобретает патримониальный характер. Появляется идея о короле как собственнике всей земли своего государства, его отношении к своему королевству как наследственному владению, которое он делил между сыновьями и видел в нем свою вотчину, но это было право суверенитета — сеньориальная

³¹⁹ Там же. С. 11—12.

³²⁰ Там же. С. 41, 44.

³²¹ Там же. С. 52.

³²² Там же. С. 212—213.

власть над вассалами, свободными крестьянами, горожанами, духовенством и другими подданными.³²³

В бесклассовом «дофеодальном обществе», которое существовало, по мнению А. Я. Гуревича, в Западной Европе до IX в., а в Северной — до XII в., отмечается наличие «таких специфических групп, как четко отграниченные один от другого слои знати, рядовых свободных, полусвободных, рабов». Свобода в таком обществе «традиционна». Полагая в нем представления обществ первобытных, Гуревич рассматривает те категории культуры, которые могут свидетельствовать о таком его характере. При этом «моделью» для их анализа избраны архаичные общества австралийцев, североамериканских индейцев, племен Тропической Африки.³²⁴ В отношении индивида и общества он выделяет такие «основные детерминанты»: социальную структуру в целом, принадлежность индивида к семье или роду, а через них — к определенному социальному разряду.³²⁵ Но при этом Гуревич устраняет из такого «дофеодального» общества те социально-экономические и общественно-политические факторы в генетических процессах, которые были установлены им ранее, поэтому он видит причину «перехода к феодализму» во внешней причине — «кризисе социального строя варваров, вызванном их столкновением с обществом Римской империи и переселением в завоеванные ими провинции».³²⁶

В изучении А. Я. Гуревичем генезиса феодализма в Западной Европе прослеживаются два подхода, которые привели к разным исследовательским результатам, — конкретно-исторический и историко-философский. В конкретно-историческом подходе ясно видны две тенденции — новаторская и традиционная. Первая из них возрождала изучение становления феодального строя, начиная с дружины, через феодалы-феоды, отношения сюзеренитета-вассалитета. Этот путь изучения феодализации соединился, в продолжение исследований школы А. И. Неусыхина, с анализом множественных форм феодального господства и подчинения, которые возникли с распадом родоплеменного общества, а также разных видов ренты в господском хозяйстве и в основе феодального господства. Некоторые из новых наблюдений Гуревича смыкались с уже поставленными в литературе вопросами, углубляя их конкретно-историческое изучение, — превращение дани в феодальную ренту, верховная собственность государя (государства) на землю. Такой подход, как и все данное исследовательское направление, разрушал стереотипные представления сталинской поры о феодализации через рабовладение и крепостничество, об отношениях земельной собственности, о процессах образования классов и государства и т. д. Он объективно разрушал и теорию «дофеодального периода», поскольку раскрывал содержание непрерывных генетических процессов феодализации от разлагающегося родоплеменного строя к раннефеодальному.

³²³ Там же. С. 54—60.

³²⁴ Там же. С. 63—67, 129, 193.

³²⁵ Там же. С. 139—142.

³²⁶ Там же. С. 162, 215.

Некоторые из теоретических посылок А. Я. Гуревича происходили от мнений предшествующего времени, охватывая лишь часть исторической явлений. Поэтому они становились ошибочными в случае их абсолютизации и приходили в противоречие с новыми наблюдениями исследователя: особое значение в процессе феодализации крупного землевладения, что было свойственно зоне романо-германского синтеза, но не бессинтезной зоне в Европе, жесткая связь сеньориально-вассальных отношений с военной, рыцарской службой вместо феодальной службы в широком содержании социальных связей, в такой же мере в королевском (княжеском) административно-судебном аппарате и в составе королевского (княжеского) двора, с учетом нерасчлененности этих функций в служилой части господствующего класса.

Данный исследовательский подход разрабатывал новое для советской исторической науки направление в изучении генезиса феодализма в европейских странах в результате разложения родоплеменного общества на основе многообразных феодалов в системе государства, множественных видов феодальной ренты в господском хозяйстве, эксплуатации лично свободных крестьян государством и господином с многочисленными производными от них связями и отношениями. Он восстанавливал в русской средневековой исследовательской литературе, которое объективно объединило результаты разысканий многих научных школ — от просветительских (основательно забытых и не оцененных) до позитивистских, марксистских и современных западноевропейских, прежде всего школы «Анналов».³²⁷ Этот подход поддерживал генетический метод в изучении феодального строя в Древней Руси, создавая для него значительные новые возможности, которые не смогли развиваться в грековском направлении вследствие обстоятельств времени, да и уровня самой исторической науки. Объективно совпал он с теми наблюдениями С. В. Юшкова и Л. В. Черепнина, сторонников их концепций, которые раскрывали генезис феодальных отношений в системе государства. Таким образом, данный конкретно-исторический подход в концепции Гуревича был неразрывно связан с общими тенденциями в изучении генезиса феодализма в Европе не только в русской и западноевропейской средневековой истории, но и в исследованиях русской средневековой истории.

Другой его подход к изучению генезиса феодализма — историко-философский — явился следствием теории «дофеодального периода». Эту теорию, исходившую во всех ее интерпретациях, от Н. П. Павлова-Сильванского до А. И. Неусыхина, из ограниченных и статичных по содержанию моделей «феодализма» и предшествовавшего ему «дофеодального периода» (с разным наполнением схемы «до + что-либо»), Гуревич переосмыслил (ранее ему предшествовали в этом, хотя и не столь последовательно, С. В. Юшков и А. И. Неусыхин) в концепцию особого «варварского общества». Осознавая, вероятно, ограниченность ее исследовательских возможностей, с которыми не совпадались конкретно-исторические наблюдения над сложным непрерыв-

³²⁷ Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.

ным эволюционным процессом распада родоплеменного строя и становления раннефеодальных отношений, он обосновывает ее исходя из неокантианской теории «идеальных типов», но при этом ставя все теоретические обобщения в равное положение таким образом понимаемых «моделей». «„Модель“, — по его мнению, — *конструируется как связанная система признаков, заимствуемых подчас из разных реальных образований, принадлежащих к одной группе и потому движущихся по общим законам; созданный научной мыслью идеализированный объект функционирует* согласно этим законам и воплощает черты, принадлежащие в той или иной степени всем разновидностям данной группы; будучи свободна от специфичных признаков, затемняющих действие общего принципа, „модель“ служит средством раскрытия в частных явлениях наиболее существенного и закономерного (курсив наш. — М. С.)».³²⁸ Позднее Гуревич отнес именно к неокантианству «наиболее смелые и продуктивные прорывы к углубленной исторической эпистемологии», тогда как, думает он, «какова была история „на самом деле“, нам знать не дано, реконструируя историю, мы ее конструируем».³²⁹ Разумеется, исследователь имеет право на любой подход. Мера его обоснованности выявляется в дискуссии. Но в данном философском объяснении раскрывается искусственность «модели» «дофеодального периода», в данном случае исходя из неокантианских принципов, в теориях Н. П. Павлова-Сильванского и Н. А. Рожкова — из позитивистских, в «указаниях» И. В. Сталина — из метафизических представлений об историческом процессе («диалектика» была ему нужна для «философского» обоснования массовых репрессий), в работах советских историков второй половины 30-х — начала 50-х гг. — потому что им пришлось работать в условиях сталинского режима (о возможных причинах появления теории «дофеодального периода» в исторической концепции А. И. Неусыхина см. выше, с. 259—261). В исследованных Гуревичем процессах, которые генетически восходили к родоплеменному обществу и с его распадом наполнялись раннефеодальным содержанием, конкретно-исторические материалы и обобщения вошли в противоречие с «сконструированной» моделью «общинного без первобытности» «дофеодального периода», в чем сказались, в частности, ограниченность накопленного в исторической науке опыта анализа «сущности» и «явления», «общего» и «особенного».

Обсуждение концепций А. И. Неусыхина и А. Я. Гуревича было сложным. В конце 60-х гг. еще сильны были стереотипы 30—50-х гг. в содержании феодального строя. Поэтому критика велась и как результат несоответствия их традициям, и в силу реальной дискусионности содержащихся в них конкретно-исторических наблюдений, и как следствие объективной потребности в обсуждении гипотетических теорий «дофеодального периода» в обеих существующих различающихся версиях, тем более что в теоретическом обосновании Гуревича значительны были элементы неокантианства. Обсуждение концепции Неусыхина было академичным, тогда как попытки организовать «разгром» теории Гуревича в условиях конца

³²⁸ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма... С. 13.

³²⁹ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 15.

60-х — начала 70-х гг. оказались несостоятельными и были парализованы научной средой, что не отрицало важности обсуждения поднятых в них исследовательских проблем по существу.

Концепции А. И. Неусыхина и А. Я. Гуревича стали фактами историографии не только отечественной медиэвистики, но и средневековой истории России. В них содержались принципиально новые конкретно-исторические наблюдения над содержанием переходного периода от родоплеменного строя к феодальному, а также в раскрытии процессов генезиса и развития феодальных отношений. Эти наблюдения совпадали с определенными историческими фактами и обобщениями грековского и черепнинского направлений, подтверждая их объективное содержание и способствуя разрушению стереотипов сталинского периода в изучении общественного строя Древней Руси. В то же время они своим конкретно-историческим содержанием создавали новые возможности в его исследовании. Но эти возможности долгое время не были востребованы в анализе общественного строя древнерусского периода вследствие особенностей исследовательского процесса 60-х — первой половины 90-х гг. Их привлечению препятствовали также дискуссионные составные элементы обеих концепций — мнение о существовании особого «дофеодального периода», понимаемого как «общинность без первобытности», а также неокантианское в основе его осмысление.

«Дофеодальный период» как обозначение общественного строя варваров на переходной стадии от родоплеменного строя к феодальному сохранился в 70-е — первой половине 90-х гг. в работах сторонников концепций А. И. Неусыхина и А. Я. Гуревича и вошел в изданный в 1985 г. обобщающий труд по истории крестьянства в Европе. В этом труде изложено в откорректированном в результате дополнительных исследований и обсуждений виде мнение Неусыхина о конкретно-историческом содержании этого периода. Определяющее значение в нем имеют племя и община. Их члены составляют три основных категории — знатных, свободных и полусвободных. Как подчеркивал Неусыхин, «основную массу „трудящихся субъектов“ еще составляют именно свободные, собственным трудом воспроизводящие основные условия своего хозяйства». Большое значение в преодолении давних стереотипов широкого распространения рабства и развития феодально зависимого крестьянства в результате разложения рабства имеют его наблюдения о значительной, хотя и не исключительной, роли рабовладения лишь у бургундов и вестготов, которые «пережили наиболее глубокий синтез родоплеменных и общинных отношений с разлагающимся рабовладельческим строем в римских провинциях», тогда как «у всех остальных племен континентальной Западной Европы зависимое крестьянство складывалось в результате процесса расчленения широкой массы свободных и отчасти полусвободных (литов и либертинов), рабы же играли в этом процессе второстепенную роль».³³⁰

³³⁰ Неусыхин А. И. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985. С. 148, 176.

В характеристике феодальных форм зависимости крестьянства новейшие исследователи-медиевисты оказывались более традиционными, видя в них лишь «владельческие права работника на свое хозяйство и надел, рентную форму эксплуатации, личное подчинение земледельца земельному собственнику — обладателю судебнополитических прерогатив». Новым было то, что в процессе формирования этого класса они отмечали основополагающее значение «переплывших между собой процессов становления феодальной собственности и феодальной государственности».³³¹ Исследователи раскрыли процесс становления «феодального собственника» широко и гибко, охватывая значительное многообразие исторических явлений «по мере того, как он (феодальный собственник. — М. С.), во-первых, приобретает явочным порядком или благодаря пожалованию со стороны государей хотя бы низшую юрисдикцию, необходимую для принуждения работников к выполнению барщин и оброков, а во-вторых, по мере расширения абсолютного числа подвластных данному собственнику крестьян с наделами, поскольку только такое расширение исключает его из числа „фактических“ владельцев земли, участвующих в ее обработке».³³² Наряду с традиционно отмечаемой передачей прав, привилегий или владений представителям формирующегося господствующего класса государственной властью по-новому обращено внимание на феодальное преобразование его «дофеодальных форм несвободы», а также на ее почти повсеместное выступление «в качестве силы, непосредственно осуществляющей феодальное подчинение мелких свободных земледельцев».³³³

Если отечественные медиевисты интенсивно искали на западноевропейских материалах выход из созданных в сталинский период стереотипов и в конкретно-исторических разработках, и в анализе переходного периода от родоплеменного строя к феодализму, и в раскрытии содержания структур феодального общества, то специалисты по средневековой русской истории были более традиционны. С одной стороны, грековское направление медленно освобождалось от сковывавших его клипие, происходивших от позитивистских, догматических марксистских и сталинских представлений о феодальном строе. С другой стороны, специалисты, склонные к поиску новых решений, стали жертвой мифологизации исследовательского процесса 30-х — начала 50-х гг. Объектом такой мифологизации стала грековская концепция. Развитие и распространение исторических идей, которые вели в «плюрализме» сталинского периода и вопреки сталинским «указаниям» к раскрытию содержания генетического процесса перехода от родоплеменного строя к феодальному, были отождествлены с установлением господствующей теории сталинского периода, возведенной в ранг монополюсной (в частности, именно так интерпретировал историографические факты И. Я. Фроянов, см. также с. 245).³³⁴ В то же время консервативная тенденция пыталась сохранить грековскую концепцию, ограничиваясь незначительными коррективами. Причем и противни-

³³¹ Удальцова З. В., Бессмертный Ю. Л., Гуревич А. Я. Некоторые итоги изучения генезиса феодально зависимого крестьянства в Европе // Там же. С. 555.

³³² Там же. С. 556—557.

³³³ Там же. С. 557.

³³⁴ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. С. 12.

ки, и сторонники грековского направления не различали в нем конструктивное творческое начало, которое вело к созданию целостной концепции перехода в европейских странах к феодализму в результате разложения родоплеменных отношений, и те ее идейные пласты, которые восходили к разным этапам предшествующего развития исторической науки и к наносным слоям сталинского периода. Вследствие этого грековская концепция воспринималась обеими сторонами как единое целое, но при этом ее противники оказывались «новаторами».

При такой мифологизации исследовательского процесса выбор конкурирующих с ней направлений в решении проблемы был невелик: или надо было вернуться к представлениям об обязательной смене первобытнообщинных, рабовладельческих и феодальных общественных отношений, или обратиться к теориям большого значения рабства в процессе генезиса феодализма на Руси, или, сохраняя составные элементы этих теорий, приложить к ним опыт, накопленный отечественными медиевистами.

Грековская концепция общественного строя Древней Руси осталась во второй половине 50-х — 80-е гг. наиболее распространенной. Она освобождалась от некоторых из деформирующих наслоений второй половины 40-х — начала 50-х гг., в частности удрежнения классов феодального общества.³³⁵ Исследователи продолжали еще рассматривать вопрос о причинах непосредственного перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодальному миру рабовладельческий,³³⁶ но основное направление исследований велось по пути разработки положений концепции Грекова.³³⁷

Используя письменные, археологические и фольклорные материалы, Б. А. Рыбаков рассматривал параллельные процессы распада родового строя и формирования экономических и социальных предпосылок феодализма в VI—IX вв., отмечая в то же время развитие племенных структур от племени к союзу племен и «союзу союзов».

Предпосылки феодализма он отмечал в значительном уровне развития производительных сил, в образовании соседской общины, в имущественном неравенстве внутри верви, появлении дружинных комплексов. Привлекая черниговские археологические материалы, соотнесение дружинных курганов и древнерусских сельских поселений, он предположил, что черниговские бояре-воины IX—X вв. яв-

³³⁵ Обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении Древнерусского государства // ВИ. 1956. № 3. С. 202—206 (дискуссия проходила в декабре 1955 г.). Традиционный подход к проблеме начала 50-х гг. сохранялся в работах М. Ю. Брайчевского: *Брайчевский М. Ю. Производственные отношения у восточных славян в период перехода от первобытнообщинного строя к феодализму // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 39—52; Его же. Битва джерел слав'янської державності. Київ, 1964; Его же. Когда и как возник Киев. Киев, 1964; и др.*

³³⁶ *Созин И. В. К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытно-общинного строя к феодализму // ВИ. 1957. № 6. С. 102—114; Мейман М. Н., Сказкин С. Д. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // Там же. 1960. № 1. С. 98—99.*

³³⁷ *Рыбаков Б. А. Образование Древнерусского государства с центром в Киеве // Всемирная история Т. 3. М., 1957. С. 241—249; Его же. Древняя Русь конца IX — начала XII в. // Там же. С. 250—286; Его же. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. М., 1958. С. 733—878.*

ялись землевладельцами, господами этих сел, а вассалитет без земельных пожалований был для феодалов Чернигова к началу X в. уже пройденным этапом. Основные социальные категории Рыбаков характеризовал в соответствии с концепцией Грекова.

Сохраняя в 60-е гг. основные положения этой теории генезиса феодализма, Рыбаков стал называть период VI—IX вв. «предфеодалным». Продолжая хронологически изучать развитие феодального строя в XI — первой половине XIII в., он особое внимание уделил определению характера феодальной вотчины и ее хозяйственно-административного центра — укрепленного двора-замка. Их стихийное возникновение в большом количестве он относил к VIII—XI вв., связывая их с развитием феодальных отношений. Социально-политическую структуру феодальной Руси Рыбаков устанавливал как совокупность нескольких тысяч мелких и крупных экономически самостоятельных светских и монастырских вотчин. Княжеская власть в очень малой степени могла объединить в XI—XII вв. эти независимые боярские вотчины посредством своих дворов, погостов, посадников.³³⁸ Содержание феодальной раздробленности с 30-х гг. XII в. Рыбаков раскрывал как смену раннефеодальной монархии (в соответствии с терминологией С. В. Юшкова) самостоятельными княжествами-королевствами, где князья владели всеми правами суверенных государей. Особой формой феодальной политической власти являлась боярская республика — Новгород Великий.³³⁹ Эта концепция генезиса и развития феодализма в Древней Руси стала основой изучения Рыбаковым политической истории Руси XI—XIII вв., истории классовой борьбы и права, а также разных сторон духовной культуры древнерусского феодального общества,³⁴⁰ где он отмечал прогрессивные элементы не только в деревне, но и в феодальной культуре дворцов и городских посадок.³⁴¹

Рыбаков вносил в 60—80-е гг. коррективы и дополнения в свою концепцию генезиса и развития феодализма в Древней Руси. По его мнению, смерды — особая категория людей, которые жили в княжеских доменальных селах, сохраняя права свободных. Князь давал смердам землю при условии «многообразной службы». Они платили князю дань, составляли часть княжеского конного войска — кметей.

³³⁸ В статье «Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века» (ВИ. 1962. № 4. С. 42—43) Рыбаков высказал мнение об экономическом принуждении как основном способе закабаления крестьянства, превращения свободных крестьян-смердов в рабов-холопов; развитие феодальной боярской вотчины, по его мнению, свидетельствовало о прогрессивности боярства как класса в эпоху раннего феодализма, тогда как князья далеко не всегда содействовали прогрессу и в известной мере стали в этот период реакционной силой. Эти идеи не нашли продолжения в последующих работах Рыбакова.

³³⁹ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 16, 91—95, 147—239; *Его же*. Славяне в VI в. н. э.: Предпосылки образования Русского государства // История СССР с древнейших времен до наших дней. I серия. Т. 1. М., 1966. С. 337—362; *Его же*. Киевская Русь // Там же. С. 476—572; *Его же*. Русь в эпоху «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 573—639; *Его же*. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

³⁴⁰ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Его же*. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; *Его же*. Язычество древних славян. М., 1981; *Его же*. Язычество древней Руси. М., 1987.

³⁴¹ Рыбаков Б. А. О двух культурах древнего феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 23—33.

Смерды вели самостоятельное хозяйство, «не стесненное обычаем крестьянской верви и огражденное заботой князя».³⁴² Полудье Рыбаков интерпретировал как объезд великим киевским князем и его дружиной в X в. племенных союзов древлян, дреговичей, кривичей и северян для сбора податей. Как социальные последствия такой системы взимания податей он отмечал интеграцию племенной знати в состав господствующего класса вследствие включения ее в систему государственного управления, а также переход функций сбора податей к великому киевскому князю и его мужам.³⁴³ Соотнося данные письменных источников и археологические материалы, Рыбаков выдвинул гипотезу о связи десятичного деления и тысячной организации с системой поселений в период существования племенных союзов.³⁴⁴ Вновь после значительного перерыва, вызванного «разгромом» в начале 50-х гг. этногенетической концепции Н. Я. Марра и отказом от основанных на ней теорий этногенеза восточных славян, Рыбаков выдвинул в 80-е гг. гипотезу славянского этногенетического процесса и его связи с этническими и политическими факторами в Восточной Европе в III тыс. до н. э., которые оказывали воздействие на общественно-политическое развитие славянского этноса в этот период.³⁴⁵ При решении данной проблемы решающее значение приобретает соотношение археологических культур с историей славянского этноса, а также определение уровня общественно-политического развития славян, в частности восточных славян, на разных этапах исторического процесса.³⁴⁶ Но при таком анализе этногенетического процесса, возводимого к праиндоевропейскому периоду, раскрываются возможности изучения истоков исторической памяти в языке и мышлении. В подобной постановке проблемы, но не в ее решении, Б. А. Рыбаков сомкнулся при исследовании древнейших пластов религиозных верований³⁴⁷ с теориями Н. Я. Марра, который разрабатывал ее на лингвистических материалах, и В. Я. Проппа, изучавшего начала древнерусского фольклора, хотя в основе работ Проппа находятся принципы мифологической школы,³⁴⁸ а в основе работ Рыбакова по истории древнерусского фольклора — принципы исторической школы.

³⁴² Рыбаков Б. А. Смерды // ИСССР. 1979. № 1. С. 41—58; № 2. С. 36—57.

³⁴³ Там же. № 2. С. 37—44.

³⁴⁴ Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблемы генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма... С. 25—28.

³⁴⁵ Рыбаков Б. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси: (Тезисы) // ИСССР. 1981. № 1. С. 55—75; № 2. С. 40—59; *Его же*. Киевская Русь и русские княжества... С. 11—46.

³⁴⁶ А. П. Новосельцев отмечает в данной связи, что сложение славянства произошло позже, в середине I тыс. до н. э. (Новосельцев А. П. Источник — основа работы историка // ВИ. 1988. № 3. С. 29). Новейший обзор теорий этногенеза индоевропейских народов по лингвистическим материалам см.: Топоров В. Н. Индоевропеистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 182—186; см. также: Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.

³⁴⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981; *Его же*. Язычество Древней Руси.

³⁴⁸ Список трудов В. Я. Проппа и исследований о его творчестве см.: Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). М., 1975; см. также: Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976.

Грековскую концепцию генезиса феодализма в Древней Руси, а также основные положения собственных работ 40—50-х гг. продолжал разрабатывать в 60—70-е гг. В. В. Мавродин. По-прежнему допуская рабство, он раскрывал, привлекая новейшие исследования, основное содержание развития социальных отношений, классовой борьбы, государства и древнерусской народности как следствие развития феодального строя.³⁴⁹ Особое значение в разработке Мавродиным этой концепции имело изучение малоисследованного вопроса о социально-экономической и политической структуре восточнославянских племенных княжений IX—X вв.,³⁵⁰ что позволяло глубже раскрыть содержание переходного этапа от родоплеменного строя к феодальному.

Изучение форм феодальной зависимости и эксплуатации в Древней Руси в соответствии с основными принципами концепции Грекова предложил И. И. Смирнов.³⁵¹ Привлекая все данные письменных источников в дискуссии со своими предшественниками и современниками, он на новом уровне развития исторической науки конца 50-х — начала 60-х гг. показывал процесс превращения крестьянина-смерда из свободного общинника в феодально зависимого крестьянина. Вне презумпции рабства холопов он рассматривал реальное социально-экономическое и правовое положение холопов в сельской феодальной вотчине и в городе. Поэтому в развитии холопства и его отражении в праве он отметил «новый этап в развитии феодальных отношений в целом и в развитии холопства как составной части социально-экономических отношений феодальной Руси в частности».³⁵² Установление прямых связей специального законодательства о холопах со статусом феодальной вотчины, характер феодального права, закона, защищающего интересы холоповладельцев,³⁵³ разрушали стереотипные представления о холопе как рабе, основанные на сходстве их правового и бытового положения, хотя Смирнов прямо и не возражал против определения холопа как раба. По объективности исследования, полноте привлечения источников, проникновенности их анализа и по выводам в изучении холопства он продолжил то направление, которое было намечено Грековым и развито Романовым. Смирнов устанавливал происхождение феодально зависимых закупов из крестьян-смердов. В экономической природе и юридическом статусе закупа он отмечал как экономическое воздействие на непосредственного производителя, так и дополняющий его принцип внешнеэкономического принуждения.

Концепция генезиса феодализма в Древней Руси в результате разложения первобытнообщинного строя продолжала проверяться,

³⁴⁹ Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси, XI—XIII вв. М., 1961; *Его же*. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971; *Его же*. Происхождение русского народа. Л., 1978.

³⁵⁰ Мавродин В. В. О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. С. 44—55; *Его же*. Образование Древнерусского государства... С. 99—109.

³⁵¹ Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.: Л., 1963.

³⁵² Там же. С. 143.

³⁵³ Там же. С. 103—229.

уточняться и углубляться на основе самых различных исследований — исторических, археологических, филологических, искусствоведческих.

Существенно усовершенствовав методiku археологического исследования, И. И. Ляпушкин получил объективные данные об общественно-экономическом строе рядового сельского населения в конце VIII — начале X в., в период образования Древнерусского государства.³⁵⁴ Эти материалы, а также многочисленные данные, накопленные советскими археологами, позволили Ляпушкину полно и объективно раскрыть основное содержание культуры и быта восточных славян в VIII—IX вв.³⁵⁵ Его главный вывод подтверждал мнение Грекова (а также его предшественников и последователей в данном мнении) о сельском хозяйстве (в широком значении) как основном занятии славян в этот период, о ведущем месте земледелия при двух- или трехполье с возделыванием многообразных зерновых, огородных и технических культур. Наблюдения Ляпушкина на основе массовых археологических материалов устанавливали структуру универсального натурального крестьянского хозяйства, важное, по второстепенное место в нем животноводства, охоты, рыболовства, бортничества и такие необходимые составные части этого хозяйства, как домашние ремесла: прядение, ткачество, обработка дерева. В VIII—IX вв. Ляпушкин проследил, подтверждая или уточняя наблюдения предшественников, распространение железоплавильного производства, кузнечного и ювелирного дела. На смену лепной домашней керамике постепенно приходило гончарное ремесло с использованием гончарного круга. Ремесленное производство преобладало на заказ, но массовое производство железа, добыча соли, позднее гончарное производство осуществлялись, видимо, на продажу. Осуществлялась внутренняя и внешняя торговля. Репительно выступая против недоказанного удревления высокого уровня развития экономики и общественного строя, Ляпушкин обоснованно показывал господствующее положение в VIII—IX вв. соседской общины, в которой еще отсутствовало экономическое неравенство.³⁵⁶

Комплексные исследования прежде всего археологов продолжали и углубляли те направления работ предшествующих периодов, которые раскрывали уровень развития производительных сил в древнерусском обществе X—XIII вв., их значение как экономических предпосылок формирования феодальных отношений и государства. Все более раскрывалось содержание уровня развития всесторонне развитой экономики и материальной культуры в земледелии (В. И. Довженок, А. В. Кирьянов, М. А. Миродобов, А. В. Чернецов), скотоводстве и охоте (В. В. Мавродин, Н. Г. Тимченко, В. И. Цалкин), рыболовстве (А. В. Куза), сельском и городском ремеслах и прикладном искусстве (Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин, Б. А. Колчин, Б. А. Шелковников, А. А. Бобринский, Г. Н. Боча-

³⁵⁴ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое: О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Л., 1958 (МИА. № 74).

³⁵⁵ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.); Историко-археологические очерки. Л., 1968 (МИА. № 105).

³⁵⁶ Там же. С. 133—169.

ров, Т. И. Макарова, Ю. Л. Шапова, А. Н. Свириной, М. В. Седова, Т. В. Николаева и др.), свойственных не первобытнообщинному, а феодальному социально-экономическому строю, развивающемуся в результате распада родоплеменного строя, что также подтвердило основное содержание грековенской концепции. Сравнение материальной культуры VIII—IX и X—XIII вв. привело Ляпушкина к выводу, что на рубеже IX—X вв. качественных изменений не было и великокняжеская культура X—XIII вв. сложилась в своих основах в VIII—IX вв. Тем самым опровергалось мнение, сложившееся в 40-е гг., о существовании особой материальной культуры «дофеодального периода».³⁵⁷ С другой стороны, продолжение сравнительно-исторического изучения древнерусского ремесла, начатого Б. А. Рыбаковым, привело В. Л. Янина и Б. А. Колчина к выводу, согласно которому «весь комплекс археологических и технологических исследований новгородского ремесла показывает, что уже в X—XI вв. ремесленное производство Новгорода по разнообразию технологических операций, по разработке и оснащенности инструментарием, по уровню дифференциации и специализации стояло на одной ступени с ремесленным производством стран Западной Европы и Востока».³⁵⁸ Тем самым утверждалось единство исторического развития древнерусского ремесла и его содержание, характерное для феодальных обществ того же времени.

Во второй половине 50-х — первой половине 90-х гг. интенсивно изучались проблемы генезиса древнерусских городов, их типология, критерии понятия «город» в Древней Руси, социально-экономическая природа городов, отношения города и сельской округи, роль городов в политической консолидации древнерусского общества, в международных связях Руси и т. д. Наряду с традиционным изучением древнерусского города как центра ремесла и торговли с военно-административными, политическими и идеологическими функциями³⁵⁹ был поставлен вопрос (в продолжение наблюдений С. В. Юшкова) об их генезисе из племенных центров VIII—IX вв. на торговых путях — укрепленных торгово-ремесленных поселений, которые сосредоточивали население, занятое торговлей, ремеслом и военным делом.³⁶⁰ Решение этого вопроса позволяло вернуться к давно поставленной В. И. Равдоникасом и С. В. Юшковым проблеме «переноса» городов как воздействия социально-экономических причин, а также конкретно-исторически проследить пути развития старых племенных центров в «города» в социально-экономическом содержании этого понятия.³⁶¹

Вместе с тем на основе значительных накопленных материалов были поставлены вопросы в исследовании причин и особенностей

³⁵⁷ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. С. 230—231.

³⁵⁸ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 28.

³⁵⁹ Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 93—98.

³⁶⁰ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка: (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17.

³⁶¹ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978; Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.

появления древнерусских городских поселений. В новейшей литературе Е. Н. Носов выделил несколько направлений, которые прослеживают становление феодальной природы древнерусского города. В продолжение исследований С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова А. В. Куза отмечал в этом процессе особое значение феодалов в происхождении города из укрепленного стана, погоста или центра волости, из порубежной крепости или в случае одновременного строительства города, допуская также их развитие из племенных и межплеменных центров. П. П. Толочко тесно связывал возникновение города с сельской округой и земледелием, с его функциями феодального центра волости, сборного пункта военных сил округи, административно-финансового центра.

Продолжение идей Б. Д. Грекова о многообразии путей становления и развития городов, включая торгово-ремесленные поселения, в центры феодального властвования Е. Н. Носов проследил в новейших работах Б. А. Рыбакова, В. В. Карлова, Д. А. Авдусина. Близка к ним и концепция В. В. Седова, который выделил несколько периодов градообразования: земледельческие поселки, селения, где работали ремесленники-профессионалы, и торговые центры-протогорода, которые, впрочем далеко не все, перерастали в раннефеодальные города с торгово-ремесленными и административными (политическими, военными, культовыми) функциями. «Своеобразное понимание процесса возникновения городов на Руси» в работах И. Я. Фроянова и его соавторов, В. В. Мавродина и А. Ю. Дворниченко, Носов связывает с тем, что образование их относится не к периоду становления феодализма, а к позднему этапу родового строя. Впрочем, в конкретном решении вопроса о ранних городах он прослеживает большую близость позиции Фроянова к мнению Юшкова, Кузы, Толочко, чем к подходу Грекова и его последователей: признание связи (или тождества) города и племенного центра, «монистический путь» образования городов, отрицание значительной роли ремесла в формировании первых городских центров и отстаивание их аграрного характера.

Особое направление в изучении горообразования на Руси Носов отметил в связи с археологическим изучением предгородских поселений или протогородских центров в VIII—IX вв. в работах Г. С. Лебедева, В. А. Булкина, И. В. Дубова. Эти исследователи разделяли племенные центры, которые обрастали в IX—X вв. торгово-ремесленными посадками, и торгово-ремесленные поселения, которые были связаны с участием в международной торговле и с обслуживанием международных путей. Эти исследования выводили изучение начала древнерусских городов на сравнительно-исторический уровень и выявление конкретно-исторических закономерностей их появления и развития на Руси и в странах Балтийского региона. Это направление было поддержано Л. В. Алексеевым, А. Н. Кирпичниковым, А. В. Кузой, А. Е. Леонтьевым, Т. А. Пушкиной и др.

Обобщая исследовательский опыт, Е. Н. Носов проследил типологически различные пути становления древнерусских городов. В Южной Руси они развивались из административно-политических центров племен в города как административные, ремесленные и тор-

говые центры обширных сельских округ. В Северной Руси они появлялись в качестве поселений с торгово-ремесленными и военно-административными функциями на международных торговых путях в IX—X вв., контролируя и обеспечивая безопасность этих путей. Такой подход восстанавливал в научном анализе некоторые из идей В. О. Ключевского о роли торговли в появлении древнерусских городов, тогда как проблема «переноса» городов снималась — существование «парных» городских поселений в Северной Руси, включая верхнее Поднепровье и Поволжье, объяснялось их происхождением в разное время и по разным причинам. Древнейшие города были ориентированы на внешние связи и торгово-ремесленную деятельность, тогда как более поздние «парные» центры определялись местной экономической основой и функциями центра тянувших к нему сельских территорий, административного и церковного управления.³⁶²

В археологической и исторической литературе установлено также появление городов вследствие роста посадов вокруг княжеских замков и крепостей. Положительно решался вопрос о существовании доменальных городов. Таким образом раскрывался сложный по содержанию процесс образования городов с торгово-ремесленными функциями как центров княжеского управления, а также существования старых и образования новых городов с функциями административных, военных, торгово-ремесленных, доменальных центров. Все это свидетельствовало (с определенными различиями в решении частных вопросов) о феодальной природе древних городов. На это же указывали археологические исследования их планировочной структуры с княжеско-дружинным детинцем и торгово-ремесленным посадом. Одновременно продолжались комплексные исследования по истории многочисленных древнерусских городов и земель, которые раскрыли содержание и значение этих феодальных социально-экономических, политических, идеологических центров городской культуры (Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин, Б. А. Колчин, М. К. Каргер, Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович, А. Л. Монгайт, Л. В. Алексеев, М. Б. Свердлов, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, П. П. Толочко, Г. В. Штыхов, Н. Ф. Котляр, А. В. Куза, М. П. Кучера, Я. Г. Зверуго, П. Ф. Лысенко, Г. Г. Мезенцева, Н. Л. Подвигина, В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина, В. В. Карлов и др.).³⁶³

Концепция генезиса феодализма в древнерусский период в результате распада родоплеменного строя продолжала оставаться плодотворной основой исследований во всех отраслях духовной культуры как формы выражения средневекового мировоззрения и художественного творчества, формирующихся под влиянием феодальных общественных отношений в исторических, философских и научных знаниях

³⁶² *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. М., 1990; *Его же.* Новгородская земля IX—XI вв.: (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992; *Его же.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 59—78 (см. там же обстоятельный историографический анализ проблемы); см. также: *Котляр Н. Ф.* Города и генезис феодализма на Руси // ВП. 1986. № 12. С. 74—90.

³⁶³ Многие из сделанных наблюдений обобщены в коллективном труде: *Древняя Русь: Город, замок, село.* М., 1985.

(М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. Г. Кузьмин, Ю. А. Кизилов, М. Н. Громов, А. Ф. Замалеев, В. А. Зоц, Р. А. Симонов, В. К. Кузак, А. П. Юшкевич и др.), в истории книги (Н. Н. Розов, О. И. Подобедова, Г. И. Вздорнов и др.), в литературе и летописании (В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, О. В. Творогов, А. Г. Кузьмин, Ю. А. Лимонов и др.), фольклоре (В. Я. Пропп, Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев, Б. Н. Путилов, В. П. Аникин, Л. И. Емельянов, С. Н. Азбелев и др.), в архитектуре, живописи и других сторонах духовной жизни (Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, Ю. С. Асеев, Н. В. Холостенко, Г. Н. Штендер, П. И. Засурцев, Ю. П. Спегальский, П. П. Толочко, В. Н. Лазарев, М. В. Алпатов, О. И. Подобедова, О. С. Попова и др.). При этом многочисленные исследования показывали, что Русь в X — первой трети XII в. выступала активным и равным контрагентом в торговых, дипломатических (включая династические) и культурных отношениях с Византией, с ближними и дальними феодальными государствами на Западе и Востоке.³⁶⁴

Свидетельством высокого уровня культуры стали берестяные грамоты, найденные не только в Новгороде, но и в других городах Северо-Западной и Западной Руси (где почвенный слой обладал консервирующими свойствами, сохраняющими бересту). Берестяные грамоты не только раскрыли многие стороны жизни древнерусского общества.³⁶⁵ Сравнение их данных со сведениями древнерусских письменных источников раскрывало, по мнению Л. В. Черепнина, социально-экономические отношения раннефеодальной эпохи XI—XII вв. и развитого феодализма XIII—XV вв.³⁶⁶

Данное исследовательское направление, основу которого составлял анализ процесса становления феодального общества в результате разложения родоплеменного строя, создавало объективные основы для целостного, цивилизационного подхода в изучении воздействия феодальных структур на духовную жизнь, культуру и искусство, включая конкретные проблемы «трансплантации» обшир-

³⁶⁴ *Новосельцев А. П., Паушто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // ИСССР. 1967. № 3. С. 81—108; *Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980; *Его же.* Дипломатия Святослава. М., 1982; *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). М., 1970 (XIII Междунар. конгресс ист. наук. Москва, 1970); *Его же.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978; *Ремпель Л. И.* Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема. Ташкент, 1969; *Асеев Ю. С.* Древнерусское искусство эпохи «Слова о полку Игореве» и грузинская архитектура эпохи Руставели. Тбилиси, 1977; *Лелеков Л. А.* Искусство Древней Руси и Восток. М., 1978; *Рогов А. И.* Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период (Задачи предстоящих исследований) // Исследования по истории славянских и балканских народов: Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 165—177; *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья (XI—XIII вв.): Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980; *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987; и др.

³⁶⁵ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975.

³⁶⁶ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

ных пластов культур других народов и, шире, взаимодействия с другими культурами, формирования «стиля эпохи», свойственного феодальному строю на разных стадиях его развития, существования в XI—XIII вв. «стиля монументального историзма», идейные основы которого отражали отношения вассалитета-сюзеренитета, феодальные нормы поведения и морали, этикет, символизм и другие формы духовной жизни общества.³⁶⁷

Таким образом, в исследованиях второй половины 50-х — первой половины 90-х гг. многопланово развивалась концепция формирования в древнерусский период феодального общества в результате разложения родоплеменного строя. Эта концепция еще сохраняла основную направленность в изучении социально-экономических процессов, освобождаясь от деформирующего воздействия идей сталинского режима. Намечались в это время и новые подходы к изучению данной проблемы — направление к целостности научного анализа в изучении социально-политических структур и цивилизационный метод. С. Н. Валк, один из старейших историков, в 70-е гг. писал: «В настоящее время нам может показаться странным сам вопрос, существовал ли в Древней Руси феодализм»,³⁶⁸ а он прошел научную подготовку в Петербургском университете второй половины 90-х — начала 10-х гг. на лекциях С. Ф. Платонова, в семинариях А. Е. Преснякова и А. С. Лаппо-Данилевского, являлся свидетелем становления концепции Н. П. Павлова-Сильванского в исторической науке того времени, был участником процесса ее развития во всех обстоятельствах советского периода.

Между тем развитие исторической науки продолжалось в столкновении разных мнений, предлагавших свое решение проблемы общественного строя Древней Руси. Широко распространились в 60—70-е гг. представления о развитых рабовладельческих отношениях в древнерусский период. В этих идеях отразились как традиции догматических марксистских теорий, канонизированной И. В. Сталиным исторической схемы становления феодализма через рабовладение, так и скрытые или явные формы протеста против грековской концепции, восприимчивой в целом, без ее сложной идейной многослойности, как один из символов сталинской поры. Но при этом, осознанно или нет, упускалось из поля зрения, что прогресса в исторических идеях не происходило — имело место возвращение к другим идеям 30-х — первой половины 50-х гг., восходящим к догматическим версиям «марксизма-ленинизма» и сталинизма. Но все эти импульсы в равной мере содействовали появлению многочисленных теорий рабства на Руси.

А. П. Пьянков, еще в сталинский период активно, но неудачно утверждавший идеи развитого рабовладения в древнерусский пери-

³⁶⁷ Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М.: Л., 1958; *Его же*. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; *Его же*. Развитие русской литературы: Эпохи и стили. Л., 1973 (см. также многочисленные последующие издания этих монографий и другие исследования Д. С. Лихачева); *Вигнер Г. К.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974; *Его же*. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987; и др.

³⁶⁸ Валк С. Н. [предисл. к публ.] *Ольминский М. С.* Из общественной жизни: (По поводу смерти Н. Павлова-Сильванского) // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 340.

од,³⁶⁹ сделал в 1964 г. доклад в Москве на совещании, проведенном секцией «Генезис и развитие феодализма» созданного при Отделении истории АН СССР Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой». В этом докладе он отнес завершение первобытнообщинной формации к VI—VIII вв., существование и развитие в этот период раннего рабовладельческого общества.³⁷⁰ Его появление он считал обязательным результатом разложения родоплеменного строя, а рабовладельческие отношения — предпосылками перехода к феодализму. Характеризуя челядинство и холопство как рабство, Пьянков видел в их развитии последующие этапы рабовладения на Руси. С другой стороны, он рассматривал феодальные формы как закрепощение-серваж, одной из форм которого являлось наделение холопов землей — раб на пекулии.³⁷¹ Такое мнение о рабстве на Руси объединило элементы разных теорий 30-х — начала 50-х гг. — обязательного следования через рабовладельческую стадию к феодализму, развитого рабовладения в древнерусский период, крепостничества как формы феодальной эксплуатации. Однако все эти теоретические посылки были не результатом научного исследования источникового материала, а следствием, как признал Пьянков, «логического метода»,³⁷² вернее — исходной мысли о невозможности становления феодализма в результате разложения родоплеменного строя вне рабовладельческих отношений. «Раб» при этом оставался понятием назывным, без установленных отличий патриархального рабства и древнерусских «рабов», без раскрытия социально-экономического положения челяди и холопов, вследствие чего вновь появилось давно оставленное мнение первой половины 30-х гг. о существовании на Руси такой категории развитого рабовладельческого общества, как раб на пекулии, хотя сведений древнерусских источников о таком явлении нет.

Обобщая свои наблюдения над историей общественного строя Древней Руси, Пьянков соединил свое мнение о существовании в VI — начале VII в. рабовладельческой раннеклассовой структуры у антов, о развитии холопства как рабства на Руси с результатами исследований Б. Д. Грекова и других исследователей о раннефеодальном характере Руси IX—XI вв.³⁷³

Другой исследователь старшего поколения, С. А. Покровский, вернулся к иной идее 30-х — начала 50-х гг. — к большому значению рабства на Руси в процессе генезиса феодального строя. По его мнению, «первоначальный контингент» рабов состоял из военнопленных. В результате эксплуатации рабов знать становится экономически сильной и политически могущественной. Она начинает

³⁶⁹ Аннинский С. Письмо в редакцию // ИМ. 1940. № 8. С. 156—157.

³⁷⁰ Пьянков А. П. Социальный строй восточных славян в VI—XIII вв. // Проблемы возникновения феодализма... С. 52—70.

³⁷¹ Пьянков А. П. Холопство на Руси до образования централизованного государства // Ежегодник по истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 42—48.

³⁷² Пьянков А. П. [Заключительное слово] // Проблемы возникновения феодализма... С. 114—115.

³⁷³ Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980.

эксплуатировать обедневших соплеменников, частично сохраняя за ними их хозяйство и принуждая к отбыванию барщинных работ и внесению оброка.³⁷⁴ Вместе с тем Покровский сохранил мнение конца 40-х — начала 50-х гг. о существовании в VIII—IX вв. класса-сословия крупных землевладельцев-феодалов. Под «смердами» он понимал только юридически свободных крестьян, а под «закупамми» — смердов, полукрепостных, попавших в зависимость и обрабатывавших заем. Понятия «раб», «челядин», «холоп» Покровский подобно многочисленным предшественникам отождествлял, но в отличие от них привел определение «раба» — «говорящее орудие».³⁷⁵ Поэтому в развитии холопства в XII в. он видел, как и А. П. Пьянков, развитие рабства, но не замечал, что приведенное им собственное рабовладельческим обществам определение «раба» противоречит социально-экономическому положению холопов на Руси.

Мнения А. П. Пьянкова и С. А. Покровского об общественном строе Древней Руси еще следовали версии грековской концепции конца 40-х — начала 50-х гг., удрежнявших генезис феодализма, понимаемого в традициях крупного землевладения и крепостничества. В то же время оппозицию к этой концепции и стремление к новым идеям они выражали через противостоявшие ей давние теории сталинского периода. А. А. Зимин предложил путь изучения генезиса феодализма в древнерусский период вне традиции грековской концепции. Основы своей теории он наметил еще в начале 50-х гг. (см. выше, с. 249). Разработал он их и опубликовал результаты исследовавший в виде цикла статей в 60-е — начале 70-х гг., обобщив в монографии, изданной в 1973 г.³⁷⁶ При разработке своей теории общественного строя Древней Руси Зимин в академических традициях, и в этом он был близок к Б. Д. Грекову, придавал большое значение привлечению всех видов источников, их использованию на основе накопленного источниковедческого опыта. Но на новом исследовательском уровне, учитывая огромный исследовательский опыт и высоко профессиональный подход самого автора, особую роль приобретали обоснованность и точность используемого понятийного аппарата.

Методологически мысль о большом значении рабства в процессе становления и развития феодализма на Руси разработала ученица А. А. Зимина Е. И. Колычева на основании интерпретации работ В. И. Ленина.³⁷⁷ Но при этом становилось очевидным, что принятое в исторической науке понимание раба в рабовладельческом обществе как «говорящего орудия» при анализе общественных отношений в древнерусский период бессодержательно. Поэтому Зимин как истинный ученый, предвзято исследование, основное содержание которого составляло изучение холопства на Руси, дал определение по-

нятия «холоп», понимаемого как «раб русского феодального общества»: «холопами <...> назывались люди, право владения которыми у господ было ничем не ограничено», «холоп не имел своей собственности и в любое время сам мог быть продан или отдан любому лицу». Различия таким образом понимаемого древнерусского раба и раба античного Зимин видел в том, что первый мог быть посажен на землю и иметь ее участок в своем распоряжении, церковь убийство холопа запрещала.³⁷⁸ Основой такого определения стали личная зависимость и правовой статус, а не определенная система общественных отношений.

Исходное мнение о значительном распространении и развитии рабства в Древней Руси стало основанием для изучения А. А. Зиминным древнейших форм зависимости на материале прежде всего Краткой редакции Русской Правды по методике, противоположной оппонировавшим мнениям. Если Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин и др. в определении социально-экономического и правового статуса различных категорий шли от анализа имеющихся материалов к установлению причин их близости или тождества, то Зимин построил исследование в обратном порядке — от рабовладения к разным формам феодальной зависимости.³⁷⁹ Отсюда — предопределенное отсутствие попыток показать генезис феодальных форм зависимости до XI в., исходная оценка разных видов зависимости и эксплуатации как рабства без учета иных форм отношений. Однако высокий профессиональный уровень исследования при анализе отдельных категорий зависимых людей, преодолевая заданность исходной посылки, приводил Зимина к констатации их разного конкретного феодального содержания в XI и особенно в XII в. Поэтому он пришел к выводу о сокращении рабства-холопства в XII в., о появлении феодальных форм зависимости в результате разложения рабства.

По мнению Зимина, раб-холоп — новое к началу XI в. общественное явление, отражающее развитие предшествующего рабства-челядинства. Смерд — это холоп, который работал на пашне и эксплуатировался на барщине. В XI в. «смерд с право приобретало некоторые черты отличия от холопа». Рядовичем назывался «холоп, связанный с господином соглашением — „рядом“». Их «основную массу» первоначально составляли «военнопленные». Закупы — это холопы-рядовичи, которые выплачивали или обрабатывали выкупную цену. Они получали от господина земельный участок, коня, «в случае необходимости» — плуг и борону и эксплуатировались на барщине. Эти категории холопов «приобретали черты феодальной зависимости».³⁸⁰

В середине XI — первой половине XIII в., по Зимину, процесс изживания холопства-рабства продолжался, тогда как состав рядовичей-закупов, которые становились феодально зависимыми крестьянами, расширялся. Закупы, смерды, обельные холопы в начале XII в. «довольно четко различаются» в правовом положении. Нормы хо-

³⁷⁴ Покровский С. А. Общественный строй Древнерусского государства // Труды всесоюзного юрид. заоч. ин-та. Т. 14. М., 1970. С. 52.

³⁷⁵ Там же. С. 166.

³⁷⁶ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

³⁷⁷ Колычева Е. И. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В. И. Ленина и советской историографии // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 120—147.

³⁷⁸ Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 6.

³⁷⁹ Там же. С. 73—142.

³⁸⁰ Там же. С. 9—142.

лопного права постепенно смягчаются, а закупы и смерды в ряде случаев приравниваются по своему положению к свободным, переставая быть холопами. Это сближение с грековским направлением еще более утверждается в мнении, согласно которому в XII в. в составе закупа стали занимать все большее место попавшие в кабалу за долги когда-то свободные общинники. Закупы становились «крепостными». Смерд превращался в феодально зависимого крестьянина из холопа, посаженного на землю. Зимин попытался также проследить региональные особенности холопства в этот период. Однако дополнительная к общерусской Пространной редакции Русской Правды информация других источников оказалась ограниченной и мало сопоставимой. Так что неясно, являются ли устанавливаемые различия отражением разных форм исторической действительности или они отражают разную информацию сохранившихся источников при единой исторической действительности.³⁸¹

Несмотря на существенные различия с грековским направлением в характеристике начального этапа социального развития, Зимин смыкался с ним в установлении все более развивающихся процессов феодального господства и подчинения в XI—XII вв., тогда как в идеях трансформации рабства в феодальные формы зависимости он был еще более близок к идеям первой половины 30-х гг., особенно С. В. Юшкова и С. В. Бахрушина. Был близок Зимин и к концепции 30—50-х гг., в частности к грековскому направлению, когда выделял в процессе феодализации свободное незакрепощенное крестьянство, общину как «бастион» свободных крестьян против натиска феодалов (здесь узнаются традиции идей, восходящих еще к Н. П. Павлову-Сильванскому), формирование и развитие в IX—XII вв. феодального государства и права.³⁸² Однако стремление к комплексному анализу общественного строя Древней Руси способствовало тому, что он использовал также накопленный опыт изучения феодальных отношений в системе государства — идеи С. В. Юшкова и Л. В. Черепнина о трансформации дани в ренту. Поэтому Зимин связывал процесс феодализации во второй половине IX — XI в. с развитием государства, с изменением положения в нем свободной крестьянской общины, с появлением в государственной структуре рентных отношений: первоначальная «подведомственность» общины-верви феодальной власти в виде платежа даней, ее «судебная подведомственность князю» и превращение во второй половине XI в. дани в ренту продуктами. Распространение такой формы феодальных отношений он видел в широком, хотя и неглубоком охвате «окраинных районов».³⁸³

Таким образом, зиминская концепция общественного строя Древней Руси отразила сложный путь истории исторических идей в изучении этой проблемы в 50-е — начале 70-х гг. Намеченная в начале 50-х как компромиссная между теориями Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова, она развилась в духе настроений 60-х гг. как оппозиционное к греков-

ской теории мнение о развитых на Руси рабовладельческих отношениях. Однако высокий профессионализм исследования приводил к наблюдениям о распространении в XI—XII вв. феодальных отношений в господском хозяйстве и в Древнерусском государстве в целом. Поэтому в раскрытии судеб рабовладения на Руси Зимин оказался в кругу идей первой половины 30-х гг., Юшкова и Бахрушина, его наблюдения о развитии феодальных отношений в господском хозяйстве находились в контексте теорий 30—60-х гг., а стремление к комплексному анализу способствовало привлечению накапливаемого опыта в изучении формирования феодальных отношений в системе государства в работах Юшкова и Черепнина.

Исследовательский опыт А. А. Зимина в исследовании общественного строя Древней Руси свидетельствовал о необходимости комплексных подходов к изучению проблемы и предупреждал против крайних позиций. Он подтверждал объективность наблюдений о развитии феодальных отношений в древнерусском господском хозяйстве и государстве XI—XII вв. и в то же время указывал на необходимость новых методов их научного анализа на высоком профессиональном теоретическом и практическом уровне. Впрочем, молодое поколение историков, сложившихся как исследователи в 60-е гг., предпочло свои пути в анализе общественного строя Древней Руси. Общей исходной точкой для них стало широко распространенное в это время и оппозиционное к грековскому направлению мнение о развитом рабовладении в древнерусский период. Но в остальном их представления существенно различались.

Мнение о развитых рабовладельческих отношениях в Древней Руси и следование методологическим установкам догматически понимаемого «марксизма-ленинизма» вернуло В. И. Горемыкину к теориям сталинских времен (И. И. Смирнов начала 30-х гг., А. В. Шестаков, П. П. Смирнов, А. И. Яковлев) о рабовладельческом строе Руси X—XI вв., который сменил в XII в. феодализм.³⁸⁴ Она подняла хронологически построение А. П. Пьянкова до древнерусского периода, по-своему последовательно усилив его антигрековскую направленность. Но в исследовательской ситуации конца 60-х гг. она выступила и против коллективного опыта отечественных медиевистов, исследовавших процесс генезиса феодализма в результате разложения родоплеменного строя или в пределах сформулированной А. И. Неусыхиним теории «дофеодального периода». Подзаголовок ее обобщающей работы — «на материале Древней Руси» — повторял подзаголовок статьи Неусыхина, как бы принимающая вызов и предлагая альтернативное решение.

Изучение проблемы определяется В. И. Горемыкиной теоретическими стереотипами догматического толкования «марксизма-ленинизма» в его самых незамысловатых формах 30—50-х гг., а конкретно-исторический материал в соответствии с ними организуется. Исходя из появившегося в варварском обществе деления на господ и рабов, она рассматривает его как начало исторического развития всех классовых обществ и соответственно рабовладельческих госу-

³⁸¹ Там же. С. 143—269.

³⁸² Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Изв. Т. 76. 1965. С. 234—275.

³⁸³ Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 368—369.

³⁸⁴ Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970.

дарств.³⁸⁵ Далее она соединяет таким образом понимаемый процесс классового образования и возникновение в IX—X вв. Древнерусского государства с «марксистско-ленинским» методологическим образованием государства, которое появляется, когда формируются классы, как инструмент господства одного класса над другим. Горемыкина отмечает на Руси IX—X вв. «наличие власти князя, дружины воинов и веча»³⁸⁶ (отметим, что сведений об общерусских вечевых собраниях в этот период нет). Поэтому ее вывод о возникновении классов рабовладельцев и рабов, а также государства, подобного античным, последователен: «Древнерусское государство возникло в результате общественного разделения труда, оно установило грубое насилие над рабами, господство над общинами», но при этом «оно не лишало общинников гражданского полноправия».³⁸⁷

Такой интерпретации исторического процесса способствовало традиционное, но все более раскрывающее свою формальную природу понимание челяди и холопов как рабов, в основе характеристик которых находился их правовой статус и бытовые ситуации. Без изучения всей социально-экономической структуры Руси в целом мнение Горемыкиной о главенствующей роли рабов (челяди, холопов) в создании прибавочного продукта осталось недоказанным,³⁸⁸ равно как не доказано предопределенное позицией автора мнение о том, что древнерусские смерды «больше рабы, чем спартанские илоты».³⁸⁹ Зависимость взглядов Горемыкиной от давних представлений отечественной историографии выразилась также во мнении о крепостническом характере феодальной зависимости. Отсюда ее вывод о развитии закупничества в XII в. «в сторону феодализма»: «закупы не были полностью крепостными».³⁹⁰

Основой теоретических обобщений Горемыкиной стал не системный сравнительно-исторический анализ структур, а внесистемные аналогии с отдельными историческими явлениями в истории «древних греков героической поры» и античных полисов, Древнего Рима, поздней Римской империи, стран Древнего Востока. Сделала Горемыкина значительный шаг назад в использовании основных исторических источников, которые привлечены ею иллюстративно,³⁹¹ и, напротив, для обоснования рабовладельческих отношений в Древней Руси использован Закон Судный людем,³⁹² составленный на основе византийской Эклоги в Болгарии или Великой Моравии в середине IX в. или в конце IX—начале X в., который жил на Руси особой жизнью в числе других реципированных источников права. При таком подходе к изучаемым вопросам и их решению постановка проблемы и выводы оказались необоснованными.

Работа Горемыкиной свидетельствовала о том, что в научной дискуссии, которая является единственной основой дальнейшего

плодотворного изучения общественного строя Древней Руси и проблемы генезиса феодализма, необходимо повышение научной корректности исследований.³⁹³ Между тем Горемыкина положила ранее не доказанные основные выводы своих работ в основу другого, более широкого по целям исследования, посвященного изучению становления первой антагонистической формации в средневековой Европе.³⁹⁴ Такая постановка проблемы чрезвычайно сложна для выполнения, поскольку в ней должно быть единство всестороннего по охвату материала конкретно-исторического исследования и всеобъемлющего по многообразию аспектов теоретического анализа. Отбор и интерпретация Горемыкиной литературы, источников, теоретических аспектов по-прежнему были предопределены заранее сложившимся мнением о рабовладельческом, а не феодальном или раннефеодальном характере раннеклассовых европейских государств, включая Древнюю Русь, что закономерно вело к значительной односторонности исследования при изучении поставленных вопросов. По-прежнему сохраняя аналогию в качестве основы теоретических наблюдений, Горемыкина не установила качественных различий между античными рабовладельческими государствами, государствами в зоне романо-германского синтеза и европейскими государствами вне этого синтеза. Последовательно подчеркивая значение в них общины и «общинного производства», автор не показывает изменения сущностных и функциональных качеств общины при родоплеменном, рабовладельческом и феодальном строе (включая различия на отдельных этапах развития этих обществ). Напротив, стремление нивелировать эти различия приводит Горемыкину к мнению, согласно которому, подобно античной двойной по форме земельной собственности — государственной и частной, у германцев и восточных славян общинно-племенная земельная собственность также имела двойную форму, «но частная земельная собственность была представлена не отдельными семьями, как у античных народов, а соседскими земледельческими общинами»,³⁹⁵ то есть частная собственность у них была патриархально-общинной. Такое понимание «частной собственности», содержащее внутреннее противоречие в определении, лишено реального содержания.

По-прежнему осталось недоказанным применение Горемыкиной понятие «раб» по отношению к древнерусским холопам, челяди и другим категориям зависимого населения. В основе этого применения оставались все те же признаки правового статуса, а не сущность социально-экономических отношений.³⁹⁶ Если под этой сущностью пони-

³⁸⁵ Там же. С. 9—11, 16, 17, 23—24.

³⁸⁶ Там же. С. 25.

³⁸⁷ Там же. С. 31, 34, 39.

³⁸⁸ Там же. С. 54.

³⁸⁹ Там же. С. 52.

³⁹⁰ Там же. С. 58—61, 63.

³⁹¹ Там же. С. 34, 38, 39, 42, 43, 49, 53, 57, 64, 68.

³⁹² Там же. С. 55, 68.

³⁹³ См. возражения по теоретическим и конкретно-историческим проблемам в работах Горемыкиной: Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А. П., Пащито В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 153, 155, 162, 166, 180; Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 57, 171; Кузнецов Ю. А. Спорные вопросы истории древнерусского феодализма // ИСССР. 1973. № 5. С. 146—159.

³⁹⁴ Горемыкина В. И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе: (Опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси). Минск, 1982.

³⁹⁵ Там же. С. 55.

³⁹⁶ Там же. С. 163—164.

мать раба как «орудие vocale»³⁹⁷ (таким странным образом объединены традиционные обозначения «instrumentum vocale» и «говорящее орудие»), раскрывающие сущность рабства в системе общественных отношений), то окажется, как показали с XII в. исследования Б. Д. Грекова, Б. А. Романова, И. И. Смирнова, А. А. Зимина, что ограниченные материалы, привлеченные Горемыкиной, не свидетельствуют о таком содержании челядинства и холопства на Руси. Но подобные обоснования являются авторским доказательством рабовладельческого, а не раннефеодального или феодального характера Руси,³⁹⁸ равно как и западноевропейских раннесредневековых государств. Это заранее сложившееся мнение по-прежнему становилось причиной значительного числа предопределенных формулировок и анализа в историографии, источниках, исторических фактах.³⁹⁹ В результате Горемыкина пришла к противоречивым и неопределенным выводам, согласно которым раннерабовладельческие государства и общества раннесредневековой Европы были «дофеодальными государствами, по характеру приближающимися к государствам Древнего Востока». С другой стороны, они «имели определенное сходство в социально-экономическом развитии и с античными рабовладельческим миром». Однако ни эти выводы, ни их исследовательские посылки не оказались обоснованными. Своими работами Горемыкина не доказала верность мнений 30—40-х гг. о рабовладельческом строе Древней Руси, в ее интерпретации — до XII в.

В работах начала 60-х гг. отмечается возвращение к идее «дофеодального периода» при характеристике древнерусского общественного строя. Возвращение к понятию, столь живо напоминающему недавние тогда сталинские «указания», можно рассматривать как форму возражения неоправданному удревнению на Руси развитых общественных отношений, рабовладельческих или феодальных. Е. Д. Романова увидела в Русской Правде данные об «очень значительных чертах» «дофеодального уклада» наряду со «многими свидетельствами феодализации».⁴⁰⁰ Н. Л. Рубинштейн, анализируя Древнейшую Правду (ст. 1—18 Краткой редакции Русской Правды), пришел к мнению об отражении в ней дофеодального строя: недифференцированность хозяйственной деятельности (отсутствие покушений на частную собственность, замкнутость мира, невыделенность города и торгового), деление общества на свободных общинников и патриархальных рабов — челядь, определяющее социально-экономическое и общественно-политическое значение общины, неподчиненность ее, земли-племени (или племени-волости), князю и его дружине, которые представляли собой формирующуюся феодальную организацию.⁴⁰¹ Данные выводы прямо зависели от источниковедческих подходов. Романова рассматривала на мате-

риалах Русской Правды древнерусское общество как переходное от родоплеменного строя к раннефеодальному. Но при этом она использовала ее Краткую и Пространную редакции как единое законодательство, не учитывая историю их текста.⁴⁰² Романова не учла также при анализе древнейших слов Русской Правды важное наблюдение А. И. Неусыхина над германскими Пrawdами, которые «в их наиболее архаических постановлениях отражают общественный строй соответствующих племен не в период составления этих Правд, а в гораздо более раннюю эпоху».⁴⁰³ Поэтому Романова архаизировала общественные отношения на Руси. Рубинштейн также не учел историю текста Древнейшей Правды. Он не определил время, место и обстоятельства появления этого памятника, а как следствие этого — его информативность как исторического источника. Поэтому он был лишен объективных критериев в установлении реального содержания норм Древнейшей Правды (ранее немецкий ученый Л. К. Гетц, Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин и другие историки также видели в ней отражение правовых норм архаического общества, но относили их происхождение к VIII—X вв.). Используя понятия «дофеодальный» уклад или строй применительно к Руси XI—XII вв., Е. Д. Романова и Н. Л. Рубинштейн характеризовали таким образом определенные пласты архаических общественных отношений, но признание феодализации в этот период придавало их подходу историзм в определении внутренних закономерностей развития. Задача заключалась в том, чтобы раскрыть содержание процесса феодализации.

В круг исследователей, пересматривавших грековскую концепцию генезиса феодализма в древнерусский период, включился в середине 60-х гг. И. Я. Фроянов. Подобно другим авторам, в этом пересмотре он обратился к вопросу о рабстве на Руси. Но, в отличие от них, он не пытался дать научное определение основного в данном случае понятия «раб». Он исходил из очевидности «наличия рабства и рабовладения в Древней Руси». Сложность вопроса, по его мнению, «в определении степени распространенности рабства и его значения в социальной жизни древнекняжеского общества».⁴⁰⁴ Исключив таким образом вопрос о рабстве и рабовладении из процесса развития общественного строя и системы социальных связей в целом, он пришел к мнению, что основная часть зависимого населения в Древней Руси представляла собой рабов и производные от рабства категории.⁴⁰⁵

Основываясь на этом, Фроянов обратился к оживленно дискутируемой в 60-е гг. проблеме структуры социально-экономического строя Руси IX—XII вв. В это время были сформулированы самые разные подходы к ее решению, так что необходимо было определить свое понимание сущности данной научной проблемы и охарактеризовать в ней собственную позицию. Свое решение проблемы

³⁹⁷ Там же. С. 158.

³⁹⁸ Горемыкина не раскрывает своего понимания феодализма, но, следуя давней традиции, отмечает «одну из основных посылок» для его развития — крупное землевладение (Там же. С. 136).

³⁹⁹ Там же. С. 6—7, 16, 24, 36, 49—51, 57, 64, 65 и др.

⁴⁰⁰ Романова Е. Д. Свободный общинник в «Русской Правде» // ИСССР. 1961. № 4. С. 76—90.

⁴⁰¹ Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 9—10.

⁴⁰² На данное обстоятельство обратил внимание Л. В. Черепнин: Черепнин Л. В. Русь. С. 169—170.

⁴⁰³ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства... С. 47.

⁴⁰⁴ Фроянов И. Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛГУ. 1965. № 2. (Сер. истории, языка и лит. Вып. 1). С. 83.

⁴⁰⁵ Фроянов И. Я. Зависимое население на Руси IX—XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966. С. 16—17.

Фроянов предложит в книге «Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории».⁴⁰⁶ Проблему рабства он обоснованно считает поставленной в историографии, но не решенной. Вновь не определил он понятие «рабство» ни в общем историческом содержании, ни в конкретно-историческом применении к социально-экономической истории Киевской Руси. Но свое понимание феодализма Фроянов раскрывает сразу: феодализм, по его словам, «появляется тогда, когда властвование соединяется с крупным землевладением, являющимся основой феодализма».⁴⁰⁷ Научно не определенное понятие «властвование» в последующем тексте раскрывается как «крепостничество»: «некоторую часть владельческих (смердов. — М. С.) можно рассматривать как один из первых отрядов крепостных в России», «назвав их (изгоев-вольнотпущенников. — М. С.) чистой воды феодально зависимыми, мы слишком бы упростили действительность. Они — в большинстве полусвободные. Но были в их среде и те, что постепенно приближались к крепостному состоянию и в конечном счете становились крепостными».⁴⁰⁸ Подобное представление о «феодализме», широко распространенное среди советских историков как свидетельство их «марксизма», не только не учитывало достижения Б. Д. Грекова и других исследователей в конкретно-историческом анализе множественных раннефеодальных форм господства и подчинения, заранее ограничивая их характеристики рабством, полурабством (полусвободой) и крепостничеством — поздней формой развитого феодального строя. Оно сохраняло ловушку метафизики сталинских «указаний»: есть крупное землевладение и крепостничество — есть феодализм, нет их — нет феодализма. Такое представление о феодальном строе направляло в сталинский период исследование, деформируя его в случае признания феодализма в древнерусский период, и в равной мере в постсталинский период — в случае опровержения этого мнения. Оно предопределяло выводы работы и сохраняло в себе еще одну идею сталинских «указаний»: нет закрепощения — «дофеодальный период».

Отстаивая такое понимание «феодализма», необходимое для предстоящего исследования общественного строя Киевской Руси, Фроянов отвергает в предисловии к работе возможности новейших тогда, в 50—60-е гг., методов изучения генезиса феодальных отношений через феодал-фьефы — в исследованиях А. Я. Гуревича, через рентные отношения в системе государства — согласно наблюдениям С. В. Юшкова и Л. В. Черепнина.⁴⁰⁹ Он противопоставляет им давние, но еще распространенные представления о свойственных феодализму крупном землевладении, земельных отношениях, о феодальной ренте как «прежде всего» земельной ренте в аграрном обществе, вышучивая, но не опровергая, мнение А. Я. Гуревича о неземельных феодалах-фьефах.⁴¹⁰

⁴⁰⁶ Л., 1974.

⁴⁰⁷ Там же. С. 8—9.

⁴⁰⁸ Там же. С. 125, 145—146.

⁴⁰⁹ Там же. С. 7—12.

⁴¹⁰ Там же. С. 8.

Такой подход к определению основных используемых научных понятий, к анализу исследовательского процесса привел Фроянова к ограничению предстоящих разысканий проблемами, традиционными для литературы 20-х — начала 50-х гг.: семья, община и общинные формы землевладения, крупное землевладение и хозяйство, зависимое население. Ограниченным оказалось изложение историографического процесса в противопоставлении мнений Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, И. И. Смирнова, А. А. Зимина по частным вопросам, в опровержении концепций А. Я. Гуревича и Л. В. Черепнина, но без определения сути основных тенденций в новейшей литературе при изучении социально-экономического строя обществ на переходной стадии от родоплеменного строя к феодальному. Избирательным стало привлечение источниковых материалов при изучении поставленных в книге проблем, равно как и исследовательских мнений в предисловии, в «соответствующих экскурсах и справках», «необходимых, — как пишет автор, — чтобы читатель яснее видел меру самостоятельности наших наблюдений и выводов».⁴¹¹

По мнению Фроянова, древнерусская вервь X—XII вв. находилась на промежуточной стадии между семейной общиной и территориальной с сочетанием родственных и соседских связей, а формы семьи «варьировались от большесемейных союзов до малой семьи».⁴¹² При обосновании этого вывода он не приводит материалы, изученные исследователями 30-х — начала 70-х гг., от Б. Д. Грекова до А. А. Зимина и Я. Н. Щапова, о соседской организации верви в ее юридических правах, о структуре «дикой верви», о системе отношений верви с государством (князем), о малой семье и индивидуальных правах. Именно на основе этих данных исследователи приходили к выводу о соседской общине и малой семье как определяющих формах общинной и семейной организации на Руси XI—XII вв. Опуская в исследовании государственно-правовые отношения общины-верви и князя, Фроянов присоединился в такой методике к Н. Л. Рубинштейну, который относил неподчинение общины князю к дофеодальному строю, но ограничивался при этом Древнейшей Правдой (см. выше, с. 286—287). Впрочем, эти наблюдения и методику Рубинштейна Фроянов не рассматривает.

Подобно исследователям 20—50-х гг. Фроянов прямо связывает положительное или отрицательное решение вопроса о крупном землевладении и хозяйстве на Руси X—XII вв. с определением характера ее общественного строя: должны быть проверены, пишет он в данной связи, «наши наблюдения насчет значения в жизни древнерусского общества дофеодальных институтов».⁴¹³ Следует он логике работ, утверждавших и удревнявших феодализм на Руси в крупном землевладении, равно как и логике их оппонентов, отрицавших феодализм и крупное землевладение до XI в. По его мнению, в X в. «в руках князей всего лишь несколько сел, заводившихся с промышленными целями», «в XI в. княжеское хозяйство несколько расширяется и перестраивается», но скотоводство в хозяйстве князей в XI—

⁴¹¹ Там же. С. 6.

⁴¹² Там же. С. 26, 43.

⁴¹³ Там же. С. 44.

XII вв. «было центральной отраслевой ветвью, ее основой, фундаментом». Особенно больших успехов, отмечает Фроянов, животноводство достигло «в области коневодства».⁴¹⁴ Такая интерпретация приводит ученого, в отличие от его предшественников, кроме С. В. Юшкова, ко мнению, согласно которому на княжеском гумне в XII в. хранилось, вопреки древнерусским известиям, сено, а не зерновые культуры, княжеское богатство «множилось не за счет плодов земледельческого труда, а в результате накопления движимых ценностей, увеличения стад и эксплуатации промысловых угодий».⁴¹⁵ Поэтому, думает он, «древнерусские князья на хлебном довольствии стояли каждый в своем княжестве-волости» (по В. И. Сергеевичу, но с авторскими особенностями, ср. выше, с. 132). «Хлеб», который получали князья от населения своих или управляемых чужих земель, характеризуется Фрояновым как натуральная по форме плата населением за исполнение ими общественных функций.⁴¹⁶

Рассматривая боярское хозяйство X—XIII вв., он особо отмечает значение «внеземельных доходов» без их феодального содержания и, как у князей, «существенное значение» скотоводства. «Земледелие, — допускает он, — вероятно, тоже было здесь представлено».⁴¹⁷ Приходит Фроянов ко мнению и «о сравнительно слабом развитии землевладения древнерусской церкви XI—XII вв.».⁴¹⁸

Оставляя в стороне дискуссионные вопросы отбора и интерпретации исторических источников, что не входит в тему историографического исследования, хотя от них зависят выводы труда И. Я. Фроянова, отметим, что его анализ ведется в направлении, противоположном разысканиям отечественных медиевистов 50-х — начала 70-х гг. Если те изучали в процессе генезиса феодального строя мелкое и среднее господское хозяйство, многообразные неземельные феоды в виде кормов, кормлений в натуральной форме, что объективно возвращало их к широкому спектру исследованных феодальных отношений в процессе генезиса и развития от распадающихся родоплеменных связей к феодальным, преодолевая метафизическое наследие позитивизма, неокантианства, догматически толкуемого марксизма, сталинизма, то Фроянов интерпретировал исторические материалы лишь в одном направлении — отрицании на Руси X—XII вв. крупного землевладения. Для их осмысления он обращается к давним теориям общинно-вечевого и земско-вечевого строя Древней Руси. Отрицание крупной земельной собственности он распространяет на все виды «частной земельной собственности» и делает вывод, направленность которого раскрывается в контексте неназванных Фрояновым идей «дофеодального периода», преимущественно в интерпретации А. И. Неусыхина: «в основе социально-экономической жизни древнерусского общества лежала не частная земельная собственность, а землевладение свободных крестьян-общинников».⁴¹⁹ Впрочем, изучение крупной и других видов земельной

⁴¹⁴ Там же. С. 51, 59.

⁴¹⁵ Там же. С. 60—61.

⁴¹⁶ Там же. С. 62—65.

⁴¹⁷ Там же. С. 69.

⁴¹⁸ Там же. С. 87.

⁴¹⁹ Там же. С. 99.

собственности, равно как и свободной крестьянской общины в системе Древнерусского государства, продолжалось в отечественной литературе на тех же и дополнительных материалах.

Исследуя характер зависимости отдельных групп несвободного люда, трудившегося в древнерусской вотчине, Фроянов приходит к выводам, во внешнем выражении в значительной мере новым для научной литературы. (Эти наблюдения публиковались автором ранее в виде статей.) Челядь и холопы — традиционно рабы, но первые — пленники, а вторые — «местного происхождения». Смерды подразделяются на два вида: «внутренние смерды» — пленники, посаженные на государственные земли, «государственные рабы», и смерды-нерабы, «внешние смерды» — «покоренные племена, обложенные данью». Закупы — полурабы. Они «ближе к рабству, чем к свободе», «людской резерв закупничества» — «ломпен-пролетариат» на русской почве. Изгой, задушные люди, пущенники, прощенники — «полусвободные», «вырвавшиеся из рабства». Положение пущенников и прощенников «приближается к крепостному состоянию, но тождества здесь пока нет». «Судя по намекам Русской Правды, основная масса рядовичей происходила из рабов».⁴²⁰

Охарактеризовав большую часть категорий зависимого населения древнерусской вотчины как рабов и полурабов (полусвободных), Фроянов «весьма схематично» намечает в древнерусском рабовладении сосуществующие «две ветви» — традиции патриархального рабства и «новый тип рабовладельческих отношений, приближающийся к тем формам, какие были известны древнему миру». Рабство, по его мнению, в XI—XII вв. развивалось количественно и качественно. Вотчина имела рабовладельческий характер «примерно до середины XI в.», «когда появился контингент феодально зависимых и полусвободных, эволюционировавших в сторону феодальной неволи {крепостничества}» (ранее Фроянов писал о «некоторой части» владельческих смердов как об «одном из первых отрядов крепостных в России»)⁴²¹.

Такая характеристика отношений господства и подчинения в древнерусский период содержала в себе несколько идейных пластов. Распространенное в 60-е гг. подчеркивание значения рабства и его развития продолжало идейные комплексы сталинских времен, являясь тогда и в постсталинский период одной из форм выступления против концепции генезиса феодализма в результате разложения родоплеменного строя. Такое мнение о развивающемся рабовладении входило в противоречие и с новейшими наблюдениями отечественных медиевистов, в частности конкретно-историческими исследованиями А. И. Неусыхина, над переходной стадией от родоплеменного общества к феодальному.

Выделение И. Я. Фрояновым особого значения свободного общинного крестьянского землевладения восходило к теории «дофеодального периода» в ее интерпретации А. И. Неусыхиним лишь частично — «общинность без первобытности», поскольку этот период соотносился с племенными структурами и «варварским государ-

⁴²⁰ Там же. С. 99, 108, 113, 125, 128—129, 132, 141—148, 151.

⁴²¹ Там же. С. 153—154, 157—158; см. также: с. 125, 145—147.

ством», тогда как конкретное содержание исторического процесса теории Неусыхина существенно отличалось от фрояновских наблюдений. Интерпретация «дофеодального периода» и генезиса феодализма А. Я. Гуревичем содержала значительные возможности анализа воздействия государства на общину посредством феодалов, власти короля (князя), развивающихся государственных институтов, отношений феодальной земельной собственности, что вызывало решительные возражения Фроянова. Он не называет эти теории «дофеодального периода», равно как и его интерпретацию Н. Л. Рубинштейном в применении к древнерусскому периоду, хотя понятием «дофеодальный» изредка пользуется.

В характеристике социально-экономического строя Киевской Руси — свободные крестьяне-общинники, рабы и полурабы (полусвободные) в господском хозяйстве — определяющее значение имели, видимо, элементы теории общинно-вечевого строя Древней Руси, широко распространенной в 60-е гг., XIX — начале XX в., «дофеодальной эпохи» до XIII в. в теории Н. П. Павлова-Сильванского, концепций «дофеодального периода» сталинских времен, распространенных Фрояновым до XIII в., совмещенных с представлениями 30—50-х гг. нашего столетия о развивающемся с распадом первобытнообщинного строя рабовладении и о феодальной зависимости, понимаемой как крепостничество. При этом Фроянов исходил из еще одного давнего мнения — о крупном землевладении как обязательном условии «феодализма». Но он опирался на такое суждение для опровержения концепции феодального строя в древнерусский период.

Считая данные положения доказанными, Фроянов основывается на них в последующем анализе общественного строя Киевской Руси в монографии «Киевская Русь: Очерки социально-политической истории». ⁴²² Называя своих предшественников в изучении проблемы, он отмечает, что они основное внимание уделили становлению в древнерусский период феодализма. Он не указывает мнения о рабовладельческом характере общественных отношений в Киевской Руси, о «дофеодальном периоде», о теориях ее общинно- или земско-вечевого строя. Ссылаясь на выводы своей предшествующей монографии в отредактированной формулировке — в Киевской Руси «дофеодальным фактором принадлежала в высшей степени существенная роль», он сообщает об обусловленности своего «интереса к архаическим явлениям в сфере социально-политической». ⁴²³ В этой «сфере» он изучает темы: «древнерусские князья», «князь и дружина», «сеньориальный режим в Древней Руси», «князь и „люди“», «древнерусское вече», «народ и войско», «социально-политическая роль древнерусского города». Рассматривая их, Фроянов отбирает и интерпретирует источниковый материал, дискутирует с иными мнениями с позиций общинно-вечевого и земско-вечевого теорий общественного строя Древней Руси, приближая их к теории «дофеодального периода», преимущественно в ее интерпретации А. И. Неусыхинным.

⁴²² Л., 1980.

⁴²³ Там же. С. 4.

Разделяя данные принципы исследования, ученый приходит к выводам, свойственным этим теориям, но отличным от них в формулировках. Функции князей заключались в «военно-дипломатической работе», в «охране внутреннего мира и порядка», прежде всего в княжьем суде. ⁴²⁴ «Князь заключал ряд с народным собранием — вечею. А это значит, что он превращался в известном смысле в общинную власть, призванную блюсти интересы местного общества». «Князья на Руси XI—XII вв., — пишет И. Я. Фроянов, — благоденствовали в значительной степени за счет кормлений — своеобразной платы свободного населения за отправление ими общественных служб, происхождение которой теряется в далекой древности». Они, по его мнению, «постоянно перемещались». Эти «перемещения» он приводит, в частности, в качестве аргумента против мнения о верховной собственности государства на землю.

В таких же «архаических» формах характеризует Фроянов социальное положение бояр в XI—XII вв. Они, по его словам, — «лидеры, управляющие обществом, т. е. выполняющие известные общественные функции». «Не исключено, — уточняет он, — что в этом амплуа они сменили родоплеменную знать <...>». Они «получали кормления в качестве своеобразной платы за участие в управлении обществом». Во второй половине XX в. Фроянов не может не признать пожалование князьями боярам городов и сел в кормление и связь кормления с вассалитетом. Но он смягчает противоречие этих фактов «архаическому» бытию князей и «амплуа» бояр давними представлениями о природе феодалов, вассальных отношений и дружинного строя: «вассалитет, строящийся на пожаловании кормлений, не имел феодального содержания, поскольку был лишен земельной основы», «вассальные отношения бояр разлагали дружинный строй». В тех же понятиях Фроянов пишет о дружине как о «дружинном союзе», но отмечает в нем противоположные тенденции: «с одной стороны, дружинники проявляют склонность к подвижности <...>, с другой стороны, они испытывают некоторую тягу к оседлости», и в то же время имеет место «бытовая близость князя и дружины». Дружина содержится на «княжеские средства», получает «за свою работу корм и прочую мзду» при выполнении «судебных и административных дел». В данных представлениях, свойственных литературе второй половины XIX в., Фроянов изложил процессы, которые анализировались в разных научных направлениях, — такие как формирование государства и органов государственной власти, неразрывно связанных с властью князя, с административно-судебными и военными функциями иерархически организованной княжеской дружины, со службой ее членов на княжеском дворе, с появлением и ростом их собственных хозяйств, включая земельные владения. Поэтому признаваемые им в Киевской Руси феодалы, вассалитет, иммунитет характеризуются как «дофеодальные». ⁴²⁵

Продолжая идеи общинно-вечевого и земско-вечевого теорий, отрицавшие Древнерусское государство, Фроянов распространяет

⁴²⁴ Там же. С. 38.

⁴²⁵ Там же. С. 38—117.

мысль Б. А. Рыбакова о существовании «союза союзов» племен до конца X в., хотя и пипет, в соответствии с избранными принципами, о «взаимоотношениях восточнославянских племен конца IX — X в. как истории возвышения полянской общины, подчинившей окрестные славянские племена».⁴²⁶ Он предлагает тем самым оригинальную двойственную по содержанию концепцию, альтернативную теориям образования Древнерусского государства, одним из факторов которого стали, согласно этим теориям, походы киевских князей Олега, Игоря, Святослава и Владимира.

По мнению Фроянова, на Руси конца IX — X в. имели место города-государства «на родоплеменной основе». Из них позднее, думает он, складываются «городские (городовые) волости», «составленные из главного города с пригородами и сельскими округ» (в равной мере им используются понятия «города-государства», «города-волости», «городские волости-государства»). Они «представляли собой союз общин во главе с торгово-ремесленной общиной главного города». Это — «государства, воздвигнутые на общинной основе». Структура их политической власти «весьма похожа на то, — пипет он, — что мы наблюдаем в городах-государствах древности», и разъясняет: «Это — народное собрание-вече, являвшееся верховным органом власти, верховный правитель-князь, избиравшийся вечами, и совет знати».

Чтобы как-то прекратить таким образом изображенный общественно-политический строй на Руси, предшественники Фроянова по концепции, от В. И. Сергеевича до М. Н. Покровского и С. В. Юшкова в 20-е гг., обращались к внешнему фактору — «татарскому нашествию», поскольку в этой конструкции не было факторов внутреннего развития. Города-государства не соединялись с общественным строем Руси второй половины XIII — XV в. Такое же решение проблемы в труде Фроянова: «Смертельный удар городам-государствам в Древней Руси нанесло татарское нашествие. И только северные республики — Новгород, Псков и Вятка — сохранили память о былом».⁴²⁷

Если исследователи второй половины XIX — начала XX в. ограничивались для подтверждения подобных выводов аналогиями с древнегреческими городами-государствами и античным Римом, что являлось для них также формой историзма и средством обобщения, то Фроянов, исходя из мысли о всеобщности распространения такого рода общественного строя, существенно расширил круг сопоставлений сравнениями Киевской Руси с африканскими племенами банту и йоруба, эскимосами, индейцами Северной Америки, племенами Полинезии и Меланезии, папуасами Новой Гвинеи, древним Шумером, гомеровским обществом.⁴²⁸ В такой методике аналогий, но более ограниченно, у Фроянова были предшественники, но только Н. А. Рожков предпринял опыт сравнения общественного строя Киевской Руси и несредневековых обществ системно.

В результате двух монографических исследований представления И. Я. Фроянова об общественном строе Киевской Руси оказались

⁴²⁶ Там же. С. 21—22.

⁴²⁷ Там же. С. 230—243.

⁴²⁸ Там же. С. 139—140, 145, 230, 231, 234 и др.

в плоскостях двух теорий. «Море свободного крестьянского землевладения», крестьянские общины, рассмотренные без государственной системы, незначительные по численности вотчины, рабовладельческие до середины XI в., с развивающимся рабовладением и появляющимся крепостничеством с его тенденцией к развитию со второй половины XI в., владельцы вотчин — князья, бояре, православная церковь, не рабовладельцы и не феодалы, — эти идеи предполагали реалии средневековой Европы, сближаясь в интерпретации с теорией «дофеодального периода», по А. И. Неусыхину, в одном из ее элементов («общинность без первобытности») и существенно отличаясь в остальном (см. выше, с. 259, 260). Социально-политический строй Киевской Руси, изложенный преимущественно в соответствии с принципами общинно-вечевой теории, существенно отличался от устройства средневековых стран Европы. Объединяли эти различающиеся представления автора идеи общинности, крестьянской — без государства, городской — в пределах античного полиса (= города-государства), а также деления общества на свободных, рабов и полурабов, дополненного в социально-экономическом строе феодальными отношениями эксплуатации — крепостничеством. Объединяли эти представления также целенаправленные отбор и интерпретация источников, значительное ограничение накопленного опыта изучения общественного строя. В частности, была утрачена система свойственной средневековым европейским государствам княжеской власти и междукняжеских отношений на Руси X — первой трети XIII в. с правами распоряжения, наследования, междукняжеских договоров с особенностями, свойственными Руси, но без каких-либо следов вечевого строя городов, кроме Новгорода со второй трети XII в., что обстоятельно изучалось отечественными историками от В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина до А. Е. Преснякова.

Утраты имели место и в историографическом подходе к проблеме. Вместо изучения исследовательской позиции своих предшественников исходя из истории идей, ученый дает им оценки исходя из своего мнения о данном вопросе, к тому же в неакадемической форме: кто «слишком субъективно интерпретировал высказывание К. Маркса», смотрит «на древнерусское село через сеньориальные очки», «под пером ученого древнерусская церковь предстает каким-то локомотивом феодализма в Киевской Руси», а доводы «не выдерживают критики» (о С. В. Юшкове — стороннике теории «дофеодального периода», но относившем этот период к IX—X вв.), а кто «горопит события», старается «затушевать хронологический аспект сообщения летописи», «уклоняется от точного ответа на вопрос», «упорно не хочет замечать», «построения <...> лишены каких-либо серьезных оснований»⁴²⁹ и т. д., и т. п.

Фроянов продолжил сопоставление древнегреческого полиса с городами Киевской Руси и «без труда» установил (в соавторстве с А. Ю. Дворниченко, Г. Л. Курбатовым и Э. Д. Фроловым) между ними сходство в основных структурных социально-экономических и социально-политических элементах. Для них «одинаково были ха-

⁴²⁹ Там же. С. 52, 102, 103, 104, 158, 159, 165, 175, 198 и др.

рактельны»: единство города и округа, республика, «исходная социальная ячейка» — «сельская община», «яркая выраженность общинных форм быта», большая политическая и военная роль народного ополчения, «важное место» в нем общинников-земледельцев. «И на Руси, как это было в Античной Греции, существовала определенная аристократическая прослойка (боярство), поставлявшая политических лидеров для того или иного города-государства». Авторы видят аналогичное «сознательное избрание народом социальных посредников для безотлагательного упорядочения гражданских дел», в связи с чем пишут: «<...> мы видим известное сходство в деятельности Солона и Владимира Мономаха». «Наконец, — завершают авторы сопоставление древнегреческих полисов и древнерусских городов, — сходство выступает и в формах внешнеполитической жизни. В Древней Греции более могущественные города подчиняли себе меньшие города. То же мы видим и на Руси, где главный город господствует над пригородами, которые тяготея к этому господству и стараются приобрести независимость и самостоятельность».⁴³⁰ Различия авторы отмечают в том, что античный полис «суверенная городская гражданская община, основанная на рабском труде иноплеменников», город-государство на Руси XI — начала XIII в. — «суверенная городская гражданская община, основанная на труде свободных земледельцев и ремесленников».⁴³¹ Свои мнения о городах Древней Руси как о городах-государствах Фроянов изложил в соавторстве с А. Ю. Дворниченко и в особой монографии.⁴³²

Эти две монографии И. Я. Фроянова, коллективные, свидетельствуют о корректировании его подхода к анализу общественного строя Киевской Руси. От несистемных сопоставлений, в частности с энеолитическими обществами и социальными структурами раннего железного века, с народами арктической и экваториальной зон, он обратился к сравнению обществ и государств в их исторической конкретности и европейской принадлежности. Из накопленного в отечественной исторической науке опыта Фроянов выбрал не системный метод сравнительно-исторического анализа единых во времени структур — генезис и развитие городов в средневековой Европе вне зоны романо-германского синтеза, а методику сопоставления по подобию. В таком переходе от случайных аналогий древнерусских городов XI — первой трети XIII в. н. э. и древнегреческих городов VI—V вв. до н. э. к их системному сопоставлению по подобию заметна близость к методике Н. А. Рожкова. Такая методика предлагала новые исследовательские задачи установления конкретно-исторического содержания в этих подобиях, относящихся к разным историческим эпохам и к разным цивилизациям: античного полиса и средневекового города, полисной аристократии и средневековой знати — боярства, афинского гражданина, избранного архонтом, Солона и православного русского князя Владимира Моно-

⁴³⁰ Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Заключение // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л., 1986. С. 334.

⁴³¹ Там же. С. 334—335.

⁴³² Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

маха, внука великого киевского князя Ярослава Мудрого, по материнской линии — византийского императора Константина IX Мономаха, а также другие не менее сложные проблемы.

И. Я. Фроянов не продолжил сравнительно-историческое изучение древнерусских городов-государств и древнегреческих полисов, ограничиваясь в дальнейшем ссылками на отмеченное им сходство исторических явлений Древней Греции и Руси. В двух новых монографиях он вернулся к характеристике общественного строя Киевской Руси. Анализ отечественной историографии Киевской Руси он развернул в критику исследований по этой проблеме ушедших из жизни историков и в дискуссию с современниками⁴³³ (см. также выше, с. 12—13). Свои характеристики социальных категорий, отличавшиеся от наблюдаемых прежде всего А. И. Неусыхина, его теории «дофеодального периода», Фроянов излагает в не столь категоричной форме или редактирует их. Он повторяет свое мнение о челяди и холопах, но исчезли рабовладельческая вотчина до середины XI в. и развивающееся рабовладение позднее. «Внутренние смерды» — «государственные рабы» и «частновладельческие смерды» — «как один из первых на Руси отрядов крепостных» остались. Изменилось определение «внешних смердов»: «перед нами внешние, так сказать, смерды» — данники.⁴³⁴ Свое мнение о процессе феодализации через крупное землевладение, соединенное с крепостничеством, он также редактирует, предлагая другую формулировку: «По нашему убеждению, феодализация древнерусского общества осуществлялась на путях формирования вотчинного хозяйства и работающего в нем феодально-зависимого населения».⁴³⁵

Коррективы в пятой книге к предшествующим четырем — ограничение следствий теорий общинно- и земско-вещного строя, городов-государств, значения рабовладения, представление о феодальной вотчине как основе феодализации при сохранении идей «дофеодального периода» — свидетельствуют о приближении его мнения об общественном строе Киевской Руси к концепциям А. И. Неусыхина и Б. Д. Грекова. Он пишет теперь, что разделяет «в теоретическом аспекте мнение Б. Д. Грекова, расходясь с ним в интерпретации конкретной истории древнерусского общества».⁴³⁶ Эти коррективы могут указывать также на стремление Фроянова создать из разнородных теорий, которыми он ранее руководствовался, единый подход к изучению общественного строя Киевской Руси. Из теорий 20—50-х гг., связывавших процесс феодализации с крупным землевладением и крепостничеством, было оставлено крепостничество. Крупное землевладение заменил процесс развития господского хозяйства — вотчины. Но ограничение вотчиной и крепостничеством в феодализации указывало на частичную модернизацию прежних идей в содержании феодального строя. Фроянов ограничился представлением о феодализме без феодалов, дополнив его мнением о фе-

⁴³³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990.

⁴³⁴ Там же. С. 130—133, 174—175, 210—212.

⁴³⁵ Там же. С. 317.

⁴³⁶ Там же.

одах, вассалитете и иммунитете без феодализма. В концепции Б. Д. Грекова он выбирает только мысль о связи процесса феодализации со становлением и развитием вотчины, опуская столь же свойственные ей органические составные элементы — процесс становления феодализма в результате разложения родоплеменного строя, отрицание в этом процессе развитого рабовладения, значение которого постоянно уменьшалось, и т. д. В теории «дофеодального периода» он отмечает идеи «общинности без первобытности», элементы социального неравенства. Особенность этого общественного строя он видит в том, что тот еще не был классово-феодальным.⁴³⁷ Излагая теорию А. И. Неусыхина частично, применительно к своему толкованию истории Киевской Руси, Фроянов даже не упоминает в историографическом процессе работы 50-х — начала 70-х гг. А. Я. Гуревича, в которых предлагается новое для отечественной литературы объяснение становления феодальных древнерусских социально-политических институтов, его интерпретацию теории «дофеодального периода», развивающегося в раннефеодальный строй, одну из основ которого составляли неземельные феодалы-феффы, что ранее Фроянов опровергал (см. выше, с. 262—264, 288—289).

Происхождение и суть взглядов И. Я. Фроянова на общественный строй Киевской Руси в полной мере раскрылись в его шестой книге, посвященной в данном случае социальной истории Новгорода IX — начала XIII в. и объясняющей методы предшествующих разрытий.

Методологическую основу его взглядов на эту проблему составили те идеи В. И. Ленина и Ф. Энгельса, в которых прямо связываются процессы классового образования и появления государства как орудия господства одного класса над другим. Фроянов приводит столь популярные во времена сталинского режима цитаты из лекции Ленина «О государстве», прочитанной им в разгар гражданской войны: «<...> по мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство»; «государство — это машина для поддержания господства одного класса над другим». Фроянов так оценивает эти идеи: «В. И. Ленин раскрыл тайные пружины классового государства, снял покров с одного „из самых сложных, трудных и едва не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами“ вопросов». Идеи этих цитат Фроянов подтверждает и конкретизирует цитатой из Энгельса, согласно которому государство являлось «по общему правилу <...> государством самого могущественного, экономического класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса».⁴³⁸

Подобно историкам прежнего времени, Фроянов не обращает внимания на высказывания Маркса, Энгельса, Ленина о регулятивных функциях классового государства. Ему важно обосновать воз-

можность существования государства до образования классов, что он и делает со ссылками на «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса.⁴³⁹ Эти подборки цитат из «классиков марксизма-ленинизма» для методологического обоснования вопроса о существовании «варварских государств» как переходной стадии от племени к классовому государству кажутся непонятными в конце XX в., тем более что в профессиональной литературе эта проблема давно решена положительно. Но они раскрывают свой смысл в том, что Фроянов все еще оспаривает идеи 30—50-х гг. на той же методологической территории и тем же оружием. Если историки тех лет, изучая процесс классового образования, жестко связывали его с появлением государства и классовой борьбы, удвояя и то, и другое, и третье, то Фроянов, следуя той же логике и тем же принципам мифологизированного в годы сталинского режима сознания, приходит к тем же выводам, но с обратным знаком: нет классов — нет государства, нет государства — нет классов, нет классов — нет классовой борьбы (вопросам отрицания классовой борьбы в Киевской Руси посвящена только что опубликованная монография И. Я. Фроянова «Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы»).⁴⁴⁰ Эту борьбу идей в замкнутом методологическом пространстве он ведет в 70-е — первой половине 90-х гг. Только ранее такая композиция цитат из трудов «классиков марксизма-ленинизма» отсутствовала (дело, разумеется, не в ссылках на эти работы в случае совпадения с ними в выводах, а в догматическом идеологизированном мышлении «от цитаты», что было свойственно мифологизированному сознанию сталинской поры). Отсутствие данного сочетания цитат должно было, видимо, произвести впечатление появления обобщений, конкретно-исторического материала.

Так, по нашему мнению, раскрывается внутренняя логика многочисленных работ И. Я. Фроянова об общественном строе Древней Руси и содержащихся в них суждений. Следуя своему толкованию методологических основ, он довел племенной «союз союзов» до конца X в. Формирование феодального классового государства им отнесено на неопределенное будущее и поставлено в зависимость от интерпретации процесса появления крупного землевладения, соседнего с крепостничеством, или, как позднее определил Фроянов феодализацию, — от интерпретации процесса развития феодальной вотчины. Промежуточный период между ними — Русь XI — первой трети XIII в. или Киевская Русь — переходный, Фроянов заполнил его идеями, производными от разных по содержанию теорий: развивающееся рабовладение и крепостные, свободные крестьянские общины без государства и города-государства, городские волости, выведение древнерусских городов из средневекового европейского пути развития и их сопоставление с древнегреческими полисами, сравнение Киевской Руси с западноевропейскими обществами «дофеодального периода» в его интерпретации А. И. Неусыхиным, «смертельный удар городам-государствам в Древней Руси» в результате «татарского нашествия» и т. д. Эти идеи становились основой

⁴³⁷ Там же. С. 29, 278.

⁴³⁸ См.: Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. С. 7.

⁴³⁹ Там же. С. 7—8.

⁴⁴⁰ М.: СПб., 1995.

для отбора, организации и интерпретации источникового материала, восприятия исследований предшественников и современников, изложения историографического процесса в целом.

В работах Фроянова середины 60-х — первой половины 90-х гг. можно видеть особый феномен советской и постсоветской историографии: попытку применить давние и новые теории нефеодалного содержания общественного строя Киевской Руси к конкретному изучению исторического процесса, соотнося их с пониманием феодального строя, свойственным советской литературе 30-х — начала 50-х гг. Составной частью этого феномена является методологическое и теоретическое осмысление переходной стадии от родоплеменного общества к раннеклассовым, в частности — к феодальному строю, в чем Фроянов объединил борьбу за истинное понимание марксистско-ленинского учения о докапиталистических формациях и о государстве с реализацией теории «дофеодального периода», философскую основу которой составляли, по нашему мнению, концепции, предполагавшие возможность замкнутых в себе явлений, в данном случае исторических типов. В разное время и при разной интерпретации это были позитивизм, метафизика сталинизма, неокантианская теория «идеальных типов». В таком определении философских истоков теории «дофеодального периода» мы не видим каких-либо оснований для ее ненаучного опровержения или дискредитации, поскольку каждый историк имеет право на свободу мнения и его философского обоснования. Единственной формой его обсуждения является научная дискуссия.

Такое содержание концепции Фроянова, изложенной в многочисленных работах, опубликованных в середине 60-х — первой половине 90-х гг., вызвало к ней значительный и неоднозначный интерес. Для одних эти работы стали выражением новаторства, неконформизма по сравнению с другими теориями. Их критика воспринималась как травля. К тому же против его пятой опубликованной книги, по историографии Киевской Руси, были предприняты внаучные демарши, что, к сожалению, задержало ее издание.⁴⁴¹ Но благодаря таким же демаршам противоположного направления и в это же время Фроянов стал и поныне является заведующим кафедрой истории России, деканом исторического факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета. Методы и выводы его исследований поддержаны некоторыми профессорами и преподавателями этого факультета. Под его руководством защищены и подготавливаются кандидатские и докторские диссертации, авторы которых продолжают идеи его концепции. В. С. Брачев высказал мнение о существовании «петербургской школы историков во главе с И. Я. Фрояновым».⁴⁴²

Значительное число опубликованных работ И. Я. Фроянова, их содержание, дискуссии, ими вызванные, стали причиной по необходимости краткого, но более обстоятельного их изложения, чем ис-

⁴⁴¹ См. эмоциональное, но неточное изложение, по словам В. Б. Кобрин, «фрояновского сюжета»: *Кобрин В. Кому ты опасен, историк?* М., 1992. С. 180—183.

⁴⁴² *Брачев В. С.* [Рец. на кн.:] *А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси <...>* // *ОИ.* 1995. № 3. С. 199.

следований других специалистов по истории общественного строя Древней Руси.

Концепция Л. В. Черепнина и ее традиции в 60-е — начале 90-х гг., в отличие от других конкурирующих теорий общественного строя Древней Руси, продолжала последовательно охватывать социальные отношения в системах и государства, и господского хозяйства, сохраняя возможности движения вперед в изучении феодализма как общественного строя, основанного на феодах. В этом она противостояла тем подходам, которые по-прежнему ограничивали его отношениями в вотчине и крепостничестве.

Рассматривая социальную структуру господского хозяйства X—XIII вв., Л. В. Черепнин сохранил грековский подход к ее характеристике как сосуществованию множественных феодальных форм господства и подчинения, а также рабства. По мере роста феодальных форм зависимости значение рабства, челядинства и холопства, сокращалось.⁴⁴³ В такой характеристике он противостоял многообразным в 60—70-е гг. идеям преувеличения рабовладения как особого способа производства в процессе становления феодализма (А. П. Пьянков, В. И. Горемыкина), развивающегося рабства в феодальном господском хозяйстве (И. И. Смирнов), появления феодальных форм зависимости в господском хозяйстве в результате разложения рабства (А. А. Зимин), развивающегося рабовладения в вотчине при нераскрытых в конкретно-историческом содержании «отрядах крепостных» и феодальных «элементах» и «ингредиентах» (И. Я. Фроянов).

Разрабатываемая Л. В. Черепниным в те годы концепция верховной собственности государства на землю и налога, отождествляемого с рентой как формой ее реализации, воздвигалась на его характеристику общественного положения смердов. Грековское определение переосмысливалось. Смерды XI—XII вв. — государственные крестьяне, которые, как и «черные люди» XIV—XV вв., «сидели» на государственной земле и выполняли ряд повинностей в пользу государства по раскладке, проводившейся внутри крестьянских общин. Развитие феодальной собственности на землю Черепнин видел в «окняжении» территории свободных соседских общин, в создании фонда этих земель, названных в XIV—XV вв. «черными», в превращении дани в феодальную ренту.⁴⁴⁴ Такая идея продолжала и переосмысляла (в этом ему предшествовал В. В. Мавродин)⁴⁴⁵ один из основных тезисов концепции генезиса феодализма на Руси Н. П. Павлова-Сильванского: существование свободного общинного самоуправления — волости при слабой княжеской власти и распространение на нее в процессе «окняжения» в XV—XVI вв. управления княжеских чиновников.

Эти факторы составили основу двух важнейших периодов в процессе феодализации Руси с рубежом между ними — примерно в середине XI — XII в.: «На первом этапе еще значительную роль в общественной жизни играло лично свободное, но подвергавшееся государ-

⁴⁴³ *Черепнин Л. В.* Русь. С. 167—175.

⁴⁴⁴ Там же. С. 176—182, 149—155.

⁴⁴⁵ *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства С. 163.

ственной эксплуатации население соседских общин — смерды-данники, а в составе несвободных преобладала челядь (рабы). На втором этапе, когда развиваются вотчинное землевладение и хозяйство, все большая часть непосредственных производителей переходит в число доминирующих смердов, закупов, часто оказывающихся на грани холопства».⁴⁴⁶

Концепция Л. В. Черепнина в своем развитии к анализу общественного строя Древней Руси как целостной системы сохранила традиции грековского направления в изучении множественных форм феодально зависимого населения, а также рабства в господском хозяйстве — вотчине. Сохранила она при этом и изучение государственных форм эксплуатации. Этот путь исследований, намеченный Б. Д. Грековым, дополненный С. В. Юшковым и А. Н. Насоновым отождествлением древнерусской дани с рентой и анализом последующей налоговой системы, был поддержан в 60—70-е гг. также Б. А. Рыбаковым и Ю. А. Кизиловым.⁴⁴⁷ Наблюдения над взиманием в Древнерусском государстве податей и их функциями обеспечения господствующего класса Черепнин прямо связал с верховной собственностью государства на землю исходя из широко распространенного в советской литературе 30—50-х гг. мнения о феодальной ренте только как о земельной, вследствие чего он, как и ранее, видел все эти исторические явления в единстве экономического закона феодального периода, что все еще было доказательством принадлежности к марксизму: налог есть рента, поскольку это форма реализации верховной собственности государства на землю. Подобные старые фоновые исследовательские клише — господское хозяйство-вотчина как крупное землевладение, земельная рента как истинная форма феодальной ренты — сдерживали развитие черепнинской концепции к целостности, а также ее возможности анализа общественного строя Древней Руси как системы.

Такой целенаправленный интерес к формам земельной собственности и их связям с системой общественных отношений стал следствием распространения на исследование древнерусского периода еще одной дискуссии — о верховной собственности государства на землю. Эта проблема существовала в русской исторической литературе XIX—XX вв. постоянно. Ее обсуждение то оживлялось, то затухало. Но до середины 60-х гг. характер общественного строя Древней Руси определялся прежде всего из форм господства и подчинения в вотчине, соответственно — отношений классов в процессе их возникновения и развития, а также общих законов исторического процесса, тогда как поставленный Черепниным в начале 50-х гг. вопрос о значении верховной собственности государства на землю в процессе развития феодализма на Руси начал обсуждаться в 50—70-е гг. прежде всего на материалах XIV—XVII вв.

Основным в этой дискуссии стало определение характера землевладения лично свободного (черного) крестьянства: было оно пол-

⁴⁴⁶ Черепнин Л. В. Русь. С. 187.

⁴⁴⁷ Рыбаков Б. А. Смерды // ИСССР. 1979. № 2. С. 37—49; *Его же*. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 316—342; Кизилов Ю. А. Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму // ВИ. 1969. № 3. С. 98—99; *Его же*. Спорные вопросы... С. 160—161.

ным и свободным в составе общины или верховным собственником земли являлся князь (государство). Первое направление разрабатывало идеи титульного права собственности главы государства, его властных функций, отношений «верховенства» и подданства, самоуправления общины и ее прав земельной собственности, неограниченной частной собственности черных крестьян на землю с правом свободного распоряжения их земельными участками, этой частной крестьянской собственности как экономической основы социально-политической борьбы крестьянства в феодальном обществе (И. И. Смирнов, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Ю. Г. Алексеев, А. Н. Сахаров). Крестьянская черносошная аллодиальная собственность при административно-государственном характере волости рассматривалась как экономическая основа, в недрах которой развились условия для возникновения элементов раннебуржуазной собственности (Н. Е. Носов, А. И. Копанев).

Другое направление разрабатывало идеи феодальных отношений в системе государства: верховная собственность государства на землю, иерархическая структура сословного землевладения включая «черные земли» крестьянских общин, эксплуатировавшихся государством, отождествление налога и ренты, единая феодальная сущность вотчинных и государственных повинностей, тождественность характера распоряжений вотчинными и черными землями, а также зависимости крестьян от феодалов или феодального государства при сохранении права непосредственного распоряжения землей черными крестьянами и волостями (с определенными различиями — Л. В. Черепнин, А. Д. Горский, Н. Н. Покровский, С. М. Каштанов, Л. В. Милов и др.).⁴⁴⁸

Оба исследовательских направления основывались на многочисленных источниковых данных, на проникательном анализе исторических процессов. Их позиции были близки в понимании феодального содержания государства, отношений господства и подчинения в вотчине. Значительно различались характеристики лично свободного крестьянства в феодальном государстве. Однако содержащиеся в них источниковые материалы способствовали углублению изучения проблемы, тогда как теоретические обобщения все более распространялись на древнерусский период.

А. Л. Шапиро отметил такие свойства феодальной земельной собственности, как обеспечение получения отработочной продуктовой или денежной ренты, действие экономического и внеэкономического принуждения. Иерархичность, условность, монопольность он считал типичными, но необязательными чертами феодальной земельной собственности на всех этапах ее развития. Содержание верховной территориальной собственности Шапиро ограничил «территориальной властью», вследствие этого вассалитет без фьефов или фьефы, состоявшие только из даней (К. Маркс), рассматривались им вне феодального содержания, равно как полгодье и кормления.

⁴⁴⁸ Историкографические обзоры, исходящие из разных исследовательских позиций, см.: Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 42—45; Свердлов М. Б. Генезис феодальной земельной собственности в Древней Руси // ВИ. 1978. № 8. С. 40—46; Горский А. Д. К вопросу о сущности черного землевладения на Руси в XIV—XV вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 25—31; и др.

Признавая начало перерождения дани в ренту продуктами в XI в. и проследивая этот процесс перерождения с XII в., Шапиро обращал внимание на необходимость изучения процесса перерастания дани и кормлений, взимаемых со свободных общин и общинников, выступавших в качестве собственников земли, в поземельную ренту, а судебных пошлин, ранее не связанных с земельной собственностью князя и его дружинников, — в атрибут земельной собственности. Возражая против характеристики всех повинностей в эпоху феодализма как поземельных и их сведения к земельной ренте, он ставил вопрос о необходимости более глубокого обоснования при определении феодальных повинностей (внеземельные сборы, таможенные или судебные пошлины) как феодальной ренты.⁴⁴⁹

Позиция Шапиро свидетельствовала о стремлении сблизить крайние точки зрения в ходе дискуссии. Очевидной становилась при этом ограниченность исходной посылки обеих дискутирующих сторон о феодальной ренте только как о земельной ренте. Выяснялся тот факт, что отечественные историки забыли те основания феодального строя в феодах, которые были установлены гениями Просвещения еще в середине — второй половине XVIII в.

Сказывались также результаты догматического подхода к марксизму и сталинского режима. Из-за этого сложно было увидеть в теории о тождестве налога и ренты движение к реализации предложений Шапиро, которые предвосхищали также вскоре появившуюся книгу А. Я. Гуревича, где были рассмотрены неземельные феоды-фьефы в процессе становления феодального строя (см. выше, с. 262—264). Но это была конструктивная позиция диалога.

В отличие от пути анализа внешних проявлений верховной земельной собственности государства, С. М. Капитанов соединил исторический аспект проблемы с политэкономическим. В номинальной земельной собственности государства и введении поземельного налога с непосредственных производителей он указал содержание их превращения из реальных собственников во владельцев, обязанных вкладывать в землю свой труд и вырабатывать определенный продукт, производить потребительную стоимость. Основу феодального принуждения Капитанов полагает в том, что крестьянин не является собственником земли, которой владеет, а это сводит его способности к отдаче рабочей силы, поскольку он не может присваивать, не трудясь. Отношения земельной собственности и владения на уровне государства и лично свободного непосредственного производителя Капитанов рассмотрел вне рентных отношений, тогда как в господском хозяйстве феодал — частичный владелец личности крестьянина и пользователь его рабочей силы. Взимаемый феодалом налог по экономическому происхождению является рентой, а по методу присвоения — данью. В такой системе отношений производства и собственности «внеэкономическое принуждение — это не непосредственное принуждение рабочей силы к труду, а принуждение личности к бесплатной отдаче своей рабочей силы для затраты прибавочного труда или производства прибавочного продукта, что достигается путем со-

единения частичного владения феодала личности крестьянина с частичным подданством ее ему».⁴⁵⁰ Отсюда единство во внеэкономическом принуждении экономического и политического аспектов (частичного владения и частичного подданства). При таком понимании отношений земельной собственности и внеэкономического принуждения Капитанов раскрыл содержание иммунитета не только как совокупности политических прав, но также «экономической (как реализация земельной собственности) и внеэкономической власти земельного собственника — феодала в отношении населения территории, являющейся его номинальной собственностью в целом и реальной собственностью в определенной (пространственно-ограниченной) части».⁴⁵¹

Обсуждение государственных форм эксплуатации, верховной собственности государства на землю, превращения налога в ренту в русской средневековой истории стало составной частью общей дискуссии советских историков 50—70-х гг., среди которых были также медиевисты, что являлось для них средством освобождения от идей догматического марксизма, сталинизма: противопоставления крестьянской нефеодальной собственности и феодальной собственности феодалов, отождествления феодализма и крепостничества, ограничения рентных отношений господским хозяйством вне государственных форм эксплуатации лично свободного сельского населения (см. также выше, с. 301—303).⁴⁵² Ю. Л. Бессмертный отметил диалектическое единство сеньориальной и государственной собственности, предполагавшее принципиальную общность их содержания и структуры. В данной связи он рассмотрел государственные подати как «рентные фьефы», то есть фьефы, которые имели своей материальной основой не землю как таковую, но доходы с земли и ее владельцев.⁴⁵³ Этот вывод продолжил наблюдения А. Я. Гуревича об особом значении в процессе генезиса и развития феодализма неземельных феодалов-фьефов и о государственных податях как феодах. Эти же проблемы активно изучались и обсуждались византистами. Для этого ученого сообщества свойственны коллективные усилия в решении основных вопросов истории Византии. Поэтому

⁴⁵⁰ Капитанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы... С. 176—193.

⁴⁵¹ Там же. С. 198.

⁴⁵² Колесниченко Н. Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968. С. 618—637; *Его же*. О некоторых чертах раннефеодального государства // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М., 1974; *Его же*. Некоторые итоги дискуссии по проблемам раннеклассовых обществ: Типология феодализма // Вопросы истории феодализма. М., 1974. С. 3—19; Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 238—259. Мнение о верховной собственности государства на землю и государственных формах эксплуатации см. также у славистов: Королюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Исследования по истории славянских и балканских народов. С. 20; Макова Е. С. К истории генезиса и развития феодальной земельной собственности у южных и западных славян // Проблемы развития феодальной собственности на землю. С. 121—144.

⁴⁵³ Бессмертный Ю. Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д., 1980. С. 21—37.

⁴⁴⁹ Шапиро А. Л. О природе феодальной земельной собственности на землю // ВН. 1969. № 12. С. 58—70.

в анализе содержания феодализации особое значение приобретает в данном случае суть научного исследования, а не его особенности в национальных школах.

Одно направление продолжило в изучении феодального строя в Византии методiku Ф. И. Успенского (см. выше, с. 184), определяя характер византийских социально-экономических категорий и политических институтов в сопоставлении с западноевропейскими, взятыми как модель. При таком подходе процесс феодализации в Византии рассматривался как: 1) становление крупного господского хозяйства, основанного на феодальных формах эксплуатации зависимого крестьянства посредством взимаемого отработочной, продуктовой и денежной ренты, 2) появление условного землевладения за военную и административную службу проицо с тенденцией ее превращения в наследственную и частную собственность, 3) разложение общины и дифференциация лично свободного крестьянства, рассматриваемого как нефеодалная общественная категория, 4) нефеодалный характер не вещных прав (сбор налогов, раздача денег и т. д.) (с различиями в характеристиках Х. Кёпштайн, Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Г. Г. Литаврин, К. А. Осипова, М. Я. Сюзюмов, З. В. Удальцова, К. В. Хвостова, Х. Хунгер и др.). При сопоставлении этих институтов делался вывод о замедленных темпах развития и особенностях феодализма в Византии.

Другое направление, признавая в феодализации первые два указанных ранее социально-экономических процесса, отмечает в феодальном строе также: 1) государственную эксплуатацию непосредственного производителя, 2) феодальный характер передачи государственных податей знати, 3) верховную земельную собственность государства (императора), распространяющуюся на светское и церковное землевладение, 4) начальную стадию вассальной зависимости, частичного податного и судебного иммунитета в виде экскюссии (с различиями в характеристиках — Д. Ангелов, Н. Зворноос, А. П. Каждан, Г. А. Острогорский и др.).⁴⁵⁴

Первый из подходов сохранял традиции сравнительно-исторического сопоставления институтов, тогда как второй исходил из процесса феодализации целостной социальной системы. Впрочем,

⁴⁵⁴ Исследования и историографический анализ на основании разных концепций см.: второй подход, который инициировал дискуссиию. — *Острогорски Г.* Сабрана дела. Кн. 2. Београд. 1969. С. 133—156; *Idem (Ostrogorsky G.).* Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1965; *Каждан А. П.* Крестьянские движения в Византии и аграрная политика императоров Македонской династии // ВВ. Т. 5. 1952. С. 77—78; *Его же.* К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. // Там же. Т. 10. 1956. С. 50; *Его же.* Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960. С. 138—168; *Его же.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 227—236; *Kajdan A., Constable G.* People and Power in Byzantium: An Introduction to modern byzantine Studies. Washington, 1982. P. 135, 145, 177; и др.: первый подход — *Сюзюмов М. Я.* О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону // ВВ. Т. 10. С. 100—101; *Его же.* Суверенитет, налог и земельная рента в Византии // Античная древность и средние века. Вып. 9. Свердловск, 1973. С. 50; *Литаврин Г. Г.* Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. // ВВ. Т. 35. 1974. С. 51—74; *Его же.* Византийское общество и государство в X—XI вв.: Проблемы истории одного столетия, 976—1081 гг. М., 1977; и др.

Г. Г. Литаврин показал относительность такого противопоставления: он отметил и рассмотрел верховную собственность государства на землю, кроме господского землевладения, что свидетельствует о сближении возможностей этих двух исследовательских подходов.

В таком контексте обобщающих идей в середине 60-х гг. в изучении общественного строя Древней Руси сложилось новое исследовательское направление, которое, вслед за Л. В. Черепнинным, дополнило прежний исследовательский опыт изучения социально-экономических отношений анализом государственных форм эксплуатации крестьянства на основе верховной собственности государства на землю и как следствие этого — налогов, отождествленных с рентой. При такой постановке проблемы большое внимание уделялось изучению следствий этой системы отношений земельной собственности и формирующегося феодального строя.

Из ранее названных исследовательских направлений в 60-е гг. государственные формы эксплуатации включил в свою концепцию формирования феодального строя в древнерусский период А. А. Зимин, который отнес начало процесса трансформации дани в ренту продуктами ко второй половине XI в. (см. выше, с. 282—283).⁴⁵⁵ Я. Н. Шапов отметил функции дани-подати как феодальной ренты в X—начале XI в. Их продолжением в такой функции явилась установленная князем в конце X в. церковная десятина, которая стала одной из форм эксплуатации государством городского и сельского населения. Поэтому Шапов рассматривает церковные поступления в виде десятины как феодальные в той же мере, что и последующее церковное землевладение.⁴⁵⁶ Он использует при этом опыт А. Я. Гуревича в изучении традиционных «угощений» («вейцль»), перераставших в постоянный сбор, дань-ренту, что дополнило данный путь анализа, начатого С. В. Юшковым, ранних государственных форм эксплуатации. Но, что представляется историографически более существенным, Шапов, вероятно, первым из специалистов по истории Древней Руси вышел из узкого круга представлений о феодальной ренте только как о земельной, отметив ее неземельные формы, в чем его мнение совпало с мнением Б. Ф. Поршнева,⁴⁵⁷ высказанным до появления книги Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», где оно обстоятельно разработано (см. выше, с. 262—264), однако особенности разработки Гуревичем этой концепции не способствовали распространению восстанавливаемых после долгого забвения в отечественной науке наблюдений, которые не имели никакого отношения к неокантианству и догматизму в марксизме.

Такой новый подход в советской исторической науке тех лет был еще в становлении. В исследовании Я. Н. Шапова он не отделился от концепции, полностью отождествившей государственный

⁴⁵⁵ *Зимин А. А.* Холопы на Руси... С. 369.

⁴⁵⁶ *Шапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти древней Руси // *Новосельцев А. П. и др.* Древнерусское государство и его международное значение... М., 1965. С. 302—352; *Его же.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 74—90.

⁴⁵⁷ *Шапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти... С. 302, 305—306.

налог и ренду. Поэтому теоретически осмысливая обеспечение князем церковной организации десятиной, Щапов объяснял его как форму распределения ранней феодальной ренты между светской и церковной властью, распределение «совокупной раннефеодальной ренты».⁴⁵⁸ Таким образом, в данном подходе можно видеть и новаторство в постановке проблемы неземельных форм феодальной ренты в Древней Руси, и влияние концепции Л. В. Черепнина, основанной на идее феодальной ренты, но абсолютизовавшей ее земельную форму. Неортодоксальность, точнее противоречие догматам 30—50-х гг., способствовала тому, что намеченный Щаповым путь изучения неземельных форм феодальной ренты продолжения и развития не нашел, даже в той диалогичной форме, которую предложил А. Л. Шапиро. Более того — ему было противопоставлено И. Я. Фрояновым опровержение, исходившее из все того же сведения феодальной ренты к земельной и из архаических начал племенного строя: подати от «дыма» и «пруга» меховыми и серебряными денежными единицами на Руси X в. — это «примитивная форма эксплуатации, основанная на внешнеполитических комбинациях, у которой ничего общего с феодализмом нет», «поэтому и десятина от дани к феодальной ренте не имеет никакого касательства». «Итак, — завершает Фроянов возражения, — раздел совокупной феодальной ренты между церковной и светской властью при Владимире не состоялся, поскольку ее не существовало. Историк заставил мирян и церковников делить шкуру неубитого медведя».⁴⁵⁹

Таким образом, старые и новые традиции в понимании феодального строя в древнерусский период (его опровержение также осуществлялось на основании давних представлений о феодализме) стали причиной того, что начало изучения феодального характера неземельных феодалов не было оценено, тогда как И. Я. Фроянов пытался дискредитировать в работах Я. Н. Щапова и А. Я. Гуревича это новое исследовательское направление в анализе общественного строя Древней Руси. Но изучение феодалов в древнерусский период продолжалось в скрытой форме в отождествлении налога и ренты, что было частным случаем реализации феодала, и раскрывало при этом многообразные социально-политические связи и следствия данного явления.

Я. Н. Щапов рассмотрел социально-экономическую структуру Руси XI — первой половины XII в. как многоукладную. Понимая под социально-экономическим укладом тип хозяйства, он выделил в этот период семь укладов сельскохозяйственного и ремесленного производства, в числе которых особый уклад составляли в X—XII вв. натуральное хозяйство, эксплуатируемое государством посредством даней.⁴⁶⁰

В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов рассмотрели верховную собственность государства на землю в единстве с другими формами земельной собственности, видами феодальной зависи-

⁴⁵⁸ Там же. С. 302.

⁴⁵⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 82, 83; см. также с. 113—116.

⁴⁶⁰ Щапов Я. Н. О социально-экономических укладах в Древней Руси XI — первой половины XII в. // Актуальные проблемы... С. 85—119.

мости и эксплуатации как фактор эволюции феодального строя от его зарождения в IX—X вв. до кризиса в XIX в. При этом феодальная рентная природа государственных податей-налогов раскрывалась исследователями в самых различных формах поземельных отношений.⁴⁶¹

Новую постановку проблемы предложил Л. В. Милов. Исходя из близкого к Л. В. Черепнину мнения о появлении в Древней Руси эксплуатации земледельцев-общинников прежде всего как государственной, он объяснил этим обстоятельством феномен очень сильной государственной власти и ее «весьма раннее обладание атрибутом верховной собственности на землю в пределах государственной территории». Милов рассматривает государственный налог в Древней Руси как реализацию верховной собственности на землю в виде отчуждения определенной части совокупного прибавочного продукта общинного крестьянства. Поэтому налог — феодальная рента, рента-налог или централизованная рента. Единство процесса феодализации Милов отмечает в рентном содержании податей в господском хозяйстве, при этом в опровержение давнего догматического подхода 30—50-х гг. он пишет о возможностях получения земельным собственником ренты в любой форме — отработочной, продуктовой или денежной. Отмечает он и государственные формы внеэкономического принуждения свободного крестьянского земледельческого населения.⁴⁶²

Подход О. М. Рапова к проблеме максимально приблизил государственный налог-ренту и подать-ренту в господском хозяйстве. Он полагает в податях Киевского государства X в. составляющие элементы земельной ренты: наличие верховного земельного собственника — Киевское государство (фактически — киевского князя); регулярность взимания ренты; определенные фиксированные площади, с которых происходило взимание; внеэкономическое принуждение при сборе ренты — взимание дани вооруженными отрядами княжеских дружинников; одинаковую функцию дани при взимании ее верховным собственником, при передаче ее феодалу или «княжескому агенту-министериалу».⁴⁶³ Понятие княжеской собственности на землю Рапов положил в основу изучения междукняжеских отношений в X — первой половине XIII в.⁴⁶⁴

Такую крайнюю позицию смягчил А. М. Сахаров, который охарактеризовал черные земли в условиях господства феодального строя в стране как своего рода собственность раннефеодального типа, реализация которой происходит через повинности, имеющие тенденцию к превращению в собственно феодальный земельный налог-ренту в едином централизованном феодальном государстве конца XV — XVII в.⁴⁶⁵

⁴⁶¹ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980.

⁴⁶² Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России // ИСССР. 1985. № 3. С. 179—182.

⁴⁶³ Рапов О. М. К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период // ВМУ. Сер. 9. История. № 1. 1968. С. 61.

⁴⁶⁴ Рапов О. М. О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 90—105; Его же. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.

⁴⁶⁵ Сахаров А. М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. С. 85—96.

В дискуссии о характере верховной феодальной собственности государства на землю исследователи исходили из идей К. Маркса о собственности как экономической форме выражения определенной системы производственных отношений. Вследствие такого теоретического подхода к изучению земельной собственности при феодальном строе обе дискутирующие стороны не могли найти зону совпадения обобщений, несмотря на использованный массовый источниковый материал. В отличие от данного экономического обоснования собственности М. Б. Свердлов отметил те наблюдения Маркса, которые определяли отношения собственности как юридическое выражение существующих производственных отношений и как присвоение. Отсюда следовало, что феодальная природа иерархической земельной собственности подразумевала в равной мере верховную титульную собственность государства (государя) на землю, привилегированную собственность феодалов и непривилегированную собственность лично свободных крестьян. Такой подход позволял также раскрыть в феодальной государственной подати — налоге возможность превращения ее в ренту и в то же время не отождествлять все государственные подати и ренту. Однако в этих наблюдениях не было еще объединяющего их учения о феоде, который превращал налог в ренту в виде материального (включая денежное) обеспечения за службу сюзерену (государю), что уже наметил в своих исследованиях А. Я. Гуревич. Поэтому Свердлов присоединился тогда к мнению о тождестве налога и ренты.⁴⁶⁶

Привлекая методы комплексного анализа всех видов письменных источников, археологического и сфрагистического материала,⁴⁶⁷ В. Л. Янин углубил исследование от форм политической власти в Новгороде⁴⁶⁸ к проблеме происхождения и социально-экономической структуры Новгорода, отношений земельной собственности в Новгородской земле. По его мнению, новгородское боярство восходит к родоплеменной старейшине, что объясняет его особый социально-политический статус. Социально-экономическое развитие Новгородской земли Янин делит на довотчинный и вотчинный периоды. В довотчинный период X—XI вв. «материальным фундаментом» новгородского боярства является «государственная, корпоративная феодальная собственность на всю территорию Новгородской земли», «участие местных бояр в эту эпоху в распределении государственной ренты». Таким образом, подати в Новгородской земле становятся рентой после их распределения между боярами. Клановое боярское землевладение в этот период Янин называет основным источником боярских доходов, равно как и «связанную с ним эксплуатацию вотчинного ремесла и торговли, неотделимых от городской усадьбы на всех этапах ее истории, начиная с древнейшего». Третьим основным источником боярских доходов он считает «самую активную эксплуатацию денежного обращения», прежде всего ростовщичество. Об-

⁴⁶⁶ Свердлов М. Б. Генезис феодальной земельной собственности... С. 47—56.

⁴⁶⁷ Цикл источниковедческих статей обобщен в сборнике: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

⁴⁶⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

разование обширных боярских вотчин датируется им началом XII в. Этой структурой новгородской земельной собственности Янин объясняет тот факт, что князя и их администрация «не смогли достаточно внедриться в систему землевладения, чем и была предопределена победа боярства».⁴⁶⁹

Становление Новгорода как социально-экономического и политического центра огромной по территории Новгородской земли произошло, по мнению Янина, вследствие синойкизма трех разноэтнических поселений, которые стали тремя концами Новгорода, о чем свидетельствует, в частности, постоянство границ городских дворов-усадеб бояр-феодалов. Боярские дворы являлись центрами вотчинного ремесла (на том же уровне развития, что и западноевропейские) и торговли. Боярские большие семьи-патронимии, экономическое могущество и социально-политическое влияние которых основывалось на крупном землевладении и городских дворах, определяли экономическую и социально-политическую жизнь городских концов, тогда как городское вече являлось органом власти боярской олигархии, представители которой это вече составляли. Происхождение административной системы Новгорода Янин объяснял при этом как первичную организацию — кончанскую посадничью и вторичную — княжескую сотенную. Отсюда объяснение Яниным «экстерриториальности» князя и его дружины по отношению к Новгороду, большая древность там вечевых институтов в сравнении с княжеской властью (имеется в виду, вероятно, власть не племенных князей, а князей предполагаемой федерации племен Северо-Запада и позднее великих киевских князей).⁴⁷⁰ Данная концепция не только решает, но и ставит проблемы социально-экономической истории Новгорода: формы профессиональных организаций свободных ремесленников, не входивших в боярские концы, соотношение свободного и вотчинного ремесла в процессе становления города как торгово-ремесленного центра на различных этапах его истории, социально-экономическая структура свободного сотенного населения в процессе генезиса феодализма. Янин отмечает необходимость обстоятельного изучения «черных людей» Новгорода, городских небоярских усадеб.⁴⁷¹ Концепция Янина положена в основу обобщающих работ по социально-экономической и политической истории Новгорода.⁴⁷² Она продолжает разрабатываться.

⁴⁶⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 229—251; *Его же*. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // ИИС. 1982. Вып. 1 (11). С. 90—91; *Его же*. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155.

⁴⁷⁰ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы) // ИСССР. 1971. № 2. С. 32—61; Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // Россия и Италия. М., 1972. С. 69—85; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. С. 5—56.

⁴⁷¹ Янин В. Л. Социально-политическая структура... С. 92. Опыт изучения новгородских купеческих усадеб сотенного населения см.: Рыбина С. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 107—121.

⁴⁷² Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976; Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Наблюдения Янина оспаривают некоторые положения концепции Б. Д. Грекова (например, раннее появление крупных земельных владений новгородских князей и бояр, решающее значение восстания 1136 г. в изменении социально-политического строя Новгорода), но подтверждают и развивают ее в основном — в конкретно-историческом изучении имманентного генезиса феодализма на основе разлагающегося родоплеменного строя. Впрочем, и объекты исследования не совсем совпадали. Если Греков изучал прежде всего социально-экономические отношения в сельском хозяйстве и в государстве в целом, то объектом исследования Янина стали по преимуществу социально-экономические и политические структуры Новгородской земли, городской господский двор.

По-новому Янин раскрыл содержание идей о верховной собственности феодального государства на землю как основе эксплуатации феодалами лично свободного сельского населения, в связи с чем выявляется социальная функция государственных податей и судебных штрафов, которые становились средством обогащения господствующего класса. Мнение о феодальной природе государственной корпоративной собственности на всю территорию Новгородской земли X—XI вв. и вотчинной собственности на землю в последующее время сохраняло единую феодальную природу земельной собственности на северо-западе Руси в процессе становления и развития феодализма. При этом по-новому для отечественной литературы была сформулирована давно поставленная В. Т. Пашуто и Л. В. Даниловой проблема совмещения, а не противопоставления феодального строя и товарно-денежных отношений (см. выше, с. 239).

Огромный опыт, накопленный в изучении общественного строя Древней Руси в отечественной науке в контексте исследований исторических процессов прежде всего на Европейском континенте в их синхростадиальной определенности показал значительные возможности дальнейшего изучения данной проблемы. Эти возможности раскрывались: 1) при использовании всего комплекса исторических источников и всего исследовательского опыта, 2) при типологии исторического процесса, а не в сопоставлениях, 3) при последовательном генетическом и структурном анализе общественного строя в его конкретно-историческом развитии. Учитывая этот опыт, М. Б. Свердлов рассмотрел историю общественного строя Древней Руси как развитие целостной системы в VI—XIII вв.⁴⁷³ На основе известий письменных источников, археологических и лингвистических данных, сравнительно-исторических материалов синхростадиальных обществ он пришел к мнению, что славяне находились в этот период на последней стадии родоплеменного строя. В отличие от суммативных характеристик, Свердлов реконструировал его как систему, в которой существовали народное собрание-вече, совет старейшин, избираемый князь. У князя была дружина. Появились пле-

⁴⁷³ Работы по этой теме, опубликованные во второй половине 60-х — начале 80-х гг., обобщены в книге: Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. Историю нормативного состава и текста основного источника светского права в этот период см.: Его же. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

менная знать и имущественное неравенство. В состав большой патриархальной семьи входила челядь — младшие члены семьи и патриархальные рабы-иноплеменники, которые эксплуатировались в мягких формах зависимости. В племени в мирное время существовали постоянные добровольные подношения рядовых членов племени князю и его дружине, что являлось почестью и средством материального обеспечения людей, уже не занятых в материальном производстве.

Исходя из данной племенной структуры, Свердлов рассмотрел последующее развитие общественного строя в VIII — начале XI в. как генетически запрограммированный процесс. Сложилась соседская община, состоявшая из малых и неразделенных семей при индивидуальной и в редких случаях малосемейной ответственности. При совмещении права коллективной собственности и малосемейного владения землей она становилась юридическим лицом с коллективной ответственностью перед формирующимся государством, правами внутреннего административного самоуправления и взаимной помощи. Политические структуры развивались в этот период от племени в VI—VII вв. к союзу племен, племенному княжению и государству второй половины IX — первой половины X в. — к Руси, объединившей восточнославянские племенные княжения и неславянские племена под властью княжеской династии Рюриковичей. В племенных княжениях и в государстве Руси этого периода происходили процессы роста социально-политического значения местной племенной и княжеской служилой знати, развития княжеской дружины, которая составила основу высшего звена княжеского государственного аппарата. Происходил процесс концентрации власти киевской княжеской династией. Сложилась фиксированная, регулярно взимаемая система податей от «дыма»-дома — хозяйства малой семьи. Подати стали передаваться князем в виде денег или натурального обеспечения за службу. Господское хозяйство, продолжавшее владение племенной знати, было дополнено хозяйством служилой знати. Формировалось крупное землевладельческое княжеское хозяйство. Зависимые соплеменники попали в состав «челяди». Это понятие стало обобщающим названием разных категорий зависимых людей в господском хозяйстве.

В середине — второй половине X в. были завершены процессы образования Древнерусского государства с публичной властью, конституированной в виде княжеской династии и княжеского административно-судебного аппарата, с заменой племенного деления территориальным при ликвидации вече как органа племенного самоуправления. Сложилась верховная титульная собственность государства (князя) на землю. Идеологическим выражением произошедших преобразований стало принятие христианства в 988 г. в качестве государственной религии. Свободное сельское население трансформировалось из членов племени и племенных княжений в лично свободное крестьянство, рабы существовали в виде пленных, челядь эксплуатировалась в разных формах зависимости.

Продолжением и развитием всех этих структурных элементов стал в XI—XIII вв. гомогенный двуединый процесс развития феодального общества. Господское хозяйство было комплексным, уни-

версальным, но без априорного условия крупного землевладения. Феодалный характер ему придавали взимание с зависимого населения разного вида ренты, продуктовой, отработочной, денежной, а также разные виды принуждения, внеэкономического и экономического, но сопровождаемого законодательными мерами принуждения. Эти множественные виды эксплуатации конкретно-исторически раскрывали пути попадания свободных людей в разные формы феодальной зависимости.

Раскрывается также содержание развития системы господства и подчинения в целом. В середине XI в. существовали разные категории лично свободных и феодально зависимых непосредственных производителей. Смерды — лично свободные земледельцы-общинники — попадали, вероятно, в составе сел и волостей в господское хозяйство в результате княжеских распоряжений, но их права защищались княжеским судом. «Челядь» — по-прежнему обобщающее название разных категорий зависимого населения, прежде всего холопов, в господском хозяйстве. Холопы — лично зависимые от господина люди. Холопами становились добровольно, принудительно в виде судебного, предусмотренного государственным законом, Русской Правдой, наказания и дети холопов. Происходили они из разных слоев городского и сельского населения, ремесленников, купцов, земледельцев, и занимали самое разное место в системе материального производства и обслуживания в господском хозяйстве, от ремесленников и воспитателей господских детей до старост (тиунов) — министерялов, управлявших селами и пахотными работами, слуг, в том числе вооруженных, лиц, осуществлявших торговые и финансовые сделки. Холопы имели свою семью, хозяйство и своих холопов. Они могли быть отпущены господином на свободу и выкупить себя. Но института вольноотпущенничества на Руси не было. Холоп был объектом права, хотя он имел крайне ограниченные юридические права, а потому его жизнь и имущество принадлежали господину. Поэтому Свердлов характеризовал холопов как феодальное сословие лично зависимых людей, которое существовало, изменяясь и развиваясь, до начала XVIII в., когда было отменено указом Петра I. Позднее эта характеристика была дополнена разъяснением близкого к рабскому правового статуса и феодальных форм личной крепости холопов — они генетически восходили к патриархальным рабам, но как сословие холопство развивалось в феодальном обществе, сохраняя рабские черты личной зависимости.⁴⁷⁴

В XI в. существовали наймиты, которые выплачивали долг и проценты, рядовичи, попавшие через ряд-договор в разные формы экономической зависимости, сопровождавшейся принуждением. В конце XI — начале XII в. появилось закупничество через ссуду-долг под проценты. Эту ссуду брал лично свободный земледелец и должен был обрабатывать в хозяйстве господина. Близкой к первоначальному прекратным отношениям стала в XII в. «дача» — «ми-

⁴⁷⁴ Свердлов М. Б. Средневековое русское холопство и патриархальное рабство (в печати).

лость», то есть помощь, которая в виде «хлеба» и «придатка» не являлась основанием для превращения этого лица в холопа.

В XIII в. появился заклад-коммендация — переход крестьян в зависимость-подданство вместе с землей без взимания денежных и натуральных ссуд у господина. Личные формы зависимости создавало прощеничество — прощение долга.

Одновременно в государственной системе формировалась феодальная структура в виде иерархически организованной служилой части господствующего класса с материальным денежным и натуральным обеспечением за службу князю в административно-судебном аппарате, в военной организации и на княжеском дворе. Дружина в XI—XII вв. стала формой организации служилой части господствующего класса. В результате интеграционных процессов старшей дружины и местной знати формировалось сословие бояр, а интеграции младшей дружины и слуг княжеского двора — военно-служилое сословие дворян (они назывались также «слуги», «слуги дворные»).

Таким образом раскрывающийся процесс эволюции социального строя на Руси как целостной системы, от родоплеменного общества в VI—VII вв. к его распаду, генезису феодального строя и его развитию в IX—XIII вв., свидетельствует о конструктивности коллективного опыта научных направлений 30—80-х гг. в изучении феодальных форм зависимости в господском хозяйстве, а также грековской концепции становления феодализма на Руси в результате разложения родоплеменных отношений, в свою очередь обобщившей значительный коллективный опыт. Это содержание общественного строя в Древней Руси соединилось в изучении процесса возникновения и развития Древнерусского государства в IX—XII вв. с опытом разных направлений, от работ В. Н. Татищева до новейших историков. Данный исследовательский подход позволяет определить используемые научные понятия исходя из всего накопленного теоретического опыта и привлечь весь источниковый материал. Он не только дает ответы на поставленные в науке вопросы, но также раскрывает возможности дальнейшей разработки проблем изучения общественного строя Древней Руси, уже рассматривавшихся, но не решенных и даже забытых вследствие воздействия на исследовательский процесс общественно-политических взглядов и идеологий. Этот подход выявляет конструктивное содержание противостоящих друг другу предшествующих и современных концепций, но без их абсолютизации отдельных факторов.

Последующий анализ Свердловым общественных отношений на Руси в системном сравнительно-историческом изучении путей развития феодального строя в славянских странах VII—XIII вв., а также историографического процесса в XVIII—XX вв. привел его к мнению о значительных исследовательских возможностях открытий просветителей XVIII в. и последующих наблюдений о феодах-фьефах как одной из основ становления и развития феодальных отношений. Эти открытия позволяли объединить конструктивный опыт более поздних научных концепций становления феодализма через господское хозяйство и государство, свидетельствуя о мнимости их

противопоставления, поскольку они раскрывали две стороны двуединого процесса.⁴⁷⁵

Наблюдения М. Б. Свердлова заключаются в том, что раннефеодальные отношения формировались и развивались наравне с процессом становления государства в системе апанажей, феодалов, от почетных даров, кормов и кормлений до феодалов в натуральной и денежной форме при их наделении князем за службу светских лиц и позднее церкви. Это был особый институт прямых отчислений от государственных податей и пошлин или после их перераспределения в казне: феодалы-деньги и натуральное обеспечение, феодалы-должности с тем же обеспечением, феодалы — земельное владение или только денежные и натуральные поступления от него. При таком исследовательском подходе раскрывается двойственная природа государственного налога в феодальной системе: общегосударственная функция (содержание войска, строительство городов, крепостей и т. д.) и феодал — в случае его передачи (в виде самых разных поступлений или их части) как материальное обеспечение за службу. Вследствие этого феодалами становились без земельных владений, поскольку феодал являлся в данном случае рентой.

Таким образом устанавливаемые феодалы позволяли определить в государственной структуре феодальный строй, основанный на феодалах. Вместе с тем в своем генезисе и развитии феодализм представлял собой общественный строй, основанный в равной мере на феодальной ренте и внеэкономическом принуждении в господском хозяйстве. Двухединый процесс их генезиса и развития был постоянным и непрерывным как следствие эволюции тех структур, которые сложились на последнем этапе племенного строя: князь, княжеская дружина, внутриплеменное первоначально добровольное податное обложение, с одной стороны, хозяйство племенной знати, включающее челядь, — с другой. Этот вывод подтверждает исследования грековско-славянского направления в становлении феодального строя через господское хозяйство, но не ограничивается историей вотчины и тем более не сводит феодализм к крупному землевладению, соединенному с крепостничеством. Он конкретизирует те наблюдения С. В. Юшкова, Л. В. Черепнина и многих других исследователей, которые показывали превращение податей в ренту, дополнив их открытием (прежде всего Ш. Монтескье и энциклопедистов) феодала как константы феодального строя. Этот вывод дополнил рентным содержанием наблюдения А. Я. Гуревича о неземельных феодалах и податных поступлениях, на что ранее обратил внимание Ю. Л. Бессмертный. В данном случае Свердлов пришел на основе анализа славянских материалов и исследовательского опыта, начиная с эпохи Просвещения, к мнению, близкому к итогам разысканий Гуревича, но без

⁴⁷⁵ Указание на ранее опубликованные разделы данной книги по историографии см. выше, с. 16. Изложение разделов не изданной еще книги «Становление феодализма в славянских странах» см.: Свердлов М. Б. Проблемы изучения генезиса феодализма в Византии и южнославянских странах // XVIII международный конгресс византистов. Т. 2. М., 1991. С. 1132—1135; *Его же*. Эволюция социальных структур у славян в VII — первой половине X в. (основные тенденции) // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии: Сб. статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 224—231; и др. статьи (в печати).

неокангианских теоретических посылок и теории «дофеодального периода», которые ранее помешали оценить в должной мере значимость выводов Гуревича.

⁴⁷⁶ А. А. Горский также отнес генезис феодализма к древнерусскому периоду. Начало феодальных классовых отношений он связал с возникновением государственно-корпоративной формы земельной собственности военно-дружинной (или княжеско-дружинной) знати. Эта знать осуществляла корпоративную эксплуатацию лично свободного населения посредством системы даней-налогов. Княжеский домен формируется в X в., господское вотчинное хозяйство — позднее в результате княжеских пожалований (у дружинников и церкви — с XI в.). Во второй половине XII — XIII в. в результате роста вотчинного землевладения бояре вышли из дружинной организации, превратившись в поземельных вассалов князей. обстоятельно рассмотрел Горский социальные группы старшей и младшей дружины, их эволюцию. IX—XII вв., по его мнению, — раннефеодальный период истории древнерусского общества.⁴⁷⁶

Значительные различия в научных подходах к теории и практике исторического исследования стали причиной проведения журналом «Вопросы истории» дискуссии, посвященной изучению общественно-го строя Древней Руси. Однако дискуссия лишь подчеркнула значительные различия ее участников в определении его характера, что ранее было изложено ими в опубликованных работах, и близость в одном сюжете — спорность проблемы феодализации в древнерусский период. В методике исследования проявилась близость позиций М. Б. Свердлова и А. А. Горского в изучении генезиса феодализма как следствия распада родоплеменных отношений. А. П. Пьянков и В. И. Горемыкина по-прежнему были близки в главном — в начале феодального строя после периода развитого рабовладения. Н. Ф. Котляр выделил вопрос о значении города в процессе феодализации Руси, тогда как И. Херрманн и Я. Г. Рисер не согласились с архайзацией ее общественного строя. Ученики И. Я. Фроянова, А. Ю. Дворниченко и Ю. В. Кривошеев, напротив, выступили в поддержку мнения о городах-государствах на Руси как городских общинах, в которых «было много общего» с древнегреческими полисами, о дофеодальном общественном строе Руси XI—XII вв. с «общинностью без первобытности».⁴⁷⁷ Но эта дискуссия, явившись средством выражения исследовательских позиций, не стала формой поиска объективных объединяющих начал для всех ее участников.

Теория генезиса феодализма в древнерусский период, вне зависимости от различий в понимании частных вопросов, проявила свою конструктивность в развитии к целостности охвата социаль-

⁴⁷⁶ Горский А. А. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси // ВМУ. 1982. Сер. 9. История. № 4. С. 72—81; *Его же*. Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9. С. 17—28; *Его же*. Феодализация на Руси: Основное содержание процесса // Там же. 1986. № 8. С. 74—88; *Его же*. Древнерусская дружина. М., 1989.

⁴⁷⁷ См.: ВИ. 1985. № 11. С. 65—94; 1986. № 8. С. 74—88; № 12. С. 74—90; 1987. № 2. С. 78—100; № 7. С. 72—77; № 9. С. 68—85; 1988. № 1. С. 58—73; № 8. С. 49—63; № 10. С. 123—127.

но-политических структур IX—XIII вв.,⁴⁷⁸ региональной истории,⁴⁷⁹ как ранее отмечено, истории городов, внешнеполитических отношений Древнерусского государства и его сравнительно-типологических исследований в процессе генезиса и развития феодализма.⁴⁸⁰

Такой подход вновь сближает исследовательский процесс в русской и западноевропейской исторической науке. Если первый период их противопоставления, 30-е — первая половина 90-х гг. XIX в., происходил вследствие разных по содержанию теорий, разведивших пути исторического развития России и Запада, то в 30-е — начале 90-х гг. XX в. это было противопоставление «марксистского» и «немарксистского» направлений. Достижения в советский период в изучении феодальной природы социально-экономических отношений сопровождались отставанием в анализе феодальных социально-политических структур и средневековой цивилизации. Но и западная историческая наука, где существовало также марксистское направление, развивалась неоднозначно в многообразии школ с достижениями в исследовании феодальной социально-политической организации общества и средневековой цивилизации, но с ограничениями в изучении феодальной природы его социально-экономических основ.⁴⁸¹ Поэтому, в частности, если советская историческая литература 30—50-х гг. такое большое значение придавала вотчине (круп-

⁴⁷⁸ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство... С. 11—76; *Его же*. Особенности структуры Древнерусского государства // Там же. С. 77—127; Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974. С. 23—50; *Его же*. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // ИЗ. Т. 98. 1972. С. 353—407; Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. 1981. № 2. С. 60—77; Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. 1991. № 2—3. С. 3—20; Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X в. // ДГ, 1992—1993 гг. 1995. С. 33—49; и др.

⁴⁷⁹ Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975; Алексеев Л. В. Полоцкая земля: (Очерки истории северной Белоруссии IX—XIII вв.). М., 1966; *Его же*. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев, 1980; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984; История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994 (авторы раздела о крестьянстве северо-западной Руси X—XII вв. — Е. Н. Носов, М. Б. Свердлов); и др.

⁴⁸⁰ Королюк В. Д. Особенности становления феодализма и формирование раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе // СС. 1970. № 5. С. 3—9; Удальцова З. В. Генезис и типология феодализма // СВ. Вып. 34. 1971. С. 18—38; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Шапов Я. Н. Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975. С. 90—106; История крестьянства в Европе. Т. 1: Формирование феодально зависимого крестьянства. М., 1985 (автор раздела о Руси — Л. В. Черепнин); Т. 2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986 (авторы раздела о Руси середины XII — конца XV в. — Л. В. Черепнин, В. Д. Назаров); История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992 (автор раздела о Древнерусском государстве — А. П. Новосельцев); Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе: (Постановка проблемы) // ДГ, 1992—1993 гг. С. 16—33; и др.

⁴⁸¹ См.: Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении западной медиэвистики. М., 1973.

ному землевладению) в формировании феодального строя, не замечая неземельных феодалов, то в западной науке развилась тенденция усматривать в феодализме строй, основанный на феодалах, тогда как сеньория феодальной не была. Стремление видеть в феодализме определенную модель привело, например, Р. Бутрюша к мнению, согласно которому он начинал «феодальное общество» «в первом очертании» только с XI в., а «феодальный режим» формировался с IX в.⁴⁸²

По наблюдениям М. А. Барга, в современной западной медиэвистике преобладают три основных концепции феодализма. Формально-юридическая сводит историю феодализма к истории вассально-ленных отношений. Государственно-правовая отождествляет феодализм с методом конституирования власти в условиях отсутствия публичных средств власти. Социально-историческая близка к пониманию феодализма как строя, основанного на эксплуатации класса земледельческого классом рыцарским.⁴⁸³ Между тем особое внимание к содержанию феодальных отношений позволило школе «Анналов» выделить в них особое значение вассалитета (оммажа) и феодафьефа (бенефиции) в разных формах с преобладанием словесно-обрядовых процедур, а не письменного слова. Такое понимание «феодализма» позволило удревить его до времени Карла Великого. Он перестал жестоко связываться с системой натурального хозяйства, так что феодальный строй отмечается этим исследовательским направлением на ранней стадии натурального хозяйства и на поздней стадии — с обширными распахами, торговлей, денежным хозяйством, купечеством.⁴⁸⁴ Такой подход, без его абсолютизации, позволяет расширить и углубить анализ феодальных отношений в средневековых социально-политических и правовых институтах, в системе государства и господствующего класса. В данном направлении изучения феодального строя, основанного на феодалах, неземельных и земельных, как было намечено в отечественной исторической литературе А. Я. Гуревичем и Ю. Л. Бессмертным, развивается также исследование общественных отношений в Древней Руси, сохраняя опыт анализа становления и развития господского хозяйства, системы господства и подчинения, основу которых составляли взимание ренты в разных ее формах и внеэкономическое принуждение.

⁴⁸² Boutruche R. Seigneurie et féodalité. 2ème éd. Vol. 2. Paris. 1968.

⁴⁸³ Барг М. А. Проблемы социальной истории... С. 68.

⁴⁸⁴ Le Goff J. Le civilisation de l'occident médiéval. Paris, 1964. P. 124—129; Histoire de la France / Ed. G. Duby. Paris, 1987. P. 107. Книга Ж. Гоффа недавно переведена: Ж. Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 89—94.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историография общественного строя Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. раскрывает содержание длительного процесса познания исторического явления. Объект исследования представляет собой сложную социальную систему. Установление ее элементов, их внутренней структуры и отношений, определение свойственной ей эволюции — труднейшая научная проблема.

Путь изучения общественного строя Древней Руси был обычен: от явления — к сущности. Но содержание этого процесса неоднозначно. С одной стороны, каждое поколение историков вносило свой вклад в накопление исторических источников, их изучение, анализ исторических фактов. С другой стороны, данные факты постоянно переосмыслились в научных обобщениях, а те, в свою очередь, — в концепциях исторического процесса в целом. На этих уровнях обобщений научное исследование становилось составной частью общественного самосознания, осмысления исторического прошлого народа и государства в его прямых и обратных связях с современностью. Каждая эпоха создавала свои комплексы новейших общественно-политических идей, которые существенно изменялись во времени со сменой экономических и социально-политических условий жизни общества и государства. Поэтому обратные связи современности постоянно воздействовали на научный анализ исторического процесса в целом и исторических фактов в частности, несмотря на значительную отдаленность древнерусского периода от нового и новейшего времени, когда этот период изучался. Отсюда — постоянное двуединство исследовательского процесса: прогресс в расширении и изучении источниковой основы исторических исследований, в технике научного анализа, в исторических обобщениях и, с другой стороны, постоянное воздействие социально-политической жизни России XVIII—XX вв. на все эти составные элементы процесса исследования.

Историографический процесс свидетельствует также о постоянном воздействии на изучение общественного строя Древней Руси, как и на историческую науку в целом, философских концепций, осмысливших развитие человечества во времени в наиболее общих закономерностях. Один объект научного анализа в разных, но совмещающихся плоскостях определения законов исторического прогресса стал причиной постоянного обращения историков, в частности при изучении древнерусского периода, к философским концепциям, которые, в свою очередь, воздействовали на постановку исследова-

тельских проблем, отбор источникового материала и его осмысление. Смена господствовавших философских концепций становилась, таким образом, одной из причин, влиявших на теоретическое и конкретное содержание концепций исторических.

Все эти факторы — имманентное развитие исторической науки, воздействие на исторические идеи общественно-политической жизни России в отдельные периоды ее истории в XVIII—XX вв. и философские концепции — создавали единую идейную среду, свойственную «стилю эпохи», определявшую содержание исторических теорий в эти периоды, отбор и интерпретацию содержащихся в них фактов. Такой подход к отечественной историографии общественного строя Древней Руси раскрывает в конкретно-исторической определенности условия возникновения исторических идей, их научное содержание, исследовательские возможности, то есть создает объективные критерии в определении прогресса в исследовательском процессе. Он позволяет раскрыть конструктивный вклад всех научных направлений, основанных на определенных идейных комплексах, на мобилизованных и организованных в соответствии с ними источниковых материалах, и вместе с тем установить принадлежность идей к данным идейным комплексам и тем самым — меру их теоретического и фактического обоснования, степень их новаторства и традиционности, объективности и субъективности. Таким образом раскрываемый историографический процесс показывает содержание путей движения разных теорий от явлений исторической действительности к ее сущности. При этом устанавливается одна из причин их ограничения узким кругом изучаемых явлений, попавших в поле исследования, и абсолютизация их значения. Такой историографический анализ свидетельствует о значительных возможностях тех научных направлений, которые учитывают при изучении общественного строя Древней Руси большее число исторических процессов и явлений, ограничивая или предотвращая субъективизацию выводов. Он указывает также направления и методы предстоящих разысканий.

Историография общественного строя Древней Руси раскрывает сложное содержание изучения этой научной проблемы в постоянной борьбе идей, в прогрессе и регрессе исследовательских направлений, с достижениями и потерями в теории и практике исторических разысканий. При этом устанавливаются критерии прогресса в полноте и комплексности привлечения источников, в глубине источниковедческого анализа, в степени использования исторических фактов и совершенства методики конкретно-исторического исследования, в историко-философских основаниях и понятийном аппарате, используемом в научных дефинициях.

Изучение проблемы общественного строя Древней Руси продолжает развиваться в дискуссиях. Можно полагать, что наибольшие научные возможности содержатся в том научном направлении, которое наиболее полно разовьет данные принципы, приближаясь к познанию сущности этого строя как целостной системы в единстве и взаимодействии всех ее элементов, с учетом конструктивных начал во всех теориях, анализировавших эту систему в разных ее элементах, с разных концепционных позиций, не останавливаясь на поверхности явлений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	—	Археографический ежегодник
ВАН СССР	—	Вестник Академии наук СССР
ВВ	—	Византийский временник
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВИ	—	Вопросы истории
ВИД	—	Вспомогательные исторические дисциплины
ВМУ	—	Вестник Московского университета
ВУИ	—	Варшавские университетские известия
ДГ	—	Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования (с 1994 г. — Древнейшие государства Восточной Европы)
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ЖМЮ	—	Журнал Министерства юстиции
ИАН ООН	—	Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук
ИГАИМК	—	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИЗ	—	Исторические записки
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИМ	—	Историк-марксист
ИСССР	—	История СССР
ЛГПИ	—	Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (ныне — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
МГИАИ	—	Московский государственный историко-архивный институт
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МИВИН	—	Методологические и историографические вопросы исторической науки
НИС	—	Новгородский исторический сборник
ОИ	—	Отечественная история
ПЗМ	—	Под знаменем марксизма
ПИДО	—	Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК	—	Проблемы истории материальной культуры
РАНИОН	—	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГБ ОР	—	Российская государственная библиотека. Отдел рукописей
РИЖ	—	Русский исторический журнал

РНБ ОР	—	Российская национальная библиотека. Отдел рукописей
РЛ	—	Русская литература
СВ	—	Средние века
СГУ	—	Саратовский государственный университет им. П. Г. Чернышевского
СПб. ФИРИ РАН	—	Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук
СС	—	Советское славяноведение
ТОДРЛ	—	Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамович Г. В. 318
 Авдусин Д. А. 275
 Адрианова-Перетц В. П. 240, 277
 Азбелев С. Н. 277
 Аксаков И. С. 112, 113
 Аксаков К. С. 82, 83, 88, 89, 109
 Александр I, рос. император 48, 51, 52, 54, 69
 Александр II, рос. император 99
 Александр III, рос. император 116, 127
 Александр Македонский 247
 Алексеев Л. В. 275, 276, 318
 Алексеев М. П. 21
 Алешковский М. Х. 311
 Алпатов М. А. 18, 83
 Алпатов М. В. 240, 277
 Ангелов Д. 306
 Андреевский И. Е. 107, 112
 Андрей Юрьевич Боголюбский, рус. князь 85
 Аншкин В. П. 277
 Аннинский С. А. 279
 Аргунов П. А. 182, 183
 Аристов Н. Я. 122, 123, 200
 Артамонов М. И. 192, 194, 201, 202, 222, 235
 Арциховский А. В. 190, 194, 204, 206, 232, 236, 239, 240
 Асеев Ю. С. 240, 277
 Асиновская С. А. 87
 Аскольд, рус. князь 54
 Афиани В. Ю. 98
 Ахилл, древнегреч. эпич. герой 247
 Базилиевич К. В. 239, 245—247
 Байер Г. С. 19
 Бакалов П. Ф. 246
 Бакланов Н. Б. 193
 Банк А. В. 193
 Барант, де 60
 Барг М. А. 305, 319
 Барсуков Н. П. 66—70, 76, 80
 Батюшков К. Н. 48
 Бауер Н. П. 236
 Бахофен И. Я. 125
 Бахрушин С. В. 10, 138, 168, 182, 183, 186, 204, 214—218, 223, 226, 229, 230, 232—234, 237, 249, 253—256, 282, 289
 Безбородко М. А. 238
 Безобразов В. А. 129
 Белинский В. Г. 73, 92—94, 164
 Белов Е. А. 133
 Белявский М. Т. 21, 22, 38
 Беляев В. М. 237
 Беляев И. Д. 82, 89, 90, 106, 113, 114, 125, 140, 162, 200
 Беляев П. И. 156
 Бенкендорф А. Х. 67, 69
 Бентам И. 57
 Бессмертный Ю. Л. 259, 305, 316, 319
 Бестужев (Марлинский) А. А. 57, 95
 Бестужев Н. А. 94
 Бестужев-Рюмин К. Н. 71, 89, 117, 178
 Биццли П. М. 184
 Блнфельд Д. И. 238, 240
 Блок М. 81
 Блюменфельд Г. Ф. 133
 Бобринский А. А. 273
 Богданов А. А. 160, 161
 Богословский В. А. 192
 Богословский М. М. 155, 168, 183
 Богусевич В. А. 238, 240
 Болингброк Г. С. Д. 48
 Болтин И. Н. 10, 18, 19, 39—45, 48—50, 56
 Бонсерф П.-Ф. (Boncerf P.-F.) 34
 Борисов А. М. 246
 Бороздин И. И. 154
 Бочаров Г. Н. 273
 Брайчевский М. Ю. 246—248, 269
 Браун А. Х. (Brown A. H.) 38
 Брачев В. С. 181, 300
 Брентано Л. 123
 Бруннер Г. 134, 152
 Брунов Н. И. 240
 Буганов В. И. 231, 308
 Будовниц И. У. 241
 Булгарин Ф. В. 69—71
 Буленвилье (Boulainvilliers, de) 25, 26, 28, 29, 39, 47
 Булкин В. А. 274—276
 Буслав Ф. И. 121
 Бутрюш Р. (Boutruche R.) 319
 Быковский С. Н. 194, 195, 201, 202
 Бюхер К. 140, 190

Вагнер Г. К. 278
 Вайнштейн О. Л. 25, 59, 134, 185, 186, 260
 Вайц Г. 134
 Валк С. Н. (Valk S. N.) 18, 19, 73, 75, 138, 158, 193, 206, 231, 278
 Валуев П. А. 105
 Васильев А. И. 192, 193
 Васильчиков А. И. 102
 Вадуро В. Э. 56
 Вебер М. 184, 185, 187, 261
 Веймарн Е. В. 192
 Велланский Д. М. 73
 Вeneвитинов Д. В. 66, 68, 73
 Венедиктов А. В. 251
 Веселовский С. Б. 10, 138
 Вздорнов Г. И. 277
 Вико Дж. 25, 28, 43
 Виленская Э. С. 125
 Вильгельм Завоеватель, норманд. герцог 33
 Виндельбанд В. 184
 Виноградов П. Г. 134, 139, 140, 161
 Владимир Всеволодович Мономах, рус. князь 296
 Владимир Святославич, рус. князь 23, 24, 36, 37, 215, 216, 294, 308
 Владимирский-Буданов М. Ф. 112, 124, 127, 129—131, 144, 145, 147, 149
 Вознесенский С. В. 189, 193, 208—210
 Волк С. С. 57, 58
 Волконский С. Г. 94
 Вольтер Ф. М. (Voltaire F. M.) 19, 22, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 40, 42—44, 49, 51
 Воронин Н. Н. 193, 194, 204, 232, 235—237, 276, 277
 Вышинский А. Я. 252
 Гадло А. В. 234
 Газганов Эм. 190
 Ганелин Р. Ш. 127
 Гармиза В. В. 106
 Гегель Г. В. Ф. 71, 81, 85, 100
 Гейман В. Г. 237
 Гердер И. Г. (Herder J. G.) 32, 33, 50, 56
 Герцен А. И. 91—94, 121, 122
 Гетц Л. К. 287
 Гиббон Э. 48
 Гизо Ф. (Guizot F.) 57, 59, 60, 63, 65, 68, 73, 77, 94, 95, 121, 140, 141
 Гиллельсон М. И. 56
 Гирке О. 134, 140
 Глезер Е. Н. 192
 Глинка М. И. 67
 Глинка С. Н. 53
 Голиков И. И. 39
 Головачев А. А. 129
 Гольбах П. А. 30, 46
 Горбачев М. С. 258
 Горемькина В. И. 12, 283—286, 301, 317
 Горский А. А. 317

Горский А. Д. 303
 Готье Ю. В. 181
 Градовский А. Д. 109, 110—112
 Грановский Т. Н. 83, 87, 88, 96
 Грасгоф Ф. 21
 Грацианский Н. П. 259
 Гревс И. М. 138, 155, 168, 184, 243
 Греков Б. Д. 10, 11, 13, 168, 182, 190, 192—194, 196—210, 212—215, 217—219, 222—227, 229—237, 239—242, 245—253, 256, 257, 269, 270, 273, 275, 279—281, 282, 286—289, 297, 298, 302, 312
 Громов М. Н. 277
 Громова В. И. 237
 Гронский П. П. 92, 102, 130
 Грушевский М. С. 10, 149, 150, 200
 Гуральник У. А. 115
 Гуревич А. Я. 15, 259, 261—267, 288, 289, 292, 298, 304, 305, 307, 308, 310, 317, 319
 Гутнова Е. В. 134, 135, 259
 Гушин А. С. 201, 232
 Д'Аламбер 20, 22, 26, 141
 Далин В. М. 60
 Данилевский Н. Я. 114—117, 125
 Данилов А. И. 134, 259
 Данилова Л. В. 239, 312
 Д'Аржансон 21
 Д'Аржи Буше 22, 26
 Дворниченко А. Ю. 14, 275, 295, 296, 317
 Державин Н. С. 234, 241
 Десницкий С. Е. 38, 39, 46
 Джаншиев Г. А. 106
 Джервис М. В. 206
 Дидро Д. 19, 20, 22, 26, 32, 35, 51, 141
 Динцес Л. А. 237
 Дир, рус. князь 54
 Дмитриев Л. А. 277
 Дмитриева Р. Ф. 231
 Добиаш-Рождественская О. А. 138, 184, 243
 Добролюбов Н. А. 97, 98, 121
 Довженок В. И. 237, 246—248, 273
 Дош А. 187, 190
 Достоевский Ф. М. 115
 Дробленкова Н. Ф. 231
 Дружинин Н. М. 245, 246
 Дубов И. В. 274—276
 Дубровский С. М. 189, 190
 Дьяконов М. А. 148, 149, 178
 Дьячан В. 132
 Дюбо (Dubos) 25, 26, 28, 34, 43
 Екатерина II, рос. императрица 19, 20—23, 37, 39, 44—46, 48, 69
 Елагин И. П. 45, 48
 Елена Павловна, вел. княгиня 106, 113
 Елисеев Г. З. (Грышко, Грицко) 97, 121, 122

Емельянов Л. И. 277
Епифанов П. П. 249, 250, 253, 255
Ермин И. П. 240
Ерыгин А. Н. 85
Ефименко А. Я. 126, 162, 176
Ефименко П. П. 188, 192
Ефимов А. В. 189

Жданов А. А. 211, 213, 215, 217, 221, 226, 232, 234, 236, 254
Жеребцов Н. А. 97, 98
Жирмунский В. М. 32
Жокур, де (Jaocourt, de) 20, 22, 27, 28
Жуковский В. А. 48

Забелин И. Е. 116, 118—120
Загоскин Н. 133
Задера А. Г. 41
Замалеев А. Ф. 277
Засурцев П. И. 277
Затыркевич М. Д. 105, 112, 116, 126
Зверуго В. Я. 276
Зворонос Н. 306
Змиин А. А. 246, 249, 280—283, 285—287, 289, 301, 307
Зомбарт В. 187
Зоц В. А. 277

Иван III Васильевич, рус. князь 49, 56, 66, 114
Иван IV Васильевич Грозный, рус. царь 43, 142
Иванов Н. А. 71
Игорь Рюрикович, рус. князь 45, 294
Иконников В. С. 40
Иллерицкий В. Е. 18, 94
Иловайский Д. И. 118
Инама-Штернегг К. Т. 134, 140

Кавелин К. Д. 83, 86—88, 91, 110, 121, 125, 143
Каганович Б. С. 16, 138
Каждан А. П. (Každan A.) 258, 306
Кайданов И. К. 56
Кайсаров А. С. 51
Калачев Н. В. 121
Калыгин В. А. 53
Каменский З. А. 74
Карамзин Н. М. 10, 48, 54, 55, 63, 64, 69, 71, 72, 81, 87, 117, 251, 295
Каргер М. К. 192—194, 206, 232, 235, 237, 240, 276, 277
Кареев Н. И. 10, 126, 134, 140, 154, 155, 162
Карл Великий, франк. император 33, 42, 59, 102, 203, 247, 248, 319
Карлов В. В. 275, 276
Карсавин Л. П. 184
Каченовский М. Т. 73

Кашганов С. М. 166, 303—305
Кепштайн Х. 306
Кизеветтер А. А. 142, 157
Кизилов Ю. А. 272, 285, 302
Кинэ Э. 83
Кир, перс. царь 247
Киреева Р. А. 158
Киреевский И. В. 68, 70, 82
Киров С. М. 211, 213, 215, 217, 221, 226, 232, 234, 236, 254
Кирпичников А. Н. 275
Кирпотин В. 115
Кирьянов А. В. 237, 273
Клеванов А. 79—81
Ключевский В. О. 10, 40, 119, 127—130, 132, 138, 139, 143, 145—149, 151, 153, 155—157, 159, 162, 164, 170, 173—176, 178, 179, 181—183, 209, 215, 217, 223, 237, 239, 251, 276
Кобрин В. Б. 14, 300
Ковалев С. И. 188, 202, 207
Ковалевский М. М. 125, 134, 139, 140, 154, 162
Ковальченко И. Д. 158
Козлов В. П. 56
Колесницкий Н. Ф. 305
Колчин Б. А. 238, 273, 274, 276, 311
Кольчева Е. И. 280
Комеч А. И. 277
Кондильяк Э. Б. 22, 48
Констан Б. 57
Константин IX Мономах, визант. император 297
Константин Павлович, вел. князь 48
Конт О. 76, 100, 111, 121, 123, 125, 160
Копанев А. И. 303
Корзухина Г. Ф. 238
Корнилов В. А. 53
Королюк В. Д. 305, 318
Корсуновский А. Р. 259, 260
Корф М. А. 53
Корф С. А. 147, 148
Косминский Е. А. 25, 59, 186, 187
Костеловский В. 75
Костомаров Н. И. 91, 92, 101—105, 107—113, 121, 122, 124, 126, 130
Косточкин В. В. 240
Котляр Н. Ф. 276, 317, 318
Кочеткова Н. Д. 56
Кочин Г. Е. 192, 202, 303
Кошелев А. И. 102, 112, 113
Коялович М. О. 40
Краевский А. А. 80
Кресальный Н. Н. 240
Крестинин В. В. 39
Кривошеев Ю. В. 14, 317
Кривцов С. С. 185
Кричевский Е. Ю. 188
Кудрявцев А. Е. 189
Кудрявцев И. А. 18
Куза А. В. 273, 275, 276
Кузаков В. К. 277
Кузнецов И. В. 222

Кузьмин А. Г. 158, 277
Кулишер И. М. 175
Курбагов Г. Л. 295, 296, 306
Кучера М. П. 276
Кучеренко Г. С. 59
Кучкин В. А. 318
Кушнер П. И. 185

Лавров Н. Ф. 237
Лавров П. Л. 123—125
Лазарев В. Н. 240, 277
Лакнер А. 79, 87
Лампрехт К. 134, 140
Лаппо-Данилевский А. С. 139, 142, 158, 178, 183, 278
Лебедев В. И. 10
Лебедев Г. С. 274—276
Лебедева Г. Е. 306
Левашова В. П. 237
Левек П.-Ш. (Levesque P.-Ch.) 35—37, 50, 56
Ле Гофф Ж. (Le Goff J.) 319
Лейбович Е. С. 201
Леклерк Н. Г. (Le Clerc N. G.) 35—37, 40, 41, 43, 56
Лелеков Л. А. 277
Ленин В. И. 15, 16, 134, 164—169, 187, 188, 195, 211, 212, 221, 222, 257, 280, 298
Ленорман Ш. Л. 83
Леонтович Ф. И. 116, 117, 178
Леонтьев А. Е. 275
Лешков В. Н. 89, 102
Лидак О. А. 189
Лимберт А. 133
Лимонов Ю. А. 231, 277
Линиченко И. А. 132
Липшиц Е. Э. 192
Литаврин Г. Г. 306, 307
Лихачев Д. С. 15, 158, 231, 237, 240, 243, 244, 252, 277, 278
Лобашев М. Е. 237, 238
Ломоносов М. В. 18, 19, 21, 40, 48
Лукин М. С. 94
Лурье Я. С. 231, 277
Лысенко П. Ф. 276
Львов А. Ф. 67
Любавский М. К. 10, 155, 156, 168
Люблинская А. Д. 258, 259
Люшер А. 140
Ляпушкин И. И. 273, 274
Лященко П. И. 175, 244, 245, 256

Мабли Г.-Б., де 20, 22, 30, 48
Мавродин В. В. 11, 167, 192—194, 198, 201, 202, 206, 230, 235, 237, 238, 241, 253—256, 272, 273, 275, 301
Макарова Т. И. 274
Макова Е. С. 305
Максимейко Н. А. 183
Мальшев А. 190

Мальм В. А. 237, 238
Мальцева И. Ф. 167
Марар А. В. 10
Маркс К. (Marx K.) 111, 125, 134—137, 140, 187—189, 195, 203, 211—213, 215, 216, 221, 222, 263, 295, 298, 303, 310
Мармонтель Ж.-Ф. 22
Марр Н. Я. 206, 234, 247, 271
Мартынов М. Н. 201, 202, 241
Маурер Г.-Л. 123, 134, 135, 139, 142
Мезенцева Г. Г. 276
Мейман М. Н. 269
Мейн Г. Д. С. 123, 125, 134
Мельникова Е. А. 318
Миллер Г. Ф. 19
Милов Л. В. 303, 309
Мильская Л. Т. 259
Милкоков П. Н. 40, 114, 151, 153—155, 157, 168
Мишотин Н. А. 105, 106
Минье Ф. А. (Mignet F. A.) 57, 60, 63
Мирабо О. Г. Р. 22
Миролюбов М. А. 273
Мирошниценко П. Я. 246
Михайловский Н. К. 123, 125, 126, 167
Мишле Ж. 83
Могильницкий Б. Г. 134
Молок А. И. 21
Молотов В. М. 221
Монгайт А. Л. 276
Монтескье Ш. 19, 21, 26—28, 30, 32, 34, 36, 43, 48, 51, 81, 316
Морган Л. 135
Муравьев В. А. 13, 150, 156, 157
Муравьев М. Н. 48, 49, 56
Муравьев Н. М. 64

Надеждин Н. И. 73, 74
Назаров В. Д. 318
Нардова В. А. 106
Насонов А. Н. 231, 240, 302
Неволин К. А. 251
Некрасов А. А. 193
Некрасова Е. К. 193
Неусыхин А. И. 187, 254, 259, 260—267, 283, 287, 290—292, 295, 297, 299, 300
Нечаева В. С. 115
Нечкина М. В. 61, 127
Нибур Б. Г. 121
Никитин А. Л. 19
Никитский А. И. 116
Николаева А. Т. 19
Николаева Т. В. 274
Николай I, рос. император 67, 77, 80
Николай II, рос. император 127
Никольский Н. М. 161
Новиков Н. И. 47, 57
Новосельский А. А. 231
Новосельцев А. П. 271, 277, 285, 318
Носов Е. Н. 275, 276, 318
Носов Н. Е. 303
Носов С. Н. 81

- Огарев Н. П. 94, 121
Одоевский В. Ф. 73
Олег, рус. князь 294
Ольга, рус. княгиня 216
Ольденбург С. Ф. 192, 193
Орбели И. А. 193
Орлик О. В. 67, 80
Орлов А. С. 241
Осипова К. А. 306
Осват А. Л. 115
Острогорский Г. А. (Ostrogorsky G.) 306
- Павлов М. Г. 73
Павлов-Сильванский Н. П. 9, 11, 13, 126, 138—144, 147, 150—158, 160—162, 166, 171—176, 180—183, 209, 211, 218, 225, 228, 254—256, 265, 266, 282, 292, 301
Пархоменко В. А. 230
Пассек В. В. 133
Пашуто В. Т. 239, 241, 246, 248, 274, 277, 285, 312, 318
Пестель П. И. 58, 60—65, 73, 94
Петрашевский М. В. 95
Петрухин В. Я. 276
Петрушевский Д. М. 10, 134, 139, 155, 184—187, 190, 261
Пештич С. Л. 18, 22, 23, 39, 41, 45, 46, 50
Пирумова Н. М. 106
Писарев Д. И. 121
Пискорский В. К. 134, 155
Платонов С. Ф. 155, 156, 168, 180, 181, 278
Плеханов Г. В. 40, 60, 72, 74, 124, 125, 163, 164, 166
Победоносцев К. П. 116, 127
Погодин М. П. 66, 68—70, 77—81, 98, 110, 163
Подвигина Н. Л. 276
Подобедова О. И. 277
Покровский М. Н. 10, 101, 139, 161—163, 172—176, 179, 181, 185, 186, 200, 209, 210, 212, 215, 218, 219, 223, 224, 243, 244, 294
Покровский Н. Н. 303
Покровский С. А. 11, 241, 279, 280
Полевой Н. А. 64—66, 68, 72, 73, 86, 87, 95, 117, 172
Полосин И. И. 182
Попов В. П. 115
Попова О. С. 277
Попугаев В. В. 51
Поршнева Б. Ф. 307
Постышев П. П. 210
Прадт Д. 57
Предгеченский А. В. 53, 246
Преображенский А. А. 308
Пресняков А. Е. 10, 16, 98, 138, 150—152, 168, 176—182, 213, 242, 278, 295
Пригожин А. Г. 187, 189, 190, 193, 203, 204, 206, 219
Приселков М. Д. 230, 231
- Прозерский В. В. 76
Пропт В. Я. 271, 277
Прыжов И. Г. 122
Пугачев Е. И. 37, 44
Путилов Б. Н. 277
Пушкин А. С. 21, 74
Пушкина Т. А. 275, 276
Пыпин А. Н. 22, 53
Пьянков А. П. 246, 278, 279, 280, 283, 301, 317
- Рабинович М. Г. 276
Равдоникас В. И. (Raudonikas W.) 188, 190—193, 227, 240, 274
Радищев А. Н. 47, 57, 58
Ранке Л. 83
Рапов О. М. 309
Раппопорт П. А. 240, 277
Ревунскова Н. В. 27
Реизов Б. Г. 58—60
Рейналь Г.-Т. (Reynal G.-Th.) 22, 35, 43
Рейн А. (Reutz A.) 75, 98
Ремпель Л. И. 277
Репников Н. И. 193
Риер Я. Г. 317
Рижерт Г. 184
Риттер К. 83
Робертсон У. (Robertson W.) 30, 31, 38, 48
Робинсон А. Н. 237, 277
Рогов А. И. 277
Рождественский С. В. 168
Рожков Н. А. 10, 139, 159—162, 169—172, 175, 176, 179, 180, 209, 211, 215, 237, 254, 266, 294, 296
Розенталь Н. Н. 188, 193
Розов Н. Н. 277
Романов Б. А. 204, 236, 241, 242, 252, 256, 272, 286
Романова Е. Д. 254, 286, 287
Рот П. 134, 135
Рубинштейн Н. Л. 10, 18, 40, 46, 56, 75, 83, 109, 142, 143, 153, 158, 181, 182, 216, 226, 286, 287, 289, 292
Рыбаков Б. А. 190, 202, 232, 236—240, 260, 269, 270—277, 294, 302
Рылев К. Ф. 57
Рычков П. И. 39
Рюриков, рус. князь 36, 39, 47, 50, 54, 55, 57, 63, 70, 71, 214
- Савиных Ф. К. 68
Самарин Ю. Ф. 70, 106, 113
Самоковасов Д. Я. 132
Сахаров А. М. 167, 309
Сахаров А. Н. 277, 303
Свердлов М. Б. 16, 276, 303, 310, 312—318
Световидов А. М. 237
Свиринов А. Н. 274
Святослав Игоревич, рус. князь 49, 56, 66, 216, 294
- Седельников А. И. 259
Седов В. В. 275
Седова М. В. 274
Сей Ж. 57
Сен-Симон А. 59, 60, 61, 63
Сенковский О. И. 72
Сергеева Т. Д. 261
Сергеевич В. И. 105, 107—113, 117, 122, 124, 127, 129, 130—132, 139, 144—147, 151, 153, 162, 178, 239, 251, 290, 294
Середонин С. М. 244
Сибом Ф. 134, 140
Симон де Сисмонди (Simonde de Sismondi J. C.) 60, 63
Симонов Р. А. 277
Сказкин С. Д. 269
Скворцов-Степанов И. И. 160
Смирнов И. И. 12, 192—194, 196, 201, 202, 207, 208, 222, 223, 230, 232, 233, 246, 272, 281, 283, 286, 289, 301, 303
Смирнов П. П. 222, 223, 230, 232, 283
Смит А. (Smith A.) 31, 32, 38, 136
Созин И. В. 269
Соколов В. Ю. 189
Соколов Н. П. 260
Соколова М. Н. 260
Соколовский П. А. 126
Соловьев С. М. 56, 79, 83—89, 91, 96, 98, 101, 102, 104, 105, 112, 118, 121, 122, 126—128, 129, 130, 138, 139, 143, 151, 156, 167, 178, 181, 251
Солон, афин. гос. деятель 296
Сомов В. А. 36
Спегальский Ю. П. 277
Спенсер Г. 100, 123, 125
Сперанский М. М. 51—54, 65, 73, 112
Срезневский И. И. 121
Сталин И. В. 14, 195, 196, 204—206, 210, 213, 215, 217, 218, 221, 222, 226, 230, 232, 234, 236, 245, 247, 248, 250, 253—255, 257, 258, 266, 278
Столпняк-Терешкович В. В. 239
Сторожев (Стороженко) В. Н. 154, 161
Страхов Н. Н. 115
Стриттер И.-Г. 19
Строев П. М. 53, 56
Строев С. М. 73
Струве В. В. 168, 201
Струве П. Б. 168
Струмилин С. Г. 237
Сумароков А. П. 48
Сухомлинов М. И. 40
Сыромятников Б. И. 156, 168, 241
Сычев Н. П. 192
Сэ А. 134
Сюзюмов М. Я. 306
- Тайлор Э. Б. 125
Тараканова С. А. 240
Тарановский Ф. В. 152, 153
Тарле Е. В. 168
Тарновский К. Н. 250
Татищев В. Н. 16, 19, 40, 45, 48, 295, 315
- Тацит П. К., древнерим. историк и гос. деятель 26
Творогов О. В. 277
Тимченко Н. Г. 273
Тиханова М. А. 235, 237
Тихомиров Б. Н. 190
Тихомиров М. Н. 18, 181, 223, 231, 238—240, 250, 257, 275, 277
Тихонов Ю. А. 308, 309
Ткачев П. Н. 123, 125
Тоддес Е. А. 74
Тойбин И. М. 68, 74
Толочко П. П. 274—277, 318
Томашевский Б. В. 74
Топоров В. Н. 271
Третьяков П. Н. 190, 193, 194, 236, 241
Троцкий И. М. 201
Трубачев О. Н. 271
Трумен Г. 234
Тургенев Н. И. (Tourgueneff N.) 53, 58
Тугова А. Ф. 98, 157
Тьер А. (Thiers A.) 60, 63
Тьерри О. (Therry O.) 57—63, 73, 77, 94
Тюрин А. Ф. 90
- Уваров С. С. 67, 68, 76, 77
Удальцов А. Д. 185, 234
Удальцова З. В. 306, 318
Успенский Ф. И. 184, 306
- Федор Иванович, рус. царь 23
Федосов И. А. 46
Фейербах Л. 96
Фергюсон А. 48
Филатов В. В. 154
Фляк А. 134, 185
Фоменко И. Ю. 48
Фонвизин М. А. 94
Фонтенель В. 21
Фор Э. 34
Фридлянд Ц. 185, 186
Фролов Э. Д. 295
Фроянов И. Я. 12, 13, 16, 237, 238, 245, 254, 255, 268, 275, 287—301, 308, 317
Фюстель де Куланж 134, 139, 140, 144
- Хальбан-Блюменшток А. 152
Хвостова К. В. 306
Херрманн И. 317
Хлебников Н. И. 104, 105, 112, 126
Хмельев Л. Н. 158
Холостенко Н. В. 240, 277
Хомяков А. С. 77, 82, 83, 88
Худяков И. А. 122, 123
Худяков М. В. 206
Хунгер Х. 306
- Цалкин В. И. 237, 238, 273
Цамутали А. Н. 101, 105, 109, 122, 123, 143, 153, 156
Цвибак М. М. 192—194, 196, 198, 199,

201, 204—206, 208, 209
Цезарь Г. Ю., древнерим. гос. деятель
26, 247, 248
Цемш Н. С. 193
Цимбаев Н. И. 68, 81, 83, 114

Чаадаев П. Я. 68, 72
Чаев Н. С. 237
Черепнин Л. В. 13, 18, 46, 140, 167, 231,
241, 246, 248, 251, 252, 257, 262, 265,
277, 281—283, 285, 287—289, 301—
303, 307—309, 316, 318
Черкасов Н. К. 221
Чернецов А. В. 273
Чернов С. Н. 201—203
Чернуха В. Г. 106
Черных П. Я. 237
Чернышевский Н. Г. 92, 95—97, 121—123
Черчилль У. 234
Чирков С. В. 13, 143, 150
Чистякова К. В. 167
Чичерин Б. Н. 87, 88, 102, 109, 110, 121,
122, 139, 143, 153, 156, 160, 251
Чулков М. Д. 39

Шанский Д. Н. 19, 21, 36, 41, 43
Шапиро А. Л. 18, 25, 41, 140, 153, 161,
163, 167, 303, 304, 308
Шапп д'Отрош (Chapp d'Auteroche) 21, 22
Шаскольский И. П. 11
Шахматов А. А. 158, 168, 231
Шашков С. С. 121
Шебунина А. Н. 16, 74
Шевырев С. П. 68—71, 77, 80, 81, 84,
110, 163
Шелгунов Н. В. 121
Шелковников Б. А. 273
Шеллинг Ф. В. И. 71, 73, 74, 81, 83
Шереметев С. Д. 156
Шестаков А. В. 215, 221, 222, 230, 232,
283

Шикло А. Е. 65, 158
Ширина Д. А. 190
Шлецер А. Л. (Schlözer A. L.) 10, 19, 50,
56, 66, 75
Шлоссер Ф. 83
Шмидт Р. В. 188
Шмитт Ф. И. 193
Шмурло Е. 23
Шпилевский С. М. 92
Штендер Г. Н. 277
Штранге М. М. 44
Штыхов Г. В. 276

Щапов А. П. 101, 122
Щапов Я. Н. 98, 289, 307—308, 318
Щапова Ю. Л. 274
Щегловитов И. 111
Щербатов М. М. 18, 19, 45—48

Эверс И. Ф. Г. (Ewers J. Ph. G.) 66, 75,
83, 86, 98
Эйзенштейн С. М. 221
Элькина И. М. 21
Энгельс Ф. 134—136, 140, 187, 188, 195,
202, 212, 213, 217, 218, 222, 253, 257,
258, 298, 299

Югов А. К. 247
Юм Д. 46, 48
Юрий Владимирович Долгорукий, рус.
князь 85
Юстиниан, визант. император 19
Юшкевич А. П. 277
Юшков С. В. 10, 12, 175—177, 179, 181,
183, 222, 226—233, 234, 239, 246, 247,
249, 250, 252, 253, 255—257, 265, 270,
274, 275, 282, 283, 288, 290, 294, 295,
302, 307, 316

Языков Д. 50
Яковлев А. И. 233, 234, 245, 283
Якубинский Л. П. 201
Якубовский А. Ю. 193
Якубцинер М. М. 237
Ян Вышатич, боярин 102
Янин В. Л. 273, 274, 276, 277, 310—312
Ярослав Владимирович Мудрый, рус.
князь 37, 71, 86, 215, 216, 297
Ярославский Е. М. 221, 223

Bastier J. 34
Bodin F. 60
Constable G. 306
Duby G. 319
Jarosch G. 50
Kelley D. R. 24
Knoph J. T. 17
Magnou-Mortier E. 81
Mazon A. 36
Muhlfordt G. 50
Soboul F. 34
Winter E. 50

STUDIORUM SLAVICORUM MONUMENTA

Tomus 10

Михаил Борисович Свездлов

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ в русской исторической науке XVIII—XX веков

Редактор издательства В. Д. Кен
Художник Р. П. Костылев
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры И. А. Динабург, Е. М. Буланина

ЛР № 061824 от 23.11.92 г.

Сдано в набор 11.09.1995. Подписано к печати 5.04.1996.
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 21. Уч.-изд. л. 24,3.
Тираж 2000. Заказ № 3115

Издательство «Дмитрий Буланин»

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия В. О., 12